Региональная общественная организация
«Сообщество профессиональных социологов»

Институт географии РАН

Кафедра общей социологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ПОТЕНЦИАЛ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА:

ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ,СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

К 15-летию Угорского проекта

Под редакцией Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой

Москва • Логос • 2014

УДК 332.12+ 631
ББК 65
П64

Рекомендовано к печати Ученым советом Института географии РАН

Рецензенты:
А.И. Алексеев, доктор географических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
С.Н. Смирнов, доктор экономических наук, директор Института социальной политики и социально-экономических программ НИУ ВШЭ

П64 Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта: колл. науч. монография / сост. и под ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. – М.: Логос, 2014. – 496 с.

ISBN 978-5-98704-714-9

Представлены результаты комплексного исследования социально-экономических, социально-географических, экологических, социокультурных и демографических процессов, протекающих в последние 20 лет в пространстве староосвоенных территорий Ближнего Севера Европейской части России. Рассмотрены современное состояние городов и сельской местности, проблемы кризиса сельского хозяйства, вопросы динамики, естественной убыли и миграции населения, показаны пути адаптации населения к новым социально-экономическим условиям жизни. Исследованы проблемы развития бизнеса и роль городских дачников в сохранении умирающих деревень, особенности инфокоммуникаций и медиапотребления сельских жителей. Рассмотрены вопросы биоразнообразия, природного и социального капитала региона, предоставления экосистемных услуг. Оцениваются возможности рекреационного использования Заволжья и развития экологического туризма. Показано противоречивое влияние глобализации на сельскую экономику и общество. Особое внимание уделено анализу ситуации в Мантуровском районе Костромской области, и особенно в Угорском-Леонтьевском сельском поселении, ставших основным полигоном исследований по междисциплинарному «Угорскому проекту».

Для ученых и преподавателей социологических, экономических, географических и других специальностей, студентов, руководителей аппарата управления, лиц, принимающих решения, и всех тех, кому небезразлично будущее этой огромной территории.

УДК 332.12+ 631
ББК 65

ISBN 978-5-98704-714-9

© Региональная общественная организация «Сообщество профессиональных социологов», 2014
© Авторы, указанные во Введении, 2014
© Логос, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Угорский проект – ключ к пониманию Ближнего Севера 5

ЧАСТЬ I. Ближний Север: территория, люди и хозяйство 15

Глава 1. Социально-экономическое пространство Ближнего Севера 15
Глава 2. Сельские сообщества Ближнего Севера: экономические уклады, модели социальных отношений, демографические процессы 73
Глава 3. Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север 123
Глава 4. Пространственная мобильность населения и роль дачников на Ближнем Севере 140
Глава 5. Медиапотребление и «конструированная реальность» жителей северного села 167
Глава 6. Взаимоотношения бизнеса и власти на местном уровне 212
Глава 7. Мироощущение сельского жителя-костромича. 239

ЧАСТЬ II. Социальная экология Ближнего Севера 258

Глава 8. Индикаторы устойчивого развития и природный капитал как фактор модернизации Ближнего Севера 258
Глава 9. Биоразнообразие, социальный капитал и потенциал развития Ближнего Севера 306
Глава 10. Экологический туризм в регионах Ближнего Севера: потенциал, современное развитие и перспективы 354
Глава 11. Ветлужско-Унженское полесье: возможности экологического туризма 398
Глава 12. Разнообразие зоокомплексов в бассейнах Унжи и Ветлуги и их значение для рекреации, экологического туризма и образования 423

ЧАСТЬ III. Ближний Север как часть большой картины мира 451

Глава 13. Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории) 451

Заключение 486

ВВЕДЕНИЕ

Угорский проект – ключ к пониманию Ближнего Севера

От глобального к локальному

Мир XXI века рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век прошлый. По сути, новое столетие, эпоха посткапитализма предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной. Постмодернистский хаос обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя всем современным сообществам под именем глобализации.

Процесс изменений не только влияет на общество в целом и его макроструктуры, но и проникает во все микроструктуры, включая семью, малые сообщества и даже повседневность. Это разгерметизирует прежде закрытые социальные образования и делает их функционирование подверженным «всем ветрам извне». Образуются новые сетевые структуры деятельности, общения и социального контроля. Это влечет за собой и изменение восприятия. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных и экономических структур. Тесная связь макро- и микроуровней происходящих изменений прослеживается всюду. В данной книге они показаны на примере, казалось бы, сугубо локального Угорского проекта, который отражает проявление многих глобальных процессов.

Однако между глобальным и локальным уровнями существует много ступеней. Это и место России в глобализационных процессах, и специфика ее зон и регионов (субъектов Российской Федерации), это и типовые внутрирегиональные различия.

Село Угоры расположено в срединном Мантуровском районе Костромской области в 230 км от Костромы. Это типичный Ближний Север – зона, прежде гораздо более заселенная и, в отличие от Дальнего Севера, земледельчески освоенная, а ныне в значитель-

ной степени опустевшая. Ее южная граница, как отмечал, например, В.Н. Калуцков, связана с распространением северорусского типа домов и северорусского наречия. Сюда можно отнести часть Нечерноземья: Новгородскую, Вологодскую, Костромскую и Кировскую области, а также восток Псковской и Ленинградской, юг Архангельской, север Тверской, Ярославской и Нижегородской областей.

Угорский проект – история возникновения

Угорский проект возник и развивался постепенно, «снизу вверх», как растет дерево, можно сказать, естественным образом.

В 1996 г. Н.Е. Покровский, в то время профессор социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, решил приобрести для дачного пользования сельский дом на максимально разумном удалении от Москвы. После консультаций со знакомыми, имевшими опыт дальней дачной жизни, и поездок в Вологодскую область его выбор все же пал на область Костромскую, а именно на деревню в Мантуровском районе на правом берегу среднего течения реки Унжа – притока Волги. Решающим фактором этого выбора стала природная эстетика, а также ландшафт, трудно передаваемая словами духовная атмосфера деревень, полей, таежных лесов, реки Унжи, всегда открытого огромного неба. Все это завораживает горожанина и, можно сказать, приковывает намертво.

После приобретения традиционной избы (1918 г. постройки) и земельного участка, к ней придававшегося, для Н.Е. Покровского начались деревенские университеты бытового обустройства жизни в абсолютно новой среде, ремонты, перестройки, налаживание связей с односельчанами и местным начальством. Главное впечатление от первых лет, сохранившееся и поныне, – это чувство свободы самореализации[1]. После города, тем более столичного мегаполиса, где все зарегулировано и регламентировано, деревня – по крайней мере, вначале – предстает для горожанина зоной свободы, где в об-

[1] «Кейс Покровского» довольно симптоматичен. Его траекторию в той или иной степени проходили все ныне немалочисленные городские обитатели деревни Медведево Угорской (объединенной недавно с Леонтьевской) сельской администрации. Сходное воздействие испытывают и участники международных научных конференций, уже не первый год проводимых на базе Сообщества профессиональных социологов в Медведево. От первой реакции: «Зачем мы здесь, в этом захолустье?» следует быстрый переход к высказыванию: «Как тут замечательно, ни на что не похоже, испытываем особое чувство восторга, нельзя ли купить дом?». Во всем этом нет никакой мистики, зато есть определенная логика психологического плана, в общих чертах обозначенная в классическом философском трактате Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу».

щем и целом все возможно и доступно, будь на то воля и сравнительно скромные средства.

После нескольких лет, проведенных в летние сезоны в деревне, стали возникать замыслы подвергнуть окружающий деревенский уклад жизни научному анализу. Если прежде у Н.Е. Покровского все делилось надвое: в Москве – профессиональная работа, наука, преподавание, а в деревне – отдых, приватная сфера личных интересов, то довольно скоро эти сферы стали сливаться[2]. Замысел исследования изначально не подразумевал «крестьяноведческой» направленности, т.е. изучения крестьянских сообществ в качестве самодовлеющей и самоценной социально-исторической общности. Интересовали признаки, индикаторы проявления общеглобализационных процессов на микроуровнях крестьянской повседневной жизни: теоретические аспекты глобализационной матрицы в той мере, в какой они реализуют себя в самых низовых и периферийных социальных общностях.

Итак, начало Угорского проекта – наглядный пример того, как случайная покупка деревенского дома в Костромской области постепенно способствовала перерастанию первоначальной чисто рекреационной мотивации горожанина в нечто большее, в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села.

С начала 2000-х гг. исследовательский замысел Н.Е. Покровского стал поддерживать Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), что позволило привлекать коллег, организовывать ежегодные междисциплинарные экспедиции в Костромскую область и проводить исследования, издавать книги.

Все больше московских (и не только московских) ученых стало приезжать с научными целями в маленькую деревеньку Медведево в Угорской сельской администрации, а деревенский дом постепенно превратился в научный центр. Проект развивался на базе Сообщества профессиональных социологов с привлечением экономистов, философов, психологов. Сложилась междисциплинарная группа исследователей, в которую первоначально входили и в большинстве своем по-прежнему входят психолог В.Ф. Петренко, социолог-крестьяновед В.Г. Виноградский, экономисты С.Н. Бобылев, А.З. Бобылева, социобиологи Л.М. Баскин, В.С. Зайцев,

[2] Сегодня можно констатировать, что обе сферы значительно интегрированы друг с другом. Деревня превратилась в поле профессиональной самореализации научных интересов (и в меньшей степени в место чистой рекреации), здесь же из отдельных компонентов складывается учебный процесс (приезжают на практику студенты, магистры, аспиранты), а также в поле международных научных обменов (зарубежных коллег в немалой степени интересуют именно глубинные районы России, а не аудитории московских университетов и конференц-залов).

Е.С. Преображенская, кинооператор и фотограф В.Н. Иванов, а также присоединившиеся позже социогеографы Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш, А.В. Дроздов, демограф М.Б. Денисенко, специалист по муниципальному управлению Ю.М. Плюснин, историк и экономист У.Г. Николаева и другие коллеги. В исследовательской группе представлены специалисты, работающие в ведущих столичных и региональных университетах России и институтах РАН.

Ученых, помимо теоретических аспектов, интересовало нынешнее состояние глубинной российской деревни с ее традиционным укладом, сложными проблемами и перспективами на будущее, но не в качестве изолированной социальной группы, а как органичной составной части всей социальной структуры общества. Ведь не секрет, что для коренных жителей больших городов и особенно Москвы деревня – это загадочный континент. При его упоминании взгляд просвещенных столичных жителей обычно мутнеет, и следуют типовые вопросы: «А там все пьют с утра? А зимой ваши дома обворовывают дочиста?» Иногда складывается впечатление, что горожане вообще не прочь забыть о самом существовании сельской России как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации. А ведь это ни много, ни мало 38 миллионов только условно постоянных жителей (без дачников). К тому же остров слишком велик и разнообразен, чтобы его хоронить. Для тех, кто обладает хотя бы самыми начальными познаниями в области социологии, самоочевидно, что сельская Россия не может быть подвергнута аннигиляции, забыта и перечеркнута. Она зримо и незримо воздействует на все остальное, т.е. городское общество, даже если оно о том и не подозревает.

Во всех этих и еще многих других вопросах группе ученых захотелось разобраться, отделяя традиционалистские и новейшие мифы от реальности. Непрекращающийся кризис районов Ближнего Севера, перешедший в хронику, налицо. Сама констатация кризиса ничего не дает, но разобраться в его истоках и протекании самой болезни более чем важно. При этом, шаг за шагом исследуя нисходящую траекторию развития не только в последние 20 лет, но и в течение многих десятилетий XX в., участники проекта одновременно видели, сколь значителен потенциал этих регионов, измеряемый не сиюминутной экономической выгодой, а последствиями перспективной трансформации экономики и социальной жизни.

Первые тезисы проекта включали следующие представления (сформулированные Н.Е. Покровским еще в 2004 г.):

1) в современной России город и село принадлежат к двум разделенным континентам социального уклада и живут раздель-

ной жизнью, в асинхронных ритмах протекания социального времени;

2) в стране возникают смешанные сельско-городские сообщества, обозначающие формирование нового уклада новых социальных сил общества;

3) эти тенденции вписываются в глобализационный дискурс современности.

Первые наблюдения были сделаны на фоне общей депрессии сельской жизни и особенно сельского хозяйства периферийных районов Нечерноземья в 1990–2000-е гг., которые не только не привели к окукливанию местного мирка, но как раз наоборот – способствовали подключению его к глобальным процессам.

Производство сельскохозяйственной продукции снизилось до критических величин, и назвать его товарным рыночным крайне трудно, многие поля остаются незасеянными и зарастают кустарником и лесом. При этом остается все меньше спелых лесов. Однако на этом фоне парадоксальным образом в села шагнули современные технологии. Сотовые телефоны стали повседневностью, хотя власти, запоздало истратив уйму денег, поставили посреди каждой деревни стационарный телефон, который всюду зарос травой, поскольку им никто не пользуется. Во многих местах стал доступен Интернет. Над сельскими избами то тут, то там громоздятся тарелки спутникового телевидения. К этому добавляется экспансия современных форм потребления, разнообразие которых демонстрирует районный центр с его современными магазинами и обширным ассортиментом товаров, не уступающим московскому. Продолжается автомобилизация населения. Перед многими сохранившимися деревенскими домами стоят автомобили. При этом сильно отстает инфраструктура, в том числе дороги, даже федеральные, медицинское обслуживание и образование находятся на грани уничтожения. Зато пенсионное обеспечение на высоте, что сделало сельских пенсионеров при их пониженных тратах на продовольствие при собственном огороде привилегированной кастой доходоприносящих граждан. Такой поворот событий приводит к свертыванию местной экономики, превращению сельских сообществ в сугубо дотационный сегмент в структуре нефтяной экономики страны.

Эти контрасты обусловили и первые направления исследований по Угорскому проекту[3]. Они были связаны с поисками ответов на

[3] Название «Угорский проект» утвердилось в середине 2000-х гг. Оно носит формально-неформальный характер и включает в себя помимо чисто научного ядра, описанного выше, более широкие научные практики, элементы социального проектирования, просветительства, благотворительности.

вопросы: 1) обретает ли сельское население при сокращении численности некий внутренний баланс? 2) привлечет ли пустеющая сельская местность новые инвестиции и новые локомотивы развития? 3) как относиться к новой волне горожан, что их привлекает и как можно регулировать эти процессы институционально и экономически, чтобы создать стимулы развития сельской местности?

Ответы на эти вопросы и обусловили круг задач, которые решались в рамках Угорского проекта.

Основные задачи Угорского проекта

1. *Обоснование ограниченности интерпретации природного капитала только как природных ресурсов* (руководитель – доктор экономических наук С.Н. Бобылев, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

2. *Изучение природы Костромской области, истории природных промыслов, включая охоту, собирательство, влияние изменений природной среды на места обитания животных и их поведение* (руководитель – доктор биологических наук Л.М. Баскин, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН).

3. *Исследование особенностей проникновения глобализационной модернизации в разреженное депопулировавшее пространство, создание модели намечающейся новой волны миграции из городов в экологически чистые районы Ближнего Севера, «дауншифтинга» в среде нарождающегося городского среднего класса* (руководитель – доктор социологических наук Н.Е. Покровский, НИУ «Высшая школа экономики»).

В 2006 г. к проекту присоединились географы, добавились и новые подходы, связанные с полимасштабным изучением возможностей и ограничений развития Ближнего Севера и выявлением его пространственного разнообразия. Для России поддержание экономической активности и инфраструктуры на огромных пространствах периферии регионов всегда было большой проблемой, особенно в Нечерноземье. Но и само Нечерноземье – это не гомогенное образование, его районы сильно различаются в зависимости от особенностей исторического развития, степени удаленности от центра региона и основных осей развития. Отсюда расширение исследовательских задач.

4. *Определение, для какого типа районов России и для какой территории репрезентативен Угорский проект, а также выявление конкретных моделей современного развития сельских территорий Ближнего Севера, перспектив хозяйственного ре-освоения и анализ*

новых социальных структур дачного заселения удаленных деревень (руководитель – доктор географических наук Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН). Специфика задачи состояла в том, чтобы посмотреть, как новые модели сочетаются с прежними и внедряются при происходящем спонтанно пространственном сжатии ранее освоенных территорий.

Дачная рекреация горожан может стать новым стимулом сохранения многих нечерноземных деревень. Главным экономическим ограничителем служит неразвитая дорожная и социальная инфраструктура периферийных территорий, а демографическим – убыль местного населения, так как без местного населения дачники в таких удаленных местах долго не задерживаются. Однако действия властей по укрупнению сельских поселений приводят лишь к усилению оттока местного населения, а за ним и дачников и полному запустению огромных староосвоенных территорий.

5. *Исследование социально-демографических закономерностей и в первую очередь процессов депопуляции сельского населения в Костромской области* (руководитель – кандидат экономических наук М.Б. Денисенко, НИУ «Высшая школа экономики»; соруководитель группы – доктор экономических наук У.Г. Николаева, МГУ им. М.В. Ломоносова).

6. *Возможности туристического развития в пространстве столь живописных мест* (руководитель – кандидат географических наук А.В. Дроздов, Институт географии РАН). Это особая исследовательская задача, учитывая наличие главной оси, связующей обширную территорию – реку Унжу с ее песчаными пляжами и лесистыми берегами, а также заповедные природные участки (Кологривский лес), старинные города и сохранившуюся классическую архитектуру сельских домов Ближнего Севера.

Перспективы Угорского проекта

Ближний Север заключает в себе огромный потенциал развития, связанный с новой организацией экономической и социальной жизни в контексте постиндустриального общества. При этом все то, что здесь сейчас ценится меньше всего, в перспективе приобретет наивысшую ценность и востребованность. Именно поэтому Угорский проект сочетает как объективный анализ современной ситуации и возможного ближайшего будущего, так и социальное моделирование того, что здесь может быть.

Исследования по Угорскому проекту находят широкий отзыв у научной общественности самых разных направлений. Ежегодно

издаются сборники статей по результатам научных исследований. Его результаты активно используются и в других публикациях участников проекта. Работает сайт www.ugory.ru.

В настоящее время в деревне Медведево действует научно-исследовательская база Сообщества профессиональных социологов. На ней, помимо ежегодных экспедиций, проводятся полевые практики студентов и аспирантов факультета социологии и факультета медиакоммуникаций Высшей школы экономики, факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, научных институтов РАН. Кроме того, в Медведево построена база факультета государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ, организующая практику студентов и магистров, другие мероприятия. Деревня Медведево избрана полигоном для летней практики и научных исследований факультетом медиакоммуникаций НИУ ВШЭ.

Пятый год в небольшой деревушке Медведево проводятся ставшие традиционными международные научные конференции. Они проходят в обычных деревенских избах на переоборудованных в конференц-залы сеновалах. Благодаря своей полной уникальности такие конференции собирают до 100 участников. Несмотря на некоторую экзотичность, на научной базе созданы все условия для проведения мероприятий международного уровня и бытового обслуживания гостей.

Ценность подобных исследований и конференций, рассматривающих глобально-локальные процессы, заключается в их междисциплинарности. Они собирают самых разных специалистов: социологов, экономистов, географов, специалистов по управлению и др.

Среди последних международных конференций, проходивших в деревне Медведево: «Новые социальные смыслы окружающей среды: глобализационные перспективы, сохранение природы, сельские поселения» (1–3 июня 2012 г.), «Дезурбанизация и природный капитал: миграционные тренды, инфо-коммуникации, новые сельские поселения» (8–10 мая 2013 г.), «Социальная география, социобиология и социальные науки: моделирование и прогностика процессов устойчивого развития региона Ближнего Севера России» (2–4 мая, 7–9 июня 2014 г.)

В конференциях все более активное участие начинают принимать представители руководства области. С часовым докладом на пленарном заседании в 2013 г. выступил губернатор Костромской области С.К. Ситников.

Обязательный элемент программы любой конференции – сессия с участием местных жителей, которые рассказывают о своих проблемах, отвечают на вопросы научной аудитории.

Налицо возникновение снизу, от конкретного научного интереса и потребностей самих исследователей кластерного научного центра новой генерации. Подобный центр не требует больших инвестиций и сложной инфраструктуры из «стекла и бетона». Он «играет» на других струнах. А именно на создании уникальной нравственно-психологической, очищающей атмосферы для научного общения в прямом контакте с природной и социальной средой, но с использованием всех достижений современной постиндустриальной цивилизации, включая прежде всего инфокоммуникации, транспортную доступность, требования современного обустройства быта.

Симбиоз всех этих структурных компонентов позволяет предполагать, что Угорский проект успешно продолжит свою работу и в будущем.

* * *

В коллективной монографии представлены наиболее значимые результаты исследований, проводившихся в рамках Угорского проекта.

В первой части рассматриваются общие свойства Ближнего Севера, его место в России в условиях глобализации, урбанизации, слабеющей демографии, их проявления в сельской местности, особенности очаговой сельской экономики, психологии, мировосприятия.

Вторая часть сборника посвящена взаимосвязи природных и социальных процессов. Ее открывает анализ нормативных подходов к определению устойчивого развития территорий. Продолжает глава о разнообразии природы на Ближнем Севере, ее влиянии на развитие региона. И наконец, заключает эту часть текст, посвященный возможностям развития экологического туризма на Ближнем Севере с отдельными примерами и предложением маршрутов по реке Унжа.

Третья часть коллективной монографии «Ближний Север как часть большой картины мира» задает новую теоретическую перспективу междисциплинарным исследованиям, поднимая вопросы сущности и особенностей влияния процессов глобализации на международном и локальных уровнях. Продемонстрирована противоречивость воздействия глобализации на общество и экономику, обращено внимание на тенденцию возрождения экономической и социальной архаики в системе современных социальных отношений.

Коллективная научная монография подготовлена группой исследователей: **Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова** (Введение. Угорский проект – ключ к пониманию Ближнего Севера); **Т.Г. Нефе-**

дова (Глава 1. Социально-экономическое пространство Ближнего Севера); **У.Г. Николаева, М.Б. Денисенко** (Глава 2. Сельские сообщества Ближнего Севера: экономические уклады, модели социальных отношений, демографические процессы); **Н.В. Мкртчян, И.С. Кашницкий** (Глава 3. Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север); **Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш** (Глава 4. Пространственная мобильность населения и роль дачников на Ближнем Севере); **С.Г. Давыдов, И.В. Кирия, А.А. Новикова, В.П. Чумакова** (Глава 5. Медиапотребление и «конструированная реальность» жителей северного села); **Ю.М. Плюснин, Я.Ю. Слободской-Плюснин** (Глава 6. Взаимоотношения бизнеса и власти на местном уровне); **И.В. Попова** (Глава 7. Мироощущение сельского жителя-костромича); **С.Н. Бобылев, С.В. Соловьева, К.С. Ситкина, А.З. Бобылева** (Глава 8. Индикаторы устойчивого развития и природный капитал как фактор модернизации Ближнего Севера); **Л.М. Баскин, С.Л. Барышева** (Глава 9. Биоразнообразие, социальный капитал и потенциал развития Ближнего Севера); **А.В. Дроздов** (при участии **Л.П. Басанец**) (Глава 10. Экологический туризм в регионах Ближнего Севера: потенциал, современное развитие и перспективы); **Е.С. Преображенская** (Глава 11. Ветлужско-Унженское полесье: возможности экологического туризма); **В.А. Зайцев** (Глава 12. Разнообразие зоокомплексов в бассейнах Унжи и Ветлуги и их значение для рекреации, экологического туризма и образования); **Н.Е. Покровский, У.Г. Николаева** (Глава 13. Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории)); **Н.Е. Покровский** (Заключение)*.

Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова

---

* Подготовка и издание данной коллективной монографии стали возможными благодаря финансовой поддержке: Российского фонда фундаментальных исследований (проекты 12-06-00406а «Перспективы устойчивого развития Ближнего Севера России: экология, культурное наследие, новые поселения», 13-06-00893а «Социально-экологические факторы устойчивого развития Ближнего Севера России», 14-06-00381а «Интеграция социобиологических и социологических методов в исследовании эволюционных оснований морали и альтруизма»), Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (проект 2014 02 «Взаимодействие городских «дачников» творческих и интеллектуальных профессий с местным сельским сообществом (на примере Угорского проекта в Костромской области)»), а также в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №31 на 2012–2014 гг. «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

Часть I

БЛИЖНИЙ СЕВЕР: ТЕРРИТОРИЯ, ЛЮДИ И ХОЗЯЙСТВО

Глава 1. Социально-экономическое пространство Ближнего Севера

Ближний Север как часть внешней и внутренней периферии Европейской России

Одной из проблем России является ее обширная периферия, на которую все очевиднее не хватает человеческих и финансовых ресурсов. Поэтому исследование социально-экономического пространства Ближнего Севера опиралось на следующие концепции:

– концепцию «центр – периферия» как на универсальный принцип пространственного и социального неравенства (Friedmann, 1966, Грицай и др., 1991 и др.);

– концепции природных предпосылок и ограничений развития экономики, в том числе сельского хозяйства, связанные с разнообразием природных условий (Пространство..., 2012, с. 128–154, Гордеев и др., 2006);

– концепции быстрой и незавершенной урбанизации в России и сельской депопуляции (Город и деревня, 2001, Пространство..., 2012, с.154–168, 268–292 и др.)

– концепции социальных последствий институциональных и аграрных преобразований 1990-х гг.

Российская периферия и Ближний Север

Проблемам организации российского пространства в рамках концепции «центр – периферия» и контрастам между крупными городами с их ближайшим окружением (в первую очередь перехва-

тывающими импульсы инноваций и модернизации) и периферией посвящено множество работ (Иоффе, 1990, Каганский, 2001, 2012, Нефедова, 2003, Родоман, 1987, 2002, 2012, Трейвиш, 2003, Ткаченко, 2012 и др.) Российскую периферию можно рассматривать полимасштабно (Нефедова, 2008а, 2010): 1) в мелком масштабе – как периферию внешнюю, т.е. регионы и города, удаленные от столицы государства; 2) в среднем масштабе – как периферию внутрирегиональную или внутреннюю (районы и небольшие города, в большей или меньшей степени удаленные от центров регионов и находящиеся за пределами их непосредственного влияния); 3) в крупном масштабе – как периферию локальную (сельские территории, удаленные от небольших городов или сельских центров). Показателем периферийности принято считать физическую удаленность от некоторого центра – столицы государства, субъекта Российской Федерации, района.

Но дело не только и не столько в дистанциях. Возникновение периферии обусловлено сильной поляризацией российского пространства и контрастами (возникшими еще в советское время) в направлениях и степени социально-экономического развития его частей (Нефедова, 2008а). По замечанию А.И. Трейвиша, при советском догоняющем развитии мобилизационного типа это заставляло страну «сжиматься в кулаки», главным образом по оси «центр – периферия» (Трейвиш, 2001).

Напомню, что к Ближнему Северу относится обширная территория Северного Нечерноземья, характеризующаяся в прошлом не очень плотным, но земледельческим освоением, а ныне в значительной части подверженная запустению. Именно земледельческое освоение еще в досоветское время и созданное там советское индустриальное сельское хозяйство отличает Ближний Север от Дальнего, где основой освоения было использование полезных ископаемых и лесных ресурсов. Южную границу Русского Севера обычно выделяют по характеру культурного ландшафта, северорусского жилищного комплекса и отчасти по ареалу распространения северорусского наречия (Калуцков, 2008, с. 173–176). Таким образом, Ближний Север включает Новгородскую, Вологодскую, Костромскую и Кировскую области, а также юг Карелии и Архангельской области, восток Псковской и Ленинградской, север Тверской, Ярославской и Нижегородской областей.

Специфика сельской территории Ближнего Севера в том, что она находится на стыке внешней северной периферии Европейской России и староосвоенной зоны Нечерноземья, которая характеризуется наибольшими контрастами между пригородами центров и

остальными территориями, т.е. обширной внутренней периферией. Таким образом, ее проблемы усугубляются.

Природные ограничения использования территории Ближнего Севера

Колонизация русскими Ближнего Севера, заселенного угро-финскими племенами, шла поначалу (с VIII по XIV в.) с запада со стороны Новгорода Великого. С XII в. сюда двинулись переселенцы с Верхнего Поволжья, подгоняемые набегами татаро-монгол со степного Дикого Поля. Свободных мест было много. Экономические ниши у славянского и финского населения были разные, последние промышляли преимущественно охотой и рыболовством. Историки называют такую колонизацию просачиванием (Панфилов, 2004). В состав московского княжества значительная часть этих земель вошла лишь в XV в. после присоединения Новгорода Великого.

Пространственные амбиции России, ее стремление не только осваивать, но и заселять и распахивать огромные северные пространства, во многом определили облик территории Ближнего Севера и даже многие современные процессы. При торговле льном и полотном и выходе в мир через Архангельск шло «растягивание» заселения и сельского хозяйства, нацеленного на частичное самообеспечение крестьян, в неблагоприятные природные условия на севере Европейской России, включая Ярославскую, Костромскую, Вологодскую и Архангельскую области.

Строительство Санкт-Петербурга дало крен в сторону сельскохозяйственного освоения заболоченного Северо-Запада. Шло активное освоение, заселение и расширение сельского хозяйства на северо-востоке Европейской России. В советское время это усилилось стремлением регионов к самообеспечению продовольствием. В результате и население, и сельскохозяйственное производство, и города излишне сдвинуты из зон, наиболее для них благоприятных, в обширные зоны суровой природы.

Из этого исходит множество геодетерминических концепций, начиная с известной мысли Ключевского о том, что особенность природы и связанная с ней негарантированность урожая привели к формированию особого русского характера, полагающегося не на результаты кропотливого труда, а на удачу, «авось» (Ключевский, 1993), и кончая известными книгами Л.В. Милова (1998), А. Паршева (2001), Hill & Gaddy (2003), объясняющими неконкуренто-

способность России именно суровостью климата. А.И. Трейвиш пытался сопоставить температуры с концентрацией населения в разных странах (2009, с. 139).

Хотя Исландия, Финляндия, Норвегия, Швеция лежат севернее, климат там мягче российского и канадского. Но главное, северные территории там не заселены. В Канаде среднегодовая температура территории составляет –4,4°, но канадцы сконцентрированы на юге, и средний канадец живет при +5,8° (разница в 10,2°). У нас среднегодовая температура для всей территории – (–5,5°), что не сильно отличается от канадской. А средний россиянин живет при температуре +2,8°. Так что главное для этих территорий – не суровость природы, а пренебрежение к ней.

Сам тип освоения территорий со сложными природными условиями, в том числе сельскохозяйственный, первоначально был нацелен на самообеспечение крестьянского населения. В последующем при превращении его в товарное колхозно-совхозное сельскохозяйственное производство он перестал соответствовать природным предпосылкам этих территорий.

В России осваивались и заселялись такие районы, которые в большинстве северных стран использовались лишь для временного проживания. Например, Б.Б. Родоман (1997, с. 59) считает, что самой природой лесная нечерноземная часть России предназначена не для земледелия, а для рыболовства, охоты и животноводства. В крупных размерах землепашество этой зоны стало следствием неэкономического принуждения.

Для определения степени маргинальности природных условий, например, для сельскохозяйственного освоения, можно использовать два показателя: сумма температур свыше 10 градусов и увлажненность (соотношение осадков и испарения) по административным районам России (Природно-сельскохозяйственное..., 1975, 1983). В сумме они определяют общие предпосылки сельскохозяйственной деятельности по показателям потенциальной урожайности зерновых культур на госсортучастках, исходя только из природных предпосылок без применения специальных мер агротехники. Севернее Смоленской, Московской, Ивановской, Нижегородской областей и Татарстана, т.е. в регионах Ближнего Севера, начинается зона пониженных предпосылок для растениеводства.

А в целом 86% территории России имеют те или иные природные ограничения функционирования товарного сельского хозяйства (Нефедова, 2003). При этом значительная его часть все еще приурочена к зонам с неблагоприятными природными предпосылками.

Не менее выразительны и различия в инфраструктурной обустроенности, которые также имеют выраженный градиент «север–юг». Чем лучше природные условия, тем выше плотность автодорог, лучше обеспеченность газом, водопроводом, канализацией.

Тем не менее, даже на уровне регионов природные условия не всегда служат основной предпосылкой развития сельской местности, в том числе и сельского хозяйства. Если сравнить биоклиматический потенциал развития сельского хозяйства, рассчитанный в среднем по регионам России по сочетанию тепла и увлажненности, и вклад разных регионов в валовое сельскохозяйственное производство, то прямого соответствия нет. Наряду с южными регионами заметно выделяются Московская, Ленинградская, Свердловская области. Но регионы Ближнего Севера в целом характеризуются пониженными показателями.

Рост городов и социальные ограничения развития сельских районов

Если не считать вторую столицу России, Санкт-Петербург (с его 4,7 млн человек), который вместе с Москвой послужил основным насосом по выкачиванию населения из сел и городов этих обширных территорий, на Европейском Севере расположено 160 городов. Из них более 500 тыс. жителей имеет только Ярославль, который находится на южной границе рассматриваемого региона. Зато 8 городов имеют население от 250 до 500 тыс., и в них сосредоточено 2,4 млн человек. Еще четыре больших города с численностью от 100 до 250 тыс. жителей сосредотачивают более 800 тыс. человек.

Важно, что эти города часто смещены к границам своих регионов, оставляя обширные пространства периферии. Например, Ярославль, Кострома, Рыбинск, Вологда суммарной численностью 1,4 млн жителей формируют относительно компактную группу (расстояние между Ярославлем и Костромой составляет около 60 км). При этом и для Вологодской, и для Костромской областей характерен эксцентриситет столиц, их мощи не хватает на всю обширную северную и восточную территорию своих регионов, что усиливает процессы поляризации пространства на Ближнем Севере. Новгород, наоборот, приближен к Петербургу. Если учесть, что Тверь тяготеет к Москве, то между ними также формируется большое пространство внутренней периферии, хотя и в староосвоенной зоне. В целом 14 городских центров с населением свыше 100 тыс.

человек (9% всех городов), концентрируют 74% городского населения.

Средних городов (от 50 до 100 тыс. жителей) на Ближнем Севере немного (всего 12), и живет в них 7% городского населения, что меньше, чем в среднем по России (10%). Зато здесь множество малых городов и городков – 135, каждый пятый городской житель (в России в малых городах живет лишь 15% горожан). Есть совсем крошечные – 48 городов, они имеют менее 10 тыс. жителей; большинство из них – старинные города, из которых население в XX в. уезжало в крупные центры. Много старых городов потеряли свой городской статус. Например, Судиславль в Костромской области, когда-то богатый купеческий город, бывший в XVIII в. удельным центром, в XX в. стал рабочим поселком.

Тем не менее, многие города именно Ближнего Севера как носители культурного наследия создают мощный туристско-рекреационный потенциал, формируя нечто вроде северного «Серебряного кольца России». Однако эти города разбросаны по огромной территории и слабо обустроены.

В табл. 1.1 и 1.2 показано, как стремительно малые исторические города теряли свое население, особенно в последние годы. Лишь некоторым удалось создать сеть услуг для привлечения мигрантов и туристов. Наиболее известны культурно-туристические бренды таких городов, как Великий Устюг и Мышкин. О судьбе городов Костромской области как типичного региона Ближнего Севера будет рассказано ниже более подробно.

Быстрая индустриализация и урбанизация XX в. наряду с демографическими потерями привели к очень сильной убыли не только малых городов, но и сельского населения, особенно в Нечерноземье. Активное освоение окраин страны, как и курс на рост промышленных городов опирались на представление о неисчерпаемости человеческих ресурсов в деревне. Сельское население, несмотря на положительный естественный прирост, убывало почти весь XX в., подпитывая растущие города. Максимальной численность сельского населения в современных границах России в 1926 г. составляла 76 млн чел., в 1950 г. – 58 млн, в 2010 г. – 37,5 млн (Демографический ежегодник, 2001; Численность населения Российской Федерации, 2010). Многие области потеряли около 2/3 сельского населения, а удаленные периферийные районы областей Нечерноземья – до 90%.

В первой половине XX в. причиной тому послужили в основном военные потери, голод, репрессии. Коллективизация также дала мощный толчок к сселению и забрасыванию мелких деревень,

поскольку колхозному начальству было удобнее контролировать компактное, а не дисперсное расселение, при этом многие деревенские жители ехали не в центральное сельское поселение, а непосредственно в город (Иоффе, 1990). Во второй половине XX в. сельское население буквально таяло в результате миграций в быстро растущие города, где наблюдался огромный дефицит рабочей силы.

С 1990-х гг. (а в Нечерноземье и ранее) все заметнее сказывается и превышение смертности над рождаемостью в деревне[1]. Максимум потерь сельского населения во второй половине XX в. наблюдался в полосе староосвоенных районов вокруг Московской области и на Ближнем Севере.

В 1990-е гг. тренды миграций резко изменились. Произошел приток населения в сельскую местность из бывших республик СССР, а также перераспределение населения в пользу Европейской части из северных и восточных районов России. Западный дрейф внутренних миграций всего и сельского населения стал ключевым процессом начала постсоветского периода (Зайончковская, 2012). К концу 1990-х гг. восстановились тенденции стягивания сельского населения в города и агломерационные зоны, т.е. урбанизация в России пока не завершена[2].

Статистика показывает, что за последние 20 лет численность сельского населения России почти не изменилась: естественная убыль составила более 3 млн чел., но административные преобразования поселков городского типа (ПГТ) в села «увеличили» сельское население более чем на 2 млн чел., и около 1 млн чел. «дал» миграционный приток. Так что на самом деле местное сельское население продолжало убывать, и очень существенно. Миграции дали его реальную прибавку только на юге Европейской России, в некоторых республиках и в пригородных Московской и Ленинградской областях при продолжающемся сокращении сельского населения на всей остальной территории Нечерноземья.

Последствия сельской депопуляции и разрушения сети поселений колоссальны. Из 153 тыс. населенных пунктов: без населения стоят 19 тыс., с населением менее 10 чел. (в основном пенсионеры) – 36 тыс. (Всероссийская перепись, 2011). В регионах Ближнего Севера доля таких умерших и умирающих деревень составляет 50–70%.

Наибольшие потери сельского населения произошли в регионах, расположенных севернее Московской области (более поло-

[1] См. главу 2.
[2] См. главу 4.

Таблица 1.1

Исторические города Ближнего Севера, возникшие в IX–XV вв., и изменение их населения в XX–XXI вв.

Город	Регион	Год образования	Население, тыс. чел., год							
			1897	1926	1959	1970	1979	1989	2002	2010
В. Новгород	Новгородская	859	25,7	33,0	60,7	127,9	186,0	228,0	225,0	218,8
Белозерск	Вологодская	862	5,0	7,0	н/д	н/д	11,8	12,3	11,2	9,6
Псков	Псковская	903	30,5	43,9	81,1	126,7	175,7	203,5	198,6	203,3
Торопец	Тверская	1074	7,4	9,4	15,2	16,9	16,7	17,6	16,5	13,0
Вельск	Архангельская	1137	2,0	3,5	н/д	н/д	н/д	26,1	25,8	23,9
Тотьма	Вологодская	1137	4,9	5,4	н/д	н/д	8,9	10,4	10,6	9,8
Торжок	Тверская	1139	12,7	н/д	34,9	45,4	н/д	50,1	49,0	47,6
Приозерск	Ленинградская	1143	1,3	н/д	13,9	16,7	18,5	20,3	19,3	18,9
Холм	Новгородская	1144	5,9	5,5	н/д	3,8	4,4	4,8	4,5	3,8
Вологда	Вологодская	1147	27,7	58,0	139,1	111,8	236,5	279,8	296,3	301,8
Старая Русса	Новгородская	1167	15,2	н/д	25,4	34,6	н/д	40,3	40,7	31,9
Великий Устюг	Вологодская	1212	11,1	19,1	37,0	36,7	36,4	36,6	34,8	31,7
Кострома	Костромская	1213	41,3	73,7	171,7	223,0	254,7	277,5	286	268,7
Шенкурск	Архангельская	1229	1,5	2,6	н/д	н/д	7,4	7,3	6,7	5,7
Галич	Костромская	1238	6,2	8,9	16,1	19,4	н/д	21,7	19,6	17,3
Кашин	Тверская	1238	н/д	н/д	16,2	17,7	н/д	20,5	19,1	16,2

Окончание табл. 1.1

Исторические города Ближнего Севера, возникшие в IX–XV вв., и изменение их населения в XX–XXI вв.

Город	Регион	Год образования	Население, тыс. чел., год							
			1897	1926	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Порхов	Псковская	1239	5,6	8,0	н/д	н/д	13,2	14,1	13,0	10,6
Устюжна	Вологодская	1252	5,1	н/д	н/д	н/д	н/д	10,2	9	9,8
Шлиссельбург	Ленинградская	1323	5,3	6,3	н/д	н/д	10,5	12,7	12,1	13,2
Солигалич	Костромская	1335	3,4	3,5	н/д	н/д	6,8	7,3	6,9	6,4
Остров	Псковская	1342	6,3	7,6	17,6	22,4	26,7	28,8	28,2	21,7
Киров	Кировская	1357	25,0	62,1	252,4	332,5	389,5	439,8	465,9	473,7
Каргополь	Архангельская	1380	3,1	3,4	н/д	н/д	11,0	13,0	12,0	10,2
Чухлома	Костромская	1381	2,2	2,2	н/д	н/д	4,7	5,5	5,5	5,4
Кингисепп	Ленинградская	1384	4,6	4,8	8,4	17,3	38,6	50,2	52,1	48,5
Выборг	Ленинградская	1403	23,5	н/д	51,1	65,2	75,6	80,2	78,6	80
Опочка	Псковская	1414	5,7	7,1	н/д	н/д	н/д	16,1	14,6	11,6
Гдов	Псковская	1431	2,1	3,4	н/д	н/д	4,5	6,0	5,5	4,4
Котельнич	Кировская	1459	4,2	7,6	27,6	29,2	н/д	35,8	29,5	25

Таблица 1.2

Исторические города Ближнего Севера, возникшие в XVI–XVIII вв., и изменение их населения в XX–XXI вв.

Город	Регион	Год образования	Население, тыс. чел., год							
			1897	1926	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Себеж	Псковская	1535	4,3	5,5	н/д	н/д	10,5	9,6	6,0	6,4
Буй	Костромская	1536	2,6	9,9	27,2	29,2	28,3	31,8	27,3	25,8
Слободской	Кировская	1539	10,1	10,9	30,8	34,4	37,3	39,3	34,3	34
Яранск	Кировская	1584	4,2	6,1	11,8	15,4	17,2	20,4	21,6	17,3
Малмыж	Кировская	1584	3,2	4,4	н/д	н/д	н/д	10,6	9,8	8,3
Уржум	Кировская	1584	4,4	5,7	н/д	н/д	11,7	12,0	11,8	10,2
Сортавала	Карелия	1632	1,6	н/д	20,4	22,2	21,7	22,1	19,4	19,2
Олонец	Карелия	1648	1,2	1,8	н/д	н/д	10,2	11,8	10,9	9,1
Новая Ладога	Ленинградская	1704	3,9	н/д	н/д	н/д	н/д	11,5	10,6	8,8
Кемь	Карелия	1764	2,4	н/д	18,1	21,0	н/д	17,6	15,4	13,1
Боровичи	Новгородская	1770	9,4	н/д	49,5	54,8	59,6	63,0	58,8	53,7
Валдай	Новгородская	1770	2,9	н/д	н/д	н/д	н/д	19,2	18,5	16,1
Осташков	Тверская	1770	10,4	12,9	19,5	23,4	25,0	26,6	20,6	18,1
Вышний Волочек	Тверская	1770	16,6	31,2	66,4	73,9	71,7	64,9	57,9	52,4
Вытегра	Вологодская	1773	4,5	5,1	н/д	н/д	11,9	12,9	12	10,5
Тихвин	Ленинградская	1773	6,6	10,3	18,4	34,0	58,6	71,3	66,6	58,5
Калязин	Тверская	1775	5,5	ka	ka	ka	13,8	15,4	15,4	13,9
Кириллов	Вологодская	1776	4,3	4,3	н/д	н/д	7,4	8,8	8,5	7,8
Красный Холм	Тверская	1776	2,5	н/д	н/д	н/д	н/д	7,8	7,5	5,8

Окончание табл. 1.2

Исторические города Ближнего Севера, возникшие в XVI–XVIII вв., и изменение их населения в XX–XXI вв.

Город	Регион	Год образования	Население, тыс. чел., год							
			1897	1926	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Весьегонск	Тверская	1776	3,5	н/д	н/д	8,4	н/д	9,5	8,8	7,3
Петрозаводск	Карелия	1777	12,5	27,0	135,1	184,5	234,1	269,6	285,3	262,0
Череповец	Вологодская	1777	6,9	21,8	92,4	188,3	265,7	309,5	322,7	312,3
Луга	Ленинградская	1777	5,6	н/д	25,5	31,9	н/д	41,2	39,2	38,6
Новоржев	Псковская	1777	2,8	3,1	н/д	н/д	н/д	5,0	4,5	3,4
Кологрив	Костромская	1778	2,6	3,1	н/д	н/д	4,2	4,3	3,9	3,3
Нерехта	Костромская	1778	3,1	7,4	22,3	25,7	27,0	29,0	27	22,8
Макарьев	Костромская	1779	6,0	6,5	н/д	9,3	9,0	9,1	8,1	7,3
Грязовец	Вологодская	1780	3,2	4,8	н/д	н/д	13,0	16,1	15,5	15,5
Кадников	Вологодская	1780	2,4	2,3	н/д	н/д	5,4	5,4	4,9	4,5
Никольск	Вологодская	1780	2,6	н/д	н/д	н/д	н/д	8,3	9	
Нолинск	Кировская	1780	4,8	5,6	ka	ka	12,4	10,8	10,5	9,6
Сольцы	Новгородская	1781	ka	4,3	ka	9,4	11,6	11,8	12,7	10,1
Пудож	Карелия	1785	1,5	2,2	н/д	н/д	8,4	10,9	11,0	9,7
Лодейное Поле	Ленинградская	1785	1,4	7,2	17,5	19,6	22,3	25,0	24,2	20,7
Гатчина	Ленинградская	1796	14,8	16,6	36,7	63,3	75,2	80,3	82,2	92,9

вины сельского населения за последние 50 лет). Результаты исследования разных районов России показывает, что при суммарном воздействии депопуляции сельской местности (при потере более половины населения за последние 50 лет в основном из-за его оттока) и сформировавшейся в результате низкой плотности населения (менее 5 чел. на км2) происходит качественное изменение социальной среды, и выживание крупных сельскохозяйственных предприятий становится проблематичным (Нефедова, 2003).

И все же однозначного ответа на вопрос о дефиците населения в сельской местности дать не представляется возможным, поскольку урбанизация – это общемировой процесс. Ничего уникального в том, что сельское население в России уезжало в города, нет. Более того, в России гораздо большая часть населения живет в сельской местности и больше занято в сельском хозяйстве, чем на Западе, но результаты – намного ниже. Почему же в Европе в свое время с притоком населения в города не случилось такой катастрофы? На самом деле это происходило во всех странах. Но от Запада Россию отличают две особенности (Нефедова, 2013):

1. Огромное пространство, «затянутость» освоения в целом и сельского хозяйства в более северные районы и сравнительно редкая сеть больших городов, в которые и к которым (в пригороды) стягивалось сельское население. В результате в Нечерноземье между пригородами сформировались огромные ареалы социально-экономического опустынивания. На Западе сеть городов гораздо более плотная.

2. Неповоротливость предприятий в советское время. Колхозы и совхозы оказались не готовыми к такому миграционному оттоку и не способными меняться

В 1990-е гг. кризис сельскохозяйственного производства привел к высвобождению занятых в сельском хозяйстве: сельская безработица, согласно опросам Международной организации труда, к 2000-м гг. достигала 18%, обогнав городскую; осенью 2011 г. она составляла, по официальным данным, в среднем по сельской России 9% при 5,3% в городах (Уровень безработицы, 2011). Это говорит о том, что проблема не в количестве людей в трудоспособном возрасте, а в качестве трудовых ресурсов и в общих институциональных и экономических изменениях в стране.

Четыре основных региона Ближнего Севера (табл. 1.3) в настоящее время характеризуются очень низкой плотностью сельского населения и повышенной долей пенсионеров. Для них характерна и высокая доля домохозяйств, состоящих из одного человека (треть и более при менее четверти в среднем по России). А доля

Таблица 1.3

Некоторые социальные показатели регионов Ближнего Севера в 2010 г.

Показатель	Области				РФ
	Новгородская	Вологодская	Костромская	Кировская	
Доля городского населения в %	70,6	70,7	69,9	74,0	73,4
Численность сельского населения, тыс. чел.	186,2	352,6	200,9	348,1	37542,8
Средняя плотность сельского населения, чел./кв. км	3,4	2,4	3,3	2,9	2,2
Доля в сельском населении лиц старше трудоспособного возраста, %	29,6	26,0	26,1	26,4	22,1
Доля домохозяйств, состоящих из одного человека, в %	34,2	30,3	29,3	28,5	24,1
Среднедушевые доходы населения в 2010 г., тыс. руб./мес.	15,6	14,0	12,6	13,4	18,9
Доля населения с доходами менее 10 тыс. руб./ мес.	41,2	43,9	49,1	46,0	33,6
Занято в сельском и лесном хозяйстве, тыс. чел.	32,1	62,8	36,8	81,7	6799,1
Доля занятых в сельском и лесном хозяйстве в общем числе занятых, в %	10,2	10,5	11,4	12,3	10,1
Доля занятых в сельском и лесном хозяйстве в сельском населении, %	17	18	21	23	18

Источник: Регионы России, 2011, Сельское хозяйство, 2011

домохозяйств, состоящих из одного или двух человек (как правило, либо пенсионеров, либо матери с пьющим сыном), – 62–65% при 50% среднероссийских. На такой трудовой потенциал опираться сложно.

Последствия институциональных преобразований в сельской местности Ближнего Севера

Каждый пятый работающий житель сельской местности в регионах Ближнего Севера, а в Кировской области – каждый четвертый, заняты в сельском хозяйстве, и от его состояния до сих пор во многом зависит жизнь деревень.

Главные вызовы, с которыми столкнулись практически все сельскохозяйственные производители в 1990-х гг.: резкое уменьшение государственной поддержки; появление реальной конкуренции за ресурсы; зачаточное состояние рынка, в том числе рынка сбыта продукции; многообразие форм собственности; множество субъектов, принимающих решения, с которыми надо договариваться, – административный ресурс был заменен коррупцией; влияние международного рынка; усиленное законотворчество и несовершенство законодательства; незнание законов производителями, отсюда неиспользование ими и местными властями механизмов, уже заложенных в законах; отсутствие обратной связи между властью и населением; отсутствие гражданского общества и самоуправления.

Резкое уменьшение показателей было характерно в 1990-х гг. и для всего валового внутреннего продукта, и для производственного сектора. Помимо макроэкономических изменений в стране, собственно реформы сельского хозяйства включали: 1) реформы агропредприятий, 2) земельные реформы, 3) развитие крупных агропромышленных корпораций; 4) создание условий для развития частных хозяйств фермеров и населения. У крестьян появилась возможность выхода из колхоза со своей земельной и имущественной долей. Однако интерес населения к использованию земельных паев был характерен для южных районов, где некоторые активные работники создали на их базе самостоятельные товарные хозяйства, и для пригородов больших городов, где земельными паями населения больше интересуются организации, не связанные с сельским хозяйством. На большей части ареала Ближнего Севера население вспомнило о своих земельных долях только тогда, когда с него начали брать налог на имущество. Большая часть передала свою землю в аренду предприятиям – там, где они сохранились, или забросила. Фермеров в этих районах сравнительно мало, особенно на фоне огромных площадей пустующих и зарастающих лесом земель.

В целом реформы 1990-х гг. и резкое уменьшение дотационной поддержки сельского хозяйства привели к его наиболее острому

кризису в районах со сложными природными условиями и социальными ограничениями в результате сельской депопуляции. С 1999 г. сельскохозяйственное производство в России растет, но рост также характерен для южных и пригородных районов. При этом заметно снизилась роль нечерноземных регионов в валовой продукции сельского хозяйства. Это указывает на разнонаправленность процессов в аграрном секторе на севере и юге страны и на усиление роли природного и человеческого капитала в развитии сельского хозяйства, что ставит в наиболее невыгодное положение именно регионы Ближнего Севера.

С этими разнонаправленными процессами на севере и юге страны связаны и различный характер изменения занятости населения, и социальная трансформация села. Все это позволяет выявить, с одной стороны, наиболее конкурентоспособные регионы, которые могут «вытянуть» российское сельское хозяйство в новых экономических условиях, а с другой – обширную зону экономической депрессии и сжатия агропроизводства в Нечерноземье, особенно в его северной части.

Площадь сельскохозяйственных угодий на Ближнем Севере сжималась в течение всего XX в. (Люри и др., 2010). Доля пашни

Таблица 1.4

Некоторые показатели землепользования регионов Ближнего Севера

Показатель	Область			
	Новгородская	Вологодская	Костромская	Кировская
Доля пашни в территории, %	9,5	5,8	11,2	20,7
Доля сенокосов и пастбищ, %	5,7	4,0	5,1	4,6
Посевная площадь, тыс. га в 1990 г.	485	815	662	2194
Посевная площадь, тыс. га в 2010 г.	181	452	207	853
Динамика посевной, 2010 в % к 1990 г.	37	55	31	39
Лесистость территории, %	64,4	69,6	74,3	62,6
Производство деловой древесины на 1 га лесопокрытой площади, тыс. куб. м	445	1040	625	699

Таблица 1.5

Некоторые показатели животноводства регионов Ближнего Севера

	Область				РФ
	Новгородская	Вологодская	Костромская	Кировская	
Поголовье КРС в 2010 г, тыс. гол.	181	452	207	853	
Динамика поголовья КРС 2010 в % к 1990 г.	13	32	21	27	35
Поголовье свиней в 2010 г., тыс. гол.	89	143	46	202	
Динамика поголовья свиней 2010 в % к 1990 г.	39	51	33	44	45
Производство молока в 2010 г., тыс. т	102	443	133	505	
Динамика производства молока, 2010 в % к 1990 г.	29	59	37	54	57
Надой молока от одной коровы, 1990 г., кг	2371	2736	2294	2491	2783
Надой молока от одной коровы, 2010 г., кг	3827	4888	3479	4820	4189

Источник: Регионы России, 2012, Сельское хозяйство, 2012

невелика и колеблется от 6% территории в Вологодской области до 20% в Кировской, наиболее сельскохозяйственной (см. табл. 1.4). Лучше всех сохранила посевные площади Вологодская область. Они уменьшились всего в два раза, в то время как в Костромской области осталось менее трети.

Эти показатели значительно хуже среднероссийских, где посевы в 2010 г. составляли 64% от уровня 1990 г., главным образом за счет растениеводства южных регионов.

Животноводство в наибольшей степени пострадало от кризиса сельского хозяйства. Но и в этой отрасли ситуация неоднородна. Вологодская область лучше сохранила молочное скотоводство, превысив даже среднероссийские показатели динамики производства (см. табл. 1.5). Отчасти это связано с ее традиционной молочной

специализацией и стремлением сохранить бренд, отчасти – с наличием локомотива развития региона и источника пополнения бюджета области в виде Череповецкого металлургического комбината, отчасти по многим иным причинам, в том числе связанным со спецификой расселения и лучшей сохранностью трудового потенциала в некоторых районах. А хуже всего положение в Новгородской и Костромской областях.

Таким образом, сельские территории Ближнего Севера очень неоднородны и в социальном, и в экономическом плане. Вологодская и Кировская области все еще сохраняют свое значение как поставщики сельскохозяйственной продукции на общероссийский рынок. Но даже в более проблемных Новгородской и Костромской областях происходит модернизация производства на фоне упадка ряда предприятий.

Лес играет в экономике регионов Ближнего Севера существенную роль, ведь лесистость составляет 62–74%, причем самая лесистая – Костромская область (см. табл. 1.4). Однако качество лесных ресурсов после лесных пожаров и многократных вырубок невысокое. Максимальными запасами древесины обладают Вологодская и Кировская области. А интенсивность вырубок на один гектар покрытой лесом площади повышена во всех регионах Ближнего Севера и превышает среднероссийский показатель (141 тыс. куб. м с одного гектара) в 3 раза в Новгородской области и почти в 7 раз в Вологодской (см. табл. 1.4).

Преобразования в лесном хозяйстве в 1990–2000-х гг. также заметно повлияли на сельскую жизнь. Тем более что не только на Дальнем севере Европейской России, но и в староосвоенных районах, особенно в субтаежной полосе «Великий Новгород – Киров – Пермь» существовала сеть удаленных лесопромышленных поселений, где единственным работодателем и организатором местной жизни был леспромхоз. Лесные поселения, как правило, удалены, то есть периферийность в них уже задана. Но при этом они крупнее – 500–1000 чел. и более, поэтому при коллапсе единственного предприятия социальные последствия сильнее.

Но и в сельскохозяйственных поселениях Нечерноземья использование лесов имело существенное значение. В послевоенные годы в процессе очередного укрупнения колхозов им были выделены так называемые колхозные леса на землях, закрепленных за конкретными колхозами (Казьмин, 2012, с. 143). Эти получаемые в бесплатное пользование делянки леса составляли в некоторых староосвоенных районах до трети лесопокрытой площади. Многие убыточные агропредприятия получали прибыль только от прода-

жи и частичной переработки древесины, или хотя бы от продажи права на использование своих лесов, перекрывая тем самым убытки от сельскохозяйственной деятельности.

Сам лесопромышленный комплекс также испытал существенную трансформацию (Кузьминов, 2010). Произошла приватизация предприятий, раздробление их собственности, элементы которой были связанны технологической цепочкой. Леспромхозы были ликвидированы. Все это привело к резкому снижению производства. Либерализация экспорта привела к увеличению вырубок хвойной древесины и ее вывозке в необработанном виде. Предприятия оказались лишены закрепленных за ними сырьевых баз. Лесхозы были расформированы, а функции ухода переданы арендаторам лесов. Категория колхозных лесов была ликвидирована. Все пользователи получали доступ к лесам на основе аренды в результате аукционов и конкурсов. Все это в первую очередь усугубило положение мелких пользователей, включая агропредприятия, небольших компаний и частников, имеющих пилорамы (там же).

От экономического здоровья сельского и лесного хозяйства продолжает зависеть не только сельская местность, но и десятки малых и средних городов, особенно удаленных от крупных центров. Для них велика значимость пищевой и деревообрабатывающей промышленности, опирающейся на местную ресурсную базу.

Внутренняя периферия регионов Ближнего Севера

Расселение и градиент «пригород–периферия»

Полюсами развития, концентрирующими знания, предпринимательскую активность и распространяющими инновации на остальную территорию служат крупные города или агломерации (Грицай и др., 1991). В сельской местности наибольшее влияние центры оказывают на свои пригороды (Иоффе, 1990; Нефедова, 2003). Контраст между пригородами и всеми остальными территориями внутри многих субъектов Российской Федерации, особенно в Нечерноземье, значительно больше, чем межрегиональные различия.

Если обобщить различия в плотности населения по административным районам от пригородов региональных центров к периферии регионов в разных частях страны, то можно увидеть, что везде плотность населения к периферии падает (рис. 1.1). В Нечернозе-

Рис. 1.1. Изменение плотности сельского населения внутри регионов Европейской России по мере удаления от центров, чел./кв. км: 1 – районы, непосредственно примыкающие к региональному центру, 2 – районы-соседи центра второго порядка и т.д. до окраинных (6 и 7 порядка) районов
Расчеты автора по «Численность населения...», 1990, 2009

мье градиент в среднем восьмикратный, в южных районах он двухтрехкратный. В европейской староосвоенной зоне сформировалась обширная внутренняя периферия, причем сравнительно недалеко от центров регионов, учитывая небольшие размеры субъектов Российской Федерации в староосвоенной зоне и резкое падение заселенности за пределами пригородов.

Внутреннюю периферию Б.Б. Родоман определяет как территории, расположенные хотя и недалеко от центра, но обладающие всеми чертами окраин: такими как плохая транспортная доступность, замедленное развитие, отставание по многим социально-экономическим параметрам, архаичные черты в ландшафте и быте (Родоман, 2012). Оттуда бежит население не только деревень, но и малых городов. Недаром ее называют глубинкой. Это можно интерпретировать не только как равноудаленность от центров, но и как углубление в социально-экономическом рельефе в отличие от «вершин» – городских центров и их пригородов.

Однако анализ статистики по муниципальным районам показывает, что резкие обрывы в этом своеобразном рельефе встречаются не столь часто. Обычно «склоны» создают переходные зоны, которые можно условно назвать полупригородами или полупериферией. Самые сильные углубления такого рельефа встречаются все-таки на стыках субъектов Российской Федерации, создавая порой весьма обширные зоны периферийных районов с тяжелой депрессией и сильной депопуляцией – «черные дыры» (Нефедо-

Рис. 1.2. Изменение плотности сельского населения внутри Новгородской области по мере удаления от центра , чел./кв. км

Рис. 1.3. Изменение плотности сельского населения внутри Вологодской области по мере удаления от центров, чел./кв. км

Рис. 1.4. Изменение плотности сельского населения внутри Костромской области по мере удаления от центра , чел./кв. км

ва, 2003). Например, стык Тверской, Новгородской и Псковской областей или стык Костромской, Нижегородской и Кировской областей.

Чем крупнее город, тем шире пригородная и полупригородная зоны повышенной плотности населения и экономической активности в сельской местности. Однако влияние города на окружающую территорию зависит не только от его размера, но и от степени освоенности сельских территорий и общей социально-экономической плотности окружающего пространства.

В разреженном социально-экономическом пространстве Нечерноземья, особенно Ближнего Севера, города с населением около 100 тыс. жителей и больше формируют вокруг себя как минимум административный район с лучшими показателями плотности сельского населения и сельского хозяйства.

А зона влияния Москвы распространяется на всю Московскую область и даже некоторые прилегающие к ней районы соседних областей. У Санкт-Петербурга она меньше, но тоже охватывает райо-

Рис. 1.5. Изменение плотности сельского населения внутри Кировской области по мере удаления от центров, чел./кв. км

ны-соседи как первого, так и второго-третьего порядков.

Для регионов Ближнего Севера, и так к концу XX в. потерявших большую часть сельского населения, пригородно-периферийные контрасты особенно велики (рис. 1.2–1.5)[3]. За последние 20 лет ситуация ухудшилась.

Главное – это «потери» молодежи за счет миграций из сельской местности, ее способны притягивать только пригородные районы столиц регионов[4] (Карачурина, Мкртчан, 2012). В результате сельское пространство России, и так сравнительно слабо освоенное и заселенное, давно уже сжалось в отдельные очаги. И если в более южных районах эти очаги сливаются в ареалы разной величины, то на пустеющем Севере их разделяют обширные пространства «социально-экономической пустыни». И переломить ситуацию в ближайшее время вряд ли удастся. Население продолжает уезжать из сельской местности маргинальных районов.

Глобализация и информационная проницаемость пространства лишь усугубляют ситуацию, высвечивая несоответствие имеющейся социальной среды запросам молодежи.

Поляризация сельского хозяйства по оси «пригород-периферия»

Сельское хозяйство всегда дифференцировали два вида ренты (по плодородию и по положению). Рента по положению, цены на землю и продукцию, как известно, заложены И. Тюненом (1926) в модель, где интенсивность и профиль хозяйства определяет расстояние до него от города на окружающей условно однородной равнине. Эта модель была разработана 200 лет тому назад для рыночных условий Германии. Однако Г.В. Иоффе показал, что она прекрасно

[3] На рис. 1.2–1.5: 1 – районы, непосредственно примыкающие к региональному центру, 2 – районы-соседи центра второго порядка и т.д. до окраинных (6 и 7 порядка) районов. *Расчеты автора по «Численность населения...», 1990, 2012.*

[4] См. главу 3.

работала в Нечерноземье при нерыночном социализме 1980-х гг. (Иоффе, 1990).

В результате кризиса 1990-х гг. выход валовой сельскохозяйственной продукции с единицы угодий и даже продуктивность скота, урожайности культур в регионах Нечерноземья стали еще больше соответствовать кольцам Тюнена (рис. 1.6 и 1.7): интенсивность деятельности и результаты даже массового производства (зерновых, молока) в среднем уменьшаются по мере удаления от больших городов.

Подобные кольца отмечались еще в середине XX в. и в Европе, и даже в США (Хаггет, 1979). Однако примерно с 1960-х гг. пригородно-периферийные различия там размывались не только из-за прогресса на транспорте, но и благодаря выравниванию нормы прибыли, доходов и субурбанизации, вытеснявшей агропроизводство из пригородов в районы с более благоприятными природными условиями.

Рис. 1.6. Урожайность зерновых культур в Нечерноземье по зонам удаленности от региональных столиц, ц/га

Рис. 1.7. Надой молока от одной коровы, кг в год, в Нечерноземье по зонам удаленности от региональных столиц

В России в 1990-х гг. различия между пригородами и периферией в нечерноземных районах сохранились, а в постсоветский период даже усилились.

Отсюда сжатие сельскохозяйственной деятельности к городам, несмотря на дороговизну пригородной земли, экспансию дачной и коттеджной застройки, технический прогресс, резко снизивший влияние физической удаленности на радиусы доставки сырья (даже молоко в рефрижераторах привозят за 500–800 км).

Главным стало состояние хозяйств и качество человеческого капитала и инфраструктуры. А сильных хозяйств, в том числе

тех, в которых в 2000-х гг. произошла модернизация производства, обычно больше в пригородах.

Конечно, не все так однозначно. И в пригородах много заброшенных ферм, а на периферии нечерноземных регионов отдельные предприятия могут быть относительно успешны. Более того, туда тоже приходят инвестиции и есть попытки внедрения новых технологий, в том числе с созданием новых ферм, сменой специализации с молочного на мясное скотоводство и др. (Аверкиева, 2012). Но речь идет о типичных явлениях, и положение по отношению к большим городам в районах со сложными природными условиями и сильной депопуляцией населения стало в 1990–2000-х гг. очень важным фактором выживания предприятий.

На юге, особенно на равнинном Северном Кавказе сеть городов менее важна для агропроизводства, там большее значение имеют различия природных условий, особенно увлажнение (Нефедова, 2013). А в переходной от лесов и лесостепей к степям зоне (на юге Нечерноземной зоны, в Центрально-Черноземных районах, в Поволжье) влияют оба фактора: южные степные черноземные окраины регионов по вкладу в агропроизводство часто конкурируют с пригородами.

Экономическая поляризация сельского пространства сопровождается поляризацией социальной. *Состояние сельского хозяйства служит лишь индикатором «болезни места»* (Нефедова, 2003). Она возникает в районах длительного отрицательного социального отбора населения, где формируется сельское сообщество с пониженной мотивацией деятельности, с выраженным консерватизмом и отторжением приезжих.

Инвестиции в традиционные отрасли в таких районах часто бывают неперспективны. Их оздоровление требует существенных реноваций, в том числе обновления населения. Однако мигранты туда едут неохотно, фермеры и новые виды хозяйствования в такой среде приживаются с большим трудом и предпочитают более «здоровые» и активные районы. Во многих местах дома и целые деревни поддерживают только городские дачники[5].

И все же говорить о полном упадке хозяйственной деятельности не приходится, Однако внутрирегиональные контрасты в этих регионах очень велики.

[5] См. главу 4.

Примеры организации сельского социально-экономического пространства внутри регионов Ближнего Севера

Новгородская область расположена между двумя крупнейшими городами России, долгие годы выкачивающими из нее сельское население. Но есть в области и относительно успешные территории. Пригородный Новгородский район дает 30% всей агропродукции области. Перспективны и районы вдоль границы с Ленинградской областью, попадающие в зону влияния Санкт-Петербурга. Для остальных районов характерна сильная депопуляция, резкое сжатие посевных площадей, тотальный уход зерновых культур, традиционного льна и сильные потери поголовья скота.

Несмотря на небольшую подпитку мигрантами в 1990-х гг., сельское население продолжает сокращаться, и, по прогнозам Госкомстата, может сократиться со 186 тыс. человек в 2010 г. до 127 тыс. в 2026 г. (Предположительная численность, 2005). Пригород Великого Новгорода – единственный район, не уменьшивший за вторую половину XX в. численность сельского населения, хотя из-за промывного миграционного режима его состав сильно изменился. В остальных районах области оно сократилось более чем наполовину, а в некоторых – в 3–4 раза. В наихудшем положении оказались северо-восточные таежные районы и те, что расположены в «глухом юго-западном углу» на стыке Новгородской, Тверской и Псковской областей.

При этом произошло тотальное сокращение сельскохозяйственной занятости, опередившее сокращение населения, – отсюда высокая реальная безработица в сельской местности, которая сочетается с жалобами руководителей оставшихся немногочисленных предприятий, что работать некому, поскольку все, кто способен что-то делать, либо бегут из этой среды, либо не желают работать в сельском хозяйстве. Программы привлечения мигрантов в Новгородской и Псковской областях действовали еще в советское время и были возобновлены в 1990-х, но не дали ожидаемых результатов. Периферийные районы были привлекательны лишь для беженцев и вынужденных переселенцев, да и то временно, в первой половине 1990-х гг. В последующем они все равно использовались как промежуточная ступенька для переезда в Великий Новгород, Санкт-Петербург или в их пригороды. Самыми «постоянными» обитателями в таких районах становятся лишь сезонные дачники из Москвы и Петербурга.

В пригородном Новгородском районе предприятия заметно крупнее по числу занятых, и оплата труда на них выше. Валовой

доход от сельскохозяйственной деятельности также максимален в пригороде и в районах, расположенных вдоль границы с Ленинградской областью и работающих на региональную столицу и АПК Санкт-Петербурга. Значительная часть предприятий в остальных районах находится в тяжелейшем кризисе, хотя и продолжает удерживать большие площади сельскохозяйственных угодий.

Новгородская область потеряла наибольшее количество скота за годы реформ, осталось 13% поголовья 1990 г. (рис. 1.8). При этом от содержания скота отказываются и предприятия, и население (70% поголовья в сельскохозяйственных организациях). Почти такая же катастрофа с животноводством, несмотря на обилие кормовых угодий, в Псковской и Костромской областях. Из регионов Ближнего Севера лучше других сохранила бренд молочного региона Вологодская область (см. табл. 1.5), но и в ней осталась лишь треть былого поголовья. А также Ленинградская область, где свои сырьевые базы имеют агрохолдинги второй столицы.

Рис. 1.8. Динамика поголовья крупного рогатого скота в регионах Ближнего Севера в % к 1990 г.
Источник: Регионы России, 2011, Сельское хозяйство, 2013

Таким образом, несмотря на то что природные условия в таких маргинальных для сельского хозяйства районах должны по идее сильно влиять на сельское хозяйство, различия между областями велики. Это хорошо видно на рис. 1.9 и 1.10, на которых показано общее поголовье крупного рогатого скота (КРС) в указанных областях и количество КРС на 100 сельских жителей. По обоим показателям выделяется Кировская область, хотя уменьшения поголовья скота в ней тоже было значительно. А внутри регионов ключевым

Рис. 1.9. Поголовье крупного рогатого скота в регионах Ближнего Севера с 1990 по 2012 г., тыс. голов
Источник: Регионы России, 2011, Сельское хозяйство, 2013

фактором выживания животноводства оказывается географическая близость к областному центру.

Кировская область, несмотря на свое северное положение, всегда была полуаграрным регионом. Сельское хозяйство в середине 2000-х гг. давало 27% валового регионального продукта области, на агропредприятиях числилось более 13% всех занятых в экономике, что больше, чем в среднем по России (10%) и в других регионах Ближнего Севера.

Рис. 1.10. Количество крупного рогатого скота на 100 сельских жителей в регионах Ближнего Севера

При гораздо большей степени сельскохозяйственной освоенности (сельскохозяйственные угодья занимают четверть территории области – см. табл. 1.4) официальная статистика показывает заметное уменьшение сельскохозяйственных земель, которое началось задолго до 1990 г. Но особенно быстро они сжались в последние 20 лет. Реальное уменьшение угодий было значительно большим, чем отражено в статисти-

ке землепользования. Посевная площадь почти вдвое меньше площади пашни, что говорит о том, что значительная часть последней заброшена. При этом около половины посевной площади занято многолетними травами, часть которых также заброшена и не подсевается.

Сельское население уменьшилось более чем наполовину. Тем не менее, южнее г. Кирова на более благоприятных для сельского хозяйства почвах исторически сложилась обширная сравнительно заселенная зона, концентрирующая 82% сельскохозяйственных угодий. Наличие мощного города в центре области с населением в 490 тыс. чел. (вместе с Кирово-Чепецком и Слободским – более 600 тыс. чел.), также заметно влияет на организацию сельской местности.

Рис. 1.11. Динамика сельского населения и землепользования в пригороде и на периферии на профиле с севера на юг Кировской области, в %

На профиле, проведенном с севера на юг Кировской области (рис. 1.11), видно, как трансформировалось пространство за годы реформ. Наибольшие потери населения были характерны для периферийных районов, причем север и юг отличались не очень сильно. А растениеводство активнее уходило из более маргинальных северных районов, что естественно. При сильном падении поголовья скота, хотя и не таком катастрофическом, как в Новгородской и Костромской областях, продуктивность скота в результате санации поголовья и модернизации производства выросла (рис. 1.12). При этом результаты были гораздо более существенными в южных полупригородных и полупериферийных зонах.

Рис. 1.12. Надой молока от одной коровы в 1990 и 2004 г. в пригороде и на периферии на профиле с севера на юг Кировской области, кг в год

Юг **Архангельской области** тоже можно отнести к Ближнему Северу. Прежде здесь было гораздо более плотное сельскохозяйственное освоение территории. Приведу пример Каргопольского района, который показывает, что даже в так называемых «северных опольях» при уникальном культурно-историческом и природном потенциале небольшие районные центры не способны удержать земледельчески освоенную предками территорию.

Каргополь – город действительно уникальный и в прошлом очень богатый. На 11 тыс. жителей приходится 11 церквей, в начале XX в. их было 23, включая два не сохранившихся монастыря. Железная дорога прошла на север к Архангельску стороной в 80 км от Каргополя. Там, где автодорога из Каргополя пересекает железнодорожную ветку, возник новый город Няндома, как две капли воды похожий на сотни пристанционных городов, застроенных типичными пятиэтажками. Новый город давно обогнал Каргополь по населенности и скорости развития, благодаря выгодному транспортному положению и перевалке леса. Но важно, что весь Няндомский район, несмотря на худшие природные условия, обогнал Каргопольский даже по показателям сельского хозяйства.

Хотя в известном очерке С.П. Кораблева, написанном в 1851 г., утверждается, что в этих местах «главное состояние температуры есть холод», к западу и к северу от Каргополя расположена так называемая Каргопольская сушь, лежащая на известковых породах. Местные дерново-карбонатные почвы с хорошей структурой нейтрализуют кислотность и долго сохраняют плодородие при исполь-

зовании удобрений. Плодородие почв сыграло существенную роль при освоении района. Это сейчас плотность сельского населения в Каргопольском районе составляет 1 чел. на кв. км, однако когда-то район был заселен более плотно, особенно на Каргопольской суши, о чем ясно свидетельствуют старинные карты поселений. Природоведы, пытаясь понять возраст лесов, обнаружили, что почти всюду на Каргопольской суши под вековыми соснами и елями обнаруживается 15–20-сантиметровый слой черной паханой земли.

Сильный удар по традиционному мелкоселенному сельскому хозяйству района был нанесен во время коллективизации. Второй – в результате Отечественной войны. Третий – в пору укрупнения совхозов. К 1970 г. на территории района оставалась треть деревень, причем подавляющая их часть была отнесена к неперспективным. Исчезали целые группы деревень, но название куста сохранялось, место же называли «урочищем». Такие зарастающие лесами урочища разбросаны по всему району.

Несмотря на сложности природных условий и «тающее» сельское население, главной сферой занятий в районе долгое время было сельское хозяйство. Однако доля зерновых в посевах еще в советское время уменьшилась с 80 до 40%, район стал животноводческим. Это было возможно только с большими дотациями и гарантированным сбытом продукции. До середины 1970-х гг. растили даже лен, а в поселке недалеко от Каргополя работал льнозавод, однако неуклонная депопуляция района сделала выращивание льна невозможным – не хватало рабочих рук.

Однако часть сельскохозяйственных предприятий сохранялась благодаря эксплуатации лесных ресурсов. Сейчас категория колхозных лесов исчезла, а аренда делянок на общих основаниях мелким частникам и агропредприятиям не по силам.

Основное занятие населения – сбор грибов и ягод, которыми эти места поистине изобилуют. В ягодный сезон сюда отовсюду съезжаются перекупщики. В каждом селе есть несколько человек, с которыми перекупщики заключают договора. Хозяева – заказчики из городов регулярно наезжают в села и забирают по 200–400 кг ягод у своих посредников в деревне, которые имеют 10% от сбора.

Алкоголизм населения, особенно в сельской местности – одна из главных причин депрессии таких районов. Энергичных, предприимчивых людей – единицы, но увлечь за собой остальных им не удается. Более того, к ним относятся, как правило, враждебно, особенно если они еще и преуспевают.

И все же перспективное направление современного развития района есть. С его старинным городом, белокаменными храмами,

северными деревнями с огромными бревенчатыми северными избами и традиционным укладом жизни, с известными на всю Россию деревянными церквями, район может стать туристической Меккой, не уступающей в популярности, например, тому же Суздалю.

Туристический потенциал района далеко не исчерпан. Главное достояние – Кенозерский национальный парк (см. главы 9 и 10), созданный в 1991 г. и охватывающий всю северо-западную часть района (большая часть парка раскинулась вокруг Кенозера в соседнем Плесецком районе).

Однако общее число туристов невелико. В Каргополь едут в основном любители подлинной старины, а таких мало. Район проигрывает знаменитым северным местам: Кижам, Великому Устюгу. Каргополье – лишь один из очагов туризма, рассеянных по Северу и отстоящих друг от друга на сотни километров, что снижает туристический потенциал Ближнего Севера. Здесь и не надо бы раскручивать туриндустрию. В Каргополе и его окрестностях может расцвести турбизнес малый, частный, рассчитанный на туриста разборчивого, эксклюзивного. Для одних важна история и архитектура, для других – охота и сбор грибов, для третьих – народные ремесла и возможность научиться самому. Потомки старых мастеров создали частный музей игрушек и берестяных изделий, открыли магазин, ведут мастер-класс для всех желающих.

Однако туризм не может существовать изолированно. Иначе не избежать лубочности и музейности. Деревянные церкви в Каргополье вписаны в типичные северные села, окруженные лугами. Насколько потерялось бы впечатление от такой церкви, если бы рядом стояли избы с пустыми окнами-глазницами и провалившимися крышами, а вокруг вплотную подступал бы лес. Поэтому охранять надо весь ландшафт, причем ландшафт освоенный, измененный человеком, спасая землю от запустения.

Этот пример показывает, что организующая роль небольшого районного центра на Ближнем Севере для удержания советского индустриального (включая агроиндустриальное) хозяйства очень слаба, даже при наличии других предпосылок развития. Сказывается и периферийное положение Каргопольского района. Он не только удален от больших городов, железной дороги и крупных автомагистралей, но и расположен в глухом углу, на стыке Архангельской области с Карелией и Вологодской областью. Однако переход к более широкому использованию природного капитала и развитию экологического туризма (см. главы 10 и 11) вполне реален.

Правда, и в Каргополье все-таки есть более устойчивые очаги, связанные с локальной системой расселения. Например, Ошевенский куст относительно крупных сел на севере района лучше сохранил и население, и хозяйство. Подобные очаги изначальной концентрации более крупных поселений в этой в целом мелкоселенной зоне встречаются и в других регионах, например Тотемский район Вологодской области, который тоже выделяется лучшими показателями сельского хозяйства по сравнению с соседями (Аверкиева, 2012).

Костромской Ближний Север как полигон Угорского проекта

Костромская область не столь уникальна, как Каргополье, хотя не менее древняя. Кострома впервые упоминается в летописи под 1214 г. Располагаясь на волжском пути, она испытала экономический подъем в XVI–XVIII вв. В XIX в. здесь была развита фабричная индустрия и перерабатывалась почти треть российского льна, от которого голубели окружающие поля. Тем не менее, современная лесистость велика – 74%.

Города Костромской области

Кострома с ее 270 тыс. жителей заметно уступает по населению столицам соседних регионов: Ярославлю (606 тыс.), Иваново (404 тыс.) и другим. Поэтому ее влияние распространяется на меньшую территорию. Кроме столицы в регионе нет больших городов. Второй по размеру город – Шарья на востоке (удаленный от региональной столицы на 260 км) – в 7 раз меньше Костромы. Сама Кострома как центр субъекта Российской Федерации в макроэкономическом плане может быть отнесена к периферии Центрального федерального округа, находясь на его окраине. Еще в большей степени это касается всей Костромской области. Во многом это определило и благополучие ее городов.

Таблица 1.6 показывает, как менялась привлекательность городов во второй половине XX – начале XXI вв. В конце 1960-х и в 1970-х гг. население активно покидало не только сельскую местность, но и малые города. Положительное сальдо миграции имела только Кострома. К 1980 г. ситуация чуть выправилась, некоторые города (все равно относящиеся к категории малых) стали привлекать население – Буй, Нерехта, Шарья. А почти все города с населением менее 20 тыс. жителей продолжали его терять не только из-за

Таблица 1.6

Население и сальдо миграций в городах Костромской области с 1970 по 2010 гг., чел. в год

Города Костромской области	Население, тыс. чел.			Прирост в %	Сальдо миграций на 1000 жителей					
	1990	2000	2012	2012 к 1990	1970	1980	1990	2000	2005	2010
Кострома	280,9	287,2	269,3	96	14	8	3	8	3	1
Шарья	26,3	41,2	36,7	140	–10	2	4	0	7	1
Буй	32,0	34,4	25,2	79	–21	1	1	1	–1	–5
Нерехта	29,7	27,7	22,5	76	–5	3	–1	1	3	–1
Мантурово	21,9	20,7	17,1	78	–17	–7	1	4	0	–3
Галич	21,6	20,2	17,0	79	1	0	2	–4	–8	–3
Волгореченск	18,0	18,8	17,0	94				8	–1	2
Нея	13,1	11,9	9,6	73	–5	0	–2	0	–4	–3
Макарьев	9,2	8,3	7,2	78	–30	–6	6	3	0	4
Солигалич	7,5	7,0	6,3	84	–10	–4	0	1	–12	–4
Чухлома	5,5	5,5	5,3	96	–4	–6	8	6	1	–2
Кологрив	4,2	4,0	3,3	79	–18	–3	–4	7	12	5

Источник: Паспорта городов России, 1970–2010 гг.

естественной убыли, но и в результате отъезда. В 1990-х и начале 2000-х гг. ситуация была довольно изменчивой, но Кострома продолжала притягивать население, хотя и некоторые малые города стали привлекательны, например крошечный Кологрив, Чухлома, Макарьев. В основном они продолжали стягивать местное сельское население (в частности, дети забирали стариков из деревни в город, продавали сельские дома и прописывали их у себя), но появился и тоненький ручеек дезурбанизации в эти живописные и спокойные городки.

К 2010 г. привлекательными продолжали оставаться Кологрив, Макарьев, а также основные точки экономического роста региона: Кострома, Волгореченск, где расположена Костромская ГРЭС, и Шарья на востоке области, все больше берущая на себя роль второго центра региона из-за эксцентриситета его столицы. И хотя ее «бурный рост» связан с присоединением поселка Ветлужский, в последние годы благодаря миграционному приросту темпы уменьшения населения замедлились.

И все же не следует забывать, что несколько промилле сальдо миграций в Костроме и в Кологриве – это несопоставимые по абсолютным показателям величины. А естественная убыль очень велика. Например, после 2005 г. Кострома привлекала (в основном из своего региона) 200–300 человек в год, а естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью) составляла 1400–1500 человек. Кологрив привлекал от 15 до 30 человек в год, а естественная убыль достигала 55–65 человек в год.

Оценки состояния городов всей России неоднократно проводились нами ранее на базе данных из паспортов городов, собираемых Вычислительным центром Госкомстата России (Нефедова, Трейвиш, 2001, 2010). Основные показатели для оценки: 1) инвестиции на душу населения; 2) доля убыточных предприятий и организаций; 3) доля не занятых в экономике в общей численности экономически активного населения; 4) средняя зарплата работников, отнесенная к прожиточному минимуму; 5) потребление товаров и услуг на душу населения (также с поправкой на цены); 6) ввод жилья на душу населения; 7) его обеспеченность канализацией и телефонами. По каждому из перечисленных показателей сначала ряды ранжировались по десятибалльной системе, затем рассчитывались средние значения по всем показателям для каждого города и результаты переводились в привычную пятибалльную систему оценки.

Состояние городов в наибольшей степени зависит от их размера, статуса, функций и географического положения. Более бла-

гополучны в России крупные города (более 250 тыс. жителей), а особенно города с населением свыше 500 тыс. жителей. Для них характерны пониженный уровень безработицы, лучшие возможности трудоустройства, активный малый бизнес, высокий человеческий потенциал, собранный со своего региона или со всей страны. Крупнейшие города содержат в себе большой потенциал развития благодаря не только концентрации населения, но и созданию особой креативной социальной среды, и их часто противопоставляют периферии.

Состояние городов Костромской области на фоне других российских городов России неблагополучно. Во всех городах зарплата[6] превышала прожиточный минимум всего в 2–2,5 раза, за исключением Волгореченска, где заработки выше (табл. 1.7). Однако тратили люди свои деньги все равно в Костроме, которая выделяется по объему розничной торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения, или в других крупных городах. Доля официальных безработных в Костроме и Волгореченске самая низкая, хотя официальные показатели сильно занижают реальную картину безработицы.

Отличаются эти два города и по вводу жилья, что служит хорошим индикатором общей экономической активности. От них не сильно отстают Шарья и Галич. В остальных городах жизнь замерла, ничего не строится, большая часть их территории – сельские дома, не обустроенные даже элементарными удобствами.

По приведенным в табл. 1.7 показателям, сведенным в пятибалльную систему, Кострома (на фоне всех 1056 российских городов) получила в 2007 г. четыре балла, после последнего финансового кризиса – три балла. В середине 1990-х гг. ее состояние также оценивалось на три балла (Нефедова, Трейвиш 2001). Текстильные и машиностроительные предприятия Костромы с трудом находят или не находят свои ниши в новых условиях. Более устойчивыми оказались пищевая и деревообрабатывающая промышленность. Остальные города Костромской области сильно отстают от Костромы по многим формальным показателям, за исключением Волгореченска – города энергетиков, в котором и прежде уровень экономики и жизни населения были намного выше. Большинство городов с населением менее 20 тыс. жителей получили самые низкие оценки – один балл. Два балла в 2010 г. было только у Галича, Буя и Шарьи.

Что касается лесопромышленного комплекса, то играя важную роль в регионе, он не обладает значимыми конкурентными

[6] К сожалению, данные о реальных доходах в паспортах городов не приводятся.

Таблица 1.7

Некоторые показатели, характеризующие состояние городов Костромской области в 2010 г.

Города Костромской области	Население тыс. чел. на 1 января 2012 г.	Доля убыточных предприятий, %	Зарплата к прожиточному минимуму, раз	Розничная торговля и услуги к прожиточному минимуму на душу, раз	Доля безработных к экономически активному населению, %	Инвестиции на душу населения, тыс. руб.	Ввод жилья на 1000 чел., м	Обеспеченность жилфонда канализацией, %	Оценка в баллах 2010 г.	Оценка в баллах, 2007 г.
Кострома	269,3	35	2,7	3,6	1,9	16,2	292	93	3	4
Шарья	36,7	45	2,6	2,6	2,8	9,0	172	66	2	3
Буй	25,2	27	2,8	2,4	3,6	3,4	35	55	2	2
Нерехта	22,5	54	1,9	2,7	5,7	1,8	97	77	1	1
Мантурово	17,1	80	2,0	2,3	3,7	22,2	46	57	1	1
Галич	17,0	57	2,1	2,5	2,7	10,7	173	58	2	2
Волгореченск	17,0	50	3,6	2,1	1,7	47,7	146	100	4	3
Нея	9,6	63	2,0	2,0	5,9	1,8	72	29	1	1
Макарьев	7,2	33	1,7	1,9	6,5	2,5	56	36	1	1
Солигалич	6,3	35	2,0	1,0	7,5	1,3	78	18	1	1
Чухлома	5,3	36	2,1	1,6	7,9	0,5	77	43	1	1
Кологрив	3,3	75	2,1	3,0	7,1	4,9	30	8	1	1

Рассчитано по: «Паспорта городов России» 2007, 2010 гг.

преимуществами (Кузьминов, 2010). Удаленность от границы со странами – торговыми партнерами и истощение запасов хвойной, наиболее ценной древесины служили существенным препятствием развития лесопромышленного комплекса. Тем не менее, зарубежный концерн «Кроно Свисс Групп» в 2002 г. в г. Шарья разместил предприятие по производству древесно-стружечных плит, поскольку здесь была недорогая аренда лесосырьевой базы из-за отсутствия интереса инвесторов. По мнению И.Ф. Кузьминова, «этот случай (к сожалению, для Костромской области единичный) демонстрирует, как инвестиционная непривлекательность может стать причиной специфичной инвестиционной привлекательности» (2010).

До последнего кризиса 2008–2011 гг. Шарья даже имела оценку три балла (Нефедова, 2010), приход иностранных инвестиций способствовал общему оживлению экономической жизни в 2000-х гг. Таким образом, ее миграционная привлекательность (см. выше) во многом связана с лучшим экономическим положением и отсутствием на огромном пространстве между Костромой, Кировом и Нижним Новгородом больших городов. Все это объективно делает Шарью субцентром Костромской области. Формирование таких новых растущих центров в российской глубинке в рыночных условиях – весьма перспективная тенденция, способствующая некоторому оживлению периферии регионов.

Таким образом, большинство городов пытается выживать, опираясь на лесопереработку и местную пищевую индустрию. Население городов вынуждено подрабатывать, как может, в том числе отходом в Москву и Подмосковье и с помощью личного подсобного хозяйства.

Сельская местность Костромской области

Для области, как и для других регионов Ближнего Севера, характерна очень сильная депопуляция сельского населения. В 2010 г. в ней осталось 36% от численности населения 1959 г. И даже за последние 8 лет (с 2002 по 2010 г.) потери сельского населения составили 16%.

Из-за упадка промышленности и слабой инвестиционной привлекательности сельское хозяйство, хотя и находится в кризисе, дает 17% валового регионального продукта области (Регионы России, 2010), что значительно больше, чем в среднем по России. И хотя доля сельскохозяйственных угодий сравнительно невелика

(16%), в сельском хозяйстве только на крупных и средних предприятиях области в 2011 г. работало около 20% всех занятых сельских жителей.

Сельскохозяйственные земли убывали в течение всего XX в. (рис. 1.13), но, как и в других регионах Ближнего Севера, наибольшие потери произошли в 1990–2000 гг. Было выведено из оборота 460 тыс. га, или 64% пашни 1990 г. Большая ее часть постепенно зарастает лесом.

Рис. 1.13. Изменение площади сельскохозяйственных угодий, пашни и посевной площади сельскохозяйственных землепользователей в Костромской области с 1897 по 2010 гг., тыс. га
Источники: Народное хозяйство РСФСР, 1991; Регионы России, 1998, 2011; Земельный фонд РСФСР, 1961, 1976, 1990.

Именно типичность Костромской области на Ближнем Севере делает ее очень важным объектом наиболее подробного исследования в рамках Угорского проекта. Причем исследования на разных масштабных уровнях от региона в целом и его внутренних различий до отдельных районов, поселений и деревень.

И прежде население максимально концентрировалось вдоль Волги и вблизи Костромы на юго-западе Костромской губернии. В 1897 г. плотность сельского населения в Костромском уезде составляла 33 чел. на кв. км, в соседнем Нерехтском к югу от Костромы – 42, в Буйском и Галичском к северо-востоку – 25, в остальных уездах колебалась от 13 до 15 чел. на кв. км (Брокгауз и Ефрон, 1898). Сейчас плотность сельского населения в пригородном районе – 22 чел. на кв. км, в соседних районах – уже 6–10, а на периферии области – 2–3 человека.

Для Ближнего Севера характерно мелкоселенное расселение с относительно небольшими деревнями, быстро теряющими насе-

Рис. 1.14. Численность сельского населения Костромской области по зонам удаленности от Костромы с 1950 по 2010 г., тыс. чел.

Расчеты автора по (Народное хозяйство, 1994, Городские округа, 2010), а также по архивным данным.

ление, но не равномерно. Если проследить динамику показателей в относительно спокойное послевоенное время, то трансформация пространства и усиление различий между пригородами и периферией внутри региона станут особенно явными. Только в пригородном Костромском районе с 1959 г. почти не изменилась численность сельского населения, в то время как во всех остальных районах его осталось менее трети[7] (рис. 1.14).

В некоторых районах на периферии области с начала XX в. численность сельского населения уменьшилась почти на порядок, а с 1959 г. – в 4–5 раз.

При такой убыли сельского населения посевную площадь до 1990 г. пытались расширять даже на периферии (рис. 1.15). Но поголовье скота, кроме пригородов и полупригородов, начало уменьшаться и при социализме.

Резкий рост пространственной вариации сельского населения за счет его оттока из удаленных районов начался в послевоенные годы и на первых порах сопровождался адекватной поляризацией хозяйственной деятельности (рис. 1.16). Однако в 1970–1990 гг.

[7] Если сгруппировать все 24 административных района Костромской области в порядке соседства с областной столицей (единственным городом с населением свыше 100 тыс. жителей), то можно выделить **пригород** – Костромской район. Затем идут соседи Костромского района, т.е. соседи столицы второго порядка, их можно назвать **полупригородом**. Соседи 3 и 4 порядка – полупериферия, 5–6 порядка – **периферия**. И наконец, из-за эксцентриситета областной столицы на юго-западе региона здесь есть и соседи 7–9 порядка, которые можно назвать **дальней периферией**.

Рис. 1.15. Посевная площадь в зонах разной удаленности от Костромы с 1950 по 2010 г., тыс. га

Расчеты автора по (Народное хозяйство, 1994, Городские округа, 2010), а также по архивным данным.

рост коэффициента пространственной вариации населения сильно опережал соответствующие коэффициенты вариации хозяйственных показателей, что и привело при отсутствии соответствующих адаптационных механизмов к тяжелой депрессии сельского хозяйства (несмотря на большие дотации), особенно в периферийных районах. Результаты сельскохозяйственной деятельности напрямую связаны не только с нехваткой трудовых ресурсов, но и с состоянием социальной среды.

Еще в советское время надои молока от одной коровы вблизи Костромы были намного выше, чем на периферии (рис. 1.17). В 1990-х гг. в результате кризиса продуктивность снизилась всюду, но общий экономический рельеф от пригородов к периферии сохранился. В 2000-х гг. надои молока выросли, но при этом общий градиент усилился.

Таким образом, как и в других регионах Ближнего Севера и в целом в Нечерноземье, собственно географические факторы структуризации сельского пространства области, т.е. положение на оси «пригород – периферия» оказались для ее сельской местности куда важнее политических, институциональных и общеэкономических факторов (Нефедова, 2012, 2013).

Пригородный Костромской район, несмотря на сравнительную маломощность Костромы, концентрирует и население, и агропроизводство. На 3,4% территории живет пятая часть сельского населения и производится четверть всей сельскохозяйственной продукции области. Численность сельского населения пригородного

Рис. 1.16. Изменение коэффициента пространственной вариации сельского населения и некоторых показателей сельского хозяйства в Костромской области с 1950 по 2010 г., в %
Коэффициент вариации рассчитывался как частное от деления стандартного отклонения показателей по административным районам к среднему значению по региону.

Рис. 1.17. Надой молока от одной коровы в 1990, 2000 и 2010 гг. в Костромской области в зонах разной удаленности от Костромы, кг в год
Расчеты по: Городские округа, 2004, 2009, 2011.

района составляла в 2010 г. 85% от уровня 1959 г., причем большая его часть жила в селах с населением более 100 человек, в основном вблизи Костромы. В пригороде активно используется накопленный в советское время производственный потенциал. Сюда приходит бизнес, идет укрупнение агропредприятий.

Кризис 1990-х гг. сказался и на пригородах. Посевная площадь сократилась почти наполовину, поголовье крупного рогатого ско-

та – на 60%, зато некоторые крупные предприятия сумели сохранить и модернизировать производство.

Но пригородная зона имеет и свои особенности. Возможности развития сельского хозяйства Костромского района ограничены сильной конкуренцией иных землепользователей, прежде всего дачной рекреацией костромичей. Помимо изъятия земель под застройку, в последние годы стали выгодны вложения в землю, цена которой в пригородах быстро растет, поэтому сельскохозяйственные земли активно скупают банки и даже частники. Имеют место искусственные банкротства даже успешных производителей. Здесь сохранятся лишь крупнейшие предприятия, прочно занимающие нишу на рынке, которые уже создают свои землеемкие филиалы в соседних полупригородных районах.

В полупригородах тоже много костромских и более дальних дачников, но ажиотаж вокруг земель меньше. Перспективы для крупнотоварного сельского хозяйства здесь тоже есть, они концентрируют больше всего скота. Но здесь и больше фермеров (на 1000 чел. сельского населения – 5 хозяйств, в то время как в других районах – 1–2). При наличии свободных земель сельская среда здесь не столь безнадежна, как на периферии. Важна и относительная близость города.

В периферийных и полупериферийных районах сельское население росло до 1917 г. и с тех пор только убывало. Сохранилось менее четверти населения 1959 г., из них только 23% живут в населенных пунктах более 100 чел., остальные рассредоточены по малым деревням. Длительный отрицательный социальный отбор, затяжная безработица, связанная с упадком агропредприятий, большая часть которых безнадежно убыточна, и постепенная деградация социальной среды дополнили количественное оскудение качественным.

Но есть на периферии и уникальные миры. В наиболее удаленные медвежьи углы и депопуляция, и экономический кризис доходили с опозданием. Таковы, например, Вохомский и Октябрьский районы Костромской области на крайнем северо-востоке области. Они прежде обладали большей плотностью сельского населения и более успешным сельским хозяйством, чем другие периферийные районы, благодаря положению в так называемом «северном ополье» с более благодатными природными предпосылками для сельского хозяйства (частичный аналог Каргополья).

Но удаленность от областного центра в рыночных условиях оказалась неумолимым фактором социальной деградации, несмотря на наличие локального очага развития в виде Боговаровского мас-

лозавода, входящего в агрохолдинг «Костромамолпром» (Аверкиева, 2012). В последние годы по многим социально-экономическим показателям эти районы стремительно «догоняют» самые депрессивные районы области.

Хотя Костромская область и типична для Ближнего Севера, меньшая величина ее столицы по сравнению с другими регионами и ее западный эксцентриситет обостряют проблемы ее периферии. Они усиливаются и тем, что здесь как бы сходятся малоосвоенная внешняя и депопулировавшая внутренняя периферия со своими особенностями и проблемами (Нефедова, 2012).

Если считать только удаленные районы, то к периферии можно отнести 55% территории Костромской области. Если же считать все районы за пределами пригорода и полупригорода (т.е. за пределами более активных районов-соседей 1 и 2 порядка к столице области), то их площадь составит 83% территории или 50 тыс. кв. км. На этой территории обитает 60% сельского населения области или более 130 тыс. чел., находится более 2300 сельских населенных пунктов. Из них 565 деревень уже не имеют местного населения (хотя и продолжают числиться населенными пунктами), и в 850 деревнях живет менее 10 чел., т.е. они тоже вскоре лишатся постоянного населения. Да и для 460 деревень с населением от 10 до 50 чел. многие описанные в этой главе социально-экономические проблемы весьма актуальны.

Костромская периферия на районном уровне

Рассмотрим более подробно специфику периферийных районов Костромской области. Мантуровский район расположен на реке Унже, притоке Волги (центр района – город Мантурово с 16 тыс. жителей – отдельное муниципальное образование). Это пример российской глубинки, равноудаленной от больших городов (250–300 км от Костромы, Кирова, Нижнего Новгорода, 550 км от Москвы).

В Мантуровском районе освоена лишь узкая полоса земли вдоль высокого и лучше дренированного левого берега реки Унжи, где издавна шел Вятский тракт, на который и были «нанизаны» деревни (рис. 1.18). Вдоль них в советское время почти непрерывной полосой тянулись распаханные поля.

Немного в стороне, но недалеко от деревень прошла новая федеральная трасса Кострома – Киров. Но на федеральную она не очень похожа, асфальт местами в дырах изрядного размера и глубины,

Рис. 1.18. Населенные пункты (черный цвет) и сельскохозяйственные земли (серый) Мантуровского и части Макарьевского районов вдоль реки Унжа

и в первой половине лета до очередного латания дыр по ней трудно проехать.

В сельском хозяйстве в 2010 г. было занято 36% всех официально работающих в Мантуровском районе, в промышленности – 20%. Основную, хотя и небольшую прибыль району дает все-таки промышленное производство, 87% которого – лесозаготовки и лесопереработка. Остальные работники заняты в бюджетной сфере, в том числе в образовании – 22%.

Играя важную роль в социально-экономическом функционировании района, его лесопромышленный комплекс, несмотря на повышенную лесистость, не обладает конкурентными преимуществами из-за удаленности и истощения лесосырьевых ресурсов. Крупное лесозаготовительное предприятия «МантуровоЛес» распалось в 1990-х гг. на небольшие предприятия, поставляющие древесину на фанерный завод г. Мантурово (кроме того, завод собирает древесину и с более северных районов области). В соседнем Шарьинском районе в результате прямых инвестиций зарубежный концерн «Кроно Свисс Групп» построил в 2002 г. новый завод, производящий древесно-стружечные плиты и составивший конкуренцию местному лесному комплексу.

В результате в наихудшем положении оказались даже не сельскохозяйственные населенные пункты района недалеко от трассы Кострома-Киров, где население к тому же может продавать грибы-ягоды, а удаленные лесопромышленные поселки.

В Мантуровском районе все еще работают десяток сельскохозяйственных предприятий и всего три фермерских хозяйства. На агропредприятиях занято от 13 до 70 человек (в советское время это были колхозы с 100–300 занятыми). В последние годы кое-как сводили концы с концами только четыре предприятия. Остальные имеют огромные долги и почти свернули деятельность. Но их никто не банкротит. Они просто никому не нужны. И все же при сильном отставании многих показателей производства от среднероссийских и даже средних костромских некоторые хозяйства имеют шансы уцелеть, например, за счет поддержки молокозавода города Мантурово, нуждающегося в стабильной сырьевой базе и входящего в систему молочного агрохолдинга «Костромамолпром», или с помощью администрации района (МУП).

Костромская периферия на уровне поселения: исторический и социально-географический анализ

Угорское поселение расположено на юге Мантуровского района, т.е. к проблемам внешней и внутренней периферии добавляются проблемы локальной периферии. Природные условия здесь сложные. Место всегда было лесное и заболоченное. Крестьянам приходилось прежде всего под пашни и луга расчищать лес. Земледелие долго оставалось экстенсивным и подвижным – подсечно-огневым. Деревни располагались около заливных лугов, поэтому они, как правило, тянутся по рекам.

Поскольку своего хлеба до весны не хватало, покупали дешевый хлеб с Волги. Необходимы были деньги, а значит, промыслы. Главные заработки давал в этих районах лес. В Малых Угорах была лесная ярмарка. Сюда плотами по Унже сплавляли древесину, здесь шла активная торговля, далее лес сплавляли к Нижнему Новгороду.

Почти половина сельского населения в трудоспособном возрасте, в основном мужчины, занимались неземледельческим промыслом. Столько же шло и доходов. Главный промысел, помимо леса, был валяльно-катальный и шерстобитный. Был привычен «отход» населения в другие районы на «жгоны» (катать валенки). По переписи 1897 г. на этой территории проживали 1,9 тыс. человек.

В начале XX в. на территории современного Мантуровского района наблюдался поистине лесной бум (Торопов, 1998, с. 45–47). Изобилие крестьянских рабочих рук в то время позволяло петербургским, московским и иностранным лесопромышленникам быстро возводить лесопилки и заготавливать большие объемы леса. Правда, сравнительная удаленность Угор от Мантурово несколько тормозила включение местного населения. В основном крестьяне продолжали жить своим натуральным хозяйством, дополняя его привычными промыслами.

Первое укрупнение колхозов произошло в 1936 г. Уже тогда была очевидна поляризация хозяйств в районе, как и во всей области. Поэтому специальным решением Костромского областного совета в 1947 г. все колхозы были разделены на три группы: сильные, средние и слабые. Причем нормы госпоставок для сильных хозяйств в два раза превышали нормы для слабых (Торопов, 1998, с. 116). В начале 1950-х гг., как и во всей стране, прошло еще одно укрупнение колхозов, которых в районе стало в четыре раза меньше. В Угорском сельсовете их осталось два, с центральными усадьбами в Угорах и в Хлябишино. При этом пахотные земли все расширялись, продолжая традиции экстенсивного природопользования. Советская власть, больше всего боявшаяся голода в городах, оттягивала крах зернового хозяйства этих северных районов, не считаясь с затратами.

Недолгим послевоенным «расцветом» местное сельское хозяйство обязано Н.Ф. Сперанскому, который возглавлял в Угорах колхоз им. Ленина (после объединения с Хлябишинским колхозом «Свобода») с 1959 по 1979 г. Благодаря ему кризис, начавшийся в других хозяйствах гораздо раньше, здесь задержался. Но избежать его не удалось даже талантливому руководителю.

В замечательных очерках Юрия Шакутина «Письма из Угор» (1985) подробно описано село Угоры в конце 1970-х гг. Несмотря на любовь автора к этой земле и восхищение людьми, эти очерки – приговор здешнему сельскому хозяйству. Приведу лишь некоторые выдержки.

«Земля наша рукотворная. Чуть попустил – и нет ее: лес да кустарник, как на дрожжах прут... Без дренажа – поле не поле».

«Из полутора тысяч гектаров угорской пашни пока приведены в относительный порядок чуть более 200. Лишены они элементарной возможности вовремя заехать в поле и отсеяться в оптимальные сроки» <...>

«В 1972 г. получили 7 ц/га. До и после – тоже крохи. Продукция растениеводства, в том числе зерна, вся убыточна, хотя производство зерна механизировано на все сто процентов». <...>

«Сколько прожил в Угорах – все слышал: торф, торф, торф... По двадцать с гаком тонн на гектар вывозят. С навозом это тридцать с лишним тысяч тонн. По объему больше, чем весь снятый урожай...».

«Сеют они льна много, не по своим силам. Вернее, их заставляют сеять. Даже со своими низкими урожаями не справляются. Льнозаводы, рассчитанные на переработку тресты, не могут принимать соломку... Остается лен на поле, жгут его по весне».

Сперанскому удавалось выбивать деньги и развивать социальную сферу. Был создан фельдшерско-акушерский пункт, работали восьмилетняя и начальная школы, кинопередвижки, библиотека, почта. В 1970-е гг. в колхозе началось строительство первого в районе Дома культуры. Более того, его авторитет позволил Сперанскому нарушать и насаждаемую партийными органами сельскохозяйственную моноспециализацию. Он поставил пилораму и завел промыслы. Был открыт цех, изготавливающий деревянные ящики под овощи и фрукты, которые отправляли в южные регионы. Женщины шили зимой рабочие рукавицы, в то время дефицитный товар.

После смерти Н.Ф. Сперанского колхоз продержался по инерции несколько лет. Но долги нарастали. В 1990-х гг. сменилось несколько руководителей. Во второй половине 1990-х гг. оставалось еще до 700 голов КРС. Скот резали, как только нужны были деньги. Племенное поголовье было разбазарено. Удобрения не вносили. Техника постепенно приходила в негодность. Выручали лошади – ведь для этой «техники» солярки не надо, достаточно сена за рекой накосить. Но и сено косить перестали, лошадей уже нет, а конюшня разрушена. Лен сеять прекратили, поскольку он слишком затратен и требует много ручной работы. Но и молоко выходило убыточным. Выручал по-прежнему лес, который давал до 30% дохода колхоза. Тем не менее, в колхозе, который взял новое имя «Свобода», в середине 1990-х гг. еще оставалось 120 человек. Затем произошел перелом – большая часть по возрасту ушла на пенсию, а смены уже не было.

В Угорском поселении к моменту его объединения с соседним Леонтьевским оставалось 12% от его максимальной численности в 1926 г. (рис. 1.19). При этом 62% было сконцентрировано в центре Угорского поселения – деревне Угоры. Еще две деревни имели около 30 жителей, остальные – по 10 и менее человек. Тем не менее, в поселении числилось около 300 человек, и это не так мало. Пока работает

Рис. 1.19. Население на территории современного Угорского сельского поселения, с 1897 по 2007 г., чел.

школа (возможно, последний год), почта, магазин, библиотека. Клуб закрыт, на его содержание уже нет денег. Есть более 20 детей, в т.ч. 16 учеников в школе-девятилетке. Но половину всего населения составляют люди пенсионного возраста. В Угорах пенсионеров и инвалидов меньше – 38%, в малых деревнях – большинство.

К середине 2000-х гг. посевная площадь сократилась в несколько раз по сравнению с 1990 г. В 2011 г. засевалось овсом всего два поля на корм оставшемуся скоту, общей площадью 170 га из 1367 га числящейся за СПК пашни. Большая часть лугов и полей никем не востребованы и зарастают лесом. Вопреки опасениям, никто не стремится их «захватить». До введения в 2007 г. нового Лесного кодекса часть убытков от сельского хозяйства компенсировала продажа леса, хотя бесплатно СПК получал преимущественно низкокачественные леса. Теперь по новому Лесному кодексу он вынужден платить за аренду леса на общих основаниях. Долги предприятия растут.

Более чем половина прописанного в Угорском поселении трудоспособного населения в 2011 г. не работала в поселении: 23% трудоспособных постоянно работали или учились в городах (Мантурово, Костроме, Москве), 30% считались безработными, хотя на учете в службе занятости района стояли всего 5% трудоспособного населения. Все эти цифры и по доле реально обрабатываемых земель и по доле незанятых, полученные путем обследования на месте, говорят о низком качестве официальной статистики землепользования и занятости. Часть реально безработных время от времени подрабатывала на отходе, чаще в Москве и Московской области.

Таким образом, о количественном дефиците трудовых ресурсов говорить не приходится. Даже в таких глубинных депопулировавших районах имеет место количественный избыток населения в сельской местности при недостатке рабочих мест. Но эти рабочие места не появляются из-за институциональных и бюрократических ограничений, конкуренции городских вакансий и качества местной рабочей силы. Получается замкнутый круг.

В 2008 г. с помощью студентов проводилось анкетирование местного населения в Угорском и соседнем Леонтьевском поселениях с большой выборкой, составлявшей 20% домохозяйств (Нефедова, 2008). Анкета включала несколько блоков: 1 – о доме и его жителях; 2 – о личном хозяйстве, его ведении и отношении к колхозу; 3 – об использовании природы; 4 – о взаимоотношении города и деревни (наличие детей в городах, частота их приезда, частота поездок в города, отношение к дачникам); 5 – об организации сельской жизни и мерах по ее обустройству.

Рис. 1.20. Изменение объема продукции своего хозяйства в 2008 г. по сравнению с 1990 г., % от ответивших.

Рис. 1.21. Как бы местные жители вели хозяйство при гипотетическом увеличении иных доходов, % от ответивших

Опросы и данные местной администрации показали, что переход населения к частному хозяйству даже при кризисе колхозов в таких районах проблематичен. Большинство населения уменьшило производство продукции в своем хозяйстве (рис. 1.20). Три фермерских хозяйства на весь Мантуровский район организованы приезжими.

Товарность же местных личных хозяйств населения очень низка. Лишь 14% домохозяйств готовы к товарному производству, если им оказать ту или иную помощь (рис. 1.21). Местное население не продуцирует из своей среды

мелких предпринимателей в сельском хозяйстве (редкие предприниматели, в основном в торговле) и настороженно относится к приезжим. Но считает, что жить стали хуже, лишь половина опрошенных.

Ориентация сельского населения на города ярко выражена. На вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваши дети жили в городе?» отрицательно ответили лишь 15% опрошенных. Причем для них самих, особенно для пенсионеров, городская жизнь не кажется привлекательной, около 80% не хотели бы переехать в город, но для своих детей они желают иной жизни.

Модели экономики пространственного сжатия

Хотя Мантуровский район Костромской области и Угорское поселение представляют типичную ситуацию для довольно обширного макрорегиона, включающего периферийные районы Ближнего Севера и в целом Нечерноземья, это менее 15% территории России. В пригородах больших городов сельская местность и сельское хозяйство развиваются, хотя и меняются. На юге село совсем другое, тоже более полнокровное. А на более Дальнем Севере и востоке России при той же и даже большей разреженности населения не было такой длительной депопуляции. Везде есть свои проблемы, но расширение проблем нечерноземной глубинки на всю Россию было бы грубейшей ошибкой.

Внутренняя периферия, полигоном изучения которой стал Угорский проект, часто находится в 2–3-часовой доступности от больших городов. Однако это не уменьшает проблем периферийных территорий, которые все больше выпадают из использования и сферы контроля региональных властей. Именно в этих районах особенно явно проступает зависимость современного развития от накопленных в советское время региональных проблем – региональная генетика по А.Н. Пилясову (Пилясов, Замятина, 2012).

Вряд ли следует ожидать в ближайшие годы возвращения в депопулировавшие периферийные районы постоянного населения. Сохранение части поселений и очагов деятельности в них возможно лишь благодаря внешним импульсам: городским дачникам и мигрантам в сельскую местность, рыночной поддержке, в том числе столичным и иностранным бизнесом некоторых предприятий в небольших городах и в сельской местности как локальных точек экономической активности. Однако разрушение местной инфраструк-

туры по мере угасания постоянной жизни отнюдь не способствует этим процессам.

Из всех моделей, связанных с занятиями местного сельского населения, в таких районах спонтанно осуществляются *модели экономики пространственного сжатия при ее диверсификации* (Нефедова, 2010, 2012). Они не остановят уменьшения населения, сокращения крупноплощадного сельского хозяйства и сжатия освоенных территорий, но, увеличив очаговость освоения и разнообразие занятий, спасут от тотального забрасывания земель и деревень.

Первая модель предполагает сохранение сельскохозяйственных предприятий в резко уменьшенном виде до тех пор, пока они востребованы местным населением или предпринимателями, местными или пришлыми. Районные администрации по-прежнему ориентированы на крупные предприятия, хотя и соглашаются, что выживут не все.

Но даже убыточные хозяйства, почти ничего не дающие на общероссийский рынок, но имеющие местный сбыт, для таких районов важны. При минимуме людей, на которых можно опереться, и сильном сокращении посевов и поголовья скота они превращаются в своеобразные фермерские хозяйства своих руководителей, хотя и продолжают числиться сельскохозяйственными производственными кооперативами. Люди сами находят приемлемый выход из сложной ситуации. Главное – не подталкивать их к банкротству. Оставаясь поставщиком продукции на местные заводы в малых городах, они тем самым способствует и их выживанию.

Вторая модель предполагает поддержку мелкого частного хозяйства и повышение уровня его товарности, что возможно в районах, лучше сохранивших трудовые ресурсы или сумевших привлечь и задержать мигрантов. Главным фактором, помимо человеческого капитала, для реализации такой модели оказывается степень включенности района в систему экономических связей (транспортная доступность, наличие недалеко розничных рынков и других потребителей, в том числе дачников), а также снижение бюрократических проволочек и транзакционных издержек по сельскохозяйственному реосвоению части заброшенных земель бывших колхозов.

Третья модель – стимулирование видов деятельности, связанных с использованием природных ресурсов леса и воды (малые лесозаготовительные и лесоперерабатывающие предприятия, заготовка и переработка грибов и ягод, охота, туризм и т.п.). По сути, это уход от монофункционального сельскохозяйственного разви-

тия сельской местности. Население чаще всего выбирает самый простой путь – собирательство.

Четвертая модель – развитие сектора услуг. Неформальный сектор услуг уже присутствует в сельской местности: ремонт и строительство домов, ремонт машин, электротехнические услуги и т.п. Эта модель дополнительной занятости существовала и раньше (были специалисты печники, кровельщики и т.п.).

В Нечерноземье в последние десятилетия ее развитие стимулируется дачниками. Немногие работящие мужики отказались от постоянной занятости и полностью переключились на свободный график заказов, очень плотный в летний дачный сезон. Такие фрилансеры в сельской местности весьма типичны и для других регионов (Калугина, 2012).

Пятая модель – сохранение некоторых малых городов и деревень как достопримечательных мест. Причем не только имеющих ценные памятники истории и культуры, но и традиционную застройку. В России подобные традиции пока не получили развития. Правда, с начала 1990-х гг. благодаря распространению идей Конвенции об охране Всемирного природного и культурного наследия культурный ландшафт стал постепенно рассматриваться как категория наследия[8]. Для Ближнего Севера, сохранившего облик традиционных северных деревень с огромными избами на высоких подклетях, объединенными со скотным двором, это особенно важно. В некоторых районах это может быть закреплено специальным законодательством на национальном, региональном или районном уровне (Закон № 73 «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», 2002 г.). И хотя такой практики крайне мало, даже небольшое дополнительное финансирование помогло бы сохранить уникальный облик деревень, хозяйства их населения и антропогенные ландшафты в целом хотя бы вокруг деревень, церквей и т.п.

Если же остаются только старики, может реализовываться **шестая модель** – специальная социальная поддержка населения. Ведь

[8] Наиболее активно эти идеи развиваются в Российском НИИ культурного и природного наследия им. Лихачева, где выработаны следующие принципы охраны культурного ландшафта: наследие включает не только недвижимые и движимые памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, ремесла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, этнокультурную среду и природное окружение; наследие представляет собой системное образование, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды; основным объектом охраны становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами культурной и хозяйственной деятельности (Культурный ландшафт, 2004, с. 7).

депопулировавшие деревни – это, по существу, дешевые дома престарелых, которые отчасти и продуктами себя обеспечат. Но им необходимы автолавки, доступная медицинская помощь, регулярные автобусные маршруты, доходящие до всех живых деревень, что дает дополнительные рабочие места и в местных центрах.

Последнее время все большее значение приобретает **седьмая модель** – дачного реосвоения удаленной глубинки. Дачникам и новым путям возможного развития территорий Ближнего Севера, тем не менее, тесно связанным с современными процессами депопуляции и расселения, посвящена глава 4.

Заключение

Научные стратегии сохранения депопулировавших территорий Ближнего Севера огрубленно можно свести к трем основным: 1) социальный романтизм, 2) социально-экономический дирижизм и 3) географический реализм.

Под *социальным романтизмом* понимается убежденность в массовом потоке горожан в удаленные деревни и малые города как бегство от стрессов и плохой экологии крупных центров (Покровский, 2010, 2012). Это не пригородная субурбанизация, не дальние дачи московской и питерской интеллигенции (см. главу 4) и не дауншифтинг с возвращением к занятиям, связанным с сельской жизнью и сельским хозяйством. Это новое качество жизни, основанной на проведении большей ее части вдали от городов на природе, но без полного разрыва с городом и городской работой. Интернет действительно полон пожеланий молодежи, людей относительно свободных, особенно творческих и IT профессий, уехать из Москвы в деревню.

Но если внимательно вчитаться в их требования к новому желаемому образу жизни, то оказывается, что им помимо природы нужны благоустроенные дома с водопроводом, канализацией, европейской кухней, широкополосный Интернет, молодежная социальная среда, часто кафе – т.е. то, что можно найти в городах или недалеко от них, но никак не в удаленной северной деревне. Для обустройства жизни в сельской местности людей подобных профессий нужны специальные фирмы, занимающиеся строительством, ремонтом и сервисом. Но тогда не надо иллюзий – о сохранении культурного, да и природного ландшафта придется забыть. В лучшем случае это будут деревянные дома «а-ля рюс», в худшем – современные коттеджи. Но тогда не надо уезжать так далеко. Подобные деревни

куда легче создать ближе к Москве. Возможно, на их строительство и рассчитана массовая скупка риэлторами земель в Подмосковье и в смежных с Московской областях.

Социально-экономический дирижизм – очередная попытка осчастливить людей насильно, хотя за ним стоит элементарная экономия бюджетных средств. Зачем содержать малокомплектные школы, клубы, сельские администрации? Гораздо дешевле их закрыть, а детей (если они еще останутся) возить в школы крупных сел или райцентров на автобусах или отправить в интернаты. Зачем нужны сельские больницы, если там нет новейшего дорогого оборудования? Главные аргументы – низкое качество образования и медицинского обслуживания в сельской местности, отсутствие равных с городскими возможностей и конкурентной среды в сельских школах, где в классе вместо 30 учатся 2–3 ученика, а порой объединяют несколько уровней из-за отсутствия учеников. Возможно, это верно для старших классов, но никак не для младшей школы, ведь не всякий родитель позволит маленькому ребенку уезжать в школу за 20 км и тем более отдаст его в интернат. К тому же школа – это системообразующий элемент в сельской местности, а социальная сфера – главный источник занятости местного населения.

Тем не менее, последние действия властей по объединению сельских поселений и сокращению бюджетных расходов только стимулируют процессы обезлюдения и сжатия освоенного пространства. Во многих сельских поселениях, включая рассматриваемое Угорское, это объединение уже состоялось. Угорское поселение присоединили к соседнему Леонтьевскому, расположенному ближе к городу, туда перенесен центр поселения. Расстояние от него до многих деревень увеличивается с 5–7 км до 15–20 км. Угоры превратятся из центра местной жизни в обычную деревню, и их ждет судьба деревни Хлябишино, которая тоже была центром и имела более 300 жителей (сейчас – 30).

Озвучиваются и более радикальные преобразования, например, переселение из удаленных малых деревень в райцентры. При этом неудачный опыт 1960–1970-х гг. с переселением из неперспективных деревень, вызвавший усиление оттока из деревни, уже забыт (Иоффе, 1990). А ведь именно тогда стало очевидно, что разрушение естественной каждодневной «привязки к своему огороду» в сельской местности губительно. Ведь работы мало и в райцентрах, а главного средства самопрокорма – своих, отцами и дедами возделанных земель – люди лишатся, или им придется ездить на огороды, что для многих накладно и хлопотно. Обычно подобные

изменения нарушали сложившиеся социальные и экономические связи и в конечном итоге приводили совсем не к тем результатам, на которые были рассчитаны (Глезер и др., 2008). Отсюда невозможность реализовать новые модели развития и сохранения населенных мест. Это грозит полной потерей социального контроля над удаленными староосвоенными территориями Нечерноземья.

Географический реализм исходит из понимания того, что равных возможностей быть не может (иначе, например, все дети должны бы учиться в элитных московских школах). Каждое место – большой, средний, малый город, пригородная и удаленная деревня – имеет свои достоинства и недостатки. Эти ограничения надо понимать, недостатки социальной сферы отчасти компенсировать, но не подталкивать людей к отъезду из тех мест, где они хотят и могут жить.

Экономическое пространственное сжатие, повторю, происходит спонтанно. Его можно регулировать с целью сохранения и развития основных очагов любой активности, включая несельскохозяйственную. Но управление в широком смысле вовсе не должно сопровождаться целенаправленным социально-инфраструктурным сжатием, поскольку большинство жителей современной нечерноземной глубинки, особенно малых деревень – это пенсионеры и дачники, для которых главное именно социальная инфраструктура.

Подведем итог. На региональном и межрегиональном уровне за пределами благодатного российского юга наибольшее сельскохозяйственное значение имеют пригороды больших городов, где успешные агропредприятия уже сейчас нуждаются в защите от агрессивных финансовых и строительных структур. На остальной территории Нечерноземья единичные примеры крупнотоварного сельскохозяйственного производства связаны с накопленным в прежние годы производственным потенциалом или локализацией филиалов агрохолдингов. Успешное развитие предприятий и фермерских хозяйств лимитируется социальными и институциональными факторами при обилии заброшенных земель. Новые виды мелкого предпринимательства более характерны для Поволжья, Урала и Зауралья, чем для депопулировавших староосвоенных мелкоселенных районов Нечерноземья.

В староосвоенных регионах Нечерноземья распределение землеемких отраслей хозяйства все больше приобретает подобие линейно-узловых структур, поскольку любая деятельность концентрируется недалеко от городов и транспортных магистралей. Оставшееся за пределами этих структур население, потеряв наиболее активную свою часть в результате долговременных миграций в города, в современных условиях бюджетного перераспределения

доходов не имеет стимулов экономического развития, что способствует еще большей его маргинализации и усилению отъезда молодежи, что отталкивает инвестиции.

На локальном уровне в пригородах регионов Ближнего Севера важны проблемы оптимизации землепользования в условиях острой конкуренции за землю. В удаленных районах, где еще сохранилось население, выжившие, хотя и преимущественно убыточные, средние и малые предприятия нуждаются в дотационной поддержке даже не как крупнотоварные производители, а как сырьевые базы небольших пищевых заводов в малых городах, поддерживающие минимальный уровень использования территории вокруг деревень, и как социальные институты для сохранения местных сообществ. Важной задачей становится не столько восстановление советского землеемкого наследства, сколько поддержка ростков постиндустриального развития, включая волны дачного освоения (см. главу 4), которое сберегает деревни и способствует появлению услуг, задерживающих местное население. А главным институциональным вызовом остается стимулирование возвращения отходников в деревню. Главное для таких районов – это сохранение имеющейся социальной инфраструктуры там, где проживает население.

Литература

1. *Аверкиева К.В.* Вынужденные инновации в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны России как ответ на «сжатие пространства» // Известия РАН, сер. Геогр., № 4, 2012.

2. *Аверкиева К.В.* Портрет староосвоенной периферии Костромской области (пример Вохомского района) // Настоящее и будущее Ближнего Севера: экономика, экология, сообщества, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012.

3. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Россия. Энциклопедический словарь. 1897.

4. Всероссийская перепись населения 2010 г. Предварительные итоги. М.: ФСГС, 2011.

5. *Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С.* Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации // Известия РАН, сер. Геогр., № 5, 2008.

6. *Гордеев А.В., Клещенко А.Д., Черняков Б.А., Сиротенко О.Д.* Биоклиматический потенциал России: теория и практика. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006.

7. Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001.

8. Городские округа и муниципальные районы Костромской области, Кострома, Костромастат, 2009, 2011.

9. *Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.

10. Демографический ежегодник, М.: Госкомстат России, ФСГС Российской Федерации, 1995, 2001, 2010.

11. *Зайончковская Ж.А.* Россия: масштабная иммиграция неизбежна // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. Составители П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012.

12. Земельный фонд РСФСР. М.: ЦСУ РСФСР, 1961, 1976, 1989.

13. *Иоффе Г.В.* Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. М.: Наука, 1990.

14. *Каганский В.Л.* Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН, сер. Геогр. № 6, 2012.

15. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

16. *Казьмин М.А.* Земельные реформы в России XIX–XX вв. Уроки пройденного пути. М.:URSS, 2012.

17. *Калугина З.И.* Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион. Экономика и социология, № 2 (74), 2012.

18. *Калуцков В.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.

19. *Карачурина Л.Б., Мкртчан Н.В.* Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012.

20. *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 1. М.: Мысль, 1993.

21. *Кораблев С.П.* Этнографический и географический очерк города Каргополя. 1851. Архангельск, 1993.

22. *Кузьминов И.Ф.* Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере Европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН, сер. Геогр., № 5, 2010.

23. Культурный ландшафт как объект наследия. М.–СПб.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2004.

24. *Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г.* Динамика сельскохозяйственных земель России в XX веке и постагрогенное восстановление растительности. М.: ГЕОС, 2010.

25. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.

26. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Статистический ежегодник. М.: Госкомстат РСФСР, 1991.

27. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013.

28. *Нефедова Т.Г.* Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России // Инновационные и социально-экологические перспективы сельских сообществ / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010.

29. *Нефедова Т.Г.* Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН, сер. Географ., № 3, 2012.

30. *Нефедова Т.Г.* Пространственные контрасты сельской местности // Отечественные записки № 6 (51), Сельская Новь. 2012.

31. *Нефедова Т.Г.* Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008б.

32. *Нефедова Т.Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования, № 5, 2008а.

33. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

34. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования, № 2, 2010.

35. *НефедоваТ.Г., Трейвиш А.И.* Динамика и состояние городов в конце XX в. // Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001.

36. *Панфилов В.М.* Вохомская земля. Кострома, сер. Родиноведение. 2004.

37. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. М.: Форум, 2001.

38. *Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю.* Сравнительный институциональный анализ как новый инструмент исследования проблем пространственного развития // Региональные исследования, № 1, 2012.

39. *Покровский Н.Е.* Настоящее и будущее северной стороны // Настоящее и будущее Ближнего Севера: экономика, экология, сообщества. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012.

40. *Покровский Н.Е.* Российское северное село в перспективе// Северное село: традиции и инновации / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010.

41. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010.

42. Природно-сельскохозяйственное районирование 1975 – Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР / Научные труды ВАСХНИЛ. М.: Колос, 1975.

43. Природно-сельскохозяйственное районирование 1983 – Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР / Под ред. А.Н. Каштанова. М.: Колос, 1983.

44. Пространство современной России: возможности и барьеры развития. Размышления географов-обществоведов. М.–Ростов-н/Д, АРГО, 2012.

45. Регионы России. Федеральная служба государственной статистики, 1998, 2010. 2011.

46. *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера. – Смоленск: Ойкумена, 2002.

47. *Родоман Б.Б.* Роль некоторых природных условий в формировании особенностей России // Куда идет Россия: Общее и особенное в современном развитии. М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; Интерцентр, 1997.

48. *Родоман Б.Б.* Российская внутренняя периферия: взгляд в разных приближениях, на разных уровнях // Российская глубинка: модели и методы изучения. М.: ИГРАН-МАРС, 2012.

49. *Родоман Б.Б.* Экспрессный транспорт, расселение и охрана природы // Методы изучения расселения. М.: ИГАН, 1987.

50. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013.

51. *Ткаченко А.А., Фомкина А.А.* Глубинка Центральной России: опыт формализованного выделения // Российская глубинка: модели и методы изучения. М.: ИГРАН-МАРС, 2012.

52. *Торопов С.Н.* Мантурово. Страницы истории. Мантурово, 1998.

53. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009.

54. *Трейвиш А.И.* Город, село и региональное развитие // Город и деревня Европейской России: сто лет перемен / под ред. Т.Г. Нефедовой, П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: О.Г.И., 2001.

55. *Трейвиш А.И.* Центр, район и страна. Инерция, инновации в развитии российского крупногородского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации. М.: Институт географии РАН, 2003.

56. *Тюнен И.* Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике. М.: Изд. газеты «Экономическая жизнь», 1926.

57. Уровень безработицы (2011). М.: Госкомстат // http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_30/Main.htm

58. *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979.

59. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января. М.: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации, 1990, 2010, 2012.

60. *Шакутин Ю.* Письма из Угор // Возвращение к земле. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1985.

61. *Friedmann J.* Regional Development Policy. Boston, MTI, 1966.

62. *Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Gold. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003.

Глава 2. Сельские сообщества Ближнего Севера: экономические уклады, модели социальных отношений, демографические процессы[1]

Глобальные перемены, произошедшие в последние два-три десятилетия в России в целом, на время оттеснили на второй и третий планы сюжеты, связанные с экономикой села и проблемами жизни сельского населения. Однако в последние годы масштаб социально-экономического и демографического кризиса, охвативший российскую деревню и сельские регионы, обратил на себя внимание не только ученых-социологов и демографов, давно бивших тревогу, но и политологов, культурологов, журналистов, политиков: глубокая экономическая депрессия, распад прежних экономических и социальных связей, угрожающая депопуляция и, как следствие, исчезновение множества деревень и сел с карты России, вывод из хозяйственного оборота тысяч гектаров плодородной земли (вследствие отсутствия обработки и фактического зарастания лесом) – все это, как стало ясно, не только угрожает экономической и социальной стабильности в северных российских регионах, но, главное, ставит под сомнение оправданность и функциональность всей сложившейся российской социально-экономической и социальной политики применительно к ее северным регионам.

Призрачными могут оказаться в результате углубляющегося кризиса российской северной «глубинки» надежды на сохранение и возрождение всей российской социально-культурной и социально-исторической общности, о которой все чаще сегодня рассужда-

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 13-06-00893 А «Социально-экологические факторы устойчивого развития Ближнего Севера России»).

ют политики, и все более реальными оказываются угрозы погружения целых регионов России в экономическую, культурную и социальную архаику.

Задача сохранения населения и восстановления социальной инфраструктуры и хозяйства в российских регионах, особенно в северных (наиболее депрессивных) районах, – оказывается на практике трудновыполнимой. Предпринимаемые государством шаги по возрождению экономики деревни в большинстве случаев не дают нужной отдачи, наталкиваются нередко на своеобразный «социальный вакуум», «социальный инфантилизм», на отсутствие социальных опор и встречных движений со стороны самого сельского населения. Все это делает особенно актуальным объединение усилий ученых различных направлений – социологов, экономистов, географов, демографов, культурологов – для проведения расширенных междисциплинарных исследований социально-экономических, социально-демографических и социокультурных отношений и процессов, которые происходят в российском селе на Ближнем Севере в контексте глобальных социально-экономических трансформаций[2].

Методология и методика социально-экономического исследования деревни стали формироваться еще в советское время, однако не только использование прежних схем исследования колхозов и советских домохозяйств в новых условиях оказалось некорректным, но и западные социологические термины и понятия «фермерской» модели продемонстрировали свою ограниченность применительно к анализу постсоветской сельской реальности.

Новая научная парадигма сельской социологии, несмотря на отдельные успешные попытки[3], в целом еще только вырабатывается в современной науке. И возникающие на этом пути трудности лежат отнюдь не только внутри собственно социологической области. Дело в том, что без решения целого ряда общетеоретических, методологических задач – выявления сущности, внутренней природы социально-экономических отношений в современной российской экономике в целом, в сельской экономике в частности, без определения специфики возникших социально-экономических укладов в их сравнительно-историческом измерении, без определения того, какие из этих новых укладов реально перспективны и жизненны,

---

[2] См. Нефедова, Полян,, Трейвиш, 2001; Пациорковский, 2003; 2009; Нефедова, 2003, 2012, 2013; Нефедова, Пэллот, 2006; Калугина, 2013; Покровский Н.Е. (ред.), 2005, 2006; Зубаревич, 2013 и др.

[3] См., например: Староверов, 2009; Петриков, 1995; Крестьяноведение, 1996; Методология исследования..., 1996 и др.

а какие навсегда устарели и принадлежат архаическому прошлому, – без всего этого не стоит рассчитывать на успех какого бы то ни было социального проектирования и моделирования в российских сельских регионах, особенно северных. Только на междисциплинарном методологическом фундаменте, как представляется, можно возводить знание социологии и экономики села, строить глубокие социально-демографические прогнозы. Неслучайно Угорский проект, 15-летию которого посвящена данная монография, с самого начала мыслился как широкий междисциплинарный синтез усилий ученых общественных и естественных наук.

Характеристики экономики крестьянства в отечественной (и отчасти зарубежной) литературе зачастую страдают некоторой упрощенностью: нередко просто говорят о натуральном хозяйстве, крестьянской общине, общих угодьях, крестьянском коллективизме и т.д. Но совсем иной уровень теоретического осмысления проблемы возникает тогда, когда ставится вопрос о существовании не просто крестьянской общины и натурального хозяйства, а особого крестьянско-общинного уклада, особого крестьянско-общинного способа производства, который лежит в основе крестьянской экономики.

Как прекрасно показал в свое время известный российский историк Ю.И. Семенов, этот специфический способ производства возник на стадии перехода от предклассового общества к классовому из предшествовавшего пракрестьянско-общинного уклада (Власть земли..., 2002; Семенов, 1993). При этом Ю.И. Семеновым было доказано, что крестьянский социально-экономический уклад никогда не существует в качестве самодостаточного, независимого, а всегда является частью другого, более крупного социально-экономического уклада – феодального или политарного (азиатского), причем такой его частью, которая оказывается «фундаментом». Так, крестьянские общины, производя одновременно и необходимый и избыточный продукт, вынуждены в виде продуктовой или отработочной ренты отдавать избыточный продукт феодалам или госчиновникам. Таким образом, крестьяне оказываются всегда эксплуатируемым классом. Однако внутри общины существуют несколько иные отношения: производство осуществляется вне отношений эксплуатации. При этом извне община оказывается объектом эксплуатации и становится частью эксплуататорского социально-экономического уклада.

Крестьянско-общинный способ производства занимает уникальное положение в истории: с одной стороны, он был одним из самых распространенных способов производства во всем докапи-

талистическом цивилизованном мире, с другой стороны, он не может быть причислен не только к числу основных, формационных способов производства, но даже, как показал это Ю.И. Семенов, – параформационных (равно как и дополнительных способов производства). Выясняется, что этот способ производства может быть только неотъемлемой составной частью, фундаментом или «первым этажом» других способов производства, и в первую очередь, двух основных, формационных способов производства – древнеполитарного и феодального, а также нескольких параформационных (нобиларного, державнополитарного и др.).

Никакая крестьянская экономика сама по себе длительное время существовать не может – она будет либо постепенно внутренне дифференцироваться вплоть до возникновения внутри иных укладов (доминарного, магнарного и др.), либо в результате внешнего подчинения крестьянских общин постепенно включаться в качестве первого этажа в другие формационные уклады. При этом, в отличие от дополнительных общественно-экономических укладов, крестьянско-общинный уклад точно так же, как и все стержневые уклады, имел не только собственные хозяйственные ячейки, но собственный хозяйственный организм, что обеспечивал его стабильность в составе других формационных способов производства. В этой его зависимости и дополнительности, с одной стороны, с одновременно определенной самостоятельностью и цельностью, с другой стороны, и кроется секрет крестьянско-общинного уклада, его универсальность и стабильность.

Как отмечалось многими исследователями, традиционное крестьянское хозяйство либо совсем не было связано с рынком, либо было связано с ним слабо. Если рынок был, то на него поступали лишь излишки. И вполне понятно, никакого товарообмена не могло существовать между самими крестьянскими дворами. А другие формы обмена находились за пределами внимания исследователей.

Крупнейшими представителями организационно-производственного направления, исследующими крестьянскую общину и крестьянскую экономику, были русские экономисты-аграрники начала XX в.: А.Н. Челинцев (1919), Н.П. Макаров (1920), А.В. Чаянов (1925). По их мнению, крестьянское хозяйство, которое они рассматривали как простую совокупность крестьянских дворов, может сочетаться с любой системой народного хозяйства – феодализмом, капитализмом или какой-либо другой, не меняя своей природы. В любой такой системе крестьянский двор в своей сущности остается неизменным. Он всегда является трудовым семей-

ным хозяйством, цель которого – обеспечение существования своих членов.

Помогообменные, равно как и услугообменные отношения – явление не первобытной, а крестьянской экономики. Если два человека не просто обмениваются трудом, а образуют особую производственную единицу, своеобразную бригаду, которая попеременно работает то в хозяйстве одного, то в хозяйстве другого, то перед нами так называемые помого-бригадные, или, как их характеризуют в русской литературе, супряжные отношения (Якушин, 1896). Трудопомощь, как известно, существовала не только в России, но и во всех известных историкам крестьянских сообществах. Близкими к помогообмену, даже разновидностью помогообмена, можно считать отношения обмена займами, которые также были универсально распространены (в некоторых российских губерниях такие отношения называли «займами по-суседски»).

Крестьянско-общинный уклад не предполагает с необходимостью существование товарообмена, крестьянское хозяйство в принципе может быть и полностью натуральным. Но натуральность крестьянского хозяйства вовсе не означает отсутствие внетоварного обмена. Крестьянские дворохозяйства оказываются узлами сложной сети отношений обмена, но только обмена не товарами, а помощью и услугами, между ними идет непрерывная циркуляция труда и материальных благ. Все это и имеют в виду, когда говорят о натуральном характере крестьянского хозяйства и крестьянской экономики.

Когда крестьянство втягивается в капиталистический рынок, в рамках крестьянско-общинного уклада происходят колоссальные изменения. Высвобождаясь из системы классового некапиталистического уклада (политарного, феодального и др.), частью которого он всегда оказывался, крестьянско-общинный уклад на некоторое время становится самостоятельным, но одновременно начинает трансформироваться в качественно иной общественно-экономический уклад.

Как только крестьянские хозяйственные ячейки становятся самостоятельными, они сразу включаются в рыночную экономику в качестве элементов уже капиталистического рыночного хозяйственного организма и тем самым перестают быть крестьянскими – крестьянское хозяйство как часть рыночной экономики превращается в фермерское, т.е. в мелкобуржуазное, а крестьянин становится фермером, мелким буржуа, мелким сельским капиталистом. Крестьянская община окончательно исчезает только в капиталистическом обществе, когда на смену крестьянским внетовар-

ным помогообменным отношениям приходят рыночные товарные отношения фермерских хозяйств.

Здесь необходимо отметить, что мелкобуржуазный общественно-экономический уклад (семейный фермерский уклад, как правило, носит именно такой характер) всегда занимает подчиненное положение. Его хозяйственные ячейки погружены в другой – капиталистический хозяйственный организм. Мелкобуржуазный уклад никогда не может стать господствующим, никогда не может определять тип социоисторического организма – он всегда существует только в симбиозе с капиталистическим укладом, только в недрах последнего как своеобразное дополнение. Но это не означает, что мелкобуржуазный уклад не должен быть предметом особого интереса экономистов – наоборот, в рамках любой «переходной», «многоукладной» экономики именно этот уклад оказывается «промежуточным» при складывании новых общественных отношений, новых экономических хозяйственных структур.

Превращение крестьянского двора в мелкобуржуазную хозяйственную ячейку влечет за собой существенное изменение всей структуры как крестьянского двора, так и ведущегося в рамках него хозяйства. Мелкобуржуазное хозяйство всегда является единицей персональной, а не групповой обособленной собственности, как это обстояло с крестьянским двором. Поэтому с превращением крестьянина в мелкого буржуа главным стимулом для хозяйствования становится не непосредственное обеспечение потребностей семьи (двора), а извлечение максимального денежного дохода. Целесообразно поэтому мелких самостоятельных земледельцев, окончательно из крестьян превратившихся в мелких частных собственников, в мелких буржуа, в соответствии с традицией зарубежных исследователей называть фермерами.

Развитое сельскохозяйственное производство при капитализме начинает функционировать по общим правилам рыночной конкуренции. Крупные сельскохозяйственные предприятия-плантации, организуемые транснациональными корпорациями, нередко разоряют и вытесняют мелких фермеров. Так же как крупные капиталистические промышленные предприятия вытесняют постепенно мелких производителей. Однако во многих регионах сельскохозяйственное производство, ведущееся небольшими фермерскими хозяйствами, оказывается достаточно устойчивым, хорошо приспособляемым к требованиям местных рынков.

Процесс разложения крестьянской деревни и возникновения фермерства в России в начале XX в. не завершился. После октябрьской революции крестьянская община была фактически полностью

демонтирована, но на ее место пришел не фермерский, а новый социально-экономический уклад, подчинивший сельского производителя. И этот уклад носил вовсе не социалистический, а, как выясняется, совсем иной – политарный характер[4].

Последнее десятилетие господства советской власти было временем кризиса социальной и экономической системы, периодом фактического перерождения социального строя. Разложение советского политаризма начиналось с возникновения сначала отдельных, а потом и систематически повторяющихся моментов персонализации общеклассовой собственности в форме коррупции, взяточничества, формирования под патронажем отдельных влиятельных чиновников параллельного нелегального, теневого сектора, основанного на механизмах услугообмена, услугоплатежа и других архаических формах экономических отношений, включая также и простое силовое («милитарное»[5]) присвоение продукта и ценностей. Именно в такой своеобразной форме первоначально и происходит неформальная «приватизация» общеклассовой частной собственности, предваряя стадию специально организованной, официальной приватизации.

При этом важно подчеркнуть, что, употребляя термин «приватизация» по отношению к процессам смены форм собственности в России, мы имеем в виду не переход от общественной формы собственности к частной форме, как это принято трактовать, а переход от одной формы частной собственности – общеклассовой, к другой форме частной же собственности – корпоративной и персонализированной частной собственности. На селе инициативу приватизации (персонализации) проявили директора и председатели сельхозобъединений, колхозов, совхозов, т.е. местная элита. Немалая часть земель формально была роздана колхозникам в виде паев, однако многие свои паи за небольшие деньги передали местным

---

[4] См. об этом подробнее материалы У.Г. Николаевой в заключительной части книги, а также основополагающую работу на эту тему: Семенова Ю.И. «Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества и России», 2011.

[5] Несомненно, что получившее особое развитие в первые годы либеральных реформ такое социальное явление, как рэкет, выступает вовсе не как «силовое предпринимательство» (т.е. якобы обмен охранных услуг на соответствующую часть дохода обычных предпринимателей, как это стремится представить в ряде своих работ В. Волков), а возрождение в условиях ослабления и развала государства во многих неконтролируемых государством сегментах социума архаических – догосударственных «даннических», «милитарных», «военно-силовых» форм эксплуатации. См. об этих ранних формах эксплуатации в книге: *Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А.* Война и мир в ранней истории человечества, 1994.

начальникам. Лесные территории местная элита смогла на чрезвычайно льготных условиях получить в долгосрочную аренду.

В постсоветской российской «многоукладной» и «переходной» экономике проявляет себя устойчивый симбиоз различных социально-экономических укладов и типов собственности:

– *политарный уклад*, основанный на государственной общеклассовой частной собственности (в виде сохранения государственных предприятий, государственной собственности на ресурсы, недра, а также некоторых прав верховного собственника по отношению к структурам корпоративной и неполной персональной частной собственности);

– *корпоративно-олигархический уклад* (в терминах А.В. Гевелинга (2002), «клептократический» и «плутократический»), основанный на корпоративной частной собственности, которая носит как официальный, так и неофициальный характер, а в структуры и персональный состав собственников входят как высшие государственные чиновники, так и лидеры криминальных групп;

– *частнокапиталистический*, основанный на персональной частной собственности средних и мелких собственников (назвать ее, правда, полной частной собственностью можно только в формальном смысле: на бумаге она полная, в реальности – подчинена либо силовым криминальным, либо различным действующим от имени государства административно-силовым структурам);

– *капиталистический уклад* в рамках полной частной собственности зарубежных кампаний (само существование этого уклада оказывается возможным в периферийно-капиталистических странах только благодаря определенному давлению со стороны западного капиталистического Центра, требующего от правительств периферийных стран соблюдения и защиты прав частной собственности этих зарубежных компаний как от различного рода местных «силовых» предпринимателей, так и от борьбы местных рабочих);

– *паракапиталистические уклады* в рамках теневой и неформальной экономики, совмещающие в себе элементы как капитализма, так и архаического доминаризма и магнаризма; паразитирующие на различных существующих социально-экономических укладах методы эксплуатации – криминально-милитарные, а также внутри некоторых криминальных сообществ – редистрибутивные способы накопления и перераспределения продукта;

– *обособленная собственность* подсобных хозяйств, мелких домашних производителей, редко создающих избыточный продукт; внутри этих семейных хозяйств нередко воспроизводятся архаические разборные и дачедележные отношения, а между домохо-

зяйствами экономические связи нередко строятся на основах архаического помогообмена, помогозаемновозвратных отношений, услугообмена.

В условиях периферийной симбиотической экономической системы особенно важным оказывается для государства держать под контролем разнообразные деструктивные экономические процессы, «защищать» ростки возникшей капиталистической экономики от экономики коррупционной, паразитарной (или, как сейчас это обозначают, – экономики «негативной»[6]), поскольку капиталистический социально-экономический уклад (на селе – «фермерский»), испытывающий давление различных «паразитических» по своей сущности коррупционно-клептократических и милитарно-силовых методов эксплуатации, может быть просто задушен, «съеден». Поддержка сельского населения и в первую очередь мелкого сельского производителя всеми возможными способами – финансовыми, правовыми, социальными, социально-психологическими – важнейшая перспективная линия государственной политики применительно к сельским регионам.

Специфика сельской местности Ближнего Севера

В качестве образца исследовательской группой, работающей в рамках Угорского проекта, в состав которой входят и авторы данной главы, – были выбраны сельские поселения Мантуровского района Костромской области. Указанный район – один из наиболее типичных среднедепрессивных регионов Нечерноземья периферии Костромской области.

Особенностью этого региона оказывается глубокая степень депопуляции и экономической депрессии, отсутствие сравнительных преимуществ в ведении сельского хозяйства, особенно в выращивании зерновых культур, по отношению к южным регионам России, сравнительно низкий уровень использования труда мигрантов из Средней Азии и других регионов бывшего Советского Союза. Одновременно с этим регион Ближнего Севера обладает колоссальными лесными запасами, экологически чистыми территориями, большой численностью и разнообразием лесных зверей.

Отличительной чертой социальной картины регионов Ближнего Севера стала социальная апатия, распространяющийся среди трудоспособного мужского населения алкоголизм и нежелание

[6] См., например: Салицкий, 2000; Гевелинг, 2002.

создавать семьи (исследования демографов группы показали, что значительная доля мужчин среднего возраста не вступают в брак, отказываются иметь детей, продолжают жить с родителями-пенсионерами).

С 1991 г. в Костромской области, по данным переписей населения, смертность устойчиво превышает рождаемость, приток мигрантов незначителен, отток молодежи из сельской местности в города полностью лишает сельские районы экономических перспектив.

Анализ сельской экономики выбранных в проекте регионов показывает, что наиболее значимыми составляющими многоукладной российской деревни сегодня оказываются следующие хозяйственные типы:

• фермерский уклад и фермерское производство;

• деятельность полугосударственных колхозов, сохранившихся с советского периода, пытающихся приспособиться к рыночной экономике;

• индивидуальные хозяйства полу- и псевдо-крестьянского типа, не ориентированные на рынок (натуральное хозяйство), без применения современной сельхозтехники (наиболее архаичные);

• предприятия капиталистического типа, ориентированные на заготовку древесины, деревообработку в рамках капиталистического производства;

• лесничество, охотхозяйства с неопределенным экономическо-юридическим статусом;

• сбор, заготовка и продажа дачникам лесных ягод местным населением (индивидуальные формы подработки без образования уклада);

• государственные предприятия обслуживания сельского хозяйства (дорожные, ремонтные станции, механизаторские центры);

• кустарное производство (народные промыслы);

• сфера обслуживания – торговля, ремонт и т.д.;

• работа в социальной сфере (образование, здравоохранение, социальная защита);

• хозяйство сезонных дачников, организация в них подсобных работ, дачное строительство, огородничество, при этом число горожан, живущих в деревне постоянно, не превышает 4–5% местного сельского населения.

Можно провести аналогии с многоукладностью экономики в сибирских селах. Исследователь О. Фадеева в статье «Феномен многоукладности экономики сибирского села» (2013), например, выделяет:

1. *Коллективный* (*корпоративный*) сектор, представленный преемниками крупных советских сельхозпредприятий (колхозов и совхозов), на долю которых ныне приходится около половины производимой сельскохозяйственной продукции (растениеводства и животноводства);

2. *Фермерские хозяйства* (фермерский сектор) (около трети сельскохозяйственного производства);

3. *Семейные хозяйства* (семейный сектор) (производство для личного потребления, незначительная доля произведенного поступает на рынок).

Одну из причин торможения развития фермерского уклада в российских селах исследователь из Нидерландов Оане Виссер связывает с неопределенностью, незафиксированностью, отсутствием реального содержания прав собственности на землю в результате приватизации и акционирования бывших советских сельхозпредприятий (2013). Не случайно продолжается практика фактического воровства ресурсов предприятий в пользу личных подсобных хозяйств. Однако ресурсов личных хозяйств недостаточно для разворачивания серьезного сельскохозяйственного производства.

В целом в северных регионах России происходит сжатие экономической деятельности на селе (Нефедова, 2013). Масштабы сокращения сельскохозяйственного производства за последние 20 лет позволяют представить данные по динамике сельскохозяйственных угодий. Так, в Костромской области за последние 20 лет было выведено из оборота 460 тыс. га, или 64% пашни по отношению к размерам пашни 1990 г.[7]

Поражают и масштабы сокращения численности населения. Так, в Мантуровском районе в 1990 г. проживало 9,1 тыс. чел., в 2009 г. – 5,7 тыс. сельского населения. Сокращение населения идет быстрыми темпами: с 1950 г. оно сократилось на три четверти – осталось 24%. Плотность сельского населения в нем типичная для периферии: 2 чел. на кв. км (по сравнению с пригородным Костромском районом – 22 чел. на кв. км). Ежегодная естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью) – 17 чел. на 1000 населения (более чем в два раза превышает среднеобластные показатели – 7 чел.). Миграционная убыль в 9 раз превышает среднеобластные показатели. Из 2,8 тыс. трудоспособного населения в Мантуровском районе занято только 1,6 тыс. чел. (безработица, «отходничество» в города).

[7] См. об этом подробнее главу 1 этой книги.

В Мантуровском сельском районе, выбранном в качестве полигона для исследования, соотношение сельского хозяйства и других видов экономической деятельности выглядит следующим образом: в сельском хозяйстве занято 36% всех занятых в экономике района, а в промышленности – 20%, основную небольшую прибыль району дает именно промышленное производство, 87% которого – лесозаготовки и лесопереработка. Остальное население занято в бюджетной сфере, в том числе в образовании – 22% (данные Администрации района). Предпринимательство в сфере обслуживания развито крайне слабо. В нечерноземной глубинке, делает вывод Т.Г. Нефедова (глава 1), выживают либо предприятия, поддерживаемые районными или региональными муниципальными структурами, либо те, что входят в региональные или локальные холдинги. Небольшие фермерские хозяйства оказываются наиболее уязвимыми.

Как подчеркивают исследователи-географы, для животноводства условия в Костромской области неблагоприятны, хотя проблем с пастбищами нет. И причины здесь в первую очередь социально-экономические, а не природные: низкие закупочные цены на молоко, как правило, на уровне себестоимости или даже ниже, и на мясо (производство говядины оказывается убыточным). Негативное влияние оказывает также отсутствие гарантированного сбыта мясомолочной продукции (заготовительных предприятий, потребительской кооперации, оптовых рынков и т.п.). Неслучайно поголовье скота на предприятиях резко сократилось не только собственно в Костромской области, но и в более благоприятных регионах, например, в Самарской области, в Ставропольском крае (Нефедова, 2013).

В Костромской области, учитывая сильное истощение трудового потенциала работающего населения и резкое постарение населения в связи с высокой смертностью и оттоком работников трудоспособного возраста, развитие животноводства возможно на полупромышленных предприятиях в пригороде Костромы или не очень далеко от нее. Другими словами, экономически выгодными оказываются капиталистические сельскохозяйственные холдинги. Фермерский уклад не успел сформироваться и распространиться, а его ростки не поддерживаются местной властью.

По мнению демографов и географов, деградацию сельского хозяйства можно остановить посредством привлечения в Костромскую область трудовых мигрантов, что предполагает разработку соответствующей государственной политики. Определенную роль в улучшении социальной и экономической ситуации в регионе могут сыграть также и такие категории населения, как дачники, приезжа-

ющие из городов и обладающие финансовыми ресурсами и социально-психологическим оптимизмом[8]. Без этого перспективными в регионах Ближнего Севера России окажутся только промышленные деревообрабатывающие отрасли, но не сельское хозяйство. Опасность дальнейшего зарастания (т.е. фактически потери) сельскохозяйственных площадей становится все более неизбежной.

Главными социально-экономическими проблемами в развитии сельской экономки Ближнего Севера можно считать:

– малый объем и неэффективность инвестиций: принцип «откатов» и коррупции не позволяет дойти инвестициям в полном объеме до производителя, значительная часть оседает на региональном уровне в карманах чиновников;

– высокие проценты по сельскохозяйственным кредитам, предельная бюрократизация при выделении кредита и взимании отчетности; огромные судебные и транспортные издержки населения при получении кредита и решении возникающих по ходу юридических споров;

– коррупционное давление местной власти, наличие высоких барьеров «входа» на рынок новому независимому производителю;

– низкая социальная самоорганизация населения, инертность, отсутствие инициативы, неспособность к эффективной коммуникации и совместному решению проблем; информационная и правовая изоляция населения, минимум информационных и социальных контактов, взаимопомощи представителей соседних деревень и поселков.

– неразвитая инфраструктура, плохие дороги, изоляция дальних поселений.

– проблемы со сбытом сельскохозяйственной продукции, наличие межрегиональных экономических барьеров, неофициальных «таможен»;

– устаревшие технологии сбора, хранения и обработки сельскохозяйственной продукции.

– лоббирование на уровне центральной региональной власти компаний, занимающихся импортом сельскохозяйственной продукции из других регионов и из-за рубежа.

Сельские предприниматели сталкиваются также с применением к ним милитарных (насильственных) форм воздействия со стороны полубандитских группировок. Распространены рейдерский захват производств, земель, сельскохозяйственной техники.

---

[8] См. главу 4 данной книги о пространственной мобильности населения и роли дачников.

Одновременно налицо деградация рабочей силы – потеря трудовых навыков, деморализация, пьянство, потеря воли. Низкая квалификация, необязательность, невозможность долго напряженно трудиться. Ко всему прочему в сельской местности преобладает население пенсионного возраста. Колоссальными темпами падает здоровье населения.

Что же происходит в целом с населением Ближнего Севера России? Каковы исторические причины и современные закономерности процессов депопуляции? Наконец, какова на сегодняшний день демографическая картина в одной из классических областей Ближнего Севера России – Костромской области?

Миграционная политика на Ближнем Севере

Обратимся внимание прежде всего на то, что определяющей в миграционном поведении населения Ближнего Севера России в течение всего XX в. была государственная политика и государственное регулирование миграции.

Как известно, миграционная политика представляет собой одно из направлений социально-экономической политики, целью которого выступает воздействие на миграционные процессы. С точки зрения социологии, ее можно определить как воздействие на миграционное поведение населения.

Разнообразие форм территориальной подвижности населения, появление новых форм перемещений – сезонных, маятниковых, эпизодических, важных для развития рынков труда, социальной и окружающей среды и т.д., усложнили понятие миграции, а следовательно, разнообразили систему целей миграционной политики. Соответственно, регулирование миграционных процессов, а точнее, управление территориальной подвижностью населения следует осуществлять с учетом взаимозависимости и взаимозамещаемости основных форм миграционного движения – переселений, сезонной и маятниковой миграции, принимая во внимание в целом характер движения населения и трудовых ресурсов (Хорев, Чапек, 1978). Причем важнейшая роль в этом регулировании отводится региональным и местным органам власти, поскольку только они могут воздействовать на весь комплекс территориальных перемещений населения в регионе. В эпоху глобализации усиливаются разного рода краткосрочные (до 1 года) трудовые перемещения иностранной рабочей силы и учащихся.

Миграционная политика, как правило, реализуется через комплекс различных мер:

– социально-экономических (предоставление работы, предоставление земельных наделов, надбавки к зарплате, предоставление жилья, покрытие транспортных издержек, ссуды и кредиты, ценовые, налоговые, жилищные, транспортные и другие льготы, организация переобучения безработных и др.);

– административно-правовых (законодательные акты, регламентирующие регистрацию мигрантов в том или ином населенном пункте, гарантирующие доступ к системам образования и социального обеспечения, компенсация расходов на переезд и обустройство, законодательные акты, регламентирующие въезд в страну и пребывание в ней иностранных граждан, депортацию, гарантии возвращения в страну и др.);

– информационных и пропагандистских (создание банков данных о вакансиях и лицах, ищущих работу, и широкое распространение соответствующей информации в обществе, в том числе среди работодателей, сбор и распространение подробной информации об условиях работы, жизни и переезда в других районах страны, пропаганда (пиар) намеченных целей миграционной политики и др.).

Обобщенно цель управления миграцией можно сформулировать как содействие оптимальному распределению населения по территории страны. Объекты воздействия у внешней и внутренней миграционной политики различны. В первом случае таковым выступают эмигранты, находящиеся за рубежом, или иностранное население, находящееся как за пределами (потенциальные мигранты), так и на территории страны. Во втором случае объектом управления является население страны в связи с внутренними трудовыми перемещениями, для которых, в отличие от внешних миграций, не существует политических границ. В первом случае главными являются меры административно-правового характера, во втором – социально-экономические меры.

В 1930-х гг. в условиях формирования жесткой административно-командной системы управления господствовало мнение, что потоками людей можно управлять так же, как и потоками других ресурсов: социалистическое государство должно иметь возможность десятки и сотни тысяч рабочих двинуть туда, куда нужно Советской власти. На практике это выразилось в форме организованного набора рабочих на предприятия и стройки и аграрного переселения из малоземельных в многоземельные районы. Однако неорганизованная или «стихийная» (в терминах тех лет) миграция по своим

масштабам все больше превосходила организованную, существенно сокращая ее долю в общем миграционном потоке, в том числе трудовых мигрантов. Соответственно менялись и точки зрения на пределы и методы управления миграцией.

В советской миграционной школе в конце 1980-х гг. сложилось несколько подходов к определению целей, методов и возможностей миграционной политики. В строгом узком смысле под миграционной политикой понимались «целенаправленные воздействия на миграцию путем ее стимулирования или ограничения» (Моисеенко, 1985). Точно так же миграционная политика определяется применительно к внешней миграции. В 1980-х гг. сложилось понимание миграции как процесса, состоящего из трех стадий: формирование подвижности (потенциальная миграция), переселения и приживаемость новоселов (адаптация). Следовательно, управление миграцией предполагает воздействие на все три стадии процесса, а не только на переселение (Рыбаковский, 2001). Кроме того, о миграции стали чаще говорить как о виде социального поведения человека. Все это привело к широкой трактовке миграционной политики, которая предполагает не только прямое воздействие различных мер на участников миграционного процесса, но и косвенное – путем воздействия на социально-экономические условия, влияющие на миграционное поведение населения.

Вместе с тем, в конце 1980-х гг. многие ученые осознавали пределы возможного управления территориальной подвижностью населения и прежде всего неэффективность административных методов управления ею. Так, по замечанию К. Катуса, регулирование внутренней миграции имеет смысл только в том случае, если его цели соответствуют закономерностям миграционного развития, которые в свою очередь задаются всем ходом развития общества. Более того, он отмечал, что внутренняя миграция относительно малоуправляема, а меры административного порядка не действенны (Катус, 1989). Б.С. Хорев и В.Н. Чапек (1978) указывали, что процесс миграции населения, как правило, с трудом поддается административному воздействию, но он может быть в известной мере управляем.

Первоочередная задача в этом плане – совершенствование системы информации о наличии рабочих мест. Как отмечала Ж.А. Зайончковская, миграция объявляется едва ли не главной причиной многих социальных процессов, таких как быстрый рост крупных городов, стагнация и деградация малых, обезлюдение сельской местности и др. Большинство рекомендаций по управлению этими процессами носит миграционную ориентацию.

Но, как показывала практика, управление ростом городов и сел, размещением населения посредством воздействия на миграцию непрерывно дает сбои. Миграция как таковая является не целью, а средством достижения тех или иных целей в первую очередь человеком, и только затем, если цели людей и государства совпадают, – государства. Это форма пространственного поведения человека, изменения в котором могут способствовать реализации тех или иных индивидуальных или общественных устремлений.

Тем не менее, в течение советского периода государство пыталось активно воздействовать на миграционные процессы. Главными целями миграционной политики были (1) заполнение рабочих мест во вновь осваиваемых регионах; (2) ограничение роста крупных городов. С 1960-х гг. стимулирующие меры получают наиболее широкое распространение в районах нового освоения. Численность населения крупнейших городов ограничивалась с помощью административных мер. Но стимулирующая миграционная политика, направленная в 1970–1980-х гг. на закрепление кадров в экстремальных для жизни районах, оказалась очень дорогой, в результате чего освоение Севера и Востока стало экономически неэффективным. Административные ограничения на поселения в крупных городах также не дали ожидаемого эффекта. Вовсю действовали каналы, в том числе оргнабор, брачная и семейная миграция, которые обеспечивали их устойчивый демографический рост.

В постсоветский период также предпринимались попытки регулирования внутренней миграции. После распада СССР, несмотря на широкий размах внутренней трудовой миграции и ее паритетную роль в общем трудовом движении, возможности миграционной политики резко сузилось.

Поскольку Конституция России гарантирует всем гражданам свободу передвижений, а нарождающиеся рыночные механизмы должны эффективно регулировать спрос и предложение рабочей силы, казалось, что таким образом снимаются все проблемы внутренних миграционных перемещений. Однако на практике все оказалось иначе. Оргнабора рабочих и служащих больше не было, но административные ограничения для свободного перемещения за один день не могли исчезнуть. Несмотря на конституционную отмену всех ограничений на переезд граждане России еще долго сталкивались с разнообразными ущемлениями своих прав. Только к концу 2000-х гг. административные барьеры в виде неадекватной правоприменительной практики регистрации и антиконституционных действий местных органов власти были стерты на пути внутренних перемещений рабочей силы.

Вместе с тем, рыночные механизмы в «шоковый» период их становления оказались несовершенными для решения вопросов обеспечения государственных гарантий мигрантов еще советского периода в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, обеспечения рабочей силой деградирующих в демографическом плане большей части сельских поселений. В условиях переходного периода высокие издержки на переезд и обустройство на новом месте жительства, трудности с получением достоверной информации о рабочих местах и жилье ограничивали пространственную мобильность российского населения, особенно его многочисленных малоимущих слоев. При этом интенсивность внешней трудовой миграции в страну с каждым годом возрастала.

В итоге вновь был поднят вопрос о необходимости государственного регулирования внутренней миграции. В 2001 г. на основе Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» была разработана Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г.[9] В ней, в частности, говорилось о необходимости сохранения численности населения в важных в геополитическом отношении регионах Российской Федерации, в том числе путем привлечения рабочей силы из других районов страны на временной, ротационной основе. Тогда было озвучено положение, что «в целях регулирования внутренней миграции должны быть разработаны меры, направленные на повышение территориальной мобильности рабочей силы».

Задачи «оптимизации внутренних миграционных процессов и содействия эффективному использованию трудовых ресурсов» в государственном масштабе были поставлены в Правительственной Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации 2003 г.[10] Но из-за недостатка финансовых и материальных ресурсов, неудовлетворительной информационной базы, острой необходимости урегулировать внешние миграционные потоки, из-за отсутствия современных методик прогнозирования ситуации на рынках труда, а главное – из-за отсутствия планов долгосрочного развития страны большая часть инициатив осталась на бумаге.

---

[9] Правительство Российской Федерации: Распоряжение от 24 сентября 2001 г. № 1270-р, Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года.

[10] Правительство Российской Федерации: Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г. № 256-р.

Современные первоочередные задачи в области управления внутренней трудовой миграцией были сформулированы Президентом Российской Федерации в 2008 г. в ежегодном Послании Федеральному Собранию следующим образом: «Надо оптимизировать организацию миграционных процессов внутри страны и создать реальные условия для повышения мобильности российских граждан – как эффективного способа перераспределения трудовых ресурсов, так и обеспечения права граждан на труд»[11].

В 1990-х – начале 2000-х гг. система управления внутренней трудовой миграцией состояла из трех блоков: (1) обеспечение государственных гарантий и компенсаций лицам, работающим на Крайнем Севере; (2) сельское переселение; (3) компенсация затрат безработных граждан в связи с их направлением на работу или переобучение в другую местность. Тем не менее, главным импульсом для возникновения системы регулирования внутренней миграции в СССР являлся дисбаланс между распределением населения и ресурсов по территории страны.

За постсоветский период население только на севере Европейской части России уменьшилось на 25%: с 4,8 млн до 3,7 млн чел. Миграционный отток из региона составил более 800 тыс. чел. К 2030 г., согласно оценкам Росстата, численность населения на европейском Севере уменьшится еще на 15% (Предположительная численность, 2010). Аналогичная картина наблюдается и в северной части Восточной Сибири с Дальним Востоком. Население здесь становится дефицитным ресурсом, который в условиях современной демографической ситуации не может быть восполнен за счет других регионов страны.

Подобные демографические тенденции ставят под вопрос реализацию многих социально-экономических проектов, намеченных в этой, самой богатой природными ресурсами части страны.

Демографическая ситуация на Ближнем Севере

Пример Костромской области

Результаты длительных миграционных процессов отражает и современная демографическая ситуация. По данным Всероссийской переписи населения, на 14 октября 2010 г. в Костромской об-

[11] Президент России Д. Медведев. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 г.

ласти постоянно проживало 667,6 тыс. чел. Это сравнительно немногочисленное население распределяется по территории, которая сопоставима или превосходит площадь почти половины европейских государств, среди которых Латвия, Швейцария, Нидерланды, Дания. Более 40% населения области проживает в ее административном центре – Костроме. В то же время количество жителей в ряде отдаленных от центра муниципальных районов (Межевской, Мантуровский, Октябрьский, Павинский) не превышает и 5 тыс. чел. В последние два десятилетия население Костромской области, как и многих других областей России, сокращается. Как долго продлится этот процесс? Этот вопрос звучит особенно тревожно, когда речь заходит о районах и городах с и без того малочисленным населением.

Перепись 2010 г. показала численность населения Костромской области меньшую, чем ожидалось по текущим демографическим оценкам, примерно на 1,3%. Расхождение объясняется несовершенством текущего учета миграционного оттока из области. Многие костромичи, покидая область на длительный срок, не снимались с регистрационного учета. Поэтому не случайно наибольшее расхождение в переписных и текущих оценках фиксируется в самых мобильных возрастах – от 20 до 30 лет. Здесь ошибка учета составила порядка 10% от численности возрастной группы.

Представление о будущем во многом определяется тем, насколько хорошо мы знаем прошлое и настоящее (Денисенко, Калмыкова, 2007). Поэтому современная демографическая ситуация рассматривается в контексте долговременных демографических изменений в Костромской области. Для этого привлекались материалы всех всероссийских и всесоюзных переписей, а также данных текущего учета демографических событий, начиная с 1950 г.

Динамика численности населения Костромской области за 100 лет

В конце XIX в., по данным переписи населения 1897 г., на территории Костромской области в ее нынешних границах проживало чуть более 900 тыс. чел. Это составляло примерно 1,5% от численности жителей, населявших территорию современной Российской Федерации. Примерно до конца 1920-х гг. численность населения увеличивалась, достигнув исторического максимума примерно в 1,1 млн человек, а затем обозначилась четкая тенденция к ее уменьшению (табл. 2.1). В итоге, по данным переписи 2010 г., числен-

Таблица 2.1

Численность населения Костромской области за 100 лет (тыс. чел.)*

Год	Все население	Городское население	Сельское население	Кострома
1897	992	71	921	41
1926	1081	128	953	74
1939	1077	239	838	121
1959	922	366	556	172
1970	871	465	406	231
1979	804	513	291	268
1989	810	555	255	294
2002	737	496	240	279
2010	668	467	201	270

* Примечание: в современных границах

Источники: 1897 г. – оценки авторов; Госкомстат России: Население России за 100 лет (1897–1997). М., 1998; Росстат: Итоги Всероссийской переписи 2002 г.; 2010 г. см. http://www.gks.ru/

ность населения Костромской области составила 668 тыс. чел., что почти на 40% (!) меньше, чем в 1926 г. Очевидно, что в отдельных районах области эта убыль была еще большей.

В целом доля области в общей численности населения России сократилась до 0,47%.

Демографическая динамика области формировалась под воздействием трех групп факторов. Во-первых, вектор ее изменений во времени определяли эволюционные факторы, проявившиеся в процессе демографической модернизации или демографического перехода на территории всей России. В общем виде демографический переход представляет собой трансформацию общества, в котором наблюдаются высокие показатели рождаемости и смертности, в общество с низкими показателями рождаемости и смертности. При этом уровень смертности, как правило, начинает понижаться раньше уровня рождаемости, что обеспечивает увеличение прироста населения. Общий коэффициент рождаемости на территории области в конце XIX в. равнялся примерно 47‰, общий коэффициент смертности – 33‰. До начала Великой отечественной войны (к 1940 г.) эти показатели уменьшились соответственно до 30,8‰ и 21,8‰. Понижательная динамика продолжилась и в послевоенный период. К началу 1990-х гг. в Костромской области на 1000 населения приходилось порядка 11 рождений и 12 смертей.

Если в конце XIX в. у костромчанки в среднем рождалось 7 детей, то в 1959 г. суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,7, в 1989 – 2,0, а в 2009 – 1,5 рождений на одну женщину. Продолжительность жизни при рождении для обоих полов к 1989 г. более чем в 2 раза превзошла свое значение столетней давности и достигла 69,2 лет.

Необходимо заметить, что на динамику общих коэффициентов со временем начинает оказывать сильное влияние другой эволюционный фактор – демографическое старение, первоначальной причиной которого является падение уровня рождаемости. Так, по данным переписи 1897 г. дети до 15 лет составляли 38% от общего числа жителей Костромской губернии, а лица в возрасте от 60 лет и старше – около 9%. К 1959 г. доля детей уменьшилась до 28%, а к 2010 г. – до 14,4%. При этом доля пожилых людей за тот же период увеличилась более чем в 2 раза и достигла отметки 20,6%.

Общая численность населения сокращалась за счет детской возрастной группы. Так, в 2010 г. на территории области (в сопоставимых границах) проживало детей в 4,1 раза меньше, чем в 1926 г. Но при этом численность населения в возрасте от 15 до 59 лет увеличилась в 1,1 раза, а лиц в возрасте от 60 лет и старше – в 1,5 раза. Увеличение доли пожилых наряду с негативными тенденциями в смертности, начиная с середины 1960-х гг., обусловили устойчивый рост числа умерших в области. С 1990 г. и до наших дней в Ко-

Рис. 2.1. Родившиеся и умершие в Костромской области, 1950–2010 гг.

Рис. 2.2. Возрастная пирамида населения Костромской области по данным переписей 1897, 1959 и 2010 гг.

стромской области число умерших превышает число родившихся (рис. 2.1).

Деформации возрастно-половой пирамиды (рис. 2.2) и колебания числа родившихся (см. рис. 2.1) отражают влияние второй группы факторов, связанных с социальными катаклизмами XX в.: первая мировая и Великая отечественная война, радикальные социально-экономическими преобразования начала 1930-х гг. и 1990-х гг. В кризисные исторические периоды падала рождаемость и увеличивалась смертность, особенно мужского населения. В результате деформации возрастно-половой структуры образовывалась демографическая волна, проявляющаяся в колебаниях числа родившихся и численности отдельных возрастных групп. Именно с особенностями возрастной структуры («эхом» войны) связано резкое падение (в 2 раза) числа родившихся с 1960 по 1966 гг., и частично, – с 1987 по 1991 г.

Рост рождаемости в середине 1980-х гг., обусловленный мерами демографической политики, усилил слабеющее «эхо» Великой отечественной войны.

Третий важнейший фактор – миграция – оказывал негативное влияние на динамику численности населения области: на протяжении трех последних столетий костромская земля отдавала население другим регионам России и бывшего СССР. Так, в 1897 г.

за пределами Костромской губернии проживало более 130 тыс. ее уроженцев, а в ней – лишь 40 тыс. уроженцев других губерний Российской империи. Миграционный отток из области усилился в 1930-е гг., в период форсированной индустриализации, и превысил естественный прирост, что привело к сокращению численности населения уже к началу войны. В послевоенные годы значительный миграционный отток из области продолжился. По данным переписи 1989 г., за пределами Костромской области проживало 480 тыс. ее уроженцев (почти половина от численности ее населения), а на ее территории – только 165 тыс. тех, кто родился в других частях СССР.

За период с 1989 по 2002 г. в области впервые за много лет наблюдалось положительное сальдо миграции (+11 тыс. чел.), главным образом за счет возвращения на родину русскоязычного населения из бывших союзных республик. Однако в последующий межпереписной период она вновь потеряла население в обмене с другими территориями (–20,6 тыс. чел.). Исторически главными центрами притяжения костромского населения являются Санкт-Петербург и Ленинградская область, Москва и Московская область, Ярославская, Ивановская и Нижегородская области.

Особенности размещения населения по территории в значительной степени определялись процессом урбанизации и, в частности, концентрацией жителей в столице области – Костроме[12].

В конце XIX в. доля горожан чуть превышала 7%, доля жителей Костромы в населении в современных границах области составляла 4%. В 1960-х гг. доля городского населения превысила 50%. При этом до конца 1980-х гг. численность жителей области сокращалась исключительно в сельской местности. В последующие годы процессы депопуляции распространились практически на все поселения. В итоге в 2010 г. численность сельского населения была в 4,5 раза меньше, чем в 1926 г.

В постсоветское время уменьшалось и городское население – в 2010 г. в 1,2 раза или на 88 тыс. меньше, чем в 1989 г. За постсоветский период уменьшилась также численность жителей Костромы (на 25 тыс. чел.). Но еще заметнее (почти на 120 тыс.) за тот же период сократилось население в остальной части области. В итоге доля Костромы в общей численности населения области увеличилась и превысила 40%. Отметки в 20% областной центр достиг в начале 1960-х гг., а отметки в 30% – в конце 1970-х гг.

---

[12] См. об этом в книге: *Белоруков Д.* Деревни, села и города Костромского края. Кострома, 2000.

Исследование демографической ситуации муниципальных районов

Для понимания вектора изменений численности и возрастно-полового состава, процессов рождаемости, смертности и миграции населения в области, несомненно, следует обратиться к изучению демографии мелких административно-территориальных единиц. В случае Костромской области речь идет о 24 муниципальных районах и 6 городских округах.

Выбор муниципальных районов и городских округов в качестве объекта во многом определяет специфику данной главы, как и всей книги. В России подавляющая часть исследований территориальных различий в характере демографических процессов и структур проводится на уровне 83 крупных территориальных образований – субъектов федерации. В свою очередь субъекты Федерации делятся на 1829 районов и 512 городских округов (Росстат). Очевидно, что переход на более низкий уровень территориальной иерархии почти в 40 раз увеличивает число наблюдений и тем самым заметно расширяет возможности исследователей в изучении факторов, закономерностей и оценке последствий демографических изменений.

Средняя численность населения районов и городских округов Костромской области (без города Костромы) равна 13,7 тыс. чел., в отличие от «среднего» субъекта Российской Федерации – 1,7 млн чел. Долгое время выражались сомнения в надежности результатов, полученных классическими методами демографического анализа для малочисленных популяций. Но эти сомнения развеяли статистика и практика. Тем не менее, отметим, что изучение населения муниципальных образований классическими методами демографического анализа осложняется рядом обстоятельств, среди которых выделим:

• малочисленность групп населения и происходящих в них событий, что влияет на устойчивость и степень достоверности рассчитываемых показателей;

• ошибки наблюдения в малых совокупностях сильно искажают картину изучаемого процесса, в отличие от больших регионов, где ошибки нейтрализуют друг друга;

• особые события могут существенно повлиять на величину оцениваемых показателей и даже привести к аномальным оценкам (например, крупная автомобильная авария заметно повышает коэффициенты смертности, многоплодные роды – уровень рождаемости).

На протяжении последних трех десятилетий в зарубежной демографии происходит уверенное смещение исследовательских интересов к так называемым малым территориям. К последним относят не только муниципальные образования, но и более мелкие единицы, например, переписные участки или медицинские округа, обслуживаемые лечебным учреждением.

С изучением населения малых территорий стала быстро прогрессировать новая отрасль науки о населении «Прикладная демография», ориентированная на решение разнообразных практических задач с помощью демографических данных и методов (Siegel, 2002; Swanson and Pol, 2003). И это не случайно, поскольку большая часть практических задач, связанных, например, с размещением предприятий или распределением бюджетных ресурсов, возникает именно на локальном уровне. Следует помнить, что демографические показатели, помимо выполнения своих прямых функций, т.е. количественной характеристики демографических процессов и структур, позволяют также оценить уровень и направленность развития других социальных процессов. Поэтому анализ демографических данных на местном уровне предоставляет возможность региональным органам власти четче сформулировать цели и задачи политики в области здравоохранения, образования или социальной поддержки, оценивать их эффективность.

Несколько слов о принципах статистики и методах демографического исследования на муниципальном уровне. В России информация о демографических событиях (текущий учет), а также о численности населения и его характеристиках (переписи населения) издавна собирается и разрабатывается на уровне низовых административно-территориальных образований (уезды, районы). Но, в отличие от многих развитых стран, данные о рождениях, смертях, миграции на уровне районов, особенно в советский период, редко попадали в открытые статистические сборники. В случае необходимости местные органы власти обращались к данным, представленным в сборниках для служебного пользования, и разного рода сводкам, которые можно найти в российских архивах.

Ситуация со статистикой на муниципальном уровне в Российской Федерации стала меняться в лучшую сторону с началом проведения муниципальной реформы в 2003 г., когда был принят закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№131-ФЗ от 6 октября 2003 г.). Однако этот процесс идет медленно. Из-за отсутствия потребности в глубокой аналитической информации со стороны администраций и общественности многие базовые демографические показатели для

районов областей не рассчитывались и не рассчитываются до сих пор (суммарный коэффициент рождаемости, стандартизованные коэффициенты по причинам смерти, продолжительность жизни, прогнозные оценки численности и состава населения и др.). По этой же причине методы сбора, хранения и распространения данных о населении в России находятся в архаичном состоянии и не соответствуют современным мировым стандартам. О представлении данных переписей населения в формате индивидуальных данных только ведутся разговоры, о системе репрезентативных социально-демографических обследований на уровне областных регионов по-прежнему остается только мечтать.

Недостаток информации ограничивает возможности изучения пространственных закономерностей развития населения, а в итоге – снижает качество принимаемых решений в социальной сфере не только на областном, но и на федеральном уровне.

В данной работе изучение демографических различий между муниципальными районами Костромской области велось за период с 2002 по 2010 г. включительно по следующим направлениям – динамика численности населения, возрастно-половой состав, рождаемость и смертность. Выбор периода диктовался двумя соображениями. Во-первых, это период между двумя Всероссийскими переписями – 2002 и 2010 г. Итоги переписей – это те опорные точки, на основе которых выполняются демографические оценки численности и возрастно-полового состава населения в межпереписные годы. Во-вторых, в рассматриваемый период произошли заметные изменения в демографическом и социально-экономическом развитии страны и ее регионов. В частности, в 2007 г. введены новые меры демографической политики. В этом контексте ставилась задача определить, в каком направлении изменяются демографические показатели районов и насколько устойчивы различия между ними, если таковые обнаружатся.

Оценка вкладов естественного и миграционного прироста в изменение численности населения районов и городских округов Костромской области проводилась для всего межпереписного периода с 1 января 2003 г. по 1 января 2011 г. На эти даты численность населения изучаемых территорий определена Росстатом. Таким образом, предупреждались излишние сложности, связанные с подготовкой необходимых данных и интерпретацией результатов расчетов для периода, начинающегося и заканчивающегося 14 октября. Именно на эту дату разрабатывались переписи 2002 и 2010 г. Естественный прирост за 8 лет определялся по данным текущего учета рождений и смертей. Величина миграционного прироста ис-

числялась методом демографического баланса. Именно она, а не показатели, рассчитанные по данным текущего учета, подводят итог миграционных перемещений за изучаемый период.

В качестве основного индикатора для измерения территориальных различий в уровне рождаемости использовался суммарный коэффициент рождаемости[13]. Проблема статистической устойчивости и значимости рассчитанных показателей в данной работе решалась посредством агрегирования доступных данных. Поскольку число событий (рождений), зарегистрированных в течение года, в большинстве муниципальных образований невелико, то рассчитывались средние коэффициенты за трехлетние периоды: 2002–2004, 2005–2007 и 2008–2010 гг. Кроме того, анализировалась дифференциация территорий по числу рождений детей высоких очередностей и по доле рождений вне зарегистрированного брака. Показатели рождаемости являются маркерами многих социальных проблем, связанных с составом семей, в том числе с неполными семьями, многодетными семьями, молодыми семьями.

Для изучения дифференциации муниципальных районов и городских округов по уровню смертности за те же трехлетние периоды были выполнены оценки такой обобщающей ее характеристики, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Методология расчета этого показателя для малых территорий описана в научной литературе (Денисенко, 2007; Тебуев, 2007). С помощью стандартизованных коэффициентов (метод прямой стандартизации) выполнялся анализ различий в смертности от отдельных причин. В данной работе основное внимание было уделено внешним причинам, которые тесно увязаны с изменениями в социальной обстановке и отражают масштабы распространения некоторых форм девиантного поведения: убийства, самоубийства, алкоголизм.

При расчете возрастных коэффициентов, необходимых для вычисления перечисленных выше обобщающих показателей рождаемости и смертности, использовались оценки возрастно-полового состава, полученные на основе данных переписи 2002 г. и текущей статистики демографических событий и миграции. Как известно, из-за ошибок в учете миграции по мере удаления от даты переписи качество этих оценок снижается. Поэтому в нашем случае наиболее точные оценки численности возрастно-половых групп получаются для периода 2002–2004 гг., а далее их точность несколько снижа-

[13] Суммарный коэффициент рождаемости показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычислены возрастные коэффициенты.

ется. К сожалению, перерасчеты возрастного состава населения муниципальных образований по итогам переписи 2010 г. требуют много времени и к моменту подготовки данной работы не были выполнены Росстатом. Тем не менее, есть достаточно оснований полагать, что эти неточности не окажут заметного влияния на значения рассчитанных показателей для разных муниципальных образований и их соотношение друг с другом.

Демографический баланс области и ее муниципальных образований за 2003–2010 гг.

Закономерности демографического развития Костромской области проявляются в ее районах по-разному. Как видно из данных табл. 2.2, численность населения сократилась во всех районах и городских округах области, за исключением Костромского района.

Территории области разительно отличаются по масштабам этого сокращения (рис. 2.3). В ряде районов, прежде всего тех, которые относятся к так называемой периферии и дальней периферии (Нефедова, 2006, с. 20, см. также главу 1) по отношению к областной столице, численность населения за 8 лет сократилась более чем на 20% (Антроповский, Вохомский, Галичский, Кологривский, Ок-

Рис. 2.3. Общий прирост (убыль) населения с 1 января 2003 г. по 1 января 2011 г. в муниципальных образованиях Костромской области (в %)

Таблица 2.2

Демографический баланс муниципальных районов и городских округов за период с 1 января 2003 по 1 января 2011 г.

Районы и города	Население (тыс. чел.)		Родившиеся (тыс.)	Умершие (тыс.)	Прирост населения (тыс.чел.)			ОП (в % к 1.01.2003)	Общие коэффициенты (на 1000 чел.)			
	1.01.2003	1.01.2011			ЕП	МП	ОП		Рожд.	Смерт.	ЕП	МП
Кострома	278,7	268,5	23,1	36,9	–13,8	3,6	–10,2	–3,6	10,5	16,8	–6,3	1,7
Буй	27,2	25,7	2,3	4,2	–1,8	0,2	–1,6	–5,8	11,1	19,7	–8,6	1,2
Волгореченск	18,2	17,1	1,4	2,0	–0,6	–0,5	–1,1	–5,9	10,1	14,1	–4,0	–3,6
Галич	19,1	17,3	1,7	2,8	–1,1	–0,6	–1,7	–9,2	11,4	19,0	–7,6	–4,4
Мантурово	19,4	17,5	1,6	3,2	–1,6	–0,3	–1,9	–10,0	10,6	21,7	–11,1	–2,0
Шарья	39,3	36,7	3,6	5,8	–2,2	–0,5	–2,7	–6,8	12,0	19,2	–7,3	–1,5
Антроповский МР	9,0	7,1	0,6	1,4	–0,8	–1,1	–1,9	–20,9	9,7	22,1	–12,4	–16,8
Буйский МР	13,8	11,8	1,0	2,1	–1,0	–1,0	–2,0	–14,6	10,1	20,3	–10,2	–9,5
Вохомский МР	13,4	10,1	1,0	2,1	–1,1	–2,1	–3,3	–24,4	10,2	22,2	–11,9	–22,7
Галичский МР	11,4	8,7	0,9	2,0	–1,1	–1,6	–2,7	–23,7	10,7	24,7	–14,1	–19,6
Кадыйский МР	10,3	8,3	0,7	1,8	–1,1	–0,8	–1,9	–18,8	9,7	24,4	–14,7	–11,3
Кологривский МР	8,5	6,4	0,6	1,6	–1,0	–1,1	–2,1	–24,3	9,8	26,2	–16,4	–18,2
Костромской МР	44,0	44,5	3,7	6,1	–2,4	3,0	0,5	1,2	10,5	17,4	–6,9	8,4
Красносельский МР	19,5	17,8	1,9	2,8	–0,9	–0,8	–1,7	–8,7	12,6	18,7	–6,1	–5,2

Продолжение табл. 2.2

Демографический баланс муниципальных районов и городских округов за период с 1 января 2003 по 1 января 2011 г.

Районы и города	Население (тыс. чел.)		Родившиеся (тыс.)	Умершие (тыс.)	Прирост населения (тыс.чел.)			ОП (в % к 1.01.2003)	Общие коэффициенты (на 1000 чел.)			
	1.01.2003	1.01.2011			ЕП	МП	ОП		Рожд.	Смерт.	ЕП	МП
Макарьевский МР	19,3	15,9	1,3	3,5	–2,2	–1,2	–3,5	–17,8	8,9	24,6	–15,8	–8,7
Мантуровский МР	6,7	4,9	0,4	1,3	–0,9	–0,9	–1,8	–26,5	8,9	28,3	–19,3	–18,9
Межевской МР	5,8	4,4	0,4	1,0	–0,5	–0,9	–1,4	–24,0	10,5	23,3	–12,8	–21,2
Нейский МР	17,4	14,1	1,3	2,9	–1,6	–1,7	–3,3	–19,0	10,1	22,7	–12,6	–13,6
Нерехтский МР	39,3	34,2	3,0	6,4	–3,4	–1,8	–5,1	–13,1	10,1	21,7	–11,5	–6,0
Октябрьский МР	6,2	5,0	0,5	1,0	–0,5	–0,8	–1,3	–20,3	10,8	21,4	–10,6	–17,7
Островский МР	14,6	12,7	1,1	2,3	–1,2	–0,7	–1,9	–12,9	10,4	21,0	–10,6	–6,5
Павинский МР	6,2	5,1	0,4	1,0	–0,5	–0,6	–1,1	–18,3	10,0	21,8	–11,8	–13,3
Парфеньевский МР	7,8	6,4	0,7	1,3	–0,6	–0,8	–1,5	–18,7	12,0	23,2	–11,3	–14,6
Поназыревский МР	10,4	8,4	0,8	1,8	–1,0	–1,0	–2,0	–19,1	10,1	23,5	–13,4	–13,0

Окончание табл. 2.2

Демографический баланс муниципальных районов и городских округов за период с 1 января 2003 по 1 января 2011 г.

Районы и города	Население (тыс. чел.)		Родившиеся (тыс.)	Умершие (тыс.)	Прирост населения (тыс.чел.)			ОП (в % к 1.01.2003)	Общие коэффициенты (на 1000 чел.)			
	1.01.2003	1.01.2011			ЕП	МП	ОП		Рожд.	Смерт.	ЕП	МП
Пыщугский МР	6,2	5,2	0,6	0,9	–0,3	–0,7	–1,0	–15,9	13,5	19,1	–5,6	–15,9
Солигаличский МР	12,2	10,2	1,0	2,1	–1,1	–0,9	–2,0	–16,5	11,2	23,4	–12,2	–10,4
Судиславский МР	15,1	13,1	1,3	2,1	–0,8	–1,2	–2,0	–13,3	11,5	19,0	–7,5	–10,3
Сусанинский МР	9,1	7,6	0,8	1,7	–1,0	–0,6	–1,6	–17,1	11,6	26,1	–14,5	–8,9
Чухломский МР	13,5	11,3	1,1	2,1	–1,0	–1,2	–2,2	–16,2	10,7	20,7	–10,1	–11,9
Шарьинский МР	12,7	10,3	1,0	2,3	–1,2	–1,2	–2,4	–18,9	11,3	24,6	–13,4	–12,7
Костромская область	734,5	666,3	59,7	108,2	–48,5	–19,7	–68,1	–9,3	10,7	19,3	–8,7	–3,5

Рассчитано М.Б. Денисенко

Обозначения: МР – муниципальный район, ЕП – естественный прирост, МП – миграционный прирост, ОП – общий прирост

тябрьский районы). В Межевском и Мантуровском районах численность населения в начале 2011 г. была на четверть (!) меньше по сравнению с началом 2003 г. В остальных муниципальных районах, за небольшим исключением, численность населения за изучаемый период сократилась на 15–20%. Это очень высокие темпы убыли населения. Достаточно сказать, что они выше, чем во многих районах Сибири и Дальнего Востока. С учетом старой возрастной структуры процесс депопуляции ставит под сомнение саму возможность успешного социально-экономического развития этих территорий. В городских округах ситуация была более благополучной. В первую очередь это относится к городам Кострома, Буй и Волгореченск, где убыль населения не превысила 6%.

Отдельные компоненты демографического роста – рождения, смерти и миграции – по-разному влияли на изменение численности населения по территории области. Для того чтобы оценить этот вклад с учетом различий в численности населения, обратимся к общим демографическим коэффициентам.

В изучаемый период во всех районах области баланс рождений и смертей складывается в пользу последних. Особенно сильная естественная убыль населения – (–15) чел. на 1000 населения в среднем за год – наблюдалась в периферийных районах – Кологривском, Макарьевском и Мантуровском. Ниже среднего по области (более –8,7‰) коэффициенты естественной убыли наблюдались в городских округах (за исключением Мантурово), а также в Костромском, Красносельском и Пыщуговском районах. Масштаб продолжающегося демографического кризиса в области подчеркивает тот факт, что в большинстве муниципальных образований естественная убыль как минимум была вдвое сильнее, чем в среднем по России (–4‰).

География естественного прироста отражает территориальную дифференциацию комбинации коэффициентов смертности и рождаемости. Смертность в большей степени влияла на территориальные различия в естественном приросте. Размах вариации и меры рассеивания показателей смертности превышают аналогичные величины для показателей рождаемости.

Так, минимальное среднее значение общего коэффициента смертности за период 2003–2010 гг. определено для Волгореченска (14,1‰). Это в 2 раза меньше максимального коэффициента, который зафиксирован в Мантуровском районе (28,3‰). Очень высокие значения (более 19‰) наблюдались практически во всех остальных муниципальных районах, за исключением Костромы, Костромского и Красносельского района. Необходимо заметить,

что среднегодовой общий коэффициент смертности в Костромской области был заметно выше аналогичного показателя для России в целом: соответственно 19,3‰ и 12‰.

Различия по величине общего коэффициента рождаемости были не столь значительны, как коэффициента смертности. Максимальные значения отмечены в Пыщуговском (13,5‰) и Красносельском (12,6‰) районах, минимальные – в Макарьевском и Мантуровском районах (по 8,9‰). В среднем за изучаемый период в Костромской области на 1000 чел. приходилось 10,7 рождений, а по всей России – примерно 9.

Из демографических процессов наибольшие территориальные различия наблюдаются в миграционном приросте. Сравнительно высокий миграционный прирост в расчете на 1000, превосходящий естественную убыль населения, наблюдался в Костромском районе. Положительный миграционный прирост отмечен в г. Кострома и г. Буй. Низкая интенсивность миграционного оттока характерна для полупригородных районов и городских округов. Все эти территории втягивали в себя население из других районов области. Особенно сильным миграционный отток был из Вохомского, Межевского, Галичского, Мантуровского, Кологривского и Октябрьского районов. В большинстве районов области, прежде всего в периферийных и дальнепериферийных, из-за миграции убыль населения возрастает более чем в 2 раза.

Сдерживание или прекращение миграционного оттока из муниципальных образований области – одна из главных задач социальной и демографической политики. При сохранении существующей ситуации уже в ближайшее время обезлюдивание угрожает и без того малонаселенным Мантуровскому, Кологривскому, Вохомскому, Галичскому, Межевскому, Антроповскому и Октябрьскому районам, в которых миграционный отток сочетается с высокой естественной убылью населения. Необходимо принимать во внимание, что в миграции участвуют молодые люди[14]. По этой причине на территориях, отдающих мигрантов, заметно ослабевает демографический потенциал и ускоряется процесс старения населения.

Таким образом, демографическая ситуация в области остается очень тяжелой, хотя эта «тяжесть» неравномерно распределяется между муниципальными образованиями. Относительно благоприятная ситуация сложилась в городских округах (за исключением Мантурово) и пригородных сельских районах – Костромском и Красносельском. Наибольшее беспокойство вызывает настоящее и ближайшее демографическое будущее районов периферийной по-

[14] О миграциях молодежи в Костромской области см. следующую главу 3.

лосы. Численность населения здесь, вероятно, сократится до такой величины, при которой сама возможность развития экономики и сохранности сложившейся инфраструктуры за счет внутренних человеческих ресурсов ставится под сомнение.

Рассмотрим территориальные различия в возрастном составе населения (табл. 2.3). Негативную динамику демографическому развитию области и ее муниципальным образованиям придает «старая» возрастная структура населения. Даже там, где население по костромским меркам сравнительно молодое (г. Кострома, г. Шарья), доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения заметно превышала аналогичный среднероссийский показатель. В муниципальных районах с самым старым населением эта доля в 2010 г. приближалась к 30%, а в Мантуровском, Макарьевском и Буйском даже превышала ее еще по данным переписей 1989 и 2002 гг.

Следует отметить, что доля трудоспособного населения в 2000-х гг. достигла своего исторического максимума. Этому способствовало, в первую очередь, сокращение доли детского контингента в общей численности населения, вызванное падением рождаемости в постсоветские годы. В настоящее время в целом ряде муниципальных районов

Рис. 2.4. Доля лиц старше трудоспособного возраста в муниципальных образованиях Костромской области, 2010 (в %)

Таблица 2.3

Доля трех возрастных групп в общей численности населения муниципальных образований Костромской области (в %)*

МР и города	Мужчины и женщины 0–15 лет			Мужчины 16–59, женщины 16–54			Мужчины 60 и старше, женщины 55 и старше		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Кострома	21,5	15,9	14,8	59,6	62,7	62,9	18,9	21,4	22,3
Шарья	23,5	17,8	17,1	53,1	60	60,6	23,3	22,2	22,3
Пыщугский МР	25	20,2	19,5	50,3	57,1	58,1	24,8	22,6	22,4
Галич	23,1	17,4	16,1	56,2	59,9	61,4	20,7	22,7	22,5
Костромской МР	22,6	16	14	55,7	61,4	63,4	21,7	22,6	22,6
Буй	23,1	17,7	16,5	53,2	59,3	60,8	23,7	23	22,7
Судиславкийй МР	26,3	18,7	16,3	52,5	58,7	60,9	21,3	22,6	22,8
Октябрьский МР	25,8	21,6	16,7	48,4	53,7	60,5	25,8	24,7	22,9
Красносельский МР	24,3	18,1	16,8	51,7	57,9	59,4	24	24,1	23,7
Межевской МР	22,8	19,0	16,0	52,5	55,7	60,2	24,7	25,2	23,7
Павинский МР	25,5	20,0	15,6	50,7	54,5	60,7	23,8	25,4	23,7
Волгореченск	26,3	18,9	16,1	62,4	60,9	60,2	11,3	20,2	23,8
Поназыревский МР	19	16,7	15,3	50,5	56,8	60,8	30,5	26,5	23,9
Нейский МР	23,2	18,4	15,3	51,1	54,6	60,6	25,7	26,9	24,1
Парфеньевский МР	22,7	18,8	17,4	49,1	55,6	58,5	28,2	25,6	24,1
Солигаличский МР	22,4	20,2	17,8	51,1	54,2	57,8	26,5	25,6	24,4
Островский МР	23,8	18,7	16,7	49,6	56,7	58,7	26,6	24,6	24,5
Чухломский МР	23,1	19,1	16,3	51,7	55	59,2	25,1	25,9	24,5
Мантурово	23,1	17,2	15,8	53,8	57,6	59,6	23,1	25,3	24,6
Вохомский МР	25	20,2	15,3	48,8	54,1	59,9	26,2	25,7	24,7
Антроповский МР	20,9	19,5	15,7	50,3	54,1	59,4	28,8	26,4	24,8
Сусанинский МР	24,5	17,8	15,4	52	56,2	58,8	23,5	26	25,8
Кологривский МР	21,7	17,4	15,2	49,5	54,9	58,5	28,7	27,7	26,3
Нерехтский МР	23,5	16,3	14,4	52,5	57,8	59,1	24	25,9	26,4

Окончание табл. 2.3

Доля трех возрастных групп в общей численности населения муниципальных образований Костромской области (в %)*

МР и города	Мужчины и женщины 0–15 лет			Мужчины 16–59, женщины 16–54			Мужчины 60 и старше, женщины 55 и старше		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Шарьинский МР	23,4	18,6	15,7	47,3	52,9	57,6	29,3	28,5	26,7
Галичский МР	21,1	18,1	15,5	48,4	53	57,6	30,5	28,9	26,9
Кадыйский МР	21	18,9	15,8	49,8	51,7	56,7	29,2	29,5	27,5
Макарьевский МР	21,6	16,7	13,6	49,3	52,1	57,1	29,1	31,2	29,3
Мантуровский МР	18,7	16,9	13,8	48	50,7	56,6	33,3	32,4	29,6
Буйский МР**	19,4	19	...	48,6	51,5	...	32	30,2	...
Костромская область	22,5	17,1	15,3	54,8	59,2	61,2	22,7	23,7	23,5
Россия	24,5	18,7	16,1	57,0	61,4	62,3	18,5	20,6	21,6

Рассчитано М.Б. Денисенко
* МР расположены в порядке возрастания доли лиц старшего возраста в 2010 г.
** – без РП Черные Боры

Источники: 1989 и 2002 гг. – данные переписей населения,
2010 г. – оценка на 1 января

доля детей не превышает 15%. Кроме того, в начале текущего столетия пенсионный контингент уменьшался благодаря вхождению в его состав малочисленных поколений, рожденных в военные годы.

В целом география возрастного состава в значительной степени отражает географию изменения численности населения и общих демографических коэффициентов (рис. 2.4). Наибольшая естественная убыль населения, самые высокие значения общего коэффициента смертности и самые низкие коэффициенты рождаемости наблюдаются в тех муниципальных образованиях области, где высока доля лиц старшего возраста.

Вместе с тем малочисленность поколений, рожденных в 1990-х гг. и начинающих выходить на рынок труда, по отношению к поколениям, родившихся в 1950-е гг. и вступающим в пенсионный возраст, заставляет предположить, что в ближайшие десять лет годы процесс депопуляции продолжится. Что особенно важно для развития экономики и социальной сферы – усилится убыль населения в трудоспособных возрастах. Особенно заметного увеличения коэффициентов естественной

убыли и смертности следует ожидать в Мантуровском, Макарьевском, Кологривском, Кадыйском, Шарьинском, Галичском и Нерехтском муниципальных районах, где отмечается самая высокая доля пожилого и очень низкая доля детского возрастных контингентов.

Количество рожденных детей зависит от двух переменных: численности потенциальных родителей и интенсивности процесса рождаемости. Одним из наиболее точных измерителей интенсивности является суммарный коэффициент рождаемости, показывающий, сколько у одной женщины за всю ее жизнь родится детей при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте.

Динамика этого показателя свидетельствует, что в Костромской области после глубокого спада в 1990-х гг. уровень рождаемости стал восстанавливаться и особенно быстро – с 2007 г. после введения мер государственной демографической политики. При этом уровень рождаемости в Костромской области в 2009 г. (1,5 рождений у одной женщины) соответствовал среднему по России, но был самым высоким в Центральном Федеральном округе.

В период самой низкой рождаемости (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) размах вариации суммарного коэффициента был сравнительно небольшим: минимальное значение фиксировалось в Костроме (1,11), максимальное – в Кадыйском и Сусанинском муниципальных районах (1,89).

По мере повышения уровня рождаемости увеличивались и масштабы ее территориальной дифференциации (табл. 2.4). Судя по имеющимся данным, более чувствительным к введенным Правительством Российской Федерации пронаталистским мерам оказалось сельское население.

В шести муниципальных районах с исключительно сельским населением уровень рождаемости в 2008–2010 гг. вырос по сравнению с 2005–2007 гг. более чем на 30%. Вместе с тем в Костроме этот рост не превысил и 10%. В итоге по уровню рождаемости область стала весьма неоднородной. В трех муниципальных образованиях с самой низкой рождаемостью (Кострома, Костромской МР и Волгореченск) суммарный коэффициент не превышает 1,4, в трех муниципальных районах с максимальной рождаемостью (Пыщугский, Островский и Кадыйский) его значения больше 2,5.

В количественном отношении различия между этими группами примерно равны соотношению между суммарными коэффициентами рождаемости Москвы и республика Тыва.

Кроме того, в 6 районах области (Октябрьском, Солигаличском, Галичском, Шарьинском, Судиславльском и Межевском) суммар-

Таблица 2.4

Суммарный коэффициент рождаемости (рождения на одну женщину) и доля рождений детей второй и последующих очередностей (в %), муниципальные образования Костромской области

Муниципальные районы и городские округа	Суммарный коэффициент рождаемости			Доля рождений детей второй и последующей очередности		
	2002–2004	2005–2007	2008–2010	2002–2004	2005–2007	2008–2010
Кострома	1,21	1,19	1,31	35,6	36,0	40,9
Волгореченск	1,29	1,30	1,35	39,5	43,2	51,7
Костромской МР	1,11	1,17	1,37	35,8	39,3	41,7
Галич	1,22	1,38	1,42	38,0	38,4	48,5
Нерехтский МР	1,31	1,38	1,49	37,6	39,9	45,7
Нейский МР	1,57	1,36	1,51	37,6	46,5	47,5
Шарья	1,34	1,40	1,58	40,5	44,2	50,5
Мантурово	1,45	1,43	1,60	39,2	40,7	46,7
Чухломский МР	1,61	1,49	1,61	48,5	46,8	45,2
Буй	1,36	1,45	1,62	40,1	42,1	47,9
Мантуровский МР	1,40	1,51	1,66	53,0	52,2	43,9
Макарьевский МР	1,74	1,72	1,67	43,7	39,3	47,8
Поназыревский МР	1,57	1,67	1,69	45,2	48,8	49,1
Павинский МР	1,56	1,57	1,76	52,4	46,7	46,0
Красносельский МР	1,46	1,61	1,82	40,5	45,8	46,5
Вохомский МР	1,56	1,56	1,86	46,3	50,6	53,7
Буйский МР	1,59	1,40	1,87	38,7	38,8	42,1
Антроповский МР	1,54	1,57	1,88	52,3	50,0	42,9
Сусанинский МР	1,89	1,73	1,93	43,6	52,4	49,0
Парфеньевский МР	1,84	1,83	1,94	46,8	53,6	48,3
Кологривский МР	1,54	1,60	2,00	51,4	48,3	46,9
Межевской МР	1,71	1,69	2,05	38,2	48,1	51,1
Судиславльский МР	1,87	1,64	2,06	42,3	44,7	47,8
Шарьинский МР	1,86	1,82	2,07	46,9	46,8	46,3
Галичский МР	1,60	1,58	2,09	43,1	42,6	46,4
Солигаличский МР	1,74	1,97	2,40	44,4	52,3	53,6
Октябрьский МР	1,50	1,86	2,49	39,7	51,5	54,6
Пыщугский МР	1,77	1,93	2,57	51,4	53,8	53,6
Островский МР	1,73	2,03	2,77	42,3	47,2	43,1
Кадыйский МР	1,89	2,41	3,10	50,2	45,8	47,1
Костромская область	1,34	1,34	1,52	39,3	41,1	44,8

Рассчитано М.Б. Денисенко

ный коэффициент превышает величину 2,05 – границу, за которой начинается расширенное воспроизводства населения.

Рост рождаемости был обеспечен женщинами в возрастах старше 25 лет. Из-за этого произошло знаменательное для Костромской области демографическое явление: максимум интенсивности деторождений переместился из группы 20–24 в группу 25–29-летних женщин. Подобный феномен проявился в 18 муниципальных образованиях, включая г. Кострома. В общем числе рождений повысилась доля вторых и последующих рождений. В периферийных Вохомском, Мантуровском и Пыщугском районах в 2010 г. каждый пятый родившийся ребенок был по счету третьим или более высокого порядка. В городских округах доля таких рождений не превышала и 10%.

Падение уровня рождаемости в России и ее регионах сопровождалось ростом доли внебрачных рождений. Так, если в 1990 г. вне зарегистрированного брака в Российской Федерации родилось 14,5% детей, то в 2005 – почти 30%. В Костромской области за тот же период показатель увеличился с 11,6 до 24,5%, а к 2010 г. он сократился до 20,4%. С ростом рождаемости доля внебрачных рождений стала сокращаться. Обращает на себя внимание тот факт, что в Костромской области, как и в России в целом, внебрачные рождения в сельской местности встречаются чаще, чем в городской. В 2010 г. доля рождений вне зарегистрированного брака была самой высокой в возрастной группе 15–19 лет – почти 40%. За ней шли возраста от 35 и старше – почти 30%. В остальных возрастных группах эта доля составляла порядка 20%.

Согласно правилам регистрации выделяются две категории родившихся вне зарегистрированного брака: (1) зарегистрированные по совместному заявлению родителей (2) зарегистрированные только по заявлению матери. В России доля первой категории в общем числе рождений с 1990 по 2005 г. выросла с 6,2 до 13,7%, а доля второй – с 6,3 до 16,3%. В Костромской области в 2010 г. доля первой категории равнялась примерно 8%, второй – 12,5 %. Многие отечественные демографы со всеми оговорками предлагают рассматривать детей из первой категории как рожденных в браке, который по каким-либо причинам не был зарегистрирован. Рождения, зарегистрированные только по заявлению матери, можно рассматривать как «истинно внебрачные» (Бондарская, Дарский, 1990; Население России, 2009).

В Костромской области наблюдаются существенные различия между муниципальными образованиями по уровню внебрачной рождаемости. Всего по области за 2002–2010 гг. вне зарегистриро-

ванного брака родилось более 20% детей. В трех районах (Вохомский, Поназыревский, Сусанинский) более трети детей родилось у родителей, не регистрировавших свой брак. В то же время в городах Буй и Волгореченск, в Солигаличском районе доля таких рождений не превышала 20% (табл. 2.5). Вообще уровень внебрачной рождаемости высок в периферийных районах, и низок – в городских округах (рис. 2.5). Если рассматривать в качестве «истинных» внебрачных рождений только те, которые зарегистрированы по заявлению матери, то различия между муниципальными образованиями сократятся, а их ранжированный ряд по степени распространенности внебрачной рождаемости изменится.

В целом по величине показателей рождаемости их можно разделить на три группы: (1) низкая рождаемость – относительно благополучные городские округа и пригороды, (2) высокая рождаемость – депрессивные районы периферии, дальней периферии и некоторые районы полу-периферии, (3) средняя рождаемость – остальные районы. Очевидно, территориальная дифференциация процессов рождаемости отражает различия в брачности, соотношении полов, миграционных процессах, в уровне образования населения, женской занятости, доходов и т.п. Для объяснения локальных различий в рождаемости нужны дополнительные исследования.

Рис. 2.5. Доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, Костромская область, 2010 г. (в %)

Таблица 2.5

Распределение родившихся по брачному состоянию матери (в %)

Муниципальные районы и городские округа	В зарегистрированном браке	Вне зарегистрированного брака	В том числе	
			по совместному заявлению родителей	по заявлению матери
Поназыревский МР	64,5	35,5	24,5	10,9
Вохомский МР	64,9	35,1	23,0	12,1
Сусанинский МР	69,0	31,0	21,3	9,8
Пыщугский МР	71,7	28,3	17,8	10,5
Павинский МР	72,6	27,4	17,1	10,4
Октябрьский МР	73,4	26,6	17,3	9,3
Галичский МР	73,4	26,6	17,8	8,8
Парфеньевский МР	73,5	26,5	18,3	8,2
Шарьинский МР	74,0	26,0	19,0	7,0
Макарьевский МР	74,4	25,6	16,2	9,3
Красносельский МР	75,1	24,9	16,4	8,6
Судиславльский МР	75,1	24,9	16,0	8,9
Мантуровский МР	75,1	24,9	17,7	7,2
Кадыйский МР	75,7	24,3	18,6	5,7
Островский МР	76,4	23,6	14,9	8,7
Нерехтский МР	76,4	23,6	14,5	9,1
Межевской МР	76,7	23,3	15,4	7,9
Антроповский МР	76,9	23,1	14,8	8,3
Буйский МР	76,9	23,1	15,5	7,5
Костромской МР	77,1	22,9	14,0	8,9
Чухломский МР	77,3	22,7	13,9	8,8
Нейский МР	77,5	22,5	15,4	7,2
Шарья	77,9	22,1	13,4	8,7
Кострома	78,1	21,9	12,8	9,0
Кологривский МР	78,2	21,8	12,0	9,8
Мантурово	78,5	21,5	15,4	6,1
Галич	79,1	20,9	14,4	6,5
Солигаличский МР	80,3	19,7	12,4	7,3
Волгореченск	80,7	19,3	9,3	10,0
Буй	81,1	18,9	11,8	7,2
Костромская область	77,0	23,0	14,3	8,7

Рассчитано М.Б. Денисенко

Территориальные различия в уровне смертности населения оказываются, наравне с рождаемостью, важнейшим демографическим показателем при анализе социальных процессов. Выдающийся современный экономист, нобелевский лауреат, «вернувший в экономическую науку мораль», Амартия Сен предложил использовать смертность в качестве «главного индикатора экономических успехов и ошибок» (Sen, 1995).

Различия в уровне смертности между отдельными группами населения (включая территориальные общности) зависят от разницы в уровне доходов и масштабах бедности, различий в качестве предоставляемых системой здравоохранения услуг и доступа к ним, от уровня образования членов той или иной группы, от сложившихся стереотипов самосохранительного поведения, от действующих систем общественной безопасности и охраны труда, от состояния окружающей среды и др. Показатели интенсивности смертности чувствительны к изменениям в здравоохранении, в экономике и социальной организации в целом. При этом статистически они измеряются намного точнее индикаторов уровня жизни.

Но, к сожалению, при оценке эффективности тех или иных мер социальной и экономической политики, проводимой как на региональном, так и на муниципальном уровне, показатели смертности, в том числе такая ее обобщенная характеристика, как ожидаемая продолжительность жизни, практически не используются.

В первое постсоветское десятилетие динамика смертности в Костромской области и ее муниципальных образований отражает ухудшение здоровья населения, деградацию экономики области и резкое падение уровня жизни. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (для обоих полов) сократилась с 69,2 в 1989 до 62,1 лет в 2003 г. При этом продолжительность жизни у мужчин опустилась до 55,4 лет. Такая величина была достигнута мужским населением области в середине 1950-х гг. В настоящее время она наблюдается в не самых процветающих странах Африки (например, Танзания, Либерия, Конго).

Продолжительность предстоящей жизни при рождении у женщин на 13 лет больше, чем у мужчин. Но ситуация со смертностью в женском населении оказывается благополучной только в сравнении с костромскими мужчинами. Продолжительность жизни в 74 года была достигнута женщинами развитых стран еще в конце 1960-х гг., в Российской Федерации – в середине 1980-х гг. Сильное гендерное неравенство перед лицом смерти является одной из главных причин существования большого числа неполных семей и одиноких женщин в средних и старших возрастах.

Улучшение экономической ситуации в 2000-х гг. сопровождалось снижением уровня смертности. В итоге ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2009 г. возросла и составила 67,2 года для обоих полов, в том числе для мужчин 60,8 года, для женщин 73,8 года. Это меньше, чем в среднем по России – на 2 года у мужчин и на год у женщин, и значительно меньше, чем в Москве. Продолжительность жизни у мужчин в столице на 8,5 лет больше, чем у мужчин Костромской области. Для женского населения эта разница меньше – 4 года. Различия в продолжительности жизни отражают социально-экономическую дистанцию между Москвой и Костромской областью, «плату» последней за провинциальность и отсутствие востребованных рынком природных ресурсов.

Масштабы региональной неоднородности в смертности на уровне субъектов федерации воспроизводятся в Костромской области. В 2008–2010 гг. разница между максимальным (Волгореченск) и минимальным (Солигаличский район) показателями продолжительности жизни составляла более 8 лет для мужчин и 5 лет для женщин (табл. 2.6). Наиболее благоприятная ситуация в смертности наблюдается в столичном регионе (Кострома и Костромской МР) и в городе энергетиков Волгореченске. Среди муниципальных образований, где отмечается тяжелая ситуация в сфере сохранения жизни, встречаются представители как периферии (Мантуровский, Вахомский), так и пригородов (Сусанинский), и полупериферии (Солигаличский и Галичский). Обращают на себя внимание чрезвычайно низкие по современным стандартам показатели продолжительности жизни для периода 2002–2004 гг. В Макарьевском, Поназырьевском, Шарьинском и Октябрьском районах она не достигала 53 лет (!).

Снижение смертности в 2005–2010 гг. было заметным: продолжительность жизни при рождении у мужчин увеличилась почти на 4 года, у женщин – на 3 года. Но оно в разной степени коснулось тех или иных муниципальных образований. Так, в Костромском районе продолжительность жизни мужчин увеличилась на 6 лет, в Октябрьском – на 8 лет, а в Солигаличском – менее чем на 1 год.

За неоднородностью в продолжительности жизни стоят заметные различия между муниципальными образованиями в структуре причин смерти, прежде всего от болезней системы кровообращения и внешних причин. Именно за счет уменьшения смертности от этих двух классов причин, а также болезней органов дыхания увеличивалась продолжительность жизни за последние 6 лет.

Для иллюстрации масштабов региональной дифференциации смертности от отдельных причин для 2002–2010 гг. были проана-

Таблица 2.6

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в муниципальных образованиях Костромской области (лет)

Муниципальные районы и городские округа	Мужчины			Женщины		
	2002–2004	2005–2007	2008–2010	2002–2004	2005–2007	2008–2010
Волгореченск	59,2	60,6	63,4	72,6	75,2	75,4
Костромской МР	56,6	58,6	62,7	71,6	72,3	74,4
Кострома	57,4	59,4	62,2	71,0	72,9	74,6
Межевской МР	57,8	57,4	61,8	69,9	69,1	74,0
Чухломский МР	57,3	58,0	61,3	70,0	73,1	74,6
Шарья	54,0	56,6	61,2	70,4	72,1	74,2
Павинский МР	56,1	56,2	61,2	68,8	69,7	70,1
Шарьинский МР	52,6	54,9	61,0	68,1	69,4	74,6
Судиславский МР	56,0	59,2	61,0	71,4	72,5	73,9
Красносельский МР	54,1	58,3	60,5	70,2	73,1	75,4
Нейский МР	56,4	55,1	60,4	69,8	72,2	73,3
Октябрьский МР	52,8	54,4	60,3	70,9	73,0	72,7
Островский МР	56,9	58,2	59,9	69,1	70,3	71,5
Галич	55,2	55,8	59,9	70,3	70,8	75,5
Нерехтский МР	54,9	56,9	59,7	70,8	72,3	74,4
Буйский МР	55,0	54,5	59,6	72,8	69,7	73,6
Парфеньевский МР	57,6	54,5	59,1	69,5	71,1	71,7
Буй	53,8	56,3	58,9	69,8	72,1	73,8
Антроповский МР	58,3	58,3	58,8	69,8	73,1	72,8
Кадыйский МР	54,5	56,3	58,5	69,0	71,5	71,7
Мантурово	54,1	55,2	58,4	70,9	72,2	72,2
Пыщугский МР	53,1	59,5	58,4	70,2	71,4	77,3
Макарьевский МР	52,6	57,4	58,4	68,7	71,4	74,8
Кологривский МР	54,4	57,5	58,2	68,4	68,2	73,0
Поназыревский МР	51,7	54,9	58,1	67,2	67,3	72,3
Сусанинский МР	54,6	55,2	57,2	68,1	66,5	72,3
Галичский МР	53,3	56,5	56,9	69,4	69,3	70,2
Мантуровский МР	53,5	55,0	56,8	69,3	71,5	72,6
Вохомский МР	54,9	57,4	56,4	70,1	71,3	73,1
Солигаличский МР	54,5	56,1	55,1	69,7	70,4	70,3
Всего	55,9	57,9	60,8	70,5	72,1	74,1

Рассчитано М.Б. Денисенко

лизированы стандартизованные коэффициенты от всех внешних причин с выделением смертей в результате самоубийств и убийств. Из причин смерти выделены те, которые четко фиксируются статистикой, отражают особенности самосохранительного поведения населения, а также скорость получения медицинской помощи и организацию общественной безопасности.

В структуре смертности Костромской области внешними причинами обусловлены порядка 15% смертей мужчин и 7% смертей женщин в 2002–2010 гг. Максимальный уровень смертности от внешних причин у мужчин отмечен в Октябрьском районе, у женщин – в Вохомском районе. Максимумы, соответственно, в 2 и 3,3 раза выше минимальных значений, наблюдавшихся в г. Волгореченск. Октябрьский район с большим отрывом занимает первое место по уровню смертности от самоубийств и убийств среди мужчин. Стандартизованные коэффициенты здесь выше минимальных значений, наблюдавшихся, соответственно, в Костроме и Волгореченске, в 3,9 и 5,6 раза. У женщин самые низкие показатели смертности от самоубийств (Волгореченск) в 6,2 раза ниже максимальных значений, отмеченных в Вохомском районе. Самые низкие уровни смертности от убийств за восьмилетний период наблюдения в женском населении отмечены в Волгореченске и Чухломском районе, самый высокий – в Макарьевском районе. Превышение максимума значений над минимумом составляет 13 (!) раз.

Несомненно, география внешних причин смерти отражает географию столь распространенного в России явления, как неумеренное потребление содержащих алкоголь напитков.

В бедных костромских селениях «бухает деревенская молодежь почти каждый день, если есть деньги – покупают самую дешевую водку (“Старорусская”), иногда, когда уж денег очень много или когда кто-нибудь приезжает, – берут пиво. Если денег нет вообще – бегут за фуфыриками. Это сейчас он /фуфырик/ стал завоевывать популярность во всей России, а пару лет назад он был известен только избранным жителям страны – автолюбителям, врачам-косметологам и жителям русской глубинки»[15]. «Фуфырик (мультяшка, фунфырик, малой, “вкусняшка за семнашку”) – пластиковая бутылка объемом 250 мл, внутри которой находится бесцветная жидкость либо для ванн, либо для того чтобы у автомобилей стекла зимой не замерзали – “Антилед”, – с содержанием этилового спирта от 80 до 96 градусов. Также, кроме спирта, внутри находятся и другие ингредиенты – экстракт женьшеня, экстракт березовых почек, вода».

[15] Деревня Екатеринкино http://ekaterinkino.narod.ru/Index.htm

Нерешенность проблемы алкоголизации вполне реально угрожает выживанию малых городов и сельских сообществ не только в Костромской области, но в других областях на Севере России. Практически каждая экономическая программа, по мнению многих экспертов, сталкивается здесь с недостатком трудоспособных кадров. Это, как справедливо отмечал Н.Е. Покровский, со всей остротой ставит вопрос о том, что местные кадры ни сейчас, ни в перспективе не могут обеспечить хозяйственную деятельность, соответствующую современным требованиям и стандартам. И потому экономика будет либо катастрофически свертываться, либо обеспечиваться миграционными кадрами (Покровский, 2006: 87).

***

Население Костромской области сокращается уже более полувека. Но в 1990-х гг. процесс депопуляции усилился. В настоящее время Костромская область, как и ряд других старообжитых областей Центрального Федерального округа, по темпам сокращения населения обгоняет большинство регионов Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время в Костромской области каждое третье село осталось без жителей. Это намного больше, чем где-либо в России. «Тяжесть» демографической ситуации распределяется по территории Костромской области неравномерно. За этой неравномерностью стоит неоднородность социального и экономического положения муниципальных образований (см. главу 1). К благополучным, по областным меркам, районам относятся Кострома, ее пригороды и городские округа, за исключением Мантурово. Наиболее сложная демографическая ситуация сложилась в большинстве сельских районов, где у жителей нет полноценной по содержанию и заработкам работы, процветает бедность, остановилось сельскохозяйственное производство и лесопромышленный комплекс. Здесь население сокращается особенно быстро: за последние восемь лет – на четверть.

Но в целом демографическая ситуация очень трудная во всей области. Позитивные изменения в смертности и здоровье населения происходят медленно. Продолжительность жизни мужского населения остается «африканской». У женщин, у которых продолжительность жизни на 13 лет выше, чем у мужчин, ситуация только на первый взгляд намного лучше. Аналогичные по величине показатели были достигнуты женщинами в развитых странах еще в конце 1960-х гг., в Российской Федерации – в середине 1980-х гг. Низкая индивидуальная ценность долголетней жизни проявляется

в невнимании подавляющей части населения к собственному здоровью, массовой алкоголизации со всеми вытекающими последствиями, в высоком уровне смертности от внешних причин, ранней смертности от болезней системы кровообращения.

Увеличение рождаемости последних лет происходит преимущественно за счет сельских муниципальных районов, выделяющихся бедностью населения и депрессивной социально-экономической обстановкой. На протяжении более полувека из области происходит устойчивый миграционный отток населения, который в последнее десятилетие усилился. Причем уезжает наиболее деятельная и молодая часть населения. Если современная демографическая ситуация радикально не изменится и перенесется в будущее, то в 2030 г. в Костромской области будет жить 500 тыс. человек, из которых более 30% составят люди в возрасте от 60 лет и старше.

Результаты изучения территориальной неоднородности демографического развития в Костромской области показывают, что современное изучение социально-экономических и социально-демографических процессов, обоснование и практика реализации мер экономической политики и политики народонаселения должны основываться на данных, относящихся к муниципальным образованиям. Эти же данные говорят о том, что если в ближайшее время во многих районах Костромской и других областей России не произойдет изменений в демографии и условиях жизни населения, то они окажутся потерянными для экономики страны.

Литература

1. *Белоруков Д.* Деревни, села и города Костромского края. Кострома, 2000

2. Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Брачное состояние женщин и рождаемость. В кн. Демографические процессы в СССР. 1990.

3. *Виссер О.* «Пустые» права, социальные обязанности и рабочие отношения // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой и О. Бередниковой. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 79– 104.

4. Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX в. / сост., автор теоретического введения и ред. Ю.И. Семенов. М., 2002.

5. *Гевелинг А.В.* Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. – М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2002.

6. *Денисенко М.Б.* Вопросы изучения смертности и здоровья населения малых территорий. В кн.: Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы / под. ред. М.Б. Денисенко, Г.Ш. Бахметововй. – М.: МАКС Пресс, 2007. С. 148–175.

7. *Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М.* Демография. М.: ИНФРА-М, 2007.

8. *Зайончковская Ж.А.* Миграция населения в социально-экономическом контексте // Подходы к управлению миграционным развитием. Таллинн, 1989. С. 82–98

9. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013; и др.

10. *Калугина З.И.* Итоги рыночной трансформации аграрного сектора России // ЭКО. – 2013. – № 3. – С. 31–47;

11. *Катус К.* Миграционное развитие Эстонии сквозь призму стратегии миграционной политики // Подходы к управлению миграционным развитием. Таллинн, 1989. С. 122–136

12. Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник 1996 / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996.

13. Население России 2008. Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневского. М.: ГУ-ВШЭ, 2008.

14. *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920.

15. Методология исследования и качество жизни сельского населения России и США / ред. В.В. Пациорковский, Д.-Дж. О'Брайан. М.: Columbia, 1996

16. *Моисеенко В.М.* Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. М., 1985.

17. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневского. М.: ГУ-ВШЭ, 2009

18. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2012.

19. *Нефедова Т.Г.* Путешествие по костромской земле. В кн.: Российский Северный вектор / под ред. проф. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006.

20. *Нефедова Т.Г.* Село Медведево в интерьере своего района, области и России // Российский Северный вектор / под ред. проф. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006.

21. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003.

22. *Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И.* Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: О.Г.И., 2001.

23. *Нефедова Т.Г., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006.

24. *Нефедова Т.Г.*. Полимасштабный подход к исследованию сельской местности и сельского хозяйства России // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / под ред. П.М. Поляна, А.И. Трейвиша. М., 2012. С. 315–346.

25. *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001. М: Финансы и статистика, 2003;

26. *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: приоритеты развития / Росс. акад. наук, Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения. – М.: Поколение, 2009;

27. *Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А.* Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1, 2. М., 1994.

28. *Петриков А.* Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.

29. *Покровский Н.Е* (ред.) Российский Северный вектор. Сообщество профессиональных социологов, 2006.

30. *Покровский Н.Е.* (ред.) Современный Российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. М.: Сообщество профессиональных социологов. 2005.

31. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010.

32. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987.

33. *Рыбаковский Л.Л.* Стадии миграционного процесса. М., 2001.

34. *Салицкий А.И.* Негативная экономика – где искать критерии? // Восток – Oriens. – М., 2000. – N 1. – С. 83–89.

35. *Семенов Ю.И.* Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества и России. – М.: УРСС, 2011.

36. *Семенов Ю.И.* Экономическая этнология: Первобытное и раннее предклассовое общество // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX (Экономическая этнология). Кн. 1. Ч. I–III. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – 710 с.

37. *Староверов В.И.* История и теория социологического анализа российской агросферы. М., 2009

38. Статистический ежегодник «Костромская область». Кострома, 2011.

39. *Тебуев Дж.Б., Эдиев Д.М.* Применение метода имитационного моделирования к сравнению эффективности методов построения таблиц дожития // Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы / под ред. М.Б. Денисенко, Г.Ш. Бахметововй. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 175–190.

40. *Фадеева О.* «Феномен многоукладности экономики сибирского села» // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой и О. Бередниковой. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 168–184.

41. *Хорев Б.С., Чапек В.* Проблемы изучения миграции населения. М., 1978. С. 236

42. *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925

43. *Челинцев А.Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919

44. *Якушкин Е.И.* Обычное право. Вып. 2. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1896. С. 155, 162, 163, 165, 407, 415.

45. *Sen A.* Mortality as Indicator of Economic Success and Failure. UNICEF, Florence, 1995.

46. *Siegel J.* Applied Demography: Applications to Business, Government, Law, and Public Policy. Washington D.C.: Academic Press 2002.

47. *Swanson D., Pol L.* Contemporary Development in Applied Demography within the United States. Working Papers, 2003. Center for Population Studies, The University of Mississippi. http://www.olemiss.edu/depts/population_studies/WorkingPapers.html

48. *Wakefield J., Elliot P.* Issues in the Statistical analysis of small area health data // Statistics of Medicine, 1999. Volume 19: 2377–2399.

Глава 3. Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север[1]

В современной России уже четверть века население стягивается в центр страны, под которым чаще всего понимается Центральный федеральный округ. К этому центру правильно будет отнести также регионы Северо-Западного района, «неэтнического» юга России, среднее Поволжье. Многие из этих регионов по российским меркам относительно плотно заселены, здесь немало крупных и крупнейших городов, в числе которых – Москва и Санкт-Петербург. Остальная Россия подпитывает эту зону населением, сюда активнее вселяются международные мигранты, в результате чего, в условиях депопуляции, в этой части страны не так быстро убывает население.

На фоне общестрановых трендов стягивания населения действуют более локальные. Так, в пределах центра страны население стягивается в столичный регион, для отдельных регионов такими межрегиональными центрами стягивания населения выступают Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Самара. Есть подобные центры стягивания населения и за пределами центра страны, но они менее мощные, часто выполняют транзитную роль на пути в центр страны.

В свою очередь, в каждом российском регионе (пожалуй, за исключением сибирских и дальневосточных северов, где региональная система расселения напоминает острова посреди незаселен-

[1] Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 на 2012–2014 гг. «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

ного пространства), идет стягивание населения в региональные центры. Центр – это не только сама столица, но и пристоличный район, в отдельных случаях – несколько районов, примыкающих к нему. Именно на их территории формируются агломерации, часто это – «спальные районы», которые образуют с центром единый рынок труда. Здесь все постсоветские годы проводились административно-территориальные преобразования, часто в пользу регионального центра. Население этих районов живет в тесной связке с региональной столицей, что в итоге определяет динамику его численности. За редким исключением, именно в региональных центрах сконцентрирована экономическая жизнь, финансовые потоки, и конечно, административные функции. Здесь есть диверсифицированный рынок труда, имеются возможности получить образование.

Города и районы, расположенные за пределами центральных частей регионов, – внутрирегиональная периферия. Это не только пространственное понятие, их объединяет сходство динамики численности населения, направленность миграционных потоков и др.[2] Здесь мало крупных городов, зачастую единственный крупный город в регионе представлен региональным центром. Внутрирегиональная периферия неоднородна, но эти внутренние различия уступают различиям по линии «центр–периферия».

Немаловажный вектор различий периферии – удаленность городов и районов от центра. Удаленность на 30–50 км или на 200–250 км имеет большое значение: для населения это возможность совершать регулярные поездки в региональный центр, в ближней периферии чаще всего располагаются дачи горожан, выше плотность дорожной сети и сами дороги лучше, выше продуктивность сельского хозяйства (Нефедова, 2003, 2013). «Медвежьи углы» часто сильно обособлены, инфраструктура здесь изношена, в неземледельческих регионах товарное сельское хозяйство практически сворачивается.

Удаленность периферии от региональных центров можно измерять при помощи физического расстояния (в км). Другой способ – рассчитывать удаленность методом «соседства» с центром, выделяя соседей 1-го, 2-го, *n*-го порядков. Такой способ может несколько искажать физические расстояния и транспортную доступность центров, но зато позволяет более корректно сравнивать территории с разной плотностью населения и величиной АТЕ районного уровня.

[2] См. главу 1 Т.Г. Нефедовой в данной книге.

К центру мы относим региональную столицу и «пристоличный» район, в случае если территория регионального центра граничит непосредственно не с одним, а с двумя или тремя административными районами, то все они относятся к центру. Периферийные АТЕ подразделялись на несколько зон по удаленности их от центра – на периферию 1-го, 2-го, ..., 8-го порядков.

Зависимость изменения численности населения городов и районов за периоды 1989–2002 и 2003–2010 гг. указывает на выраженные различия между центрами и периферией: чем дальше от регионального центра, тем более интенсивно сокращалось население (рис. 3.1). В последний межпереписной период различия усилились. В отличие от 1990-х гг., когда даже привычный сельско-городской миграционный тренд претерпел своего рода непродолжительную «инверсию» (Население России, 1997), а приток репатриантов из постсоветских стран приостановил депопуляцию в сельской местности многих регионов европейской части страны, в 2000-е гг. центро-периферийный тренд вновь вышел на первый план. В 2003–2010 гг. ближняя и дальняя периферия регионов демонстрировали различающуюся динамику численности населения: чем дальше от центра, тем убыль населения была выше.

Контрасты динамики численности населения по линии «центр–периферия» имеют повсеместное распространение, но наиболее

Рис. 3.1. Изменение численности населения низовых АТЕ в зависимости от удаленности от регионального центра, Россия, 1989–2010 гг.

* без учета данных по Москве, Санкт-Петербургу Дагестану, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне

Таблица 3.1

Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, прирост/убыль, 2002 г. к 1989 г. и 2010 г. к 2002 г., в %

Ранг соседства	Федеральные округа						
	Центральный*	Северо-Западный**	Южный***	Приволжский****	Уральский****	Сибирский****	Дальневосточный
2002 г. к 1989 г., прирост/убыль							
Всего	–4,9	–9,7	6,8	–2,5	–3,8	–6,3	–16,7
центр	–2,2	–4,0	7,1	–2,8	–2,6	–1,4	–7,7
соседи 1–го	–3,6	–8,1	6,5	–0,4	2,3	–6,6	–21,6
2–го	–6,5	–11,1	8,2	–5,7	–5,5	–9,1	–22,6
3–го	–6,3	–15,4	6,0	–3,2	–10,5	–10,4	–22,6
4–го	–9,7	–15,2	6,4	0,2	–10,7	–7,3	–24,2
5–го	–4,8	–19,3	1,9	–0,7	–6,1	–9,7	–22,6
6–го	–12,1	–37,2	–5,3	–0,9	–5,7	–10,9	–28,0
7–8-го порядков	–21,2	–	–6,3	–	–11,9	–17,9	–5,7
2010 г. к 2002 г., прирост/убыль							
Всего	–2,8	–6,5	–0,5	–4,3	–2,3	–4,3	–5,8
центр	4,0	–0,1	2,2	–0,7	2,9	2,8	0,3
соседи 1–го	–0,9	–6,7	–3,1	–4,6	–2,1	–5,7	–7,9
2–го	–6,3	–10,5	–0,9	–7,6	–4,5	–8,1	–10,6
3–го	–6,8	–13,1	–0,4	–7,6	–9,8	–10,5	–13,3
4–го	–10,6	–12,1	–3,9	–6,2	–11,8	–9,0	–13,5
5–го	–9,1	–13,8	–5,8	–8,4	–5,8	–11,5	–9,4
6–го	–10,4	–27,2	–7,7	–8,4	–14,3	–11,0	–17,7
7–8-го порядков	–21,3	–	–9,9	–	–14,1	–17,5	–8,9

* без учета Москвы

** без учета Санкт-Петербурга

*** без учета Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечни

**** в ходе переписи 1989 г. между регионами Приволжского, Уральского и Сибирского округов было перераспределение населения ЗАТО, поэтому реальное изменение численности за 1989–2002 гг. в этих округах было несколько иным, что, впрочем, не могло сильно сказаться на динамике центров и периферии. Подробнее см.: *Тольц М.* Тайны советской демографии / Демоскоп Weekly 2004 № 171–172 http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php

четко они проявляются в Центральном и Северо-Западном округах (табл. 3.1). Сельское население, население малых городов остается стабильным только вблизи региональных центров (Карачурина, Мкртчян, 2013). Средние по размеру города на значительном удалении от регионального центра могут формировать локальные центры притяжения населения, тем самым сокращение численности их населения приостанавливается. Таких городов немного, они есть не в каждом регионе, т.к. для формирования их как локальных центров нужны не только социально-экономические условия, но и сравнительно «полнокровная» людьми периферия.

В Центре и на Европейском севере депопуляция периферии началась раньше, чем в целом по стране, потому что миграция в крупные города усиленно «высасывала» молодое население на протяжении уже многих десятилетий. В результате показатели естественного движения, зависимые от возрастной структуры населения, здесь – одни из самых неблагоприятных среди российских регионов.

В этой главе мы подробнее остановимся на миграции молодежи. Это самая активная в миграционном отношении группа населения (рис. 3.2): на возраст 17–29 лет в 2012 г. приходилось 38% всех фиксируемых статистикой внутристрановых миграционных перемещений, в 2002 г. – 45%.

Рис. 3.2. Распределение внутрироссийских мигрантов по возрасту, % от общего числа прибывших в соответствующем году

В работах В.И. Переведенцева конца 1980-х гг. выделялись три главных потока молодежи из села в город: 15–16 лет[3] после окончания неполной средней школы; 17–18 лет по окончании средней школы и 20–21 год после службы в армии (Переведенцев, 1990). Сейчас возраст наибольшей миграционной активности приурочен, скорее, к возрасту получения профессионального образования.

Однако российская статистика фиксирует не всех мигрантов, до 2011 г. в ее поле зрения попадали только зарегистрированные по месту жительства. Вне статистического учета оставались, например, многие учебные мигранты, люди, оформляющие регистрацию по месту пребывания на разный срок, независимо от того, что они могли проживать вне места постоянной регистрации на протяжении многих лет.

Кроме того, для изучения миграции в пределах регионов необходима информация в разрезе городов и районов, ее доступность, сбор и обработка затруднены. Поэтому мы использовали так называемый метод «передвижки возрастов», применяемый для анализа миграции с использованием данных переписей населения. Этот метод применяла, например, Ж.А. Зайончковская к данным переписей 1959, 1970 и 1979 гг. для оценки миграционных потерь сельской местности РСФСР за соответствующие межпереписные периоды (Зайончковская, 1991).

Для расчетов требуются данные о распределении населения по возрасту, желательно, 1-летние когорты. Суть метода состоит в следующем. Выбирается когорта детей, которая к следующей переписи достигает возраста максимальной миграционной активности, и сравнивается ее численность в том или ином регионе (городе, районе) на две даты. Преимущество применения данного метода к анализу миграции молодежи состоит еще и в том, что за межпереписной период смертность может влиять на численность выбранной когорты населения незначительно, и это влияние можно не принимать во внимание.

В тех городах и районах, где численность молодежи увеличилась за межпереписной период, это увеличение объясняется миграцией. Значимое (превышающее 2–3%) сокращение данной когорты также является результатом оттока молодежи. Стоит оговориться, что данные переписи также не свободны от недостатков, нельзя их абсолютизировать. В частности, перепись 2010 г. «переучла» молодежь (Мкртчян, 2012), что стало возможно благодаря тому, что

[3] Миграция молодежи 15–16 лет в современной России практически не выражена, в этом возрасте молодые люди обычно живут в родительской семье и не склонны к самостоятельной миграции.

часть молодых людей, живущих вне родительской семьи, были учтены дважды: по месту их фактического проживания (например в крупном городе в общежитии) и по месту постоянной регистрации, родителями.

Поэтому данные о численности молодежи в городах – региональных центрах, возможно, более точны, чем данные о численности молодежи на периферии, где они могут быть преувеличены в силу вышеназванных причин.

На основе данных о половозрастной структуре населения 19 регионов России было произведено сопоставление когорт молодого и детского населения за два последних межпереписных периода (рис. 3.3). В силу ограниченности данных (в 1989 и 2002 г. по ряду регионов были доступны только 5-летние возрастные группировки) в первый межпереписной период мы сравнивали две группы высокой миграционной активности.

Если сопоставить рис. 3.1 и 3.3, видно, что различия между центром и периферией, измеренные при помощи динамики молодежных когорт, сильнее. Если общая численность населения центров увеличивалась за последний межпереписной период на 2%, то численность молодежи в возрасте 18–22 лет увеличилась (по данным

Рис. 3.3. Численность молодежи в 2002 и 2010 гг. по зонам топологической удаленности от регионального центра, % к числу детей в 1989 и 2002 г. соответственно

19 регионов) на 44%. С другой стороны, общее сокращение населения на периферии составляло 5–10% за межпереписной период, в то же время уменьшение численности молодежи составило 20–30%. И это – «нижняя» оценка потерь молодежи периферией, учитывая особенности переписи как источника информации, о чем говорилось выше.

Именно молодежь составляет основу перераспределяемого между региональными центрами и периферией населения. И что особенно важно – она, в отличие от ряда других групп населения, участвует в процессе воспроизводства населения. Естественно, такой приток способствует омоложению населения крупных городов. Поэтому центры регионов, несмотря на сравнительно невысокую рождаемость у городского населения и низкие нормы детности, демонстрируют лучшие показатели демографической динамики, чем традиционно больше рожающая периферия, сельская местность. С другой стороны, на периферии в результате оттока молодежи уменьшается рождаемость, ускоряется старение населения.

Особую остроту процесс «людского сжатия», наряду с хозяйственным сжатием (Нефедова, 2010), приобретает в староосвоенных регионах России, на Европейском Севере. В отличие от территорий так называемого нового освоения эти территории были заселены на протяжении многих веков. Потеря населения периферией ведет здесь к деградации давно сложившейся системы расселения.

Сокращение населения в регионах Европейского Севера в последние два межпереписных периода шло быстрее, чем в других регионах Европейской части страны. В 1989–2002 гг. население Центрального округа увеличилось на 0,2%, Южного – на 11,6%, Приволжского – уменьшилось на 2% (с учетом перебросок населения из Уральского округа в 1989 г. – на 1,8%), в то время как население регионов Европейского Севера сократилось на 6–15%. В следующий межпереписной период население Центрального округа увеличилось на 0,8%, Южного (без Северо-Кавказского) – уменьшилось на 1,1%, Приволжского – на 4,5%, тогда как население регионов Европейского Севера уменьшилось на 6–13%.

При этом центры каждого региона Севера в оба межпереписных периода демонстрировали более позитивную динамику населения, чем население региона в целом (табл. 3.2). У большинства периферийных территорий четко выраженных отличий в динамике численности населения по мере удаления от центров не прослеживалось. Убыль численности населения у АТЕ – соседей регионального центра 1-го порядка была меньше, чем у совсем дальней пери-

Таблица 3.2

Изменение численности населения низовых АТЕ по регионам Европейского Севера в зависимости от удаленности от регионального центра, прирост/убыль, 2002 г. к 1989 г. и 2010 г. к 2002 г., в %

	Псковская	Новгородская	Архангельская	Вологодская	Ярославская	Костромская	Кировская	Пермский край
	2002 г. к 1989 г.*							
В целом по региону	90,0	92,4	85,1	94,1	93,1	91,7	88,8	91,4
центр	99,5	99,3	87,8	100,2	97,3	95,1	103,2	92,6
соседи 1-го	91,0	91,0	78,0	90,7	91,5	89,8	83,1	92,5
2-го	85,3	87,5	81,7	96,0	89,1	85,1	80,2	88,4
3-го	81,1	89,4	83,8	87,6	82,2	84,5	83,1	90,6
4-го	88,5	91,5	88,9	87,1	81,7	81,0	86,9	85,2
5–8 порядков	85,8	–	79,1	–	–	84,5	86,4	93,4
	2010 г. к 2002 г.							
В целом по региону	87,5	90,5	90,9	94,0	92,3	89,7	88,3	92,9
центр	99,0	98,1	96,5	102,0	96,6	96,9	97,6	99,3
соседи 1-го	87,0	87,0	83,6	88,6	91,3	87,2	88,6	92,9
2-го	79,9	84,2	82,6	96,7	89,8	87,8	81,5	89,3
3-го	76,9	89,1	85,1	87,0	79,4	82,0	83,7	90,3
4-го	78,9	86,8	93,3	86,6	76,6	80,4	79,5	81,1
5–8 порядков	90,9	–	84,3	–	–	84,9	83,9	75,7

* Сокращение населения Кировской области было на 44 тыс. человек меньше из-за «переброски» в ходе переписи 1989 г. населения ЗАТО из Нижегородской области, а Пермского края – на 55 тыс. меньше из-за «переброски» в ходе переписи 1989 г. населения ЗАТО из Свердловской области. См.: *Тольц М.* Тайны советской демографии / Демоскоп Weekly 2004 №171–172 http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php

ферии, соседей 4–5 порядков – лишь в Ярославской и Костромской областях в оба межпереписных периода; в Кировской, Псковской областях и Пермском крае – только во второй межпереписной период.

Общие масштабы сокращения населения и сильные контрасты в убыли численности населения между центрами и периферийными территориями в регионах Европейского Севера являются прежде всего результатом миграции. Большинство регионов, за исключением Ярославской области, в целом испытывают миграционный отток населения. Это – и результат общего оттока населения с севера, которому в большей мере в последние два десятилетия было подвержено население Архангельской области, и следствие центробежных миграций, дрейфа населения с внешней периферии в центр в масштабах страны.

Население Псковской и Новгородской областей, которое находится между двумя крупнейшими российскими агломерациями, уже более столетия вымывается в результате миграции. Для населения Костромской, Кировской области более свойствен отток в Москву и в меньшей мере – в Нижний Новгород. Пермский край отдает население преимущественно Москве, Нижнему Новгороду и Екатеринбургу.

В Архангельской области население теряет не Архангельск, а военно-промышленный Северодвинск, который является его ближайшим соседом и образует, в соответствии с нашей методикой, центр региона наряду со столицей. Фактически примерно половина потерь населения центра Архангельской области – это потери, связанные с Северодвинском и Новодвинском, а не с самим Архангельском. Даже большой размер не гарантирует промышленным городам стабильного населения, тем более если они находятся на типичной внешней периферии.

Население периферии рассматриваемых регионов не только и не столько участвует в миграции за пределы регионов, сколько стягивается в центры. Именно этим объясняются большие успехи центров в удержании населения.

На рис. 3.4 видно, что за два межпереписных периода население большинства центров регионов, за исключением Архангельской области, сократилось несильно или даже сохранило свою численность. Для этой части страны, лежащей в стороне от репатриационных миграционных потоков 1990-х гг. и являющейся в масштабах страны периферией в миграционном плане, это – очень неплохой результат.

Рис. 3.4. Изменение численности населения низовых АТЕ регионов Европейского Севера в зависимости от удаленности от регионального центра, Россия, 1989–2010 гг. (1989 г. = 100%)

Внутрирегиональная периферия, за редким исключением, потеряла от 20 до 40% населения, что соответствует убыли на 1–2 процентных пункта в год. Однако здесь имеются исключения.

На рис. 3.4 видно, что соседи центра 2-го порядка в Вологодской области практически населения не теряли. Но здесь располагается 300-тысячный Череповец – один их немногих «вторых» городов в России[4], по численности населения превышающий региональный центр, а по экономическому потенциалу его превосходящий. Череповец даже немного «подрос» за 1989–2010 гг.

В Архангельской области на удаленной периферии сравнительно неплохую динамику демонстрировали Котлас и Коряжма – города той части области, которая скорее похожа на соседнюю Вологодчину, чем на остальную часть Архангельской области, в том числе в миграционном плане.

Миграция, которая учитывается статистикой, не дает полной картины, но смену тенденций она фиксирует. Миграционные тренды центров и периферии регионов, взаимосвязаны: чем больше потери периферии, тем больше миграционный приток в центры (табл. 3.3).

Например, усиление оттока из периферии Костромской области в 2011 г. сразу привело к тому, что центр получил ощутимый

[4] Другие примеры – Новокузнецк Кемеровской области, Сургут, Нижневартовск и Нефтеюганск в ХМАО.

Таблица 3.3

Миграционный прирост/убыль населения центров и периферии отдельных регионов Европейского Севера, тыс. чел.

Регион	Годы								
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
	Центры								
Архангельская	–3,1	–1,8	–1,9	–1,6	–0,9	–2,1	–1,0	–2,4	...
Ярославская	1,2	1,4	3,4	4,7	5,2	4,7	3,3	3,0	7,1
Костромская	1,5	0,6	1,3	1,2	0,0	0,5	0,3	0,3	2,0
Пермский край	–0,7	–0,9	–0,3	0,3	0,2	0,6	1,6	1,7	...
	Периферия								
Архангельская	–3,5	–3,9	–3,1	–3,3	–3,7	–4,3	–4,2	–5,4	...
Ярославская	1,4	0,3	0,0	–0,6	–0,4	0,0	–0,1	–1,1	–1,6
Костромская	–1,5	–1,7	–1,7	–1,7	–0,2	–0,5	–0,5	–1,0	–3,8
Пермский край	–2,3	–2,8	–1,8	–2,9	–3,3	–3,6	–4,2	–5,6	...

миграционный прирост[5]. Миграционный прирост такого слабого центра, как Кострома, складывается только за счет «своей» периферии. В Ярославской области, напротив, прирост центра в большей мере обеспечивают жители других регионов страны (той же Костромской, Вологодской областей), в 2011 г. он только на четверть обеспечивался за счет «своей» периферии. Но и в этом регионе усиление оттока из периферии способно вести к росту притока в центр.

Высокая величина ежегодного миграционного оттока из центра Архангельской области – это потери не Архангельска, а Северодвинска.

Миграция молодежи, измеряемая нами, как уже говорилось, методом передвижки возрастов, демонстрирует еще более выраженные различия между региональными центрами и периферией регионов Европейского Севера. К сожалению, информационные ограничения не позволяют применить этот метод ко всем рассматриваемым регионам, здесь мы вынуждены ограничиться расчета-

[5] Необходимо иметь в виду, что в 2011 г. изменилась методика учета миграции, в статистику стали включать получивших регистрацию по месту пребывания на срок 9 мес. и более. С этим и связаны отличия данных за 2011 г. от 2010 г.

Таблица 3.4

Численность 18–22-летних в 2010 г. по зонам топологической удаленности от регионального центра, в % к числу 10–14-летних в 2002 г.

Регион	Всего	Центр	Соседи 1-го	2-го	3-го	4-го	5 и выше порядков
Архангельская	79,5	108,1	53,7	44,7	59,1	73,9	42,2
Костромская	87,3	127,4	68,7	78,7	40,7	40,8	57,8
Пермский край	92,2	122,2	75,3	66,2	76,0	46,4	71,3

ми по Архангельской и Костромской областям, а также по Пермскому краю за 2003–2010 гг.

Все названные регионы не удерживают молодежь (табл. 3.4). Смертность «ответственна» за сокращение рассматриваемых когорт лишь на 1–2%; остальное – результат миграции. Сравнение суммарных потерь молодежи периферией и «приобретения» центрами указанных регионов показывает, что центр Архангельской области мог удержать только 20% молодежи, потерянной периферией, центры Костромской области и Пермского края – 40% и 41% соответственно. В 1989–2002 гг. Пермь и Соликамск также не смогли удержать молодежь, около 60% ее, по расчетам, покинули край (Мкртчян, Карачурина, 2009).

Оговоримся, что данные расчеты условны, они не учитывают, что какое-то количество детей и молодежи в течение рассматриваемого межпереписного периода могли приехать в любой из рассматриваемых регионов. Тогда выезд «своей» молодежи должен быть еще выше. Также оперирование балансовыми показателями прироста/убыли не учитывает выезд молодежи из региональных центров в другие регионы и замещение молодежью с внутрирегиональной периферии. Данные переписи не могут дать ответов на подобные вопросы.

Однако расчеты показывают, что периферия рассматриваемых регионов потеряла 30–40% (а отдельные районы – до 70%) выпускников школ. Эти потери, если сравнивать их с другими регионами России, близки к максимальным. Напомним, что часть этой молодежи могла быть, в их отсутствие, учтена при переписи родителями, оставшимися на периферии. Это говорит о том, что вышеуказанные потери – лишь нижняя граница возможного оттока.

Отток молодежи ведет к серьезным изменениям возрастной структуры населения (рис. 3.5), предопределяет ускорение депо-

Рис. 3.5. Возрастно-половая структура населения периферии Костромской области в 1989 и 2010 г., чел.

пуляции периферии. Между 1989 и 2010 г. численность детей на периферии Костромской области сократилась вдвое, а предстоит отток значительной части из них после окончания школы.

Интересно, что средний возраст населения внутрирегиональной периферии уже практически не растет: почти повсеместно перевалив за 40 лет, этот рост замедляется, т.к. его ограничителем выступает низкая продолжительность жизни в России и в глубинке – в частности. Селективная роль миграции может вносить вклад в различия смертности, выступая в роли своеобразного фильтра: те, кто стремился чего-то добиться, покидали периферию на протяжении десятилетий, а не чувствующие в себе сил к этому часто находили выход в алкоголе. Население периферии подвергается негативной селекции.

И в Архангельской, и в Костромской области есть районы, где убыль молодежи превышает 60% (см. рис. 3.6, 3.7). Это не может быть связано со спецификой динамики спецконтингентов, т.к. убыль фиксируется по мужчинам и женщинам.

Особые территории – бывшие и действующие ЗАТО – Мирный и Плесецк в Архангельской области исключены из рассмотрения из-за резкого, в несколько раз, превышения численности мужчин над числом женщин в исследуемых когортах населения. Такие перекосы в половозрастной структуре возникли из-за многочисленного спецконтингента[6].

На внутрирегиональной периферии рассмотренных областей Европейского Севера есть и примеры более позитивной динамики

[6] В переписи 2010 г. военнослужащие по призыву и по контракту переписывались по месту прохождения службы (т.е. по месту их нахождения).

Рис. 3.6. Численность 18–22-летних в 2010 г. по городам и административным районам Архангельской области, в % к числу 10–14-летних в 2002 г.

когорт молодежи – Котлас в Архангельской области и Шарья в Костромской. Это – примеры локальных центров притяжения населения, сами по себе такие же отточные, как и окружающие их районы, но, видимо, оттягивающие на себя небольшую долю покидающего сельскую глубинку населения. Их развитие было бы более позитивным, если бы не крайняя исчерпанность людьми окружающих их районов.

В более богатых населением и молодежью Башкортостане, Алтайском крае подобные небольшие города способны поддерживать численность молодого населения на стабильном уровне.

Потери населения внутрирегиональной периферии регионов Севера России – это составляющая общих потерь периферийных территорий. Теоретически можно представить переезд населения

Рис. 3.7. Численность 18-22-летних в 2010 г. по городам и административным районам Костромской области, в % к числу 10–14-летних в 2002 г.

из глубинки Костромской или Вологодской областей в Краснодарский край или Белгородскую область, но на практике львиная часть уезжающих перебирается в крупные города – как своего региона, так и соседних. Например, выходцы из Костромской области могут переехать в Ярославль, Киров, Нижний Новгород. И конечно же, в Москву, в столичный регион. Некоторая часть людей может переехать в соседний город (район) на периферии, что не нарушит показатели ее заселенности. Однако проследить точные направления миграции не позволяют ни данные текущего учета, ни данные переписи.

Сокращение населения внутрирегиональной периферии, стягивание его в крупные города – результат не только миграции, но и вызванных ею изменений процессов естественного движения населения. Периферия теряет прежде всего молодежь (20–30% окончивших школу, в регионах Европейского Севера – до 60%), что усугубляет процессы депопуляции и ускоряет старение населения.

В рассмотренных регионах даже крупные города – региональные столицы не удерживают население, в результате оно не столько концентрируется в центрах, сколько выезжает за пределы Европейского Севера. Малым и средним городам в этой зоне не удается

поддержать численность населения, даже являясь локальными центрами притяжения, т.к. окружающая их сельская периферия не имеет к тому людских ресурсов.

Повсеместно в России население малых городов периферии съезжается в региональные и межрегиональные центры. В связи с демографической исчерпанностью села, с переходом на следующую стадию общего урбанизационного процесса сельских мигрантов заменяют жители малых и средних городов (Нефедова, Трейвиш, 2002).

Когда совсем истощится людской ресурс села периферии, настанет очередь вымирающих, «брошенных» малых городов, которых на Севере немало?

Литература

1. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. С. 102–104.

2. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центро-периферийные взаимодействия // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Изд. Дом «Кодекс», 2013. С. 82–107.

3. *Мкртчян Н.В.* Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых / Демографические аспекты социально-экономического развития: Сб. статей // под ред. М.Б. Денисенко. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 197–214.

4. *Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б.* Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды: ИНП РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 688–712.

5. Население России 1996. Четвертый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: 1997. С. 148.

6. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.:URSS. С. 166–180, 188–233.

7. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 126–129, 298-299.

8. *Нефедова Т.Г.* Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцерова. М.: Эслан, 2010. С. 128–153.

9. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI в. // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86

10. *Переведенцев В.И.* Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М.: Наука, 1990. С. 97–98.

Глава 4. Пространственная мобильность населения и роль дачников на Ближнем Севере

Особенности российской урбанизации и контрурбанизации

Специфику урбанизации в России определяют три основных факта и фактора, не раз отмечавшихся в литературе.

Во-первых, ее запоздание по сравнению с западной урбанизацией. В 1897 г., как и в 1740-х гг., горожане составляли 13% населения России, в 2–4 раза меньше, чем в Западной Европе. Зато в XX в. начался бум, похожий на латиноамериканский, хотя и осложненный срывами, когда главные города теряли жителей (до половины в ходе Гражданской войны 1918–1922 гг.) и рурализировались.

Доля горожан все равно удвоилась к 1930 г. и вновь – к концу 1960-х гг. Тогда американский урбанист Ч. Харрис назвал СССР землей больших городов (Harris, 1970). Тем более это касалось РСФСР с ее 51% всего позднесоветского населения, 57% городского и 61% населения миллионных центров. Как подростки-акселераты, города росли, не успевая созревать и переваривать вбираемые ими сельское население и среду (Лаппо, Полян, 1996). Многие авторы считают, что «классическая» урбанизация в России к XXI в. не была завершена количественно и качественно.

Во-вторых, городская сеть разрежена. Из 1100 городов 680 находятся западнее 50° в.д., т.е. на 15% территории России, а восточнее Енисея, почти на 60% ее площади, – лишь 125. В центральных и западных регионах на один город приходится 2–2,5 тыс. км^2, в Поволжье и на Урале – 5–6, на Дальнем Востоке – 90 тыс. км^2 (целая

Венгрия, где на 93 тыс. км^2 уместились три сотни городов). Дисперсность отчасти восполнена сжатием примерно 1/3 российских городов в сгустки-агломерации, но их сеть тоже асимметрична.

Из 53 агломераций, выделяемых в Институте географии РАН (Лаппо, Полян, Селиванова, 2010), где живут 63% горожан, 43 находятся в Европейской России с Уралом. По нашим подсчетам, среднее расстояние ближайшего соседства между ними составляет здесь 208 км; на востоке страны оно в 1,5–2,5 раза больше. Радиус агломерационных зон редко превышает 40–50 км, так что даже в обжитой полосе, куда входят почти все эти узлы, межагломерационных пространств больше. Главное исключение – Центральная Россия, где центры 14 агломераций разделяют в среднем 139 км.

В-третьих, это влияло на взаимосвязи города и села. В Западной Европе города веками отстояли на 10–30 км, так что крестьянин за день достигал городского рынка и возвращался домой. В России на многие десятки и сотни километров ездили сутками, что затрудняло разделение труда, прививая деревне склонность к универсализму и автаркии (Миронов, 1999, с. 286; Трейвиш, 2009, с. 252). Там дольше, чем в городе, сохранялось частичное общинное самоуправление и обычное право.

В общем, просторы страны, в том числе ее давно, неплотно, но некогда более равномерно освоенной части, к которой относятся районы Ближнего Севера, физически отдаляя село и город, разделяли их в социально-экономическом отношении. С другой стороны, разные сословия русского общества отличала немалая пространственная мобильность – не только колонизационная, но и разные формы маятниково-возвратных перемещений, часто сезонных: преимущественно зимний отход крестьян на заработки в города и другие районы, летний выезд дворян в их поместья для отдыха и контроля полевых работ и др.

Первую форму на время заменили советские мобилизации и наймы, в том числе «по лимиту», с обещанием постоянного жилья в городе. Вторая форма со временем развилась в сезонно-дачную суб- и контрурбанизацию (называют ее и дезурбанизацией) миллионов горожан.

Особого внимания требует постсоветское время, когда на фоне убыли населения России (несмотря на его приток из стран СНГ) урбанизация испытала то ли перелом, то ли кризисный сбой. Вопрос о природе этой перемены вставал не раз (Medvedkov and Medvedkov, 1999; Город и деревня..., 2001; Nefedova and Treivish, 2003; Пивоваров, 2007 и др.). Но тут неизбежен экскурс в теорию.

Эволюционная версия исходит из стадиальных схем, известных на Западе с 1960-х гг. (Gibbs, 1963), а в СССР – с 1980-х (Кюммель, 1987; Эволюция..., 1989; Зайончковская, 1991). По Дж. Джиббсу, города сперва малы и растут медленнее сел; на стадии 2 они рвутся вперед при отставании и затем депопуляции села (стадия 3); на стадии 4 население активнее всего сжимается в большие города; на 5-й – снова тяготеет к меньшим пунктам (рис. 4.1).

Та же логика у других моделей (Richardson, 1980; Geyer and Kontuly, 1993), где собственно урбанизация есть пик притягательности крупных городов, так называемая поляризационная реверсия выводит вперед средние, а контрурбанизация – нижние этажи расселения. Затем вероятна реурбанизация, но уже иная. Зрелая система населенных мест обычно стабильнее хотя бы из-за «вялой демографии», а циркулирующие в ней людские потоки могут и нарастать.

Глубинные механизмы этих переходов связаны со всем ходом развития общества, со сменой эпох – от преаграрной до постиндустриальной. Люди же стремятся совмещать блага городской и сель-

Рис. 4.1. Эволюционные схемы расселения Дж. Джиббса и Ж.А. Зайончковской

ской жизни, что удается не всем и не всегда. Шансы могли быть выше при ранней слитности городов с сельскими ареалами и при нынешней, новейшей. Ж.А. Зайончковская разделила их периодами более автономного развития сел и городов и затем подстройки сети первых под сеть вторых, часто равносильной сжатию ойкумены (см. рис. 4.1).

Новое интегрированное расселение (сельско-городской континуум) возникает прежде всего в зонах прямого влияния центров, в их агломерациях. Какая доля пространства ими охвачена – особый вопрос. Кроме того, неявно полагается, что совмещение двух образов жизни происходит за счет постоянного обитании в пригороде, т.е. субурбанизации как переезда туда из города. Но это не обязательно, особенно в России.

Жизнь сложнее схем и часто соткана из противоречий. Возвращаясь к объяснению постсоветских процессов, отметим, что в пользу версии о естественном, эволюционно закономерном переломе говорит тот факт, что главные города (допустим, с населением от 250 тыс. чел. и более, чаще всего образующих агломерации) уступили по темпам роста средним еще в 1980-х гг. Этот признак поляризационного разворота стал заметнее в 1990-х (рис. 4.2).

Однако чистый миграционный отток из крупных городов отмечался лишь в начале кризисного десятилетия. Полюсом нараставшей депопуляции стал при этом нижний этаж поселенческой иерархии – малые города, поселки, деревни. А затем возобновился рост крупных городов, хотя не такой сильный, как в прошлом. По-

Рис. 4.2. Среднегодовая динамика населения России (в %) по межпереписным периодам и трем основным классам населенных мест (тыс. чел.)

сле недолгой паузы они снова привлекают уровнем жизни, шансами на образование, карьеру, заработки. Сдерживают мигрантов прежде всего цены, особенно на жилье, перепады которых у нас велики. Отсюда сомнения в эволюционной версии. К тому же статистика теперь оперирует категорией постоянного населения, фиксируя лишь часть внутренних и международных миграций и игнорируя многие формы передвижений: трудовые, семейно-бытовые, рекреационные.

Пространственная мобильность и проблемы ее анализа

Изучение движений людей в геопространстве часто сводят к анализу миграций в узком смысле, со сменой ПМЖ надолго или навсегда – полных, безвозвратных и т.п.: термины разные. Одни демографы считают родовым понятием мобильность (а миграцию – одним из ее видов), другие – как раз миграцию в ее расширенной трактовке (ежедневные межселенные поездки на работу и учебу тоже давно зовут маятниковыми миграциями) (Миграции..., 1970; Рыбаковский, 2001; Ионцев, Ивахнюк, 2002; Воробьева, 2003).

Спорны целевые и территориальные «цензы» любых миграций и частотно-временные для возвратных[1]. Главная проблема – в самом явлении, масштаб которого неизвестен, ведь прямой учет всех движений всех граждан немыслим при самом жестком контроле. Косвенные оценки по данным статистики населения, труда, туризма, транспорта, натурно-полевых и социологических обследований, по звонкам с сотовых телефонов, космическим снимкам и т.д. и т.п. трудоемки, неполны и неточны. Есть, например, попытки расчетов по косвенным индикаторам вроде производства и потребления хлеба, показывающие, как летом население расплывается вокруг Москвы и Санкт-Петербурга (Землянский, 2011).

Нужда в них есть и, пожалуй, нарастает. Нас вообще трудно назвать абсолютно оседлыми, хотя такое допущение лежит в основе многих представлений. Н.Е. Покровский считает, что понятие ПМЖ устарело, особенно для креативного класса (2010). Человек – конечно, неделимая элементарная частица, квант населения, но порой он, как фотон, проявляет свойства своего рода волны. Гло-

[1] Важным признаком часто признается пересечение границ населенных пунктов, но иногда к миграциям (мобильности) относят смену жилья, визит на работу, в магазин, просто прогулку без такого пересечения. Формальные критерии всегда условны: выход за черту села в поле на 1 км – это миграция, а поездка на 80 км с одного конца «Новой Москвы» в другой – нет?

бализация на руку «человеку мобильному» (Homo mobilis, rolling stone, перекати-поле, неономад – дело снова не в термине, которого и нет). Спросим кого-то легкого на подъем: где же он живет? Точный ответ потребует введения параметров времени: когда, подолгу ли. К антиподам, Homo immobilis, по некоторым оценкам, относятся не менее 2 (из 7) млрд землян, практически не покидающих малых родин. Это не только жители бедных стран и глухих районов; ограничения мобильности, начиная с возрастных и медицинских, есть везде. Все же прогресс транспорта, его доступность, расширение информационных полей, рынков и т.д. способствуют размножению вида Homo mobilis.

Правда, взаимосвязь разных видов мобильности с информацией, коммуникацией и расселением неоднозначна. Образ места при сравнении с реальностью, то городской, то сельской, становится

Рис. 4.3. Схемы встречных движений населения, образов центров и периферии в России

фактором притяжения или выталкивания. Так, СМИ, делая образ мегаполисов России гламурно-аттрактивным для провинциальной молодежи, ускоряют ее безвозвратный отток из многих поселений, обрекая те на депопуляцию.

Чаще средний по возрастному составу отход на заработки, когда главный пулл-фактор – деньги, лишает периферию части работников, но сохраняет поселения, где остаются их семьи. Дачники сохраняют или строят дома, целые поселки, иногда дороги, но меняют старинный уклад глубинки, хотя он и включен в образ, привлекающий горожан (рис. 4.3).

Подвижность россиян на возвратной основе – эпизодическая или периодическая с суточной, недельной, сезонной ритмикой – компенсирует невысокую, судя по статистике, интенсивность переселенческих миграций и позволяет:

– поставлять временные кадры трудодефицитным местам и регионам;

– иметь работу и заработок, пополнять семейные бюджеты;

– сдерживать депопуляцию периферийных зон, сохранять сельские поселения;

– сочетать городской и сельский (полусельский) образ жизни, разные занятия;

– вкладывать средства в различную недвижимость на свой вкус и кошелек.

Пункты, названные в начале, больше касаются временных трудовых мигрантов, в том числе новых российских отходников и тех, чей труд связан с «полем» (его пик бывает летним, зимним или двойным с паузами в межсезонья). А последние – дачников, туристов и т.д.

Каково сезонное «заполнение» уровней расселенческой иерархии, например тех же, что на рис. 4.2? Оценка по многим источникам разницы между зимним и летним населением полюсов этой иерархии дает 7–8 млн чел. (рис. 4.4). И они инвертируют пропорцию: зимой людей больше на верхнем этаже, летом – наоборот.

И это еще без недельных ритмов, хотя только в зимней будней Москве скапливаются 14 млн чел., а в погожий летний уикэнд их 9 млн, на 5 млн чел. меньше. Их плотность в Центральном округе столицы, с 38% рабочих мест, зимой в будни – это более 40 тыс. чел./км^2, летом в воскресенье она вчетверо ниже. Примерно 2–4-кратные колебания имеют и районы Подмосковья, особенно дальние (Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2012).

Посмотрим подробнее на два компонента этой пульсации. Один из них – отход на заработки, другой – дачная экспансия горожан.

Рис. 4.4. Наличное население трех основных классов населенных мест (млн чел.) на условный зимний и летний дни 2010 г.
Оценка авторов

Пуш-фактором былого крестьянского отхода служило аграрное перенаселение, пулл-фактором – те же заработки, а лимитирующим – сословные порядки (они делали отходника заложником сельской общины, осложняя его укоренение в городе). Зато отход чутко реагировал на конъюнктуру и охватывал обширные районы, особенно в Центральной России, до Костромской губернии включительно. Судя по выдаче паспортов, отходники там составляли более 20% сельских мужиков (Рыбников, 1928). Пережив «второе закрепощение» колхозами и получив паспорта уже поголовно, они вернули свободу движения. В нынешней России судачат об иностранцах-гастарбайтерах, часто забывая об армии отечественных отходников. Типичный режим их работы в центрах – по две недели, реже – по нескольку месяцев.

Очевидна их тяга в столичные регионы. Хотя данных мало, можно приблизительно очертить зоны наиболее активного отхода в Москву и Петербург (рис. 4.5). Кроме ближних регионов, они охватывают и довольно дальние, включая те, что относятся к Ближнему Северу. Правда, работников там за годы сильнейшей депопуляции резко убавилось, так что больше отходников поставляют плотнее населенные районы к югу от Москвы. Тем не менее, обследования в некоторых малых городах Костромской области показывали, что отход (в Москву, Подмосковье, на Ярославщину, где у них обычно нет даже временной регистрации) кормит 50–70% их трудоспособных жителей (Плюснин и др., 2013). Главные мотивы – отсутствие работы и ничтожные заработки в местах проживания. Чаще всего это люди без высшего образования, ставшие на отходе строителя-

Рис. 4.5. Основные зоны трудового отхода сельских жителей в Москву и Санкт-Петербург

ми, охранниками, водителями. Сложился бизнес по их найму и доставке. Отходничество – осознанный выбор многих жителей глубинки, хотя и чреватый проблемами, вплоть до распада семей.

Иначе выглядят зоны дачной реколонизации глубинки (рис. 4.6). Они пока менее обширны и заметнее тянутся на Ближний Север, чем на юг. Нарастающая малолюдность, плохие дороги, отмирание сельского хозяйства – до некоторого критического порога – не мешают этой сезонной дезурбанизации, даже ее стимулируют. Многим дачников важны такие ландшафтные аттракторы, как лес,

Рис. 4.6. Основные зоны дачной экспансии жителей Москвы и Санкт-Петербурга

река или озеро, сама глушь и тишь, живописность полузаброшенных селений, остатки старинной культуры и быта. Кроме того, чем дальше и малодоступнее место, тем дешевле там второе жилье, особенно сельское: перепад цены по сравнению с ближним Подмосковьем достигает порой тысяч раз! Многообразие типов российских дач (Нефедова, 2003, 2011), в том числе связанное с их разноудаленностью от центров, вообще стало одной из главных причин их популярности и массовости.

Общий географический тренд позднесоветских и постсоветских процессов все же сводится к сжатию российского заселенного пространства (ойкумены) к его основным фокусам – крупным городам и агломерациям (см. главы 1 и 3 данной книги). Встречное движение горожан, даже если оно заходит далеко и летом восполняет демографические потери, не ведет к возрождению всей сельской местности и хозяйства. Об этом речь пойдет дальше.

Российские дачники и новая сельская местность

Свои сочетания городского и сельского образа жизни в разных странах ищут по-разному. В США и Европе, прошедших первые стадии урбанизации раньше России, этот поиск вылился со второй половины XX в. в разделение городских центров с плотной многоэтажной застройкой и зеленых низкоэтажных субурбий, в суб- и контрурбанизацию, понимаемую как переселение части горожан в пригороды и далее. Обустройство и условия жизни там мало отличаются от городских. В России ее позднюю урбанизацию давно дополняет сезонная дезурбанизация. У нее такие масштабы, что явление надо объяснять особо, тем более что оно имеет прямое отношение к развитию Ближнего Севера.

Российская дача не уникальна как явление, хотя есть страны, где такового нет или почти нет, но ярко выделяется в мире именно массовостью. По нашей оценке (статистика отсутствует), не менее 2/3 горожан имеют за городом недвижимость, обычно именуемую у нас дачной. Она полифункциональна: жилье, место отдыха, источник самоснабжения продовольствием, особенно при его нехватке, дороговизне, сомнениях насчет качества, и возможность самореализации в ряде сфер деятельности, для которых плохо подходит город. Массовая «дачезация» россиян есть результат вписывания общей для многих народов тяги к сочетанию двух образов и мест жизни в комплекс условий России: от природных до социально-политических (Нефедова, 2011). Более того, дача – социальный бренд России, одним из признаков которого служит известность слова без перевода, и бренд именно социальный (сродни такому, как «бабушка»), а не просто предметно-товарный (как «матрешка» или «калашников»).

Дачники – это горожане, имеющие дом и землю в сельской местности, где они проводят какое-то время (от считанных дней до целого года). У дачной традиции в России глубокие корни. Ее

образцы задавала элита, и они передавались по принципу социальных эстафет. Само слово *дача* изначально связано со служилым классом. Бояре и дворяне, служа в городе, выезжали в наследные сельские вотчины и даваемые за службу ближние «кормления» для надзора за ними.

В XVIII в. дачами звали даруемые монархом усадьбы под Петербургом. В XIX в. состав дачников расширяется, постепенно выходя за рамки аристократии. Еще в 1803 г. Н.М. Карамзин, а в 1835 – А.С. Пушкин отмечали, что Москва летом пустеет, зато дворяне из провинций съезжаются в нее на зиму. Вокруг нее возникали популярные дачные места.

К XX в. собственные и съемные дачи стали нормой для тогдашнего среднего класса разночинцев, с 1920-х гг. – для советской номенклатуры. Бесплатные ведомственные дачи получали партийные функционеры, генералы, инженеры, ученые, писатели, артисты. Экономическая роль дач тогда была скромной. Но к концу века они перестали быть символом элитарности, зато усилилась их аграрная функция. Дело не в том, что население страны быстрой и недавней урбанизации сохранило крестьянские корни. Куда более мощным стимулом дачно-аграрной деятельности горожан стал вечный дефицит продуктов или денег.

Спрос на дачи рос и не удовлетворялся. Отчасти его покрывала летняя аренда сельских домов (в просторечии тоже дач), дополнявшая сезонное уплотнение пригородов. Но она не позволяла вести свое хозяйство на земле. В 1949 г. вышло постановление о коллективных садах и огородах. Участки выдавали на землях поселений, предприятий, гослесфонда. Вскоре они стали самым массовым видом владений дачного типа. Вторая волна садоводства в 1970–1980-х гг. связана с обострением продовольственной проблемы. В ход пошли неудоби: карьеры, осушенные болота, полосы под высоковольтными линиями. Микроучастки по 4–6 соток имели двух предков: 1) классические дачи (в миниатюре) и 2) огороды, в том числе внутригородские, расширявшиеся в военные и другие смутные времена.

Официально раздаваемых земель все равно не хватало. И горожане нашли свои пути проникновения в деревню. Им помогла сельская депопуляция Нечерноземья, обилие там забрасываемых домов. Власти тогда препятствовали их продаже дачникам, и сделки носили фиктивно-теневой характер: избу оформляли на местного жителя. Развалюху в деревне можно было купить за 1–3 месячных зарплаты. В 1989 г. особым постановлением горожанам разрешили покупку сельских домов (но не земли). Городским де-

тям дома и участки деревенских родителей доставались и по наследству. В итоге все пустые дома в пригородах крупных центров тем или иным путем перешли к горожанам, и зоны спроса стали расширяться.

В конце века к прежним типам дач добавился новый – особняки (виллы, коттеджи).

Сколько сельских домов унаследовано или куплено горожанами, установить крайне сложно. В отличие от садов и огородов, статистики нет никакой. Для их изучения нужны детальные обследования поселений. В последние годы появилась еще одна разновидность загородной собственности горожан, которую условно можно назвать «поместьем». Это когда к сельскому дому с участком удается прирезать изрядный клин заброшенных земель или леса, чтобы отгородиться от мира не столько забором, сколько пространством.

Продолжающееся расширение спроса на дачи и их территориальная экспансия, да еще на фоне заметного свертывания аграрной активности крупных предприятий, говорят о процессах постиндустриального развития сельской местности, как в пригородах, так и на периферии, особенно в ближнесеверных регионах. По степени удаленности от городов (см. рис. 4.6) можно выделить (Нефедова, 2011, 2013):

1. *Дачи ближние*, по существу пригородные. В большинстве регионов это ареалы внутри агломераций или в рамках ближайших к крупным городам административных районов. А вот московский пригород – это почти вся Московская область.

2. *Дачи среднеудаленные*; для москвичей – в соседних с Московской областях, обычно в радиусе до 250–300 км, что еще допускает визиты на уикэнд.

3. *Дачи дальние*, на которые невозможно ездить в режиме двух выходных дней Дальние зоны летнего «расползания» Москвы и Петербурга сомкнулись в 300 км с лишним от каждого центра на юге Псковской и Новгородской областей.

Граница между типами размыта, расстояния четко не фиксированы, но их функции и роль горожан в сельской местности различаются.

Ближние дачи. Плотность дачников выше всего, конечно, в пригородах. Так, в Московской области представлены все типы дач, но ближе к Москве преобладают старые классические дачи и коттеджи, а в дальних районах – садоводства. Главное достоинство дачи в пригороде – возможность отдыха выходного дня и даже ежедневной маятниковой миграции. По данным земельной статистики,

москвичам принадлежит 36% земельных владений в Московской области (Махрова и др., 2008, с. 66). Немногим меньше владения жителей 80 городов Подмосковья. Здесь фактически идет вытеснение сельского населения и сельского образа жизни как такового, хотя сельское население на фоне других регионов России очень густое (от 60–70 чел./км^2 вблизи Москвы до 10–20 на окраинах).

Среднеудаленные дачи. За границей Московской области плотность постоянного сельского населения падает в 2–3 раза, кроме Тверского и Рязанского пригородов, примыкающих к этой границе. Но дачники летом увеличивают плотность в те же 2–3 раза, а то и больше. В каждом соседнем с Московской областью районе и даже в следующих – десятки садоводческих товариществ москвичей и подмосквичей. Многие дома в деревнях ими куплены. Это раздражает местных жителей: растут цены на продукты из-за спроса «богатых» москвичей и тонны мусора вокруг летних поселений.

Дальние дачи. Из-за наплыва горожан и высоких цен в ближайших областях все большее значение приобретают дальние дачи. На периферии ряда регионов даже очень далеко от Москвы дачники могут составлять от 30 до 90% летнего населения многих деревень и становятся там заметной силой. Дальние дачи могут быть двух типов. Если это дома, купленные у местных жителей, то обычно эти покупатели – москвичи или петербуржцы, для которых приемлемо расстояние в 300–600 км. Они концентрируются в наиболее живописных местах. Если же это наследные дома родителей, то владельцы могут быть из любого города, но на большом удалении от него они обычно рассредоточены и не формируют компактных мест проживания в деревне.

Что же вносят дачники в развитие маргинальных районов, могут ли они спасти депопулирующие деревни? В России популярны рассуждения о крестьянстве как некой самоценности сельской местности, особенно в такой глубинке, которая характерна для Ближнего Севера, а не в «развращенных» пригородах. Однако этот класс и там сильно размыт. Дачников можно встретить всюду, а большинство детей местных крестьян давно живут в городе, хотя многие регулярно навещают своих стариков, отдыхают, помогая им по хозяйству и привнося плоды городской культуры. Эти дети по существу тоже дачники. Не покупая, как москвичи, сельскую недвижимость, они наследуют ее и потом нередко продают тем же москвичам.

Таким образом, понять современную ближнесеверную деревню, даже дальнюю, без горожан-дачников уже невозможно (Нефедова, 2013). Дачники не имплантируются в местную жизнь как чужерод-

ные элементы, они активно в ней участвуют. Конечно, их вклад в развитие крупных товарных производств не назовешь типичным и массовым (исключения есть, но это не правило). Традиционное хозяйство, включая сельское, вообще-то само по себе сплошь и рядом становится в районах Ближнего Севера не основной, а дополнительной отраслью локальной экономики.

Конечно, не все так гладко. Чем больше дачников и чем ближе место к Москве или другому крупному центру, тем чаще сельские дома, деревни, вся местность теряют свой «первозданный» облик из-за вкраплений и целых улиц инородных домов, иной жизни. И тем больше дачники и местные жители отгораживаются друг от друга. Происходит смена культурного слоя. Но в глубинных сильно депопулировавших деревнях дачники – это порой единственный шанс на спасение от тотального сжатия освоенного пространства.

В пригородах село сильно трансформировано, причем не всегда в худшую сторону. Просто среда стала другой, горожане и жители села, город и деревня притерлись друг к другу, хотя и находятся в состоянии постоянных противоречий. Именно в пригородах налицо признаки постиндустриального развития сельской местности, пусть с российской спецификой: переуплотнением застройки, включая дачную, соседством агропредприятий, восстановлением в 2000-х гг. промышленности и т.д.

В переходной зоне среднеудаленных дач деревня не готова к приему потока горожан-сезонников. Хотя промышленность и сельское хозяйство здесь зачастую в большем упадке, чем в пригородах, масса дачников не стимулирует роста сервисных функций. Да и местные власти, зараженные идеологией аграрно-индустриального развития, редко связывают перспективы района с его дачным освоением. Они не заинтересованы в нем из-за низких поступлений в местный бюджет от налогов на недвижимость: денег мало, а хлопот много. Исключение – прилегающие к Московской области районы, фактически части столичного региона.

Лишь на дальних дачах все еще существует дачно-сельский симбиоз (тесное знакомство, взаимопомощь, обмен услугами), характерный для начальных этапов вторичного освоения горожанами пустеющей сельской местности.

Контрурбанизация западного типа развита у нас слабо по ряду причин (Нефедова, 2011, 2013). Одна из них – сохранение института регистрации (прописки). Люди боятся потерять регистрацию в Москве и в ее агломерации, не будучи уверенными, что они или их дети всегда смогут туда вернуться. Еще значимее заоблачные цены на недвижимость, тоже сдерживающие переселения с оглядкой на

возврат. Вместе с тем уж очень слабы сельская инфраструктура и сервис. Ведь жизнь своим домом не ограничишь, надо лечиться, учить детей, добираться до магазина и т.д. Суровые зимы требуют гораздо больших вложений в загородные дома для постоянного проживания, чем в странах с более мягким климатом. А слой тех, кому по силам строительство и обустройство таких домов, невелик. Массовое распространение сезонной дачной дезурбанизации само по себе также тормозит «полную» – с переездом из городов в сельскую местность на постоянное жительство.

Примеры дезурбанизации в России есть, но они отличаются от практики развитых стран. Там она характерна в основном для среднего класса. У нас круглый год в сельской местности проводят либо супербогачи в собственных «имениях», закрытых коттеджных поселках, либо бедняки, живущие на деньги от сдачи городских квартир и зимующие в кое-как утепленных дачных домах. Есть и убежденные переселенцы из крупных городов в сельскую глушь. Организованное переселение появилось недавно. Уже прописаны его процедуры с договором на несколько лет и обязательствами принимающей стороны по части предоставления жилья, работы, земли для личного хозяйства (Калугина, 2012), но сами случаи пока редки.

Чаще люди едут из городов в сельскую местность не на конкретное рабочее место, а спонтанно. По сравнению с миллионами дачников – капля в море. Зато это люди активные, ими заполнен Интернет, так что создается иллюзия некой волны. Чаще они интеллигенты, бросающие городские занятия, престижную работу совсем или частично ради сельской жизни и занятий. Явление получило название *дауншифтинга* (буквально – сброс скорости или сдвиг вниз), что не всегда справедливо, но для многих это и в самом деле снижение социального статуса. Некоторые пытаются совмещать творческие городские занятия с жизнью в деревне. Но, как правило, сохраняют за собой городские квартиры, в том числе для получения дополнительного дохода.

Если это представители среднего класса, то часто старшего возраста – пенсионного или предпенсионного. Уход с работы и резкая смена образа жизни менее болезненны при смене места жительства, новых заботах и занятиях. Как правило, у этих людей уже есть второй дом, и теперь они живут там весь год. Иные же покупают дома в дальних деревнях (даже имея ближнюю дачу) именно с целью усилить сельскую составляющую в своей жизни. Имея образование, они хотят быть полезными: работать в школе, вести кружки для местных детей, участвовать в общественной жизни. Многие

увлекаются творчеством: начинают писать, фотографировать, осваивать ремесла. Молодые семьи чаще переезжают в деревню вынужденно, например, если у ребенка аллергия или всем надо резко сменить обстановку. Хозяйство, даже подсобное, у них все же не так интенсивно, как у местных жителей, не говоря о собственно дачниках, хотя встречаются те, кто мечтает именно о сельском хозяйстве, заводит скот, арендует землю. Но затем под давлением бюрократии и среды, как правило, окукливается в своем подворье.

Так или иначе, горожане подходят к аграрным делам творчески, применяют новые технологии из книг, Интернета, осваивают новые виды продуктов. Все это нарушает привычный стиль жизни в деревне и вызывает глухое противодействие не только чиновников, но и местного населения. Впрочем, таких романтиков было больше в начале 1990-х, сейчас это редкость. Опыт тех горожан, кто живет в деревне не первый год, показывает, что вписаться в местное сообщество им довольно трудно

Дачная жизнь сельской глубинки

Угорский проект позволил подробно изучить импульсы сохранения некоторых глубинных территорий, исходящие из мегаполисов и связанные с дачным переосвоением. Феномен дальней дачи в относительно доступных живописных местах Ближнего Севера получает все большее распространение.

В 2008 г. силами студентов проводился опрос жителей двух сельских поселений в Мантуровском районе – Угорского и Леонтьевского (см. главу 1). Помимо местных жителей там опрашивались и все наличные на тот момент (август 2008 г.) городские дачники, составляющие в разных деревнях от 30 до 90% собственников земельных участков, включая городских наследников (табл. 4.1).

В то же время к 75% местных жителей по нескольку раз в год приезжают их городские дети, привозят на лето внуков. По существу они тоже дачники. Однако если дом с участком не перешел в собственность горожанина и записан на жителя деревни, он включался при анкетировании в группу домохозяйств местных жителей, а их связи с городскими родственниками исследовались отдельно.

Несмотря на расстояние в 550 км от Москвы, дачники есть во всех живых деревнях. И чем меньше в них местных жителей, тем выше доля горожан. Особый случай – совсем опустевшие деревни

Таблица 4.1

Земельные участки, принадлежащие местным жителям и дачникам в Угорском сельском поселении в 2007 г.

Населенные пункты	Число земельных участков		Доля дачников среди владельцев, %
	Местные	Дачники	
Угоры	99	46	32
Давыдово	16	14	47
Медведево	4	15	79
Хлябишино	31	20	39
Дмитриево	1	12	92
Зашильское	5	12	71
Бажино	0	7	100
Полома	4	12	75
Ступино	1	10	91
Всего	175	161	48

Источник: данные поселковой администрации

(в табл. 4.1 – Бажино). Там тоже были дачники, но когда не осталось постоянных обитателей, дома зимой стали безбожно разорять, разбирать по частям. Жизнь дачников без местных жителей в таких удаленных местах зачастую невозможна, эти два сообщества до сих пор тесно связаны и зависимы друг от друга.

Дачное сообщество в дальней глубинке начало формироваться с 1970–1980-х гг. стихийно. Дачный бум фиксируется с середины 1990-х и в 2000-х гг. Преобладают горожане среднего и старшего возраста, среднего достатка и творческих профессий, что отчасти связано с их дачными вкусами и с относительно вольным трудовым режимом. Поначалу наблюдалось формирование своеобразных профессиональных кластеров: деревни ученых, деревни преподавателей, деревни художников, журналистов и т.п. Впоследствии узкая «кластеризация» размывалась. Проведенные опросы показали, что около 85% дачников даже на такой дистанции от Москвы – москвичи (Нефедова, 2008). Есть несколько петербуржцев и костромичей, как правило, местных уроженцев и наследников. Многие молодые и средневозрастные жители райцентра Мантурово ездят к деревенским родителям на выходные, в отпуск. Однако после смерти предков часто продают их дома, поскольку живут почти в таких же (деревянных, с землей) в городе или семья имеет другое наследное владение, используемое как дача.

Рис. 4.7. Тип дома-«бруса», характерный для периферии Костромской области

Рис. 4.8. Схематический план дома (см. подробнее: Жуков, 2008)

Московские дачники не строят здесь новые дома, а покупают сельские покрепче. Архитектурно это тип «брус» Русского Севера (рис. 4.7) – по сути: двухэтажный дом со скотным, ныне пустующим двором внизу и огромным сеновалом наверху под одной крышей с жилой отапливаемой частью. Жилой и «хозотсек» в здешних краях составлены из двух срубов, что облегчало их регулярный ремонт (перебор), соединенных над входом и лестницей так называемым «мостом» (рис. 4.8).

Вся постройка занимает 100–150 м^2 и при должном уходе стоит долго. Сохранились дома с начала XX в., хотя их перебирали с це-

Рис. 4.9. План приусадебного хозяйства в Ровенском районе Саратовской области

лью замены сгнивших бревен в 1960-х гг. Обычно горожане внешний вид дома не меняют, так что дома и деревни имеют традиционный облик.

Он отличается от облика других ближнесеверных сел, например новгородских, от центрально-русских, и особенно от южных. Планы участков тоже отражают разницу в жизни и деятельности людей (Нефедова, Пэллот, 2006). Скажем, тот факт, что южное подворное скотоводство активнее северного, от которого остаются малоиспользуемые помещения и земли (рис. 4.9, 4.10).

Рис. 4.10. План приусадебного хозяйства в Мантуровском районе Костромской области

Северная сельская усадьба, окруженная зарастающими полями, бывшими выгонами и т.п., создает ощущение простора, тем более при нередком отсутствии заборов. Аура этих деревень с огромными домами-кораблями, живописная природа, чистые реки, обилие рыбы и дичи, грибов и ягод – все это делает северные деревни весьма привлекательными для горожан.

В преобразовании же дачниками интерьеров видны две стратегии. Большинство всего лишь чистит и слегка обновляет деревенский интерьер. Остаются печи (чаще всего две: русская и голланд-

ская), кровати-матрасы, минимум мебели, часто сделанной еще крестьянами: столы, лавки, буфеты, полки. Некоторые дачники собирают предметы крестьянской материальной культуры, сохранившиеся в доме, и даже создают мини-музеи. Другая стратегия горожан нацелена на создание в деревенских домах, также без изменения их внешнего облика, подобия городских условий: местной канализации и водопровода, внутреннего убранства с новой мебелью, напоминающей подмосковную дачу, а не деревенский дом. Нередко дачники преобразуют и бывшие хлева в жилые или подсобные помещения, а обширные сеновалы – в залы.

А вот внешне отличить дачу от «коренного» дома можно разве что по огороду. Дачник, как уже сказано, к сельском хозяйству не склонен, кроме кошения травы на прилегающих к дому участках, в том числе из противопожарных соображений, и посадки декоративных растений. Земельные паи местных жителей дачники не скупают, и на всей приусадебной земле, занимающей здесь от 50 соток до гектара, им управиться трудно. Они наезжают один-три раза в год на сроки от недель до месяцев. На машине от Москвы путь длится 8–9 часов, поездом – ночь. Некоторые пенсионеры живут все лето. Дачники любят заготовки грибов и ягод, удить рыбу. Многие занимаются здесь своими профессиональными делами.

Взаимоотношения с местным сообществом разные и зависят от размера деревни. Если в ней остались только бабушки, то они, как правило, начинают опекать москвичей и сами от них зависят (в том числе для передвижения в другие деревни, в церковь, в город), ведь у большинства дачников – машины. Зимой они присматривают за домами горожан. В деревнях покрупнее отношения сложнее, дачников недолюбливают. Об их городской жизни местные жители имеют смутное представление и не очень ею интересуются. Зато все, что делают горожане по обустройству домов, вызывает сильный интерес.

Опросы местного населения показали, что отношение к московским дачникам у него в основном положительное (61%). Никто не проявил открытой агрессии, всего двое отметили, что им не нравится сбор дачниками (конкурентами) грибов и ягод. А многим просто все равно (Нефедова, 2008). Главным достоинством пришлых горожан обычно считают то, что те поддерживают и улучшают дома, тем самым сохраняя деревни, иначе бы их просто разорили (мнение трети опрошенного местного населения). Каждый четвертый ценит общение с приезжими: «приятные люди, стало веселее». Для 8% важно, что земля не пустует, дачники хотя бы косят траву. Лишь 3% отметили их как работодателей и покупателей местной продукции.

Очевидно, что преобладает отношение не тактически-потребительное, а дружеское с элементами стратегического подхода.

Все же дачники, чувствуя себя своеобразной диаспорой, стараются поддерживать друг друга даже в разных деревнях, формируя новую социальную среду. Они ведут иной образ жизни, им трудно вписаться в местное сообщество, хотя есть примеры дружеских отношений и бескорыстной взаимопомощи. Еще чаще отдельные местные жители подрабатывают у дачников при ремонте домов. Но найти работников непросто. При высокой безработице желающих плотничать, столярничать, косить мало. В летний сезон у дачников они нарасхват, им оставляют заказы и на зиму. Именно дачники способствуют тому, что последние работящие мужики еще живут в деревне. Некоторые жители продают дачникам картошку, овощи. Прежде было много молока, творога. При нынешнем наплыве дачников и последних оставшихся у местных коровах летом молока уже не хватает.

Особая категория москвичей – те, что остаются зимовать в деревне. На все Угорское поселение при большом количестве дачников таких пока единицы. Обычно это интеллигенты пенсионного или предпенсионного возраста. Основные мотивы либо идеологические (испытав несколько занятий, люди приходят к убеждению, что жизнь в деревне и крестьянский труд лучше всего), либо прагматические (смена обстановки при уходе на пенсию, более дешевая жизнь в деревне и т.п.). Так или иначе, это люди, сохранившие романтизм, тягу к природе, тишине. И творческие, хотя творчество может проявляться по-разному. Но почему им так трудно вписаться в местное сообщество? Привитая городской средой активная позиция и творческий потенциал москвичей встречают глухое сопротивление, особенно если человек пытается работать (в школе, в клубе, на почте) или заниматься сельским хозяйством. Все же таких людей уже и не назовешь дачниками. Вместе с жителями города Мантурово, приезжающими в деревню к родителям и работающими на их огороде, они составляют некую *переходную сельско-городскую* группу.

В ходе постепенного съеживания местной жизни и расширения второй дачной социальные пространственные структуры на локальном уровне подвергаются сильным изменениям. До 1970 г. здесь работали два колхоза в самых крупных деревнях – Угорах и Хлябишино (см. главу 1). То есть было – учитывая тогдашнее превалирование производственного начала в организации социальной жизни – два ее центра. Даже соседние деревни, если они входили в разные хозяйства, общались мало. После объединения колхозов в

1970–1980-х гг. вся социальная инфраструктура и связи стали стягиваться в Угоры, началось выпадение из социальных сетей малых деревень.

Сегодня производственная сеть почти исчезла, зато появились новые неформальные центры социальной жизни, порой не менее активные и меньше зависящие от размера деревни.

В депопулировавшем и разреженном пространстве сельской глубинки на этапе ее постиндустриальной трансформации, в отличие от предыдущих, размер пункта перестает играть решающую роль. Именно социальные сети в целом, «actor-network» (Latour, 2005), а не отдельные элементы хозяйственных и социальных структур становятся движущей силой развития сельской местности на локальном уровне, способствуя созданию новой социальной среды и зарождению элементов малого бизнеса (Нефедова, 2012). Их формируют московские дачники, которые нуждаются в помощи местных жителей, а также устраивают неформальные встречи, проявляют инициативы, которые захватывают и местное население. Например, в 2011 г. по инициативе дачников был проведен конкурс на лучшее оформление фасада дома и участка среди постоянных жителей Угор, а победитель получил приз.

Несмотря на рост числа дачников и тесное взаимодействие с ними, подавляющее большинство сельских жителей не рассматривают их как надежных работодателей, во многом, конечно, из-за сезонности дачного проживания. Аграрный настрой местного населения на этих северных территориях, экономически себя не оправдавший, а историко-географически, быть может, даже ошибочный, оказался очень устойчивым. Половина сельских респондентов призналась, что не мыслит здесь ничего иного, кроме колхоза. Еще 8% видят выход в частном сельском хозяйстве. Из остальных видов деятельности почти каждый третий называл вырубку и переработку леса, по 5% – производство стройматериалов и туризм.

Районные, региональные и тем более федеральные власти, несмотря на солидный стаж дачного заселения нечерноземной глубинки, все еще не готовы к этой инновации. Их мышление тоже консервативно. Областное и районное начальство не воспринимает сезонное население как свое, не заинтересовано в сохранении ради него постоянной инфраструктуры и просто не имеет на нее средств.

В результате дачного заселения стабильной сети услуг не создается, хотя есть жители, готовые подработать у дачников. В программах развития сельской местности, создаваемых по заказам региональных и федеральных органов, также нет места дачникам.

Хуже того, даже в культуре и науке отношение к дачной теме не очень серьезное, часто шуточное, если не раздраженное. Впечатление такое, что эту сторону российской жизни, столь для нее характерную, страна долгое время рассматривала как какую-то побочную или девиантную, как некий вывих и отклонение от мировой нормы (казалось бы, вкупе со всей третично-сервисной сферой, хотя отношение, например, к туризму было иным). Здесь сквозит свойственное части россиян пренебрежение к оригинальной отечественной стихии, практике и традиции.

В общем, роль дачного развития глубинки (а не только пригородов) у нас явно недооценивают. Повторим, что массовость российской сезонной дачной дезурбанизации не фиксируется статистикой. В отличие от садоводов и «коттеджников» под Москвой, определить число дальних неорганизованных дачников невозможно. До середины 2000-х гг. все сведения об аренде и собственности земельных участков поступали хотя бы в местные поселковые администрации, и по адресам владельцев можно было на месте выявить число и долю горожан-дачников. Теперь такие сведения администрации собирать не обязаны. Районные земельные кадастровые палаты их не обобщают. Так что исследования дачного заселения возможны лишь на отдельных примерах путем трудоемкого обследования деревень.

Справедливости ради скажем, что несмотря на современный бум дачного заселения глубинки, перспективы этого процесса не ясны. Как показали опросы дачников, в такие районы стремится часть интеллигенции обычно среднего и пожилого возраста. Столичная молодежь явно имеет другие ориентиры, предпочитая оставлять деньги на курортах, а с детьми – отдыхать и жить на благоустроенных подмосковных дачах. Так что смены поколений автоматически может не произойти, а возраст современных дальних дачников скоро может стать препятствием для передвижения на столь большие расстояния.

Хотя большинство дачников (72%) отметили, что к ним иногда приезжают взрослые дети, утверждать с уверенностью, что они так же «прикипят» к этим местам, как и родители, смогли лишь 7%. Еще 20% ответили уклончиво – дети, скорее всего, будут приезжать. Всего 13% считают, что не будут, однако до 50% просто не знают, подхватят ли дети их эстафету (Нефедова, 2008). Все зависит от того, в каком возрасте они получат в наследство эти дома, каковы будет их материальное положение, ситуация в стране и в Москве.

Пока очевидно одно – помимо желания временно сбежать от полной стрессов жизни в огромном мегаполисе, на тяге к дачной

жизни в удаленной деревне сказываются поколенческие различия. Проводить значительную часть времени в деревне на природе больше готовы дети школьного возраста и люди преклонных лет.

В общем, получается, что «вторая жизнь глубинки» хотя и другая, чем первая, но существовать без нее ей пока трудно. Да и собственный потенциал может быть исчерпан. А это значит, что она может оказаться недолгой.

Пока же костромская глубинка притягивает дачную московскую интеллигенцию и ученых. И это само по себе немало...

Литература

1. *Воробьева О.Д.* Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитич. сб. СФ ФС Российской Федерации. 2003. № 9 (202) / http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2003/vestniksf202-09/vestniksf202-09030.htm.

2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: О.Г.И., 2001.

3. *Жуков С.Т.* Покупка и ремонт деревенского дома // Угорский проект: Экология и люди Ближнего Севера / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008.

4. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. – М.: Наука, 1991.

5. *Землянский Д.Ю.* Индикативный подход к оценке сезонной динамики размещения населения в России // Региональные исследования. 2011. № 3.

6. *Ионцев В., Ивахнюк И.* Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.) // Мир в зеркале международной миграции. Вып. 10. – М.: МАКС Пресс, 2002. С. 31–54.

7. *Калугина З.И.* Инверсия сельской занятости: практика и политика// Регион. Экономика и социология, 2012. № 2 (74).

8. *Кюммель Т.* Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. – М.: Институт географии АН СССР, 1987. С. 82–100.

9. *Лаппо Г.М., Полян П.М.* Новые тенденции в изменении геоурбанистической ситуации в России // Известия РАН, сер. Геогр. 1996, № 6. С. 7–19.

10. *Лаппо Г. Полян П., Селиванова Т.* Городские агломерации России // Демоскоп Weekly, 2010. № 407–408. Доступ: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php.

11. *Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А.* Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Электронный аналитич. журнал Демоскоп Weekly, 2012. № 517–518 (1–19 августа) http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema07.php.

12. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008.

13. Миграции сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. – М.: Статистика, 1970.

14. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. – СПб.: ДББ, 1999. Т. 1.

15. *Нефедова Т., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство России. – М.: Новое издательство, 2006.

16. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013.

17. *Нефедова Т.Г.* Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия РАН, сер. Геогр. № 3, 2012.

18. *Нефедова Т.Г.* Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008.

19. *Нефедова Т.Г.* Российские дачи как социальный феномен // SPERO Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. № 15/ осень-зима 2011. С. 161–173.

20. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003.

21. *Пивоваров Ю.Л.* Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2007.

22. *Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М.: Новый хронограф, 2013.

23. *Покровский Н.Е.* Российское северное село в перспективе// Северное село: традиции и инновации / под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010.

24. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. – М., 2001 / http://sbiblio.com/biblio/archive/migracia/5.aspx.

25. *Рыбников А.А.* Основные вопросы плана сельского хозяйства. – М.: Новая деревня, 1928.

26. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009.

27. Эволюция расселения в СССР. – М.: ИГАН СССР, ПАН, 1989.

28. *Geyer H.S. and Kontuly T.* A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review, 1993. Vol. 15. No. 3. P. 157–177.

29. *Gibbs J.* The evolution of population concentration // Economic Geography, 1963. Vol. 39. No 2. P. 119–129.

30. *Harris Ch.D.* Cities of the Soviet Union: Studies of their Functions, Size, Density, and Growth. – Chicago: Rand McNally, 1970.

31. *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory Oxford: Oxford University Press, 2005.

32. *Medvedkov Yu. and Medvedkov O.* Turning points and trends in Russia's urbanization. In: Population under Duress: The Geodemography of Post-Soviet Russia. Westview Press, 1999. P. 201–230.

33. *Nefedova T. and Treivish A.* Differential Urbanisation in Russia // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. Journal of Economic and Social Geography, 2003. Vol. 94. No. 1. P. 75–88.

34. *Richardson H.W.* Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association, 1980. Vol. 45. No. 1. P. 67–85.

Глава 5. Медиапотребление и «конструированная реальность» жителей северного села

Предлагаемая глава написана по результатам исследования специфики медиапотребления жителей северного села, проведенного Лабораторией медиаисследований в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ. Полевой этап исследований проведен на базе Сообщества профессиональных социологов в Угорском сельском поселении (д. Медведево Мантуровского р-на Костромской области). В данной главе авторы пытаются ответить на вопрос, в какой мере современное медиапотребление (маркером которого является многоканальное телевизионное вещание, доступное на селе преимущественно через спутниковые приставки) «модернизирует» сознание сельского населения, трансформирует его, сталкивая с реальностью преимущественно городской культуры быта, иного мира образов и ценностей. Базовая гипотеза предполагает, что данный процесс не происходит, а медиапотребление сельских жителей в значительной степени детерминировано уже сформировавшейся у них картиной мира.

Медиаэтнография и исследования медиапотребления в контексте теорий модернизации

Связь между потреблением и восприятием медиа и социальным поведением является предметом исследований в области массовой коммуникации достаточно давно. По сути, самые первые работы американских *mass communication research* в первой половине XX в. были направлены на изучение влияния и эффектов массовых ком-

муникаций. Поскольку данные социологические работы так или иначе опирались на ту же научную парадигму, что и теории инновации (так называемый диффузионизм), возникли представления о том, что медиа не просто могут внедрять определенные сообщения в общественное сознание, но и менять образ жизни целых народов и культур. Развитие иных направлений научного знания внесли коррективы в эти линейные представления о роли медиа, а также в методологические карты исследователей.

Данный теоретический обзор синтезирует основные мысли и взгляды теоретиков на эту тему и связывает несколько проблемных полей, в рамках которых проводилось полевое исследование медиапотребления многоканального ТВ в сельском поселении Угоры Мантуровского района Костромской области. Планируя это полевое исследование, авторская группа исходила из того, что при кардинальном увеличении количества каналов телевидения аудитория столкнется с принципиально иным телесмотрением, т.е. с принципиально иным миром ценностей, построенным на развлечениях и колоссальном количестве постановочного (кино) и познавательного контента. В связи с этим предполагается и часто артикулируется, что это модернизирует сознание российской глубинки, ее социальные и потребительские практики, представления о прошлом.

Наша базовая гипотеза пытается данный тезис опровергнуть, указав на то, что сельские жители адаптируют практики телесмотрения под свою картину мира, принципиально не меняя ее, и выбирают телевизионный контент, соответствующий их представлениям о мире и о прошлом.

Изучение медиаэффектов

Изучение медиаэффектов является, пожалуй, одним из наиболее популярных направлений в науке о массовых коммуникациях. Первые работы на эту тему датируются 1920 гг. Первые исследователи мыслили в бихевиористской парадигме, предполагая, что любое сообщение медиа является внешним раздражителем, вызывающим определенную реакцию у индивида. В этой модели ученые, такие как Гарольд Ласуэлл, скорее постулировали наличие прямого воздействия медиасообщений на индивидов, предпочитая для подтверждения такого тезиса классифицировать виды сообщений с точки зрения их персуазивности (Lasswell, 1927).

В более поздних исследованиях представители Колумбийской школы подвергли сомнению такие безоговорочные утверждения об убеждающей силе медиа. При помощи изучения общественного мнения и его изменения в результате воздействия сообщений масс-медиа преимущественно в ходе предвыборных кампаний (поэтому такие исследования назывались *campaign studies*) ученые сделали вывод об ограниченности действия медиа в социальном пространстве.

Пол Лазарсфельд выявил наличие посредников (лидеров мнения), через которых подавляющее большинство сообщений воздействует на индивида, Клаппер выяснил, что СМИ эффективны лишь для подкрепления существующих точек зрения индивидов, но совершенно не в состоянии менять уже сформировавшиеся установки людей, а Кац установил, что СМИ не являются главным способом удовлетворения потребностей людей, даже таких как информационные или развлекательные (Lazarsfeld et al., 1947; Klapper, 1960, Katz et al., 1974). Работа Маккомбса и Шоу в этой же парадигме исходит из предположения, что СМИ не в состоянии навязать индивидам установки, но за счет уделения большего или меньшего внимания тем или иным проблемам могут внушать аудитории значимость тех или иных проблем (McCombs, 2004).

Все эти теории, как видим, объединяет довольно четкая приверженность некой линейной модели влияния и восприятия медиасообщения, т.е. наличие измеримого, как правило, краткосрочно наблюдаемого эффекта сообщений, которые воспринимаются как интенционально передаваемые СМИ.

Линейная парадигма появляется в этих работах неслучайно. Американские *mass communication research* опираются на модель математической теории информации, разработанную инженерами Bell Labs в 1940-х гг. Клодом Шанноном и Уорреном Уивером (Weaver, Shannon, 1949). Данная теоретическая модель предполагает наличие передатчика, канала, по которому передается сигнал, и приемника информации. Представители гуманитарных наук предлагают называть сигнал «кодом», а процессы передачи и приема соответственно кодированием и декодированием. Такая линейная модель, как видим, предполагает, что кодом сообщения является язык, а факт владения одним языком передатчика и приемника автоматически гарантирует донесение смысла до адресата.

Таким образом, представленная парадигма исходит так или иначе из факта возможности оценить эффекты, которые оценивались в краткосрочной перспективе. Кроме того, количественная методология, предполагающая массовый опрос, свойственный предста-

вителям теории медиаэффектов, оценивала ожидаемые эффекты медиа, тогда как перверсия, то есть непредполагаемые эффекты, оценке не поддавалась.

Теории инноваций

Почти одновременно с развитием парадигмы медиаэффектов в схожей методологической перспективе развивается теория распространения или диффузии инноваций, рассматривающая процесс распространения изобретения в социальной среде как коммуникацию.

Впервые теорию «диффузии инноваций» предлагает Эверетт Роджерс, профессор урбанизма. Опираясь на гипотезу Габриэля Тарда о том, что социальные схожести возникают в результате копирования или клонирования одними социальными общностями других (Tarde, 1993), Роджерс предлагает модель распространения инноваций (преимущественно технических, т.к. после первых работ первой половины XX в., когда изучался любой процесс инновации, в частности известен эксперимент с распространением нового сорта пшеницы в Айове, технический прогресс второй половины века сделал инноватику наукой технологической) как коммуникацию инноваций в социальной среде.

Такая коммуникация опирается на некую линейную схему распространения и последовательной смены социальных групп, приобщающихся к изобретению. Эти социальные группы получают названия инноваторов (первой ранней группы), «ранние приверженцы» (early adopters), затем инновация постепенно принимается «ранним большинством», затем «поздним большинством», и, наконец, далее следуют «отстающие». Таким образом, процесс роста доли инновации на рынке представляет собой S-образную функцию, изображающую последовательную смену стадий внедрения инновации (Rogers, 1962).

Само по себе проникновение инновации в социальный мир каждого индивида, по Роджерсу, тоже делится на закономерные стадии: знания (индивид узнает об инновации), убеждения (индивид поглощает информацию о ней), решение (индивид взвешивает «за» и «против» при принятии инновации), внедрение (индивид ищет свои возможности и способы использования инновации), подтверждение (индивид закрепляет решение использовать инновацию). Таким образом, инновация представляет собой своего рода

«данные», которые необходимо передать по сетям коммуникации, а сам процесс передачи описан как достаточно линейный.

В более поздних работах, однако, Роджерс переносит акцент с анализа «индивида» как объекта анализа на анализ «отношений между индивидами» (Rogers, 1976), предполагая, что решения о принятии/неприятии инновации принимаются сетями индивидов, под воздействием социальной иерархии, кликой или иной социальной группой. Именно в этот момент мы наблюдаем сходство с теориями медиаэффектов, когда от «прямых эффектов» теоретики приходят к гипотезе «ограниченных эффектов». И именно на этой стадии Роджерс обращается к работам Лазарсфельда, в частности используя в качестве ссылки гипотезу о «двухступенчатом потоке информации» (two steps hypothesis).

Альтернативный подход к распространению инноваций предлагает известный французский социолог Бруно Латур. Отказываясь воспринимать инновацию как «данные», которые должны быть переданы по каналам коммуникации, он предлагает рассматривать инновацию как «процесс», смысл которого заключается в артикулировании двух социальных пространств: мира изобретения и мира социального.

Каждый из этих миров обладает своими особенностями: мир изобретения представляет собой совокупность материальных и нематериальных элементов, непосредственно относящихся к миру лаборатории (разные материалы, реагенты, процессы, сложные названия и т.д.), а социальный мир так или иначе наполнен в первую очередь ожидаемыми, наблюдаемыми обычными людьми (пользователями) функциями или «полезностью» того или иного изобретения (ожидания пользователей, конкретная прикладная полезность изобретения и т.д.).

Инновация удается тогда, когда мир изобретения удается «перевести» в мир социальный. Отсюда и название такой модели – «модель перевода». Описывая опыты Луи Пастера с выработкой различных вакцин, Латур пишет, что при помощи правильно осуществленного «перевода» Пастер смог внедрить элементы своей лаборатории в фермерское хозяйство, страдающее исследуемыми им недугами: «Теперь лаборатория Пастера находится в самом центре интересов сельского хозяйства, к которому раньше не имела никакого отношения; на фермах стали применяться флаконы с вакциной, элементом, привозимым из Парижа; ветеринары модифицировали свой статус благодаря распространению «науки Пастера» и флаконов с вакциной, ставшими теперь еще одним оружием в их арсенале; что касается овец и коров, то они были избавлены

от ужасной смерти: теперь они могут производить больше молока и шерсти, а фермеры получили возможность забивать свой скот с большей прибылью» (Латур, 2002).

Позднее данная теория была развита Патрисом Флиши в рамках его теории социотехнического альянса. Флиши предложил идею, согласно которой инновация проходит параллельный процесс развития в стенах лаборатории и одновременно в социуме вызревает потребность в данной инновации в виде определенных функций инновации, которые используются в других устройствах (Flichy, 2003). В результате при условии совпадения социально востребованных функций с запрограммированными на стадии разработки в стенах лаборатории происходит социотехнический альянс, когда потребности удовлетворяются при помощи инновации, проникшей в социальную жизнь.

Таким образом, мы видим, как от линейных теорий, предполагавших автоматическое навязывание технологий социуму, разработки идут в сторону более сложных моделей конструкции использования и внедрения инновации. В этом смысле теория инноваций проходит тот же логичный путь, что и теории медиаэффектов.

Модернизация в контексте отношений «центр–периферия»

Еще одно измерение, которое обретает проблематика «модернизации», – это измерение географическое. Отношения «модернизации» предполагают наличие некоего «коммуникатора» (агента), модернизирующего реципиента инновации. Собственно, в этих рамках и мыслит Роджерс, изображая процесс инновации в виде S-образной кривой. В рамках такого взаимодействия, с одной стороны, часть ученых интересуется проблемой модернизации при помощи медиатехнологий и медиасообщений так называемых «традиционных обществ», а с другой стороны, критически настроенные ученые обращают внимание на возникающие неминуемо отношения доминирования агента над реципиентом.

В рамках одной парадигмы «центр» модернизирует «периферию» и развивает ее, а в рамках другой парадигмы – «центр» подчиняет себе «периферию».

Первая парадигма развивалась в рамках так называемой MIT-School, т.е. учеными преимущественно из технологических и связанных с ними точных наук, сконцентрированными так или иначе вокруг Массачусетского технологического университета.

В 1958 г. профессор Дэниэл Лернер пишет книгу «Уход от традиционного общества. Модернизация Ближнего Востока» (The Passing of Traditional Society, Modernizing the Middle East). В своей работе Лернер, исследуя деятельность международных американских радиостанций (в первую очередь – «Голоса Америки»), пытается показать, каким образом «традиционные общества» стран Ближнего Востока уступают под натиском «современного» образа жизни, навязываемого через сообщения трансграничных медиа. Таким образом, Лернер воспринимает процесс «модернизации» как процесс необратимый, и он является, по сути, синонимом процесса «оксидентализации».

Обратим внимание, что, с его точки зрения, сообщения масс-медиа являются главным агентом такой модернизации, т.к. они формируют в традиционных обществах потребности в изменении общественных систем, что в свою очередь стимулирует жителей этих стран к социальным изменениям, в том числе через выдвижение требований к местным правительствам. К основным проявлениям превращения обществ в «модернизированные» Лернер относит индустриальную урбанизацию, высокий уровень грамотности населения, вовлеченность населения в массовые коммуникации и политическое участие (Lerner, 1958).

Если Дэниэл Лернер, делает ведущим агентом модернизации сами сообщения СМИ, то его коллега Итьель де Сола Пул в большей степени считает таковыми технологии, поставляемые странам-реципиентам, а также коммерческие модели и в том числе модели финансирования. Де Сола Пул утверждает, что сама по себе коммерческая модель финансирования медиа, характерная для американских СМИ, гораздо в большей степени способствует модернизации традиционных обществ, формируя привычку к потреблению рекламы, чем просто распространение сообщений (De Sola Pool, 1983).

В этой же парадигме рассуждает Уилбур Шрамм, который в книге «Масс-медиа и национальное развитие» (Mass media and national development) предлагает в качестве альтернативы идею о том, что медиа при помощи сообщений должны модернизировать сознание индивидов, и тезис, что медиа в большей степени должны побуждать локальных акторов, таких как правительство, элиты, локальные власти и т.д. самостоятельно внедрять инновации, заимствуя не сами инновации (например технологии), а модели их функционирования (Schramm, 1964).

Взгляд представителей MIT School был впервые подвергнут критике представителями критического крыла политической эко-

номии медиа, в первую очередь Гербертом Шиллером, который в книге «Массовые коммуникации и Американская Империя» (Mass Communications and American Empire) рассматривает политику модернизации не в чисто миссионерском политическом измерении, а в первую очередь в измерении экономическом (Schiller, 1969). Внедряя политику модернизации в странах третьего мира, США преследуют, в первую очередь, экономические интересы американских глобальных корпораций, львиная доля которых работает в сегменте индустрии массовых коммуникаций и культуры.

Изучая систему глобальных масс медиа, распределения капиталов, стратегий проникновения медиакомпаний на зарубежные рынки и выпуска голивудскими мэйджорами фильмов для зарубежной аудитории, а также конфигурацию мировых рекламных конгломератов, Шиллер приходит к выводу, что США добиваются повсеместного внедрения коммерческой аудиовизуальной модели финансирования медиа, что в свою очередь приводит к проникновению американского образа жизни и американского общества потребления на рынки третьих стран, а это создает систему вассальных по отношению к США режимов.

Такой процесс в другой своей работе «Коммуникация и культурное доминирование» Шиллер охарактеризовал как «культурный империализм», т.е. это «сумма процессов, при помощи которых общество входит в современную мировую систему, и способ, при помощи которого его правящая элита путем одурачивания, давления, силы или коррупции вынуждена моделировать социальные институты, чтобы они соответствовали ценностям и структуре доминирующего центра системы или оказывали им поддержку» (Schiller, 1976). В качестве меры противостояния такой системе Шиллер предлагает выработку государствами собственной политики по защите «национальной идентичности» или собственных «коммуникационных политик», которые во многих странах-реципиентах на поверку оказывались лишь весьма эффективными механизмами по насаждению цензуры.

Таким образом, Шиллер впервые поднял вопрос о доминировании в информационном пространстве стран третьего мира (стран Юга) медиа, относящихся к информационно «богатым» странам Севера. Возник вопрос, который стал чрезвычайно популярным в политическом пространстве международных организаций. В этом контексте мыслили исследователи университета Тампере (Финляндия) Каарле Норденстренг и Тапио Варис, проведя по заказу ЮНЕСКО исследование с громким говорящим названием «Телевизионный трафик: улица с односторонним движением?» (Television

traffic: a one way street?), в ходе которого ученые установили, что три страны (США, Великобритания, Франция) доминируют в информационном пространстве стран третьего мира, поставляя туда телевизионные программы (Nordenstreng, Varis, 1974).

Среди представителей движения «неприсоединившихся» стран все чаще стали раздаваться призывы к установлению «Нового информационно-коммуникационного порядка», т.е. к уравниванию потоков информации. В результате в рамках ЮНЕСКО была создана соответствующая комиссия, которая констатировала неравномерный обмен информацией, измеряя такой обмен преимущественно в количественных показателях, наиболее популярным из которых оказалось «проникновение», т.е. процент охваченного теми или иными каналами коммуникации населения.

Выводы, сформулированные в докладе «Единый, но многоголосый мир» (Many voices – One world, 1980), призывали к уравниванию потоков и ликвидации диспропорций в информационном обмене. На практике это вполне оправдывало поставки глобальными компаниями оборудования и технологий с целью ликвидации диспропорций, но при этом в общем не решало вопроса культурного доминирования, которое может выражаться не в прямом экспорте культурной продукции, но также и в экспорте моделей и способов производства, что сопровождалось переносом культурных форм в произведенные локально продукты. В результате американизированные, построенные на лучших американских образцах фабрики по производству сериалов возникают в Латинской Америке.

Имея обличительный характер, доклад сформировал негативное отношение к ЮНЕСКО со стороны крупнейших его участников – США и Великобритании, которые в результате покинули эту организацию вплоть до середины 2000-х гг.

Вместе с тем подход к количественному изучению диспропорций, принятый в ЮНЕСКО, оказался вполне удобен во многих политических структурах. Количественные показатели позволили многим странам (в том числе развитым) разрабатывать национальные политики, которые целиком и полностью строились на поставках инфраструктуры во имя ликвидации «цифрового раскола» (измеримого в процентах проникновения телефона, Интернета, мобильной связи и т.д.). Однако «ментальный цифровой раскол», т.е. проблема несостыковки картин мира, или способов применения технологий и медиа, в связи со сложностью и комплексностью изучения в этом поле не прижился.

В результате правительства ЕС, США, многих стран принимают до сих пор национальные планы, по которым отчитываются про-

центами охвата и количеством компьютеров на одного ученика школы, тогда как проблема принятия/непринятия новых технологий оказывается куда как шире, чем количество розеток с цифровым сигналом.

Таким образом, мы видим, что проблема «модернизации», к которой мы можем отнести и проблему модернизации цифровой телевизионной инфраструктуры страны, оказывается в рамках не просто парадигмы «развития», но и в рамках парадигмы доминирования и власти центра над периферией.

Cultural Studies

Под таким собирательным названием мы помещаем так или иначе теоретические направления, которые рассматривают любую имплементацию инноваций в некой среде как некий процесс соприкосновения культур. Действительно, рассматривая внедрение новых технологий или модернизацию как процесс передачи инновации от донора к реципиенту, мы автоматически можем говорить о двух различных пространствах: пространстве донора и пространстве реципиента. Каждое из этих пространств можно характеризовать через набор некоторых бытовых элементов: модернизированная среда, где активно используют новые технологии, где давно существуют безденежные транзакции, где существует некий точный облик бытовых практик от типа ремонта до способа передвижения, и среда несовременная, где доминирует совсем другая жизнь, другая повседневность.

Собственно говоря, глядя через призму Cultural Studies, мы можем рассматривать эти два пространства как две разные культуры. Именно представители этого научного направления предложили отказаться от традиционного литературоведческого понимания культуры в пользу культуры как образа жизни, быта, пронизанного сигнификациями. Именно Раймонд Уильямс предложил рассматривать, таким образом, не культуру, а культуры во множественном числе (Williams, 1961).

В этом контексте представители культурных исследований изучали, каким образом рабочая культура сопротивляется нашествию буржуазной (Hoggart, 1957), каким образом этнические комьюнити в чуждой им среде другой страны сохраняют свою идентичность (Hall, 1977) или каким образом разные культуры по-разному воспринимают один и тот же культурный продукт (Ang, 1989).

Строго говоря, все работы о «модернизации» или о критике этой модернизации – это работы о культуре, т.е. о столкновении культур. Это мы видим и в работах Шиллера, который говорит о необходимости защиты национальной культуры или культурной идентичности, и в работах Лернера, который пишет об импорте образа жизни, и в работах Де Сола Пул, который воспринимает любую культуру как результат взаимодействия локальных и заимствованных культурных элементов. Потому, с его точки зрения, это нормально, что на первом этапе происходит чистый импорт продукции индустрий культуры, а затем на первое место выходит локальное производство адаптированных культурных продуктов, которые представляют собой смесь локальных обычаев и реалий с заимствованными формами производства.

Рассматривая культуру в широком смысле (культура обыденна – culture is ordinary, как писал Уильямс), в ее качестве можно рассматривать бытовую культуру любой социальной группы.

И если первые представители Cultural Studies занимались изучением культуры, привязанной к определенному классу (буржуазная культура, популярная культура или культура рабочих комьюнити), то в более поздних работах речь идет о наличии более сложных «культурных паттернов». Следовательно, можно говорить о различных этнических культурах, но также о различных профессиональных культурах, культурах разных сексуальных направлений (лесбийская и гомосексуальная культура) и т.д. В этом смысле среди направлений культурных исследований появилось такое направление, как «сельские cultural studies» (rural cultural studies), рассматривающие культуру деревенскую в ее отличии от культуры городской.

Данное направление родилось в Австралии, где контраст между городской и сельской повседневностью существенен. Изучая этот контраст, австралийские ученые обращали внимание на саморегулирование деревенских сообществ, отношения между поселенцами и коренными жителями, отношения с природой (Carter D., Darian-Smith K., Gorman-Murray, 2008).

Заключение к теоретическому разделу

Таким образом, изучение медиапотребления, и в первую очередь многоканального телевизионного потребления в сельской местности можно рассматривать в рамках четырех измерений и четырех

различных подходов. С позиций медиавоздействия мы можем говорить о том, что с расширением набора телеканалов, предоставленного благодаря спутниковому ТВ, увеличилась доступность более широкого набора культурных форм, что в свою очередь теоретически может расширять набор представлений жителей сельской местности об их повседневной жизни, о комфорте, быте, потребительских практиках и т.д. Либо наоборот – происходит адаптация телевизионного телесмотрения и выбора телеканалов к картине мира и представлениям сельских жителей (собственно, в этом и заключалась наша гипотеза).

С точки зрения диффузии инноваций можно утверждать, что сама по себе практика многоканального телесмотрения и установка соответствующего приемника (спутниковой антенны) является элементом инновационного образа жизни или модернизации, а следовательно, само по себе такое устройство меняет быт и бытовые практики селян. Либо, наоборот, исходя из более поздних теорий, происходит конструирование применения технологии, которая адаптируется к образу жизни социальной среды, в которой она применяется.

Если рассматривать феномен с точки зрения отношений «центр–периферия», то сам по себе процесс проникновения многоканального телевидения и внедрения такой технологии можно рассматривать как своего рода экспансию или подчинение деревенских культурных практик городской среде. Особенно интересно это той с точки зрения, что концепт «модернизации», столь популярный в политическом дискурсе в нашей стране, включает в себя установку цифрового наземного многоканального вещания повсеместно (в том числе на селе). Следовательно, можно говорить и о неравномерности циркуляции информационных потоков между центром и сельской местностью, а также о нерепрезентативности сельского образа жизни в образах федерального телевидения. Или наоборот, деревня сопротивляется такому натиску городской среды, адаптируя многоканальную технологию телевещания под свои сугубо сельские нужды.

Наконец, рассматривая проблему с позиций Cultural Studies, мы можем говорить о том, что многоканальное телевидение, представленное преимущественно городскими и столичными каналами, составляет слепок городской культуры, проникающей в деревню. Следовательно, возникает столкновение двух культур: культуры городской и культуры сельской.

В этом смысле интересно посмотреть, выражается ли данное столкновение в вытеснении одной культуры другой (ну, например,

за счет проникновения в деревню заимствованных из городской транслируемой по телевидению «красивой жизни» бытовых предметов, способов декорации жилища, приборов), либо можно говорить о сопротивлении одной культуры (сельской) другой – заимствуемой через телесмотрение. Исходя из этого интересны образы прошлого, социальная память, представления о прошлой жизни и их трансформации в условиях изменившейся доступности альтернативных точек зрения и взглядов (посредством доступа к тематическим, образовательным телеканалам).

Может быть и еще одна альтернативная ситуация: быт меняется независимо от многоканального ТВ в связи с тем, что городскую культуру «привозят» родственники и члены семей, работающие в городе. И в этом смысле установки могут меняться, но не под влиянием многоканального ТВ.

Общие параметры исследования

Методология исследования

Предлагаемый раздел подготовлен по результатам полевого исследования, целью которого стало выявление особенностей использования и восприятия многоканального телевидения и других новых медиа жителями российских сел (на примере Костромской области).

В рамках исследования были поставлены следующие задачи:

• изучение состава домашних хозяйств, имеющих доступ к неэфирному телевидению;

• анализ самохарактеристик участников исследования;

• определение интересов участников исследования в области СМИ;

• изучение процесса подключения к спутниковому телевидению;

• анализ потребления респондентами спутниковых телеканалов;

• выявление любимых телеканалов и телепередач;

• выявление ценностных ориентаций участников исследования в контексте телевизионного потребления;

• анализ использования респондентами Интернета и мобильной телефонии;

Объект исследования – постоянные жители сельских населенных пунктов Мантуровского района Костромской области, пользующиеся услугами неэфирного телевидения. Предмет исследования – потребление и восприятие рассматриваемой целевой группой многоканального телевидения и других новых медиа. Единицей исследования является домашнее хозяйство – квартира, частный дом или часть дома, жители которых ведут совместное хозяйство.

Исследование основано на оригинальной комплексной количественно-качественной междисциплинарной исследовательской методике. Основу последней составляют глубинные интервью с взрослыми жителями выбранных домашних хозяйств. Кроме того, использовались методы наблюдения и анкетирования.

Инструментарий исследования составили:

- гайд глубинного интервью;
- инструкция интервьюера;
- анкета переписи исследуемых членов домашних хозяйств;
- список основных телеканалов (эфирных и неэфирных);
- гайд интервью с представителем оператора неэфирного телевидения в регионе исследования;
- форма наблюдателя;
- карточка телесмотрения за вчерашний день.

Отбор домашних хозяйств для участия в исследовании осуществлялся по следующим критериям:

- наличие в домашнем хозяйстве по крайней мере одного работающего телевизионного приемника;
- наличие подключенной (работающей) телевизионной спутниковой антенны («тарелки»);
- постоянное проживание в течение года хотя бы одного члена домашнего хозяйства по месту опроса (домашние хозяйства дачников в исследовании участия не принимают).

В зависимости от численности домохозяйства в нем могли быть опрошены один или несколько членов. При этом допускалась возможность интервьюирования как постоянных, так и временных жителей (например, родственников, постоянно живущих в городе и приезжающих в село на лето). Интервью брали у респондентов от 15 лет и старше.

Выборка исследования составила 33 домашних хозяйства, в которых были проведены 43 глубинных интервью. В рамках переписи были собраны сведения о 119 представителях домашних хозяйств (из них 92 – постоянные). Карточка медиапотребления за вчерашний день была заполнена для 34 респондентов. Также одно глубинное интервью было проведено с представителем компании-

Таблица 5.1

Выборка домашних хозяйств изучения медиапотребления в сельской местности

№	Название села	Количество домашних хозяйств в выборке исследования
1	Угоры	23
2	Леонтьево	4
3	Давыдово	3
4	Афанасьево	2
5	Медведево	1
	ВСЕГО	33

оператора услуг спутникового телевидения в Мантуровском районе Костромской области.

Села Мантуровского района Костромской области, в которых были проведены полевые работы, указаны в табл. 5.1.

Полевые работы были проведены в период с 25 по 28 июня 2012 г. Экспедиция была организована на базе Сообщества профессиональных социологов в деревне Медведево Мантуровского района Костромской области (руководитель – д.с.н., проф. НИУ ВШЭ Н.Е. Покровский).

Состав исследуемых домашних хозяйств

Прежде всего, опишем сами домохозяйства, в которых имеется спутниковая тарелка. Большинство домохозяйств состоит из одной жилой постройки, хотя есть и редкие исключения (табл. 5.2), и нескольких нежилых (табл. 5.3), среди которых респонденты называют стандартные деревенские постройки, такие как: гараж, баня, сарай, дровяник, хлев и пр.

Спутниковая тарелка, соответственно, как показало наблюдение, подключается к жилой постройке.

Если говорить о количестве людей в домохозяйствах, то проживание в одиночку непопулярно среди опрошенных. Только два человека живут в одиночку (табл. 5.4), что вызвано смертью других членов семьи, как показывают интервью, а не желанием жить одним. В 55% домохозяйств проживают по 2 человека, в 39% – от трех до пяти (рис. 5.1).

Непостоянное проживание в деревенском доме среди опрошенных – не такое частое явление, в 21 из 33 домохозяйств нет таких

Таблица 5.2

Общее количество жилых построек, принадлежащих домохозяйству (n = 33)

Одна	29
Две	3
Пять	1
В среднем	1,2
Всего	40

Таблица 5.3

Общее количество построек, принадлежащих домохозяйству (n = 33)

Одна	5
Две	5
Три	5
Четыре	8
Пять	6
Шесть	3
В среднем	3,5
Всего	116

Таблица 5.4

Количество членов домохозяйства, постоянно (круглый год) проживающих по месту опроса (n = 33)

Один	2
Два	18
Три	4
Четыре	4
Пять	5
В среднем	2,8
Всего	91

членов, которые проводят не менее 2 месяцев по месту опроса, но постоянно живут в другом месте (табл. 5.5).

Иными словами в 21 домохозяйстве если и есть родные или друзья в других населенных пунктах, то они не приезжают в гости регулярно. Ведь чаще всего, как показывают интервью, под категорию непостоянно проживающих членов домохозяйства попадают «гости выходного дня» – родственники, переехавшие в другой, часто более крупный населенный пункт, но регулярно посещающие своих родителей и/или дедушек-бабушек.

Возможно, полученные данные не совсем точно отражают действительность, т.к., безусловно, посещение деревни каждые выходные суммарно дает более 60 дней в году (если ездить по выходным с конца апреля по октябрь, на майские, ноябрьские праздники и Новый год, уже наберется нужное количество дней), но тут возникает психологическая проблема: если респондент может четко определить, часто или редко его навещают родные, то тех, кто делает это со средней частотой, он будет относить в ту или иную категорию на основании субъективного восприятия их участия в жизни домохозяйства.

Впрочем, участие в жизни домохозяйства – это как раз то, что выясняется в нашем исследовании, в том числе и через количество проводимого времени в этом домохозяйстве.

Рис. 5.1. Количество членов домохозяйства, постоянно (круглый год) проживающих по месту опроса (n = 33)

Таблица 5.5

Количество членов домохозяйства, проживающих по месту опроса непостоянно, но не менее 2 месяцев (60 дней) в году (n = 33)

Ни одного	21
Один	6
Два	1
Три	2
Четыре	2
Пять	0
Шесть	1
В среднем	0,8
Всего	28

Материальное положение большинства исследуемых домохозяйств находится на нижней грани среднего уровня: в 19 домохозяйствах (58%) денег хватает на еду и одежду, но покупка бытовой техники требует привлечения заемных средств. Шесть домохозяйств находятся на твердом среднем уровне по материальному положению – могут купить бытовую технику, но автомобиль могут взять только в кредит. Четыре домохозяйства имеют низкое материальное положение – на еду денег хватает, а вот на одежду уже нет. В выборку также попало одно домохозяйство с уровнем материального положения за чертой бедности (денег не хватает даже на еду) и одно домохозяйство с материальным положением выше среднего (могут купить дачу или квартиру без привлечения заемных средств). В двух домохозяйствах говорить о своем материальном положении отказались (табл. 5.6).

Теперь перейдем к составу домашних хозяйств, попавших в нашу выборку. В исследуемых домохозяйствах проживает (как постоянно, так и непостоянно) 54% женщин и 46% мужчин, что статистически значимо не отличается генеральной совокупности

Таблица 5.6

Самооценка материального благополучия семьи (n = 33)

Оценка	Абсолютное значение	%
Нам не хватает денег даже на еду	1	3
Нам хватает денег на еду, но покупка одежды – серьезная проблема для нас	4	12
Нам хватает денег на еду и одежду, но было бы трудно купить холодильник и/или стиральную машину без привлечения заемных средств	19	58
Нам хватает денег на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новый автомобиль без привлечения заемных средств	6	18
Наших заработков хватает на все, за исключением покупки таких дорогих вещей, как дача или квартира без привлечения заемных средств	0	0
Мы не испытываем финансовых затруднений. При необходимости можем купить дачу и/или квартиру без привлечения заемных средств	1	3
Отказ от ответа	2	6

населения России в целом[1], Костромской области и сельского населения Костромской области (табл. 5.7).

Таблица 5.7

Пол респондентов (n = 119)

Пол	Абсолютное значение	%
Мужчины	55	46
Женщины	64	54

Население попавших в выборку домохозяйств ближе к старшей возрастной группе. Средний возраст членов исследуемых домохозяйств составил 40 лет (табл. 5.8).

Как видно по рис. 5.2, наиболее многочисленна группа людей в возрасте 60 лет и старше, за ней – группа людей среднего возраста (30–39 лет), на третьем месте две возрастные группы – 7–13 лет и 50–59 лет. Четыре наиболее многочисленные возрастные группы, как мы видим, соответствуют 3 поколениям, если считать разницу между поколениями в 20–25 лет.

[1] Здесь и далее – приведены общестатистические данные Госкомстата и Государственного комитета по статистике Костромской области (stat.kostroma.ru).

Рис. 5.2. Распределение респондентов по возрасту (n = 119)

Меньше всего в исследуемых домохозяйствах подростков 14–19 лет, маленьких детей до 6 лет и молодежи 20–29 лет (рис. 5.2).

Таблица 5.8

Возраст респондентов (n = 119)

Количество лет	Абсолютное значение	%
0–6	8	6,7
7–13	16	13,4
14–19	7	5,9
20–29	9	7,6
30–39	20	16,8
40–49	12	10,1
50–59	16	13,4
60+	27	22,7
N.a.	4	3,4
Средний возраст	39,6	

Как мы видим из табл. 5.9, доли групп трудоспособного возраста и нетрудоспособного статистически значимо не отличаются от аналогичных данных по сельскому населению Костромской области.

Что касается занятости членов исследуемых домохозяйств, то большинство (56%) не работает, треть (36%) работает полный день, а менее одной десятой выборки работает на условиях сезонной или частичной занятости.

Таблица 5.9

Сравнение возрастных групп по трудоспособности (n = 115)

Возраст	Выборка		Сельское население Костромской области (Росстат)	
	Абс. знач.	%	Абс. знач.	%
Моложе трудоспособного (0–13)	24	21%	30984	15
Трудоспособный возраст (14–59)	64	56%	116791	58
Старше трудоспособного (60+)	27	23%	52397	26
Всего	115	100%	200172	100

Эти данные также могут не до конца отражать действительность, потому что в условиях сельской местности работа, особенно сезонная, не всегда воспринимается респондентами как работа. Многие из тех, кто официально не работает, т.к. вышел на пенсию или пребывает в декретном отпуске, на самом деле, судя по интервью, в сезон сельскохозяйственных работ работают полный рабочий день, а часть их трудов приносит им доход и в виде денег: например, от продажи грибов, ягод, фруктов и овощей (табл. 5.10).

Таблица 5.10

Уровень занятости респондентов (n = 119)

Занятость	Абсолютное значение	%
Работает полный день	43	36
Работает на условиях частичной или сезонной занятости	9	8
Не работает	67	56

Очевидно, что до 14 лет образование может быть только неполным средним и ниже, поэтому здесь мы рассмотрим только людей старше 14 лет. Наиболее часто в этой выборке встречается среднее специальное и среднее образование (37 и 32% соответственно). Высшее, в том числе неполное образование так же распространено, как и неполное среднее и ниже образование среди людей старше 14 лет (14 и 15% соответственно) (табл. 5.11).

Таблица 5.11

Образование среди респондентов в возрасте старше 14 лет (n = 95)

Образование	Абсолютное значение	%
Неполное среднее и ниже	15	16
Среднее	30	32
Среднее специальное	35	37
Неполное высшее, высшее	14	15
N.a.	1	1
Итого	95	100

Таблица 5.12

Семейное положение респондетов в возрасте 14 лет (n = 95)

Семейное положение	Абс. значение	%
Не женат / не замужем, проживает отдельно	12	13
Женат/замужем, проживает совместно (в том числе в гражданском браке)	70	74
Разведен(-а)	4	4
Вдовец/вдова	9	10

Как с образованием, так и с семейным положением мы должны оговориться, что брачный возраст в Российской Федерации – 18 лет, но он может быть снижен до 16 лет при наличии уважительных причин, а в исключительных случаях при наличии особых обстоятельств – до 14 лет, потому и в данном случае мы рассмотрим только лиц старше 14 лет, остальные все очевидно неженаты и не замужем.

В выборку попало 4 разведенных граждан и 9 овдовевших (4 и 10% соответственно). Среди остальных людей старше 14 лет состоящих в браке практически в 6 раз больше, чем не состоящих (74 к 13%) (табл. 5.12).

Общие количественные характеристики медиапотребления респондентов

В ходе исследования удалось опросить 35 человек о том, к каким медиа они обращались за день до интервью. На первом месте с большим отрывом лидирует телевидение – его смотрели 32 человека из 35. Второе место за газетами и радио. Три человека поль-

Таблица 5.13

Наличие медиапотребления «за вчерашний день» (n = 35)

Медиапотребление	Абс. значение
ТВ	32
Газеты	7
Радио	5
Интернет	3
Журналы	1
Книги	1
Компьютер	0
Видео-DVD	0

зовались Интернетом. Журналы и книги очень непопулярны, но все-таки к ним обращаются, а вот компьютер и видео-DVD никто из выборки не использовал за день до интервью (табл. 5.13).

В топ-3 телеканалов, которые смотрели респонденты, входят государственные каналы «Россия-1» и «Первый», а также НТВ.

Больше одного человека отметили государственные телеканалы Петербург-5 и канал «Звезда», а также СТС и ТНТ. По одному разу упоминаются государственный канал Россия-24, а также «Телепутешествия», «Индия-ТВ», «Дисней», «Охота и рыбалка», «Перец» и «Дождь» (табл. 5.14).

Таблица 5.14

Каналы телевидения – просмотр «за вчерашний день» (n = 32)

ТВ	Абс. значение
«Россия-1»	16
«Первый»	12
НТВ	10
СТС	4
ТНТ	3
Петербург – 5 канал	2
«Звезда»	2
«Телепутешествия»	1
Россия-24	1
«Индия-ТВ»	1
«Дисней»	1
«Охота и рыбалка»	1
«Дождь»	1
«Перец»	1
Другое	1

Для 5 человек, которые слушали радио, в 4 случаях это было «Дорожное радио» и в одном «Маяк». «Дорожное радио» пользуется популярностью среди тех, кто работает водителями, а также тех, кому необходимо на машине добираться до места работы (например, рабочие лесного хозяйства).

Также надо отметить, что, по словам опрошенных, не у всех есть доступ к стационарному радио, т.к., например, в деревне Леонтьево прогнили провода, а местные власти не заинтересованы в их восстановлении (табл. 5.15).

Предпочтения интервьюируемых в медиасфере можно назвать традиционными и характерными для страны в целом. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в конце 2011 г. представил данные о том, какие СМИ являются наиболее востребованными в России. Согласно проведенному исследо-

ванию, центральное телевидение – самый массовый источник информации для россиян: его используют 98% респондентов.

На втором месте – региональное, местное телевидение (87%). Далее, с отрывом, следуют региональная и центральная пресса (71 и 70% соответственно)[2].

Аналогичная расстановка медиасил наблюдается и в деревнях Костромской области. На первом месте среди всех средств массовой информации, доступных опрошенным жителям, стоит телевидение – именно ТВ (спутниковое, в частности) смотрит каждый респондент. Далее следуют региональные газеты, центральная пресса и радио (табл. 5.16).

Таблица 5.15

Медиапотребление радио «за вчерашний день» (n = 5)

Радио	5
«Дорожное радио»	4
«Маяк»	1

Таблица 5.16

Интересы респондентов в области СМИ (% респондентов, потребляющих медиа)

Телевидение	43
Региональные, местные газеты и журналы	19
Центральные газеты и журналы	15
Радио	13

Поскольку телевизор смотрят все без исключения респонденты, то говорить об их возрасте в данном вопросе не принципиально. Однако интересным, на наш взгляд, кажется следующее. Местная пресса стоит на втором месте в рейтинге, составленном на основе опросов жителей деревень. Ее читают 19 респондентов, средний возраст которых – 54 года. Далее по популярности СМИ следуют центральные издания. Их читает 15 респондентов. Средний возраст аудитории центральных газет на год больше и составляет 55 лет. В свою очередь, радио – СМИ, наименее востребованное у респондентов (13 человек), слушают те, чей средний возраст 58 лет.

При этом у аудитории местной прессы преимущественно женское лицо. Так, локальные издания читают 11 женщин и 8 мужчин. У центральных газет ситуация обратная, – ее аудитория состоит из 8 мужчин и 7 женщин. Мужская аудитория доминирует и в случае с наименее популярным СМИ – радио. Его слушают 8 мужчин и лишь 5 женщин. Говоря о гендерной составляющей исследуемого вопроса, следует добавить: всего было опрошено 43 респондента, 26 из которых – женщины, 17 человек – мужчины. Средний возраст респондентов – 54 года.

[2] Вся правда – в телевизоре? [Электронный источник] Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112941 (Дата обращения: 11.08.2012)

Таким образом, аудитория телевидения – все 43 жителя – респонденты, участвующие в нашем исследовании (100%). Местные газеты выписывают 44% респондентов, преимущественно женщины. Средний возраст читателей – 54 года. Центральные издания читают 35% опрошенных. Их подписчики – преимущественно мужчины. Средний же возраст аудитории – 55 лет. 30% респондентов слушают радио. И это, как правило, тоже мужчины. Средний возраст аудитории радио – 58 лет.

«Конструированная реальность» жителей северного села

Место своего села в конструированной социальной реальности

Социальное конструирование реальности – один из ключевых вопросов социологической мысли, которому посвящено значительное количество работ и концепций, обзор которых – предмет совсем другой статьи. Исследование медиапотребления жителей российской глубинки затрагивает один из вопросов конструирования реальности – формирование представления о месте своего села внутри региона, страны, мира в целом. Большинство респондентов смотрят федеральные общероссийские телеканалы, контент которых содержит информацию о событиях в России и за рубежом.

В связи с этим интересна концепция медиаэколога Джошуа Мейровица. Его ключевая работа «Отсутствие местоощущения: влияние электронных медиа на человеческое поведение», 1985 («No sense of place: the impact of electronic media on social behavior») базируется на идеях Маклюэна и драматургическом подходе Ирвинга Гоффмана, а в более поздних работах (например, «The rise of glocality: no sense of place and identity in the global village», 2004). Концепция, представленная в ней, была дополнена теорией символического интеракционизма Джорджа Мида и Чарльза Кули.

Основная мысль, которая присутствует в работах Мейровица, состоит в том, что электронные медиа снимают барьеры между социальными группами (гендерными, возрастными и т.д.), в том числе благодаря тому, что позволяют одним людям видеть жизнь других в таком виде, в котором раньше они это видеть не могли. Это влияет и на поведение, т.к. люди начинают вести себя в повседневной жизни с учетом того, что видят по телевизору, – и повторяя демонстрируемые модели, и держа в голове образ тех, для кого они могли бы «играть спектакль» (Meyrowitz, 1985). Его теория была раскритикована эмпирико-функционалистами, которые восприняли ее в качестве «теории пули» (Kubey, 1992), однако умеренное

применение идей, предложенных Мейровицем, не претендующее на объяснение всего, может быть полезно при изучении регионального медиапотребления.

Именно Мейровиц поднимает вопрос о трансформации, связанной с локальными сообществами, и использует термин «глокализации» (который изначально возник как описание процессов адаптации глобальной культуры к локальной и получения в результате гибрида (Кирьянова, 2007)).

Говоря о «глокализации», Мейровиц экстраполирует концепцию «обобщенного другого», предложенную символическим интеракционизмом, на пространство и получает «обобщенное где угодно» («generalized elsewhere»), которое, несмотря на то, что человеческий опыт локален, какими бы изощренными технологии ни были, трансформирует человеческое поведение (Meyrowitz, 2004). «“Обобщенное где угодно” работает в качестве зеркала, с помощью которого мы можем смотреть и судить наши локусы. Мы теперь более склонны рассматривать наше место проживания не как сообщество, а как одно из сообществ, в котором мы могли бы жить. Мы менее склонны рассматривать наше место проживания как центр Вселенной. Мы менее склонны рассматривать наше физическое окружение как источник нашего опыта»[3].

Наше исследование показывает в этой связи, что респонденты находятся в переходном состоянии. Они, с одной стороны, все меньше воспринимают свое место проживания как центр Вселенной, однако образа «обобщенного другого» места, представляющего образец для подражания, у них пока нет.

Это обусловлено, во-первых, тем, что большинство жителей деревни оценивают свое место проживания достаточно негативно. С точки зрения подавляющего большинства, деревня приходит в упадок, перспектив в ней нет.

«Деревня – вон она, вся разваливается. Не знаю, какой ... вот я строюсь?»

«У нас же, видите, что сделали здесь, развалили!»

При этом стоит отметить, что респонденты не воспринимают свою деревню как исключение. С точки зрения большинства, про-

[3] Там же: «The generalized elsewhere serves as a mirror in which to view and judge our localities. We are now more likely to understand our place, not just as the community, but as one of many possible communities in which we could live. We are less likely to see our locality as the center of the universe. We are less likely to see our physical surroundings as the source of all of our experiences».

блемы, существующие в их деревне, существуют и в остальных деревнях России.

«Деревню постепенно забывают, забывают. Ее как бы даже задавили, задушили».

«Ну и про деревню бывает. Бывает... Много говорят и про деревню. <...> Я думаю, правду. Если они рушатся, деревни, то и на самом деле».

«Поля зарастают, люди умирают, молодежь не идет».

Только один респондент говорит о том, что есть деревни, где все не так плохо.

«Сельский час» начинается в 7 утра, и пока туда-сюда, он до 8 часов, вот я еще его смотрю... <...> Там о деревне, «Сельский час», он все о деревне, о разных деревнях, о том, где все хорошо так, продвинуто, где фирмы работают, где техника новая, все новое. Интересно посмотреть. Не как у нас, что скоро придем к тому, от чего пришли».

Некоторые респонденты думают о переезде, однако он далеко не всегда реален в сложившейся ситуации.

«Все равно город – там получше как-то... Дом бы купить, уехать бы в Мантурово. Средств нету».

«Да я бы вообще, наверное, в своем будущем уехала бы куда-нибудь далеко-далеко отсюдова подальше». – «А вы что-то делаете для этого?» – «Пыталась, все делала, работала, вкалывала, а тут молодой человек, оказалось, много употребляет, развелись, осталась с двумя детьми, теперь ничего не сделаешь, сижу дома теперь, все».

Если личный переезд в другое место жительства в восприятии респондентов имеет некий неопределенный образ, то вполне конкретные очертания для родителей имеет переезд в город детей. Многие родители несовершеннолетних детей стремятся отправить ребенка в будущем в город.

– Хотели бы, чтобы сын здесь остался, или все-таки, чтоб уехал в город?

– «Да неохота, чтоб здесь остался, потому что здесь никакого будущего. Конечно, дай Бог, выучиться и поступить, и он неплохо учится, но все-таки. Поэтому хочется, чтоб не остался в деревне».

«*Мальчик вот учился, очень хорошо учился, почти на одни пятерки, и стремления у него были, решили, чего гробить его в этой школе, она тем более восьмилетка, давай его в ту школу, с пятого класса мы его в ту школу, а эта [внучка] сразу туда пошла*» [О сыне, который уехал в город и поступил в институт].

Респонденты не воспринимают город как нечто абсолютно противопоставленное деревне. Конфликт «город – деревня», который был долгое время традиционен для индустриального общества, сейчас сглаживается за счет увеличения мобильности населения и усиления коммуникаций между жителями деревень и городов. При этом в этой коммуникации участвуют разные каналы, способствующие конструированию разных реальностей. Телевидение больше способствует отторжению и конструированию противоположного себе образа городских жителей.

«*Хоть этих и артистов там показывают, и видные люди, но, значит, так им... так они хорошо устроились. Мы так живем, что делать, мы бедные*».

«*Сейчас все зажиточные, все хапают, всем больше надо, за деньги убивают...Как будто бы эти деньги...Не знаю, сколько их надо...Накласть эти сумки да чемоданы...Куда их, ну куда? Концы с концами сводишь, и хватает. А то машину купят, дачу купят, еще одну машину купят. Деньги некуда <девать>...И вот все показывают «ой, как хорошо мы живем». А раньше такого ведь не было. Теперь все в деньгах, все на деньгах помешаны*».

Устная коммуникация и коммуникация в новых медиа с родственниками, друзьями и знакомыми, наоборот, конструирует более близкий и заслуживающий сочувствия образ города.

Нижеследующая цитата демонстрирует соединение в сознании людей двух образов: образа, конструируемого из телевидения, и образа, который респонденты получают из общения с другими людьми.

– *Как живут в городе?*

– [*смеется*] «*Ну, в городе все богатые, ничего не делают, сидят у окошка, а мы тут горбатимся с утра до вечера, от зари до темна*».

– «*В городе тоже работать надо, кто-то хорошо живет, а кто-то на двух работах крутится из конца в конец и по 4 часа в дороге, особенно в крупных городах*».

Хотя, безусловно, респонденты считают жизнь в городе более комфортной, чем в деревне, а городских жителей теми, кто никогда не поймет трудности деревенской жизни, если сам на себе не испытал.

«Это хорошо жить в городе в квартире, пришел там, ну ладно, для мужика там, розетка сломалась, а тут, епрст, заборы падают, там не окошено, там скотина вон валяется не кормлена».

«Вон тогда родственники из Москвы приехали, говорят, посадить картошку, вырастить и продать. Или баранчиков развести. Я говорю: «А вы знаете, сколько работы около этой картошки, этих баранчиков, вы не представляете! Вы думаете, что это легко? А чтобы вырастить, это сколько трудов надо!».

«Вот у нас корреспондентка ездила знакомая, «Российской газеты», она приезжала, посмотрела, говорит: «Как вы живете? Вы с такими зарплатами, а цены на продукты, что у нас в Москве». Цены такие же, мы получаем 5–6 тысяч, они получают по 100 тысяч. Вот так и живем».

Есть еще один образ в конструированной реальности сельских жителей. Это образ «чужого», который традиционно конструировался на основании представителя другой национальности. Остается вопросом, конструируется этот образ благодаря телевидению или благодаря общению с друзьями и знакомыми, переехавшими в город и оказавшимися в одной социальной нише с мигрантами из южных республик.

«Да ниче! В центре России живем, газу до сих пор нету... Всем черным провели, на Кавказе и везде, а у нас нету! Никак, ..., ... знает, где живем!»

«Вот кавказцы, они увидят друг друга и будут помогать. А у русского человека – это очень большой недостаток, что сами по себе».

Несмотря на влияние людей из других мест, сами сельские жители практически не участвуют в мобильности. Это к ним приезжают гости, сами же они, если выбираются за пределы сельского поселения, то в связи с конкретными бытовыми потребностями.

В дискурсе респондентов «заграница» – пределы области.

«Для нас заграница – Макарьевская область» (*смеется*).

– А сами за границей не бывали?

– (*смеется*) *«Только если не считать Макарьевский район».*

– А хотелось бы побывать <за границей>?
– «Да в принципе нет, чего там смотреть, у нас здесь лучше...».

Поэтому зачастую респонденты конструируют образ других мест из рассказов своего окружения. При этом телеконтент, связанный с путешествиями и другими странами, как показал анализ интервью, большой популярностью не пользуется.

«Ну вот попутешествовать я бы попутешествовала, я бы в Египет съездила... вот в Египте охота побывать <...> в Мантурово езжу в гости к подруге, она вот в Египет ездит, ей очень там нравится. Он каждый год туда ездит и ей очень нравится там. <...> а еще... ну вот в Турцию она летала, в Турции, говорит, тоже хорошо, но так. В Анапу она ездила, тоже, говорит, можешь съездить – и недорого, и все. В Сочи тоже, говорит, наш город, можно съездить. В Краснодаре вот она тоже была, тоже нравится. Да много городов, где вот охота побывать».

Если же говорить об образе России в целом, то четкого образа не складывается. Прежде всего, это связано с тем, что большинство респондентов не видят какого-либо определенного будущего для страны. Многие представители старшего поколения говорят о своем нежелании даже думать об этом, так как это уже не их дело.

– А как вам видится будущее России?
– (вздыхает) «Не знаю, сложное, конечно, будущее».
«...Мы прожили, до пенсии дай Бог доживу. А вот вы как будете жить? Везде безработица, везде бомжи...»
«Живем в каком-то страхе, не знаем, что завтра будет».

– Каким вам представляется будущее России и ваше собственное?
– «Надеемся на хорошее. Но вот сильных изменений, мне кажется, не будет. Наш народ настолько ленивый и несобранный. Надо быть сплоченным, чтобы что-то изменить».

Однако при практически полном непонимании того, что происходит и будет происходить со страной, респонденты воспринимают ее как единое целое, когда речь идет о ее взаимоотношениях с другими государствами. Вполне традиционно респонденты говорят о России в этом контексте «мы».

«“Время” так я тоже часто включаю, интересно посмотреть, что страна делает, куда чего, с кем дружит, с кем договор какой заключат. Ну, дружбу, мир и все такое. Жить же ж надо. С Индией мне теперь нравится, мы теперь в хороших отношениях, они танки у нас закупают, с Тагила, да, с Нижнего Тагила, там какие-то новые Т-90 или что-то в этом роде, с какими-то локаторами. Живем хорошо с Индией, мы еще наверно при Брежневе жили с ней хорошо, тогда Индира Ганди была, теперь ее наследники, родственники... Мне нравится... С Индией... И Афганистан теперь вроде не особо на нас косится... Может быть, раньше чего-то и было, а теперь...».

Таким образом, мы наблюдаем трансформацию конструирования реальности жителей сельской местности. Свое место проживания, свое локальное сообщество уже не воспринимается жителями как центр жизни, однако другие локальные сообщества также не выступают для сельских жителей примером для подражания. Либо они недостижимы, либо переживают такие же трудные времена, как и их малая Родина.

Жизненные ценности жителей северного села в интерпретируемой реальности медиа

Если посмотреть на вопрос конструирования реальности с искусствоведческих и культурологических позиций, то в первую очередь следует сказать, что разные виды искусства в разные эпохи могли с большей или меньшей степенью сходства имитировать реальность, но не более того. При этом условность в искусстве ценилась не менее высоко, чем жизнеподобие. Коренным образом ситуация изменилась на рубеже XIX–XX вв., когда технические средства фиксации реальности (фотография, граммофонная запись, радио и кино) создали у человечества иллюзию того, что оно может подчинить себе пространство и время.

В.И. Михалкович, исследуя феномен телевидения, отмечает, что историческое значение телевидения в том, что «оно преобразило взаимоотношения человека с реальностью» (Михалкович, 1996). Точнее было бы сказать, что научно-техническая революция преобразила отношения человека с реальностью, а проникновение телевидения в каждый дом, т.е. в повседневную жизнь людей, стало значимым этапом в этом процессе. Сила воздействия телевизионного сообщения на зрителя обусловлена тем, что оно, как никакое другое СМИ, создает иллюзию видения своими глазами, тогда как

на самом деле телевизионное сообщение по пути от источника к получателю проходит серию трансформационных стадий.

Дж. Фиске полагает, что «телевидение не представляет (или повторно представляет) фрагмент реальности, а скорее производит или конструирует его. Реальность не существует в объективности эмпиризма, реальность является продуктом дискурса. Телевизионная камера или микрофон не фиксируют реальность, а кодируют ее. Кодирование придает реальности смысл, который является идеологическим. Представляемое является идеологией, а не реальностью»[4]. Далее исследователь выделяет несколько уровней кодирования информации: первый уровень – уровень реальности (показываемое событие уже закодировано социальными кодами: в обстановке, внешности, поведении, речи, макияже, одежде, жестах героев); второй – уровень репрезентации (закодированная социальными кодами реальность дальше кодируется техническими телевизионными кодами, которые включают свет, движение камеры, монтаж, музыку, звук, подбор актеров, диалог); третий – уровень идеологии (идеологические коды содержатся в самом драматическом конфликте – это те или иные национальные, классовые, гендерные отношения, консюмеризм, индивидуализм, активная жизненная позиция) (Fiske, 2006).

В данном исследовании мы будем придерживаться того понимания «конструированной реальности», которое предлагает Фиске. Однако особое внимание при этом будем уделять третьему уровню кодирования – идеологическому. С данной точки зрения мы рассмотрим контент нишевых телеканалов, которые респонденты упоминают в анкете. Что касается контента федеральных телеканалов, которые респонденты смотрят чаще всего, то нас будет интересовать не процесс конструирования телевизионной реальности его создателями, а результаты декодирования, который осуществили телезрители, осмысляя увиденное ими по телевизору. Интерпретируя идеологические коды, полученные с телевизионных экранов, зрители достраивают свою картину мира, тем самым они компенсируют недостаток информации, связанный с удаленностью от центра и невозможностью расширить личный опыт познания реальности с помощью обучения и путешествий.

При этом телевидение не столько дает целостное представление о реальности, сколько задает систему ценностных ориентаций, находящую свое воплощение в поведении разного рода экранных

[4] *Фиске Дж.* Постмодернизм и телевидение // Федеральный образовательный портал Экономика, Социология, Менеджмент. Режим доступа: http://ecsocman.edu.ru/db/sect/124/2951.html.

персонажей, в оценках экспертов и т.п. Являются эти персонажи реальными людьми или результатом работы актера, запечатлены ли на пленке конфликты, происходящие в действительности, или люди на экране разыгрывают сцены, написанные в сценарии, они всегда типизируют сложившуюся систему общественных отношений, предлагая зрителю либо эталоны, требующие подражания, либо ситуации, подвергаемые общественному осуждению.

Эта эталонность (или антиэталонность) обусловлена особой природой экрана, берущего «в рамочку» тот или иной факт или явление, – его назидательностью (наставительностью, нравоучительностью).

Как показало наше исследование, респонденты, проживающие в северном селе, не будучи осведомленными о технологии конструирования реальности средствами телевидения, активно воспринимают типизированную систему общественных отношений, предлагаемую телеканалами, и оценивают ее с точки зрения ценностей и норм поведения, обусловленных специфическим сельским культурным опытом, отторгая многие эталоны.

Большая сплоченность сельских жителей, сохранившиеся связи старшего и младшего поколения, а также особенности деревенского бытового уклада приводят к однотипности оценок респондентами разного возраста, образования и уровня достатка телевизионных передач.

В ходе глубинных интервью мы просили респондентов сформулировать свое отношение к телевизионным программам разных жанров. Безусловным лидером симпатий всех опрошенных оказались советские кинофильмы. Их любят все.

«*Старое кино люблю, в нем жизненно все*». (38 лет)

«*Чего раньше навыпускали интересного, вот то и смотрим*». (86 лет)

Что же привлекает респондентов в старом советском кино? Основных преимуществ, о которых упоминают люди, два.

Во-первых, советские фильмы чаще рассказывают о сельской жизни и респондентам легче идентифицировать себя с героями и узнавать жизненные реалии. Ни современные фильмы, ни иные современные телепрограммы о жизни деревенских жителей об их проблемах не рассказывают:

«*Как люди раньше жили, как лес пилили – интересно посмотреть*». (39 лет)

«*Там показывали жизнь деревенского человека, как он живет, как в люди выбивались*». (36 лет)

«*Все современные каналы не рассчитаны на деревенского жителя вообще*». (60 лет)

«*А кто говорит про русскую деревню? Про русскую деревню никто не говорит, это раньше говорили. Про колхозы, там... надоили столько-то, собрали столько-то... А сейчас вы включите, разве по телевизору что-то есть? Сейчас ничего нету*». (55 лет)

Во-вторых, советские фильмы показывают положительные черты характера людей, что создает у зрителей позитивное настроение:

«*Старые советские фильмы люблю, когда там колхозники в полях показаны, смотришь, душа радуется. Люди радуются своим достижениям, делают все так, как в советское время. И у них душа радуется, и ты посмотришь, радуешься*». (39 лет)

«*То ли дело вот раньше посмотришь... «Москва слезам не верит», еще там какие-нибудь, очень хорошие фильмы были. Смотришь, и любо смотреть. Не один раз посмотришь. А теперь только стреляют да убивают*». (59 лет)

Таким образом, систематический просмотр советских фильмов стимулирует у зрителей чувство недовольства реальностью. Идентифицируя себя с героями прошлого, респонденты увеличивают дистанцию между собой и современными телевизионными персонажами, большая часть которых проживает в больших городах. Да и сама жизнь в городах воспринимается ими в большой степени как опасная, чужая.

Еще одним важным аргументом в пользу советских фильмов оказывается для наших респондентов то, что они лучше современных фильмов отражают «русскую специфику» и способствуют сохранению традиций. И то и другое многие интервьюируемые отмечали как чрезвычайно важное.

«*Мы русские люди, нам надо все русское*». (38 лет)

«*Мы свои-то традиции до конца не знаем, нам еще чужих проблем не хватало*». (36 лет)

«*Советские фильмы смотрим. Люди не хотят забыть историю*». (37 лет)

Современные же отечественные и западные фильмы, драматургия которых опирается на ценности, оцениваемые как чуждые, оцениваются как бессмысленные и неинтересные:

«*Иногда кино посмотришь, и смысла никакого нет*». (60 лет)

«*А сейчас какие фильмы... Везде стрельба, убийства, и смотреть неохота*» (80 лет)

«*Иностранные не так нравятся. Не такие простые. Наши проще*».(57 лет)

«*Я вообще их юмора не понимаю*». (39 лет)

Исключение составляют индийские фильмы: как и советские, они транслируют ценности, близкие сельскому зрителю.

«*Я люблю индийские фильмы, сентиментальные. Но, конечно, уже не современные, которые идут на фундаменте боевиков. Мне они не очень нравятся*». (36 лет)

Подробнее о привлекательном для респондентов образе реальности, предлагаемом индийским кино, мы поговорим в следующем разделе. Раздражение же вызывает у них жестокость, сексуальная свобода и культ богатства, характерные для современного телевизионного контента.

«*Меня вот только фильмы раздражают, где все время стреляют, все время убивают. Я говорю – и молодежь-то теперь на это настраивают, ну что это такое? Путного фильма, что ли, теперь не снять? Только все боевики вот эти?*» (59 лет)

«*Мне очень не нравится, когда показывают жестокость. Приоритетом пользуется жестокость*». (56 лет)

«*Все темы в телевизоре – где кого убили, где кого грохнули. Все, больше смотреть нечего*». (39 лет)

«*Конечно, все про секс идет, все в открытую показывают, разве это можно! Все убийства эти, наркотики, все показывают. Чего дети наслушаются, насмотрятся!*» (57 лет)

«*Раздражает, когда про жизнь артистов показывают, а мы – бедные*». (50 лет).

«*По-моему, много какой-то распущенности и вульгарности, которая была непозволительна*». (61 год)

Фильмы и сериалы, очевидно, являются наиболее потребляемыми телевизионными продуктами. О них респонденты охотнее всего рассказывают, их содержание помнят лучше всего и готовы обсуждать. По поводу других жанров и форматов потребляемого телевизионного контента респонденты высказывались без особого воодушевления.

Однако и здесь очевидны некоторые тенденции, повторяющиеся вне зависимости от возраста респондентов. Телевизионным новостям респонденты не верят, т.к. не находят в них отражения своей повседневной жизни.

«*Раздражают все эти новости. Хвастунишки там*». (61 год)

«*Все и везде – обман! Говорили бы правду, а не врали!*» (83 года)

«*Я новости редко смотрю! Включу телевизор, и уже надоела там болтовня ихняя вся*». (55 лет)

«*Показывают, в основном, все негативное. Как будто специально туда сливают*». (39 лет)

«*Да не знаешь, кому верить! Какой программе верить*». (37 лет)

«*Я не верю телевизионным новостям, потому что в Интернете одни новости, по телевизору показывают другие. Муж это у меня иногда смотрит <в интернете>*» (37 лет)

Более всего в телевизионных новостях сельских телезрителей интересует прогноз погоды.

«*Смотрим, в основном, какая погода вот сменится*». (25 лет)

«*Новости смотрю, там после каждого выпуска передают погоду, а мы все на небо глядим, потому что скоро сенокос начнется, надо косить*». (61 год)

Если новостям не верят, они раздражают, но их все-таки смотрят, то публицистические программы опрошенные респонденты не смотрят вовсе. Зрители не интересуются ни политическими, ни общественными проблемами, которые там обсуждают. Они кажутся далекими от повседневных нужд сельских жителей. Телевизионные дискуссии представляются непонятными, затянутыми, бессмысленными. Необходимость анализировать различные позиции, сопоставляя аргументы, не привлекает.

«*Не знаю, кому верить. Одни прославляют, другие грязью поливают*». (82 года)

«*На фиг надо, чего нам еще куда-то вникать. Лишь бы нам было хорошо, лишь бы нас, как говорится, не прижимали. Ни налогами, ничем, лишь бы нас не прижимали. Мы как-нибудь выкрутимся, проживем*». (39 лет)

«*Смотрю, но они мне не нравятся, не вижу смысла. Вот взяли бы маленькую проблему пообсуждали, решили, да и сказали бы, что мы ее действительно решили. А так сидят 40 минут, тыркают, мнения*

свои высказывают. Чего лучше куда, но в итоге результата никакого». (36 лет)

Несмотря на то что респонденты смотрят телевизор преимущественно для развлечения, игровые программы и телевизионные шоу гораздо менее любимы респондентами, чем фильмы и сериалы. Интересно отметить, что современные форматные развлекательные проекты привлекают сельских жителей гораздо меньше, чем традиционный жанр телевизионной эстрады – концерты.

«*Вот по “Шансону” смотрю концерты. Если время есть, так я люблю смотреть концерты. Субботний вечер смотрела все по второму каналу*».(59 лет)

«*“Аншлаг” раньше был, сейчас нету, “Юрмала”. Вот в субботу идет передача, как она называется... Посмотреть концерты – там тоже никого не осталось, кто мог бы петь*». (55 лет)

Учитывая, что федеральные каналы сельские зрители смотрят во многом по привычке, особенно интересно попытаться понять, что привлекает зрителей в контенте немногих популярных нишевых телеканалов.

Особенности контента многоканального телевещания

Общие характеристики контент-базы

В данном разделе стояла предварительная задача оценить контент многоканального телевидения, который оказывается доступным и пользуется спросом у тех людей, которые раньше были лишены доступа к нему, имея возможность смотреть только передачи федеральных телеканалов первой тройки («Первый», «Россия», НТВ).

Для решения задачи были взяты полученные в ходе опроса пользователей спутникового ТВ в сельской местности данные по наиболее популярным у сельских жителей телеканалам, не относящимся к федеральным.

Для анализа использовались программы передач трех отобранных телеканалов, взятые из открытых источников. Период анализа – 1 неделя (с 3 по 10 декабря 2012 г.). В рамках анализа каждая из передач программы за неделю была отнесена экспертами к одной из 8 групп первого уровня классификатора, используемого компа-

нией TNS Россия в рамках проекта измерений аудитории и мониторинга телевизионного контента «ТВ Индекс»: развлекательные, познавательные/гуманитарные программы, новости, социально-политические программы, спортивные программы и т.д. Далее был осуществлен подсчет недельного суммарного хронометража передач каждой группы.

Анализ сеток нишевых телеканалов

Среди нишевых телеканалов чаще всего респонденты называют три: «Охота и рыбалка», «Телепутешествия» и «Индия ТВ». Мы решили проанализировать их контент, чтобы попытаться определить, каких ценности и эмоции предлагают эти каналы зрителям, что заставляет не склонную к разнообразию медиапотребления сельскую аудиторию остановить своей выбор именно на этих каналах.

Наиболее популярен среди опрошенных нами зрителей телеканал «Охота и рыбалка» (Телекомпания «СТРИМ». Режим доступа: http://www.tv-stream.ru/page/o-kompanii). Его упоминали в интервью почти все респонденты-мужчины. Очевидно, что интерес к этому каналу не в последнюю очередь обусловлен спецификой региона – вокруг леса, многие мужчины работают лесниками, почти все увлекаются охотой и рыбалкой.

Если оценивать контент телеканала по общепринятой шкале, разделяющей программы на социально-политические, новости, познавательно-гуманитарные, развлекательные, спортивные программы, кинопоказ и не попадающие в эти разделы «другое», – канал «Охота и рыбалка» выглядит как монолитный познавательно-гуманитарный канал (рис. 5.3).

Можно было бы предположить, что респондентам не хватает на федеральных каналах именно познавательно-гуманитарных программ. Однако это не так. Просвещение на канале «Охота и рыбалка» имеет узкопрофильный характер.

Рис. 5.3. Контент телеканала «Охота и рыбалка»

Ориентируясь на информацию о 33 программах, размещенную на официальном сайте канала, мы попытались

проанализировать и типологизировать программы этого канала. В ходе анализа нами было выявлено два типа программ: с познавательно-гуманитарной доминантой и с рекламно-справочной доминантой.

К первому типу относятся, во-первых, очерки о различных регионах страны и мира. Однако и в них сохраняется сильный справочный компонент, сообщающий, какую рыбу можно поймать или на какого зверя поохотиться в данном регионе. Эти программы энциклопедические по форме и имеют много общего с тревел-программами. Таких передач (из тех 33 программ, о которых размещена информация на сайте) было выявлено 14. (Например, «Особенности национальной охоты», «Ни пуха, ни пера», «В погоне за крупной рыбой с Ларри Далбергом» и др.) Во-вторых, познавательно-гуманитарная доминанта присутствует в исторических передачах. Но таких передач на канале три – «Оружие охоты», «Основной инстинкт», «Великие ружья».

Остальные передачи обладают ярко выраженным рекламно-справочным характером. Во-первых, это передачи инструкционного характера. Спектр инструкций очень разный – от кулинарных рецептов до выбора рыболовных снастей, от инструкций по выживанию до тест-драйва оружия или лодок. Таких передач на канале 13 (например, «От нашего шефа» – кулинария, «Следопыт» – инструкции по выживанию в экстремальных условиях, «Мотолодки» – тест-драйв лодок).

Последний тип передач – истории из жизни охотников и рыбаков. Таких передач на канале три – «Личный опыт», «Охотничьи байки», «Гордон в засаде» (интервью с рыболовами). Истории, рассказанные в этих программах, тоже сопровождаются информацией не столько познавательного, сколько прикладного характера.

Таким образом, получается, что контент канала имеет не совсем такой характер, как кажется при взгляде на диаграмму. Он разделен на две части не только тематически (охота и рыбалка), но и функционально, рекламно-справочный компонент на канале явно доминирует, хотя и иллюстрирован познавательными историями.

Проведенный нами анализ контента канала снимает недоумение, которое могло бы возникнуть при сопоставлении социологических данных, полученных в ходе анализа сетки вещания и при изучении интервью. Ведь в них респонденты неоднократно подчеркивали, что их мало интересует то, что происходит в стране и в мире, что они не очень хотят путешествовать и с большим удовольствием останутся на родине, сходят в лес или на рыбалку.

Очевидно, что канал «Охота и рыбалка» привлекает респондентов именно рекламно-справочными программами, которые принято называть потребительскими, а вовсе не познавательными историями. Собственно, это подтверждают прямо или косвенно сами респонденты:

«*“Охота и рыбалка“ смотрим... Так как мы сами охотники... и стаж уже 40 лет*». (53 года)

«*Я только рыбалку, я охоту не больно-то, это он [отец] охотник, я – рыбак. И то не на сети, а на спиннинг, удочку. Но смотрю только, когда нормально рыба ловится, и эти... способы ловли рыбы..., а больше там ничего нету интересного*». (17 лет)

Кроме рекламно-справочного компонента респондентов привлекает и приключенческая интрига, заложенная в драматургию программы. «Сигнал» о возможности получения эмоций, характерных для приключенческого сюжета, зритель получает уже из названия канала. Охота и рыбалка как сферы деятельности уже сами по себе ассоциируются с потенциальным приключением. О приключенческом компоненте сообщают и названия передач: «Гордон в засаде», «Следопыт», «Альманах странствий». Слова «засада», «странствия», «следопыт», «открытое море», «погоня», «секреты», «великие ружья» – настраивают зрителей на ценностную систему приключенческой формулы, для которой характерна романтизация картины мира. Мир в приключенческой формуле таит в себе опасности, он трудно познаваем, неподвластен человеку. Но человек не подчиняется этому миру. Герой приключения вступает в бой с обстоятельствами и побеждает благодаря личным качествам (как свойствам характера, так и владению навыками сопротивления и выживания – владению оружием, знанию законов природы и т.д.). Героя приключения не привлекает власть как управление обществом, ему важна власть над природой человека и природой вокруг человека.

Большинство передач уже в названии акцентирует внимание зрителей на том, что у предлагаемого приключения есть герой – часто это ведущий программы, имя которого вынесено в название: Александр Гордон, Ларри Далберг, Бильбон Винкельман, Гай Харли, Сергей Ястржембский и другие, которые позиционируются как собеседники, с которыми можно и нужно вступить в диалог. Причем диалог этот может вестись неформально, что также отражают лексика и смысловая игра, заложенная в названиях («Ни пуха, ни пера», «Клевое место», «Охотничьи байки»).

Но еще важнее образов ведущих программ нам представляется собирательный образ охотника и рыбака, который формируется всей совокупностью программ. Для нас в этом образе важно несколько моментов. В первую очередь бросается в глаза то, что образ охотника и рыбака подчеркнуто архетипичен, он мало зависит от времени и страны. Охотники и рыболовы космополитичны и патриотичны одновременно. Они не знают границ (это тоже отражено в названиях «Охота без границ», «Планета рыбака»), но ценят уникальность российских природных богатств («Особенности национальной охоты», «Особенности охоты на Руси», «По рекам России»).

В передачах уделяется внимание прослеживанию сходства, во всех странах и во все века, людей, объединенных страстью к охоте и рыболовству, которая для них является основным инстинктом (название одной из передач так и называется – «Основной инстинкт»). Инстинкту охотника не мешает увлеченность технологической стороной процесса. Поэтому в названиях передач наряду со специфической приключенческой лексикой используется лексика специальная: амуниция, снасти, дичеразведение, благоустройство, охотминимум.

Почему мы предполагаем, что приключенческий характер многих программ все-таки способствует привлечению аудитории к каналу, воздействует на формирование ценностного ряда и оказывает влияние на формирование картины мира? Ведь респонденты вполне однозначно артикулируют, что не хотят путешествовать, не интересуются жизнью в других странах.

На наш взгляд, когда респонденты говорят об отсутствии интереса к тому, что происходит за границей, они имеют в виду политику и социальные проблемы, специфические особенности менталитета людей, воспринимаемых как «чужие». Такое отношение к обществу вполне свойственно романтической системе ценностей, которые, в частности, оказали влияние на ценности приключенческой литературы, а затем и кино. Но это не имеет отношения к природе других уголков мира, к жизни простых людей, в частности сельских жителей, которые живут естественной жизнью, хорошо знакомой респондентам. Ведь охотники и рыбаки как романтические герои приключения космополитичны и относятся к земле как общему дому, не имеющему границ.

Это предположение подтверждает то, что респонденты среди любимых каналов называют канал «Телепутешествия» (ЗАО «Первый ТВЧ»). Все его программы – познавательно-гуманитарные.

Само название канала обещает зрителям путешествия, которые не могут обойтись без приключений.

По информации с официального сайта канала (режим доступа: http://teletravel.tv/o-kanale), большая часть его программ не собственного производства. Это отечественные и зарубежные программы о путешествиях, объединенные не столько общей стилистикой, сколько темой. По форме это преимущественно циклы очерков и документальные фильмы («Путешествуйте с нами» (Австралия), «Пустыни мира» (Германия), «Вселенная» (США), «Островитяне» (Франция), «Реки нашего времени» (Сингапур), «В мире дикой природы» (Великобритания)), рассказывающие об экспедициях в разные уголки планеты.

Анализируя немногочисленные программы собственного производства канала «Телепутешествия», надо отметить, что почти все они посвящены рассказам о российских достопримечательностях: городах и природных зонах («Телепутеводитель»), народностях (программа «Национальный хоровод»), российских путешественниках («Путешествуем вместе»). В программах активно используется любительское видео («Я там был!», «Путешествуем вместе» и др.).

Однако никто из наших респондентов не ответил положительно на вопрос о том, хотели бы они сами принять участие в создании какой-либо телепрограммы, в частности подобной. Путешествия не являются хобби никого из опрошенных нами жителей села. Большинство из них мало куда выезжали из дома. (Исключение – служба в армии и учеба.) Даже отдых на море для большей части респондентов недоступен по материальным или организационным причинам (не на кого оставить хозяйство). Причина интереса к программам о путешествиях – любопытство.

«*Телепутешествия... нравятся... приятно посмотреть... какие страны где, хотя я нигде не был*». (61 год)

В программах о путешествиях зрителей привлекают преимущественно рассказы о какой-либо экзотике: странных обычаях, аномалиях, необычных явлениях природы и т.д. Да и эти аттракционы привлекают преимущественно старшее поколение. Люди среднего возраста и подростки упоминают этот канал как предпочтительный для просмотра редко.

Зато и старшее поколение, и молодежь объединяет интерес к каналу «Индия-ТВ» (Объединение РЕД МЕДИА) (рис. 5.4). Большая часть его контента (93%) – это кинопрограммы, т.е. фильмы индийского производства.

Рис. 5.4. Структура канала «Индия-ТВ»

Программ собственного производства, по данным официального сайта телеканала (режим доступа: http://indiatv.ru/category/ownprograms/), только четыре.

Это развлекательная программа «Биографии кумиров», познавательно-гуманитарные программы «Секреты индийской кухни» и «Индийское счастье» (о жизни индийцев, временно или постоянно проживающих в России) и еженедельная информационная программа «Неделя в Болливуде» (о событиях в киноиндустрии Индии).

Но не рассказы о новостях Болливуда и не познавательные «Путешествия по Индии» привлекают респондентов. Они смотрят индийское кино. Мотивации представителей разных поколений, объясняющих свой интерес к каналу «Индия-ТВ», разные. Старшему поколению индийское кино напоминают о молодости:

«*Вот когда я был молодой... вот у нас широкоэкранное кино казали. Вон там клуб был, ох, индийское кино! Всей деревней идем посмотреть: музыка, люди, одето все, богатство, красота, все на машинах, все приятно. А так... сейчас-то не особо, конечно... как все поют, поют, поют... Индийское все ж с песнями связано, о любви, жизни*». (61 год)

Молодых людей привлекают в болливудских фильмах не песни и рассказы о любви и жизни, а хорошо поставленные драки.

«*Индия-ТВ с фильмами индийскими нравится... они там тоже подерутся – хорошее дело, а фантастика – куда на фиг. Включишь, посмотришь. Никто не дерется – так и выключаешь, переключаешь*». (17 лет)

При этом уточним, что другие фильмы иностранного производства наши респонденты не любят и не смотрят. Можно предположить, что интерес к фильмам индийского производства связан с тем, что фильмы, произведенные на студиях Болливуда, ориентируются на вкусы и предпочтения индейцев, которые в массе своей,

как и сельские жители в России, живут бедно, часто на грани нищеты. Достаточно часто главным героем этих фильмов становится простой человек, который противостоит злу и несправедливости, побеждая их силой своего духа.

Названия фильмов помогают зрителям быстро определить, будет ли история соответствовать их ожиданиям. В большинстве из них доминирующая эмоция фигурирует уже в названиях: «Любовь и предательство», «Ты не одинок», «Одержимость», «Наваждение», «Преодоление», «Злой умысел», «Это любящее сердце», «Эту пару создал Бог», «Анатомия любви», «Навстречу любви» и т.д.

Простая система ценностей, изложенная в форме историй про любовь, украшенная яркими красками костюмов, хорошей музыкой и танцами, оказывается близкой сельской российской аудитории. Как и истории про охотников и рыболовов, болливудские истории тоже существуют вне времени и не знают границ государств. Они опираются на инстинкты, а не на рефлексию, уводя зрителей от социальных проблем в романтический мир иллюзий.

Заключение

Итак, сельские жители разных возрастов и уровней дохода оценивают телевидение примерно одинаково. Подавляющее большинство не верит телевидению, мало интересуется политикой, смотрит телевизор, чтобы пассивно провести свободное время. Они утверждают, что просмотр телепрограмм никак не влияет на их повседневные практики, жизненные ориентиры, ценности. Режим их дня, работы и уклад жизни не подстраивается под просмотр определенных телепрограмм.

Количество каналов, которые выбирают респонденты, весьма ограничено. Параболическая антенна поставлена ими преимущественно для того, чтобы улучшить качество сигнала. Увеличение времени просмотра отмечают практически все, но указывают на прямую зависимость объема просмотра от количества дел по хозяйству и сезонных сельскохозяйственных работ (работа в огороде, уход за скотиной). При этом старшее поколение зрителей не запоминает то, что смотрит по телевизору, а также редко обсуждает просмотренные передачи. Таким образом, информация проходит мимо, не фиксируясь на уровне сознания.

Мы предполагаем, что в сложившихся социальных условиях (при обилии социальных проблем, разобщенности населения стра-

ны, отсутствии общих ценностей и представлений о будущем) телевидение не может оказывать эффективное влияние на сознание зрителей, модернизируя его, однако оно вполне может влиять на их эмоциональное состояние, стимулируя ощущение собственной инаковости, чуждости той реальности, которую показывают на телевидении.

Занятые решением проблемы выживания, зрители оказываются малочувствительны к символической власти медиа – они сопротивляются тиражируемым образцам общества потребления.

Таким образом, можно заключить, что современное многоканальное телевещание и современные атрибуты медиапотребления существенным образом не оказывают влияния на картину мира, ценностей индивидов. Используя более широкий доступный контент, респонденты адаптируют свое медиапотребление к собственной картине мира: получают доступ к большему количеству советских фильмов, транслирующих традиционные ценности жителей села.

Реальность же больших городов, которую преимущественно конструирует телевидение, представляется жителям села ценностно чужой. Есть лишь небольшие признаки происходящих изменений – сельские жители больше не воспринимают свое место жительства как центр реальности, однако и не имеют никакого другого значимого центра. Данная ситуация не может долго продолжаться, однако пока трудно предсказать, по какому пути пойдет дальнейшая трансформация.

Литература

1. Вся правда – в телевизоре? // ВЦИОМ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112941, свободный (Дата обращения: 11.02.2013)

2. *Кирьянова Л.Г.* Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007.

3. *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос, № 5–6 (35), 2002.

4. *Михалкович В.И.* Очерки теории телевидения. М., 1996.

5. *Фиске Дж.* Постмодернизм и телевидение // Федеральный образовательный портал. Социология. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ecsocman.edu.ru/db/sect/124/2951.html, свободный (Дата обращения: 11.02.2013)

6. *Ang I.* Watching Dallas: Soap Opera and the Melodramatic Imagination. Oxon: Routledge, 1989.

7. *Carter D., Darian-Smith K., Gorman-Murray A.* Introduction: Rural Cultural Studies // Australian Humanities Review, 45, 2008.

8. *De Sola Pool I.* Technologies of Freedom. Harvard: Harvard University Press, 1983.

9. *Fiske J.* Television Culture. New York, 1987. Reprinted 2006.

10. *Flichy P.* L'innovation technique. Récents développements en sciences sociales. Vers une nouvelle théorie de l'innovation. Paris: La découverte, 2003.

11. *Hall S., Jefferson T.* Resistance Through Rituals, Youth Subcultures in Post-War Britain. London: Hutchinson, 1977.

12. *Hoggart R.* The uses of literacy: aspects of working-class life with special reference to publications and entertainment. London: Essential books, 1957.

13. *Katz E., Blumler J.G.* The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratification Research. Beverly Hills: Sage, 1974.

14. *Klapper J.T.* The effects of mass communication. New York: Free Press, 1960.

15. *Kubey R.* A Critique of No Sense of Place and the Homogenization Theory of Joshua Meyrowitz / Communication Theory 2 (3): 259–271. – 1992.

16. *Lasswell H.D.* Propaganda Technique in World War One. Cambridge: MIT Press, 1927.

17. *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. New York: Columbia University Press, 1947.

18. *Lerner D.* The passing of traditional society: modernizing the Middle East. New York: Free Press, 1958.

19. Many voices – One world. Towards a new more just and more efficient world information and communication order. Paris: UNESCO, 1980.

20. *McCombs M.* Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. New York: Polity, 2004.

21. *Meyrowitz J.* No sense of place: the impact of electronic media on social behavior. – Oxford University Press, 1985.

22. *Meyrowitz J.* The rise of glocality: no sense of place and identity in the global village, 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://21st.century.phil-inst.hu/Passagen_engl4_Meyrowitz.pdf, свободный. (Дата обращения: 11.02.2013)

23. *Nordenstreng K., Varis T.* Television traffic – a one-way street? Paris: UNESCO, 1974.

24. *Rogers E., Agarwala-Rogers R.* Communication in Organizations. New York: Free Press, 1976.

25. *Rogers E.M.* Diffusion of innovations. New York: Free Press, 1962.

26. *Schiller H.I.* Communication and cultural domination. New York: M.E. Sharpe, 1976.

27. *Schiller H.I.* Mass Communication and American Empire. Boulder, CO: Westview Press, 1969.

28. *Schramm W.* Mass Media and National Development: The Role of Information in the Developing Countries. Stanford, CA: Stanford University Press, 1964.

29. *Tarde G.* Les lois de l'imitation. Paris: Kimé éditeur, 1993.

30. *Weaver W., Shannon C.* The Mathematical Theory of Communication. Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1949.

31. *Williams R.* The long revolution. New York: Columbia University Press, 1961.

Глава 6. Взаимоотношения бизнеса и власти на местном уровне

Ситуация нынешнего взаимодействия муниципальной власти и местного бизнеса развивается по хорошо известной модели русской сказки «Лиса и журавль». Взаимные угощения перемежаются обидами и претензиями. Выстроенные отношения, кажется, вечно движутся по кругу. Но всегда сохраняется угроза, что лиса съест журавля. Чтобы разобраться в причинах обид и претензий, взглянуть под иным, непривычным ракурсом на сложившееся «муниципально-частное партнерство», мы провели специальное исследование вопроса.

Существующие сейчас отношения между институтом местной (муниципальной) власти и местным предпринимательским сообществом, по общему мнению, не являются оптимальными. По нашим же наблюдениям, которые мы ведем в муниципалитетах страны уже около 8 лет (и обследовали почти 200 муниципальных образований), сложившаяся система отношений для предпринимательского сообщества катастрофична (см.: Плюснин и др., 2009; Кордонский и др., 2011).

Повсеместно представители власти, как действующие главы поселений и районов, так и бывшие, в течение последних 15 лет сконцентрировали в своих руках все наиболее важные местные ресурсы и контролируют доступ к ним. Более того, они целиком контролируют доступ и в местное предпринимательское сообщество: без их решения и согласия невозможно организовать дело, утвердиться на местной почве, даже если предприниматель не чужой для местного общества. Вполне сложились сословные отношения в выразитель-

ных архаических формах тотальной зависимости, вызывающей аналогии с клановой и помещичьей структурой отношений (Кордонский, 2010).

Но даже и таким образом детерминированные и устанавливаемые отношения зависимости бизнеса от власти испытывают постоянные возмущения, не позволяющие им стать устойчивой системой отношений хотя бы в такой форме, поскольку возмущения вызваны во многом «неканализованной» деятельностью активной части местного общества, в первую очередь местными предпринимателями, хотя в этой активности велика и доля независимых от местной власти людей, современных отходников (Плюснин, 2012).

Разнонаправленное и по определению свободное развитие «низовой» предпринимательской активности наталкивается на охранительные интенции власти, обусловленные обычно отнюдь не задачами исполнения прямых полицейских функций, а задачами обеспечить преимущество собственному бизнесу административными средствами. Это повсеместно распространенное возмущающее воздействие на ожидаемо нормативные отношения создает существенный гандикап для всего сообщества местных предпринимателей, не входящих в «руководящий клан» (нередко он и родственный). Такое взаимодействие приходится квалифицировать как сегрегационное, обусловливающее «институциональные дефициты» на локальном уровне. Естественно, предпринимательское сообщество стремится избавиться от гандикапа и тем самым объективно выступает на стороне здоровых сил, направляющих усилия на хозяйственное (экономическое) и социальное развитие местного общества. Институт же местной власти в своей «консервирующей» роли прикрытия в глазах как предпринимательского сообщества, так и всего местного общества выступает помехой развитию «в правильном направлении».

Между тем никто не сомневается в необходимости полицейских и социально-хозяйственных функций власти. Поэтому со стороны активной части местного общества выдвигаются предложения по изменению содержания и характера взаимодействий органов местной власти с отдельными группами местного населения. На удивление, «лист претензий» почти всегда бывает короток. Но он содержателен и затрагивает базовые функции института муниципальной власти. Это заставляет говорить о серьезном – осознанном и неподспудном – стремлении активной части общества к развитию действительного местного самоуправления, которое способно заместить собой ныне существующую его видимость.

Гипотеза, методология и материалы исследования

Наши исследования основаны на эмпирических наблюдениях, осуществленных с целью определения возможностей и спектра направлений позитивного диалога между институтом муниципальной власти и различными заинтересованными группами в составе местных обществ. В качестве объекта таким образом нацеленных наблюдений выступает взаимодействие местной власти как формально независимого института публичного управления с местным обществом в лице отдельных акторов – представителей групп экономически активного населения. Поэтому предметом исследования является нарушение взаимодействия власти и активной части местного общества, выражающееся в различных формах сегрегации отдельных групп активного местного населения, прежде всего предпринимателей.

Сегрегация проявляется в создании препятствий основной деятельности, изменении условий ее осуществления, в создании непреодолимых обстоятельств. Конкретными задачами поставлены определение причин нарушения взаимодействия, выявление и исчерпывающее описание факторов, определяющих сегрегационное (дифференциальное) взаимодействие органов местной власти с активными группами в местном обществе.

Рабочая гипотеза нашего исследования предполагает, что сформированный на указанных основаниях глубокий институциональный дефицит в сфере взаимодействия власти с предпринимателями определяет перекос и всей системы управления на местном уровне, поэтому его преодоление за счет поиска механизмов результативного (и оптимального по конечному результату) взаимодействия власти с наиболее активной и самодеятельной частью местного общества позволит вывести местный уровень публичного управления на тот более высокий управленческий горизонт, который характеризуется, по общему мнению, таким важнейшим признаком, как наличие институтов гражданского общества и их включенность в систему публичного управления.

Упор необходимо делать именно на самодеятельное население, поскольку участие в деле «рентного» населения («бюджетников») никогда не обеспечит развития гражданского общества, тем более что оно заинтересовано исключительно в распределительных, раздаточных отношениях, а не отношениях партнерства и обмена. Однако в рамках настоящего исследования получены ответы только на первую часть гипотезы – выявлены специфические нарушения

и перекосы взаимодействия, получены рекомендации с одной стороны участников взаимодействия – со стороны предпринимателей. Соответственно, в работе обсуждаются только эти вопросы.

Методология исследования базируется на структурно-функциональном подходе и качественном социологическом анализе, что предполагает case study и глубинные интервью. Основные компоненты исследования – институт муниципальной власти и местное общество в разрезе его социально-профессиональной структуры – требуют при их изучении понимания сути взаимодействия, а не поиска статистических связей и коррелятивных отношений. Поэтому в основе исследования методы интервью и непосредственного наблюдения.

Основной метод исследования – фокусированное на вопросы взаимодействия с властью глубинное интервью с предпринимателями, представителями местного малого бизнеса (преимущественно с теми, что производит реальные товары и услуги, и в существенно меньшей степени – с коммерсантами). Описание содержания муниципального управления в части обеспечения услугами и исполнения административных и социальных функций применительно к разным группам населения основывается на материалах непосредственных наблюдений и экспертных интервью.

Метод непосредственного наблюдения организации и функционирования муниципальной власти в контексте поддержки и развития как активности местного населения, его самоорганизации, так и активности местного предпринимательства позволяет описать содержание взаимодействия и дать качественную оценку его результативности. Какие-то количественные данные привлекаются как второстепенные, постольку, поскольку они рассматриваются как необходимые для подтверждения зафиксированных феноменов.

Наблюдения. Основной территорией исследования служила Костромская область как один из типичных регионов Ближнего Севера. Непосредственное наблюдение предполагало обязательный выезд на территорию и наблюдение жизнедеятельности представителей местного общества. В нашем случае – это погружение как в повседневную жизнь людей, знакомство с их бизнесом, так и в административную рутину. Такая работа требует значительных временных затрат. Материалы непосредственных наблюдений составлены в обобщенном и частично формализованном виде дневников.

Для целей данной работы в период с августа по декабрь 2012 г. (в основном в сентябре и в октябре) были осуществлены исследовательские поездки в 6 северо-восточных районов Костромской

области: Макарьевский, Мантуровский, Кологривский, Пыщугский, Вохомский и Октябрьский. Центрами трех первых из них являются малые города, однако жизнедеятельность городского населения здесь ничем не отличается от сельского, характер предпринимательской деятельности во всех районах одинаков, проблемы ее – тоже, да и управленческие задачи, решаемые районной и поселенческой муниципальной властью, совершенно схожи. Потому мы рассматриваем спектр выделяемых проблем независимо от формальных селитебных признаков территории. Тем более что ни на одной из территорий в настоящее время не существует крупных градообразующих предприятий, которые были бы способны сильно деформировать экономическую активность представителей малого бизнеса.

Во всех районах местный лесной бизнес так или иначе связан с крупным предприятием по переработке древесины в г. Шарье – «Кроностаром», но его влияние местные лесозаготовители ощущают примерно в одинаковой мере. Всегда значительная по численности группа местных мелких коммерсантов, владельцев торговых точек, имеет объемы бизнеса, которые могут различаться в разы, но не на порядки: коммерсанты владеют 1–5 магазинами, почти всегда в своем районе, они привязаны к одним и тем же базам снабжения в Шарье, Мантурово, Ветлуге, Костроме, Кинешме. Крупные торговые сети еще не вошли в эти районы, и местные коммерсанты пока лишь пребывают в тревожном ожидании их прихода (пока это только компания-ритейлер «Магнит»), но еще не готовят плацдармов для отступления.

Интервью. Метод экспертных интервью с предпринимателями фокусирован на проблемах экономического развития местного общества и развитии самодеятельности местного населения как предпосылке становления гражданского общества – поскольку это один из ключевых концептов взаимодействия института публичной власти и общества. Интервью позволяет выявить конкретное содержание таких взаимодействий, описать многообразие и оценить степень однородности процессов, характер нарушений, описать механизмы взаимодействия. Экспертные интервью проведены с представителями местной власти и с предпринимателями. Интервью структурированы и фокусированы на вопросах так называемого муниципально-частного партнерства. Материалы каждого интервью, записанные на диктофон, расшифрованы. Каждое интервью представлено в одном электронном документе.

Всего в ходе работы были проведены беседы с 53 предпринимателями и представителями власти. Получены и записаны 33

интервью с предпринимателями всех шести муниципальных районов. Часть представителей власти являлись прежде предпринимателями, а часть предпринимателей были прежде выборными муниципальными руководителями (главами городских и сельских поселений и муниципальных районов). Поэтому как те, так и другие хорошо знают ситуацию и описывают ее с обеих сторон, будучи способными расставить акценты как с позиции предпринимателя, так и с позиции власти.

Опросы среди предпринимателей мы старались проводить, выбирая тех, кто занимается реальным производством или предоставлением услуг населению. Поэтому в нашей выборке только менее трети (10 интервью) получены от людей, предпринимательская деятельность которых сводится исключительно к коммерческой, несмотря на то, что реальное соотношение числа предпринимателей и коммерсантов обычно составляет в районах один к девяти. Однако большинство предпринимателей в дополнение к основной деятельности содержат магазины, поэтому они хорошо представляют ситуацию как в производственной, так и в коммерческой составляющих их деятельности. Анализ содержания интервью позволил зафиксировать основные требования и предложения предпринимательского сообщества к муниципальной власти.

Одновременно с опросом предпринимателей во всех районах проводились встречи с представителями власти – руководителями муниципальных районов, городских и сельских поселений, а также с муниципальными служащими. Всего, с учетом непродолжительных встреч, вопросы взаимодействия власти с местным бизнесом обсуждались с 3–4 представителями власти в каждом районе, причем везде встречи проводились и с главами муниципалитетов. Среди интервью восемь проведены с действующими и бывшими руководителями муниципалитетов.

Интервью проводились в форме непринужденной беседы на территории респондента, часто на производственной территории. Запись беседы, с согласия интервьюируемого, осуществлялась на диктофон. Длительность беседы составляла от 20–30 мин до 2 часов, в среднем интервью длилось 40–50 мин. Вопросник респонденту не предъявлялся, фокусировка отдельных тем осуществлялась в свободном порядке, однако перед интервьюером стояла задача обсудить все 45 тем, заданных в структуре вопросника.

Вопросник состоял из трех блоков: (1) развитие местного предпринимательства (включалось 23 частные темы); (2) развитие низовых институтов гражданского общества как основы улучшения

взаимодействия власти и общества (17 тем); (3) взаимодействие органов публичной власти с местным бизнесом (5 тем).

Список ожиданий vs лист претензий. Несовпадение представлений о целях взаимодействия у власти и бизнеса

Проведение интервью и непосредственные наблюдения в администрациях районов и поселений, в офисах предпринимателей, в магазинах и на производственных площадках позволили зафиксировать большой спектр ожиданий от взаимодействия, предложений и взаимных претензий. В результате были аккумулированы основные ожидания, требования и предложения местного предпринимательского сообщества к муниципальной власти, а власти – к этому сообществу. Мы свели их в несколько неоднородных групп.

В табл. 6.1 представлены два столбца, где зафиксированы основные предложения со стороны местной власти и со стороны предпринимателей.

Таблица 6.1

Ожидания власти и претензии бизнеса

Ожидания власти	Претензии бизнеса
Трудоустройство населения	
Социальная ответственность бизнеса	
	Административные барьеры
	Необоснованный контроль
	Бюрократизация отчетной деятельности
	Информационный голод
	Кадровый голод

Как можно видеть, власть не имеет претензий, но только ожидания. Причины этого достаточно очевидны:

«А чем власти заниматься, если у нее ничего нет? Если она идет в роли просителя к предпринимателю, то как к ней относиться? Как к нищему! У нее все из рук убрали на сегодня».

Предпринимательское сообщество, напротив, имеет скорее претензии и уже не имеет ожиданий.

«С местной властью? А мы с ними не взаимодействуем никак. Ну что? Вот им надо какие-то деньги то на школу, то на детский сад – придут, попросят. Мы им даем. Мы сами по себе. Власть сама по себе. Не видно, не слышно... Мы их не интересуем. Помощи мы от них не ждем. Никакой. Они к нам только по делу, а мы к ним никак... Малый бизнес сам по себе. Власть сама по себе. Мы не видим друг друга. А ведь у нас малый бизнес – основа экономики района».

В последние годы уже не идет речь о взаимной выгодности отношений для обеих сторон. Для этого нет оснований:

«Я так понимаю, что должны прежде быть законы. А сегодня муниципальная власть – ее корежат и так и так. Ведь недоверие к муниципальной власти не только потому, что власть такая плохая, а с теми функциями и теми возможностями, которыми она обладает. Но если предприниматель видит, что власть-то ни на что не способна, у нее нет денег, у нее нет рычагов, дак что же? Даже пусть там будет замечательный глава. Но денег-то у него нет, рычагов-то у него нет. Вот эти кидания власти то в один проект, то в другой – это же все (признак слабости)».

Мы специально представили оба списка в виде таблицы, чтобы наглядно показать тот удручающий факт, что содержание списков не совпадает.

Поясним прежде всего правую часть таблицы. Что имеется в виду под краткими формулировками пяти претензий предпринимателей?

1. Административные барьеры. Почти непреодолимые, особенно в последние годы, нормативные и административные препятствия для начала любого нового бизнеса. Ситуация радикально разнится с 1990 гг. и даже с началом 2000-х. Впрочем, в последние годы ухудшается ситуация и для уже существующего бизнеса.

2. Необоснованный административный контроль, выражающийся в многочисленных и частых комиссиях, направляемых органами государственной власти на предприятия и в торговые точки. Одновременно широко распространился прокурорский контроль. Такой контроль выступает в двух ипостасях: в виде основной формы «административной ренты» и механизма рейдерского захвата бизнеса.

3. Бюрократические процедуры учетно-отчетной деятельности, а отнюдь не какие-то иные причины, вроде непосильных налогов и «социальных поборов», становятся главным тормозом развития малого бизнеса в последние 3–4 года.

4. Информационный голод. Нехватка внешней информации разного рода и неразвитость механизмов «обмена опытом», обеспечения которого ожидают от местной власти, составляет важнейшее препятствие на пути развития уже сложившегося и вставшего на ноги бизнеса.

5. Кадровый голод, помощь в «утолении» которого предприниматели также ждут от местной власти, прежде всего в виде поддержки системы профессионального образования – юридического и экономического в первую очередь, но в последние годы также управленческого, информационно-аналитического и логистического.

При этом оказывается, что аналогичного «списка претензий» у местной власти к предпринимателям нет. Есть скорее нарекания, вроде «недостаточной социальной ответственности бизнеса», за которым проглядывает иной мотивационный импульс.

«Был такой случай, довольно известный, когда администрация обратилась к местным предпринимателям: – Помогите построить мост. В таком-то месте, через такую-то реку. А мы вам тоже, соответственно, поможем. Большинство предпринимателей не откликнулись. Но нашелся среди них тот, который поверил. Поверил, и вот он заготавливает лес (мост деревянный) на свои деньги, затем на свои деньги нанимает бригаду и строит этот мост. И ему обещали: – Ну, под это дело мы вам с делянкой поможем или деньгами расплатимся. И все. Все обманули. Он за этими деньгами ходил более полгода в администрацию. – Когда же расплотитесь? С ним так и не расплатились. В результате этот предприниматель на все плюнул, ему надоело унижаться, и он сказал: – Да чтобы я больше к вам когда-нибудь, да чего-то помог...

Даже не в том дело, что этот предприниматель, а что об этом узнали все остальные. ... Это такое потребительское отношение власти к предпринимателям: ну, мол, вы зарабатываете большие деньги, от вас не убудет, если вы нам дадите. Но время уже не то, на таких отношениях уже нельзя строить (взаимодействие)».

Есть у власти и пожелания содействия в трудоустройстве части трудоспособного населения, но за ним стоит неэффективная работа самой власти и желание переложить «неудобную ношу» на другие

плечи. Главным мотивом такого списка ожиданий власти от бизнеса видится, на основании интервью с представителями администраций, обеспечение хороших отчетных показателей перед органами региональной государственной власти.

Дело в том, что важнейшим показателем эффективности деятельности органов местного самоуправления считается удовлетворенность населения. При этом в утвержденном Президентом Российской Федерации списке из трех десятков отчетных показателей (Указ Президента Российской Федерации № 607 от 28.11.2008 г.) удовлетворенность населения стоит на последнем, тридцатом месте. Вскоре список был дополнен распоряжением Правительства Российской Федерации (Распоряжение № 1313) еще о трех десятках «дополнительных показателей эффективности». В этих двух списках по крайней мере 11 показателей – почти 20%, что очень немало! – прямо связаны с деятельностью местного бизнеса и фиксируют деятельность местной администрации по созданию условий для его развития. И если эффективность его будет низкой, муниципальный район «провалится» в отчетный период по всей совокупности показателей. Из чего последуют «соответствующие оргвыводы», неприятные для глав районов, несмотря на независимость местного самоуправления от государственной власти.

Именно на такие мотивы прямо или косвенно указывают представители местной власти, обсуждая конкретные направления взаимодействия их с местным бизнесом.

Поскольку столь же серьезных, как со стороны предпринимателей, претензий у власти нет, как нет и самих претензий, то приходится думать, что это свидетельствует о том, что страдательной стороной взаимодействий выступает бизнес. Налицо «институциональный перекос», признак неэффективности установленных отношений.

Но действительные причины кроются в отсутствии доверия и очевидной слабости местной власти:

«*Какое может быть взаимодействие? Никакого. Каждый сам за себя. У нас многие годы власть не работает с бизнесом. И отношения власти и бизнеса таковы, что бизнес не доверяет власти*».

С другой стороны, в самом списке претензий предпринимателей неявно выражена программа действий для каждого из двух акторов. Но если для предпринимателей это настоятельная необходимость и желаемое направление движения, то для местной власти на повестке дня – насильственное изменение мотивационного и

функционального наполнения сложившейся за два десятилетия конструкции.

«*Все равно в основе вот нашей экономики – недоверие к власти. Как было, так и есть... Сразу после советского времени, в период начала предпринимательской деятельности власть, как и везде, особенно в глубинке, относилась к предпринимателю как к врагу. Теперь никуда ж не денешься, теперь (не как к врагу). Но не сотрудничество*».

Изменить такое положение возможно лишь административными средствами – с более высокого уровня государственной власти. Только ориентиром для государственной власти должны быть претензии предпринимателей, а не желание местной власти сохранить «как было». И это стремление к новому образу власти с уровня «корней и травы» («почвы») совпадает с интеллектуальным представлением об идеальном местном самоуправлении. Поэтому рассмотрим чуть подробнее этот второй список – «лист претензий» предпринимателей.

Претензия 1. Административные барьеры для нового бизнеса

Несмотря на уже более чем двадцатилетний период развития местного предпринимательства, несмотря на большие трудности для него, особенно в сельских районах, сами действующие предприниматели все еще видят множество новых возможностей, ниш для нового бизнеса. Реализация этих возможностей позволила бы повысить обеспеченность населения услугами, контроль над предоставлением которых должна осуществлять местная власть.

«*Сегодня есть свободные ниши для старта малого бизнеса – но кто бы помог его организовать?! Тот же экономический отдел собрал бы людей и рассказал: можно организовать вот это или вот это, как и что для этого нужно*».

Однако именно органы местной власти нередко сами, либо попустительствуя, либо активными действиями создают препятствия для появления нового бизнеса. Причем если препоны, сознательно чинимые муниципальными чиновниками коммерсантам при открытии новых торговых точек, имеют свое обоснование тем хорошо известным фактом, что большинство муниципальных руково-

дителей являются собственниками аналогичных торговых точек и просто не желают возрастания конкуренции в родном селе (и такие примеры мы находим в каждом муниципальном районе), то сознательное создание препятствий или бездеятельность, приводящие к такому же результату в отношении производства и оказания услуг населению, кажутся логически необъяснимыми и более того, вредными для местного общества.

«Есть же свободные ниши для развития малого бизнеса. И я их знаю... Обустройство свалок, например, очень прибыльное дело. И департамент экономики мог бы помочь. Но не делают, а наоборот. Вот колбасный цех был в районе. Ей областной бюджет задолжал 700 тысяч. И она вылетела. А колбаса была натуральной. Колбаса была объедение. Как вспоминаю – слюнки текут. У нее было свое хозяйство и откормочный цех, и она делала колбасу и молочку. Ну и что? – Все рухнуло. Она взяла кредиты, 700 тысяч. А проценты должна была возмещать областная администрация. Но не стала. Все. Цех закрылся. Вот вся помощь. Кто-то думает ли об этом?»

Предприниматели и обычно все местные руководители прекрасно понимают и экономическую, и социальную значимость развития малого бизнеса. Поэтому людей в провинции приводят в изумление недальновидные и некомпетентные решения федеральной власти, которым вынуждена следовать и муниципальная власть. Признание для себя некомпетентности центральной власти становится основанием для сомнений в ее легитимности.

Приведем слишком длинный, но крайне показательный отрывок из интервью – о наболевшем:

«Налоги все платим вовремя. Но налоги поднимают до безобразия. Поднимают и поднимают без конца. Сегодня мы живем очень тяжело. Сегодня все виды бизнеса живут очень тяжело...

Сегодня наш малый бизнес дает около половины налогов, он обеспечивает большую часть рабочих мест здесь. Он платит зарплату людям. И этот малый бизнес мы долбаем и в хвост и гриву. И смотрим на этот малый бизнес только как на источник денег. И не смотрим, как бы его поддержать, как помочь...

Предприниматель обеспечивает рабочими местами весь район, а его обкладывают налогами. (Если) он будет расширяться, будут рабочие места, будет белая зарплата... У нас был 14 процентов соцналог. Значит, сделали 34. Если мы платили ежемесячно семь с по-

ловиной тысяч соцналог, как только повысили, мы стали платить двадцать. Это ежемесячно. Кроме соцналога у нас электросвязь, прочие средства, спецодежда и прочее. Спрашиваю я у бухгалтера, сколько у нас допрасходов? – До хрена. – До хрена!

Получили мы доход, и из этого дохода мы чего только не платим! Соответственно, резко увеличились налоги – резко упали доходы. Вы думаете, я покажу зарплату? Зачем? Ведь этот единый соцналог, он же с фонда заработной платы. Во-первых, это ведет к серым зарплатам на любом предприятии малого бизнеса. И работники согласны на это. Почему? А куда деваться-то? Они же понимают, если рухнет предприятие, куда они пойдут? Люди довольны, что они получают зарплату, они кормят семьи. Сегодня рухнуло предприятие – они остались без зарплаты. Куда им идти? Некуда здесь.

И чего? Поняли. Начали выступать предприниматели. Сказали: уменьшим малому бизнесу налоги. Уменьшили? Сколько, думаете? Уменьшили до 28. Не 34 теперь, а 28. Дак, ведь если вы, ребята, говорите, что будет 20 процентов, так вы двадцать и оставьте. Зачем так-то?»

Своя местная власть ближе, проще. Но когда на фоне сомнения в легитимности государственной власти местная власть услужливо и рьяно начинает проводить откровенно грубую политику по недопущению развития бизнеса в районе, население воспринимает эти действия как сознательно направленные на избавление от конкурентов

В лучшем случае административные препятствия могут рассматривать как признак недальновидности, некомпетентности, глупости. Но люди редко в этом сознаются (кроме вопиющих случаев, как в двух из шести обследованных районов), поскольку ведь это они сами когда-то выбрали глав районов и поселений, следовательно, должны признать как бы и собственную некомпетентность.

К сожалению, в нашем полевом исследовании повсеместно выявляются факты создания административных барьеров для нового бизнеса. Данную претензию бизнеса к власти надо считать крайне важной, тем более что теперь малый бизнес обеспечивает рабочими местами до половины всего трудоспособного населения района. А если отнять бюджетников, доля которых составляет от 40 до 50 и более процентов, то оказывается, что малый бизнес – это все остальные в районе:

«Не давите малый бизнес на селе – дайте ему развиваться. Вместо того чтобы обдирать его как липку на начальном этапе, – сле-

дует дать ему развиться, после чего он сможет приносить существенные деньги как в районную, так и в федеральную казну. Если зажимать МСБ на этапе развития – он заглохнет, не принеся выгоды никому».

Претензия 2. Чрезмерный административный контроль малого бизнеса

Как указывают все без исключения предприниматели, в последние 3–4 года существенно возросла частота проверок со стороны надзорных органов. Но при этом изменились характер и цели проверок. Вместо заявленных и прежде исполнявшихся целей выявления нарушений и контроля за исполнением предписаний, органы надзора заняты теперь почти исключительно решением задачи наказания предпринимателя. Независимо от наличия действительных нарушений. Средство заместило собой цель. Целью стало выставление штрафов:

«А потом, сейчас ведь очень много надзорщиков. Очень много надзорных органов. Это раньше было, но не так. Стало очень много. Пожарка, Роспотребнадзор, санитарная... Прокуратура одно время приходили по два раза в неделю...

Дело в том, что создали 294 федеральный закон, по которому малый бизнес можно проверять раз в три года. Всех. Мы смотрим все эти графики на сайте, все посмотрели. Мы знаем, когда нас проверять будут. Но... у нас теперь лицензия бессрочная. А как же раз в три года они теперь проверять будут? Ну и что? Они теперь создали под 99-й закон полномочия, и Росздравнадзор может проверить раз в год.

Ну, извините, ведь без конца они приезжают. Проверяют. Вот у нас тут была проверка. У меня еще давление поднялось. Проверили – все хорошо. Ушли в аптеку, там пока проверяли, поступил звонок: «Как там?» – «Все хорошо». – «Не может быть. Возвращайтесь и найдите нарушение!» То есть, если вы не нашли нарушение, вы плохо работали. Приехали, Роспотребнадзор. Все проверили, что только можно. Все хорошо. Но что-то надо. «Нет вентиляции!» Какая вентиляция!? Она нужна, когда есть производство в аптеке. У нас аптечный пункт. Какая вентиляция! ...ну вот, нашли...

Проверяет какая-то надзорная структура, и они штрафуют. Штрафы огромные. Я считаю так: проверили и выставили предписание. А у нас цель проверки – наказать. У нас сегодня многие

предприятия малого бизнеса хиреют и живут очень тяжело. Почему? А потому, что их долбят со всех сторон. Проверок немерено. Вот пришла проверка. Нашли нарушения. Ну, такие-то. Надо не штрафы давать, а предписание. Раньше так было. Указывают сроки, чтобы устранить. Проходит срок, пришли – если не устранил, тебя наказывают. А устранил – значит, все нормально. Цель проверки – улучшить работу предприятия, а не ободрать его как липку. А теперь? Если я хочу, чтобы у меня было хорошо, мне надо дать на лапу».

Почти все надзорные органы являются территориальными отделениями федеральных или региональных органов государственной власти. Поэтому проверки являются государственным контролем деятельности бизнеса.

Однако и местная власть принимает в них деятельное участие. Мотивы такого участия (нередко и инициативы) просты: избавление от конкурентов или сохранение зависимости органов местного самоуправления на селе от власти районной:

«Надо убрать, конечно, всю бессмысленную работу надзорных органов. Они, например, приезжают сюда, смотрят и штрафуют за невспаханные неприспособленные поля – да нам даже приспособленные-то поля не удается вспахать в нынешней ситуации, какие там неприспособленные! Но они ведь едут, смотрят, выписывают штрафы – для чего все это делается?»

Если кто-либо из глав сельских или городских поселений проявляет строптивость, демонстрирует самостоятельность (как и должно быть, по закону) перед лицом руководства муниципального района, он нередко «нарывается» на проверку по «наводке» районной власти. Доходит до таких абсурдных ситуаций, когда представители районной администрации отправляются с визитом к администрации сельского поселения, захватив с собой сотрудника РОВД или МЧС, СЭС, – чтобы тот обязательно нашел какое-нибудь нарушение. И он находит:

«...Основными преступниками в нашей местности являются сельские главы. Нас судят за все и всегда. Вот на днях. Нас судили за что? За то, что я как глава не выполняю закона 131-го по поводу содержания местных дорог. Вот приехала прокуратура, приехала местная ГАИ, значит, замерили – у нас есть один километр асфальтовой дороги – вот замерили: 15 см яма, ага – нарушение!

Я по закону должен содержать местные дороги. А откуда я возьму? У нас и транспортный налог в прошлом году забрали. Ушел в область. Денег-то нет. И меня судят.

Вот судья открывает 131-й закон: – Вы обязаны содержать дороги. Я говорю: – Согласен, обязан. А деньги где на полномочия? А она (судья) говорит: – Вот вы можете к предпринимателям обратиться.

Ну, это опять же власть приходит и просит. Ну, это не власть...».

Многие главы сельских поселений вынуждены едва ли не еженедельно являться в суд по результатам проверок и выставленным по ним абсурдным предписаниям. Например, в г. К. сотрудник прокуратуры выставил предписание главе поселения, датированное 3 марта: в месячный срок, т.е. к 3 апреля, отремонтировать плотину через речку и залить проезжую часть асфальтом. Любой здравомыслящий человек понимает, что зимой, перед началом паводка ни ремонт гидросооружений, ни даже укладка асфальта невозможны. Но цель предписания – не решение практической задачи по укреплению дороги, а взимание штрафа и, ко всему прочему, демонстрация административного рвения (характерно признание районного прокурора: «...так если мы не будем показатели демонстрировать, нас ведь со службы уволят!»).

Еще более откровенны «наезды» проверяющих такого рода: выполнить в асфальтовом исполнении подъезд к пожарному водоему в деревне, где всего четыре дома, а асфальтированных дорог вообще нет в окрестностях 20 км. А закон требует обустройства водоема. В нем забыли прописать отличие города от деревни. Или предписание отремонтировать муниципальный дом, у которого не только жильцов, а и крыши давно нет. Но зацепка в том, что забыли в муниципалитете в свое время – еще в середине 1990-х гг. – ветхое жилье списать. И штрафуют!

Поэтому битые и мудрые главы сельских поселений понимают, что они также не могут защитить своих предпринимателей от этого государственного произвола. Хотя защищать надо.

«А чтобы власть с предпринимателями работала (защищала их), сама власть должна быть сильной. И чтобы у нее были рычаги. Какие-то. Или должна быть обоюдная выгода... создание муниципальных предприятий с совместной собственностью – это, я считаю, может быть большим толчком. А сейчас отношений-то никаких нет. Отношения должны быть в законодательном порядке гарантированы...».

Мало кто знает, но ведь в большинстве наших сельских поселений пятая часть бюджета (иногда и больше) расходуется на расчистку в зимний период дорог и подъездных путей от снега! Коммунальные службы сохранились только в крупных муниципалитетах. В небольших же все коммунальные функции (расчистка снега, вывоз мусора, обеспечение водой, доставка топлива и проч.) выполняют местные предприниматели. Но для них практически любое надзорное действие приводит к потере месячного дохода предприятия. В конечном счете, предприниматель уходит с этого «минного поля», а местные жители и администрация поселения лишаются совершенно необходимой услуги.

Так государственная власть (конечно, в лице отдельных представителей!) «ретивым надзором» нещадно не только вырубает ростки местной инициативы, но не дает выполнять функции по обеспечению жизнедеятельности местного общества. Это хуже «собаки на сене»: «*Что региональная, что местная власть, влияние-то все оказывают. Действие или бездействие. Но оказывают*».

Претензия 3. Бюрократизация отчетной деятельности

Одной из проблем, ставших нечаянно – несколько лет назад – важной на низовом уровне власти и для местного малого бизнеса, оказалась чрезвычайная по объему учетно-отчетная деятельность. Местная власть и малый бизнес вынуждены с каждым годом предоставлять в региональные органы власти все больше и больше разнообразных отчетов.

«*Необходимо снизить объем бумажной работы для административных и муниципальных работников – эта, часто совсем ненужная работа отнимает много времени, которое можно потратить на решение реальных проблем*».

Объемы отчетов достигают 2000–3000 отдельных бумаг ежегодно! Это значит, что каждый рабочий день местная администрация или предприниматель должны отправлять «наверх» по 10–15 документов! Но их же надо еще составить, найти информацию. Или «высосать из пальца». Что чаще всего и приходится делать, учитывая сроки, которые устанавливает региональная власть для предоставления того или другого отчета:

«...да вот пример: как-то вечером около 5 часов поступает срочный звонок. Губернатор требует срочно – к шести часам вечера сегодня! – предоставить информацию о тех работниках, людях, которые работают вне района. Ну, отходники. Сколько их? По каким специальностям работают? Где? Сколько зарабатывают? И готовы ли трудиться дома? Шесть вопросов. И это все через час. Ну, мы созвонились с главами, прикинули, согласовали оценки. И предоставили цифры. Точные. Выдуманные полностью».

Характер взаимодействия государственной власти с местной и местным бизнесом по поводу отчетных данных создает у последних полную уверенность в том, что разные отделы в областной администрации совершенно не взаимодействуют друг с другом (иначе могли бы легко получить давно уже отправленную информацию, а не посылать повторные требования), что ни на региональном, ни на федеральном уровнях не существует никакого системы сбора и обработки информации (поскольку требования о ее предоставлении хаотичны и не связаны друг с другом), наконец, что задачи по сбору информации ставит не губернатор, не руководители департаментов, а мелкие клерки, выдумывающие для себя работу, чтобы продемонстрировать начальству собственную нужность.

Завал бумажной отчетности преследует как местную власть, так и бизнес. Но если в администрациях районов и городских поселений для отписок давно уже выделен специальный человек – и он занят целыми днями, – то мелкие предприятия не могут позволить себе нанять специального человека для такой работы:

«Года три как стало очень плохо. Заваливают бесконечными требованиями какую-то информацию предоставить. Документов представляем! Она (бухгалтер) вместо того, чтобы предоставлять консультативную помощь, ей некогда, она не отрывается от компьютера целыми днями. Огромное количество бумаг, постоянно идут какие-то письма по электронке, и надо предоставлять какую-то информацию. То сидит, считает, сколько того продано, то другое. Очень много всяческой ненужной информации».

Сами требования об отчетах нередко дублируются:

«Надо упростить всю эту бумажную волокиту и, конечно, отменить дублирование документов, подающихся в разные инстанции. Пусть я им один раз справку принесу, и они уже ее дублируют сколь-

ко им нужно – а то я бегаю, по двадцать раз одну и ту же бумажку в разные органы таскаю».

Одна из очевидных причин такого состояния дел в отчетной деятельности и соответствующего ему произвола со стороны чиновников заключается, по нашему мнению, просто-напросто в формальном отсутствии муниципальной статистики. Ее не существует, поскольку нет соответствующего закона.

В результате органы государственной власти могут по своему произволу, используя вместо законодательства административный произвол, требовать с местного уровня власти и бизнеса все, что пожелают. Для государственного чиновника это просто выгодно, а местные даже не подозревают об отсутствии законных оснований для таких требований. Те отдельные предприниматели или главы сельских поселений, кто как-то случайно узнал об этом, опасаются давать обоснованный отказ:

«...ведь если откажешь, он потом в другом месте прижмет тебя так, что мало не покажется».

В силу указанных причин предприниматели понимают, что чрезмерная отчетность – это попытка создания видимости контроля, когда региональная власть фактически не владеет ситуацией. И разумным предложением является низведение контрольных процедур на местный же уровень:

«В нормативном плане надо бы дать ужесточение (контроля) местным, на местный уровень. На федеральном уровне будут анализировать те акты, которые будут получать на муниципальном уровне, а не навязывать (несвойственное) нам».

Если для местных администраций возросший объем отчетности – это дополнительное отвлечение от исполнения насущных дел, то для местного бизнеса это становится и препятствием для развития, а часто и для становления:

«...все упирается в бумажную волокиту... Давно могли бы начать бизнес – и не можем. Множество бумаг, согласований...Пакет документов я собирал где-то девять-десять месяцев...Я вот пенсионер, а каждый день учусь. Учусь и учусь».

Претензия 4. Информационный голод малого бизнеса

Объем хаотической отчетности, постоянные изменения в нормативно-правовом поле и изменяющиеся условия ведения бизнеса заставляют людей искать ответы на вопросы и учиться. Но самим обеспечить информационную поддержку бизнеса и получить дополнительное профессиональное образование трудно. Люди начинают обращаться к местной власти, которая по закону должна содействовать населению – либо созданием условий, либо непосредственной помощью в виде консультаций, обучения, привлечения денежных средств, кредитования и пр.

Предприниматели, видя, что ожидать от власти материальной поддержки невозможно, предлагают наладить информационную поддержку, тем более что власть располагает целым спектром возможностей в этой области.

«*Малый бизнес будет развиваться быстрее и успешнее, если будет информационное содействие со стороны власти*».

В структуре местных органов власти имеются подразделения, способные предоставить консультативную помощь.

«*В районной администрации должен быть отдел, активно работающий с местными предпринимателями. Такой пример у нас был, и им удавалось успешно решать многие насущные проблемы, а кроме того, вместе работать над вопросом развития малого бизнеса*».

Причем предприниматели достаточно знают законы, чтобы ожидать от местной власти содействия, законодательно прописанного и предписывающего это в качестве одной из важнейших целей муниципального управления. Между тем, власть во многих местах старательно избегает этого:

«*...законов-то хватает в нашей стране. Да вот если вот так говорить о развитии малого бизнеса, если я должен входить в какой-то кабинет, то мне должны помогать. Я, например, в этом вопросе плаваю. Мне должны помогать. Как молодому предпринимателю. Развивать малый бизнес. Но получается наоборот. Заходишь в дверь – выходишь. Заходишь – выходишь...*».

«*Надо не подлавливать предпринимателей на незнании законов, чтобы оштрафовать их, а – наоборот – информировать их заранее обо всех изменениях и новых постановлениях*».

Но так было не всегда. В 1990-е гг. и в начале 2000-х (до выстраивания «вертикали власти», приведшей к нынешним громадным бюрократическим перекосам), как и в советское время, еще существовали элементы системы информационной поддержки бизнеса на муниципальном уровне:

«Второй вопрос – это сельская местность, в отличие от города, не так подключена к средствам массовой коммуникации. В советское время была так называемая программа обмена опытом. Ездили к соседям специалисты, даже возили механизаторов. Вот это общение, какие-то нюансы, это обмен опытом. Организовать это копейки. Вести куда-то на выставку, в другой город, хотя бы в продвинутые районы. Это немного, можно сделать, но эффект дает. Человек видит: люди-то что – мы не хуже, тоже можем».

«Ассоциация предпринимателей у нас была. Но ее пришлось реанимировать. Мы регулярно проводили обучение малого бизнеса всем новшествам, которые есть. Предприниматели всяким вопросам юридическим (обучались). Там ведь законодательство меняется все время. У нас (в районе) был отдел экономики, и мы регулярно проводили обучение предпринимателей. Мы регулярно собирали совет и разговаривали с предпринимателями. Я ассоциацию (предпринимателей) восстановила. У нас был отдельный счет, и вот деньги туда перечисляли. Деньги кто может перечислял, кто не мог, тот не перечислял. Ну, в принципе-то мы не обдирали предпринимателей, все знаем, что тяжело живут. Мы собирали руководителей малого бизнеса. Мы обсуждали с ними, какие у них проблемы, что нам надо для района, о повышении зарплаты. Вот как раз был период, когда зарплаты были маленькие, и они все начали выводить зарплаты из тени. Потом как нам ударили вместо 14 – 34 процента, все опять ушло, соответственно, в тень. Ну там наверху ведь не думают об этом. Сегодня опять мы загоняем малый бизнес. Куда? Да никуда».

По каким-то неведомым причинам повсеместно в районах стали сворачивать деятельность и фактически исчезать консультативные советы и ассоциации предпринимателей при администрациях.

«Был вот такой «цех директоров», и мы собирались. И самому главе было полезно. Мы собирались, был обмен опытом. А теперь не зовет. Это была инициатива администрации. Теперь, видно, не надо. Для района это было бы даже неплохо. Одно дело бегать просить

деньги, другое дело – сами решают... Так что нет никаких точек взаимодействия».

Но острота необходимости информационной поддержки малого бизнеса от этого не снизилась, напротив, в новых законодательных условиях хозяйствования она только возросла. И предприниматели довольно хорошо знают, чем им может помочь местная власть:

«...Нужны программы обучения. Ведь ее (обучающую программу) не надо постоянно поддерживать. Ее запустил на начальном этапе... Здесь местные власти могут сделать что? Это одна из проблем у нас в области. Что они могут сделать? – это информационное поле... Информационная поддержка. Политика такая. Это же ничего не стоит. Это же даром. Но поддержка важная. Для любого предпринимателя. Потому что молодежь надо привлекать. Хотя бы так вот».

Сейчас же ситуация остается безвыходной, что дополнительно увеличивает нагрузку на малый бизнес:

«...каждый варится в своем котелке... Нам бы надо обмениваться. Мы знаем и свои пробелы, но это недостаточно. Вот надо кому-то что-то и он не находит... не хватает профессионалов...».

Претензия 5. Кадровый голод малого бизнеса

В отличие от 1990-х гг., когда в малый бизнес пришло много людей, уже располагавших полученным в советское время хорошим уровнем профессионального образования, когда он еще не так сильно нуждался в редких тогда видах специальностей («компьютерщик», специалист по логистике, юрист, аудитор и проч.), конец 2000-х и начало 2010 г. ознаменовались для малого бизнеса в провинции угрожающим нарастанием двух проблем.

Во-первых, вследствие естественного выбывания в течение 20 лет специалистов «старого советского закала», вследствие отказа от системы послевузовского распределения специалистов и повсеместного обрушения системы начального и среднего профессионального образования стала ощущаться нехватка специалистов самого разного профиля.

Во-вторых, технологическое развитие предопределило появление многих новых видов специальностей, которые необходимы

в новых условиях, но которых в провинции нет, и по ним не готовят людей (специалисты по компьютерным технологиям, логистике, менеджеры во многих вновь возникших видах услуг). К тому же новые требования ведения бизнеса и отчетности по нему потребовали также прежде неизвестных малому бизнесу видов специальностей и специалистов, обеспечивающих его ведение на местах (аудитор, адвокат).

В свое время, еще в 1990-е гг., способы решения проблемы были найдены – местная власть стала оплачивать из бюджета обучение по нужным району специальностям с последующим возмещением платы. Однако, если раньше, когда прежние специалисты еще не вышли массово на пенсию, актуальность такой меры не слишком ощущалась, то нынче это стало болью большинства предпринимателей:

«*Сегодня нехватка специалистов. Никто не может даже составлять грамотные договора. Но распределение (специалистов после окончания учебы) как раньше?... Сегодня это нереально. Сегодня никто распределять не будет. Законодательство не позволяет. И законодатели не пойдут на это. Но есть другой вариант. Сегодня можно направлять на обучение. Вот у нас девочка мединститут заканчивает, парень на транспорте. Район платит за них. Девочка хочет учиться, но сложно семье, и район платит за нее, и она вернется. По договору приедет работать в район... А чаще всего дети идут из небогатых семей, им платить нечем и они возвращаются. Вот это сейчас выход*».

Но в этом способе решения проблемы есть немалый изъян, необходимость предоставления жилья молодым специалистам:

«*Районная администрация может отправлять молодежь учиться по профильным специальностям – важным для района. Учащийся за оплату образования обязуется вернуться в район и отработать там по специальности (врач, бухгалтер, учитель и др.). Такие примеры есть. Другой вопрос – для того чтобы молодой специалист вернулся и мог жить и работать в районе, – ему нужно предоставить жилье. Здесь, конечно, нужна федеральная помощь, район может оплатить учебу, но не в силах построить жилье*».

Другим направлением кадровой поддержки малого бизнеса в сельской местности видится обучение молодежи по рабочим профессиям, так же остро необходимым сегодня бизнесу:

«Надо поднимать престиж рабочих профессий – например, посредством СМИ. Тогда молодежь пойдет работать, будет обучаться прямо на рабочем месте – так, спустя несколько лет, можно вырастить хороших профессионалов».

В целом же сейчас, спустя четверть века после развала советской системы подготовки специалистов и высококвалифицированных рабочих, местный бизнес все глубже увязает в проблеме нехватки кадров и не видит выхода из ситуации. Единственная реальная надежда у него здесь – на помощь муниципальной администрации. Однако ее нигде нет, и местная власть вовсе не думает ставить перед собой такие задачи.

Что делать? Стратегии малого бизнеса на Ближнем Севере в отсутствие условий благоприятствования

Действительно, что делать при таком положении вещей? Материалы наших интервью свидетельствуют о наличии глубоких противоречий между бизнесом и властью, часть из которых глубоко скрыта от внешнего наблюдателя, часть лежит на поверхности. В основе выявляемых противоречий – не только специфические интенции и результаты деятельности органов муниципальной власти, но и особый современный статус местной власти, делающий невозможным эффективное взаимодействие ее с бизнесом.

Власть зажата между местным обществом, задачи обеспечения жизнедеятельности которого она призвана решать, и региональной государственной властью, которой она не должна подчиняться, но от которой целиком и полностью зависима, причем зависима не только финансово и в «разрешенных» ей видах деятельности, но и как подконтрольная государственной власти. Эта тотальная подконтрольность нижнего уровня публичного управления верхнему приводит к развитию ситуации полной бесконтрольности по отношению к обществу и его предпринимательской части. Местная власть не чувствует и не признает своей ответственности перед местным бизнесом, вместе с которым она призвана обеспечивать жизнедеятельность местного общества.

С другой стороны, современное развитие местного бизнеса привело к специфической конфигурации предпринимательского сообщества, также затрудняющей его взаимодействия с властью. Особенностью ведения бизнеса на ближнем Русском Севере, при-

чем в большой степени в глубоко дотационной Костромской области является его полная ориентация на изымание природных ресурсов, почти исключительно лесных. Монопрофильная сырьевая специализация предпринимательской деятельности с очень узким и неразвитым в сельских районах сегментом сферы услуг ставит предпринимателей в полную зависимость от произвола местной власти. Это, однако, не защищает их от территориальных инвазий и захвата рынка крупными внешними компаниями, добывающими и сетевыми.

Местная власть с трудом контролирует перераспределение лесных ресурсов и утратила рычаги поддержки «своих» лесозаготовителей в результате принятия нового Лесного кодекса (№ 200-ФЗ от 04.12.2006 г.) и его реализации в особой конфигурации на территории области (реализации, приведшей к массовому банкротству «лесников» – к 2008 г. 2/3 всех существовавших на то время лесопилок и порубщиков-арендаторов прекратили существование).

Результатом такой двусторонней атаки на местный бизнес является его стремление уйти «под крышу» местной власти таким образом, чтобы бизнес и власть перестали быть различимы. Практически в каждом районе самым крупным предпринимателем является действующий (через родственников) или бывший глава района. Это приводит к недопустимому сращиванию бизнеса и власти и монополизации бизнеса практически в каждом сельском районе.

Прямыми следствиями сращивания оказываются неэффективность власти в деле предоставления местному бизнесу условий максимального благоприятствования, отсутствие стимулов развития для самого бизнеса («...если я знаю, что мне не вылезти из-под нашего главы и ничего я не смогу сделать, так зачем огород-то городить?») вследствие локальной монополизации, стагнация и нередко спад всей местной предпринимательской деятельности.

Сформировалась своего рода «эволюционно-стабильная стратегия», не дающая выигрыша ни одному из обоих акторов. Причем модель взаимодействия развивается вполне по сюжету русской сказки «Лиса и Журавль»: каждый ожидает от другого не того, что каждый предлагает. Однако эта стратегия не позволяет и проиграть в конкуренции с внешними игроками. Потому, при своей минимальности, она стабильна. Если ситуация в районе не будет нарушена каким-то внешним воздействием, катастрофичным для сложившихся отношений власти и бизнеса, они могут сохраняться неопределенно долго.

Но в то же самое время понимание большинством предпринимателей неэффективности и тупиковости такого взаимодействия

и заставляет их выдвигать претензии к местной власти. Печально лишь то, что «лист претензий» выглядит хоть и кратким, но удручающим: «*невозможно начать бизнес, невозможно его продолжать, невозможно его развивать*». И за всеми тремя невозможностями стоит главным препятствием как раз тот институт, который назначен (как институт местного самоуправления) создавать среду максимального благоприятствования для местного предпринимательства, поскольку именно самодеятельная часть общества – а отнюдь не государство с программами социальной поддержки – способна обеспечить экономическое развитие, хозяйственное благополучие и социальную стабильность.

Благодарности

Мы признательны нашим многочисленным респондентам за их искренние интервью; они потратили немало времени, чтобы поделиться наболевшими проблемами, в слабой надежде, что хоть когда-то они будут решены и жизнь всего местного общества станет, наконец, стабильной и процветающей.

Надеемся, что наши публикации способны будут добавить толику усилий в дело поправления нашей общественной жизни.

Литература

1. *Кордонский С.Г.* Россия – Поместная Федерация. – М.: Европа, 2010.

2. *Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Моргунова О.М., Тукаева А.Р., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В.* Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // Мир России, 2011. – №1. – С. 3–33.

3. *Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А.* Муниципальная Россия: Образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования – М., 2009. – 146 с.

4. *Плюснин Ю.М.* Отходничество в современной России // Отечественные записки, М., 2012. – № 5(50). – С. 240–256.

5. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества: опыт регионов и муниципалитетов. – М, 2010.

6. Указ Президента Российской Федерации №607 от 28.11.2008 г. «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации №1313 от 11.09.2008 г. «Перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, в том числе показателей, необходимых для расчета неэффективных расходов местных бюджетов».

В статье использованы материалы интервью:

1. *Зудин Л.В.*, директор мясокомбината, хозяин предприятия по переработке леса, Макарьевский район, 3 октября 2012.

2. *Кирковы*, отец и дочь, хозяева кафе и вино-водочного магазина в д. Рогово, Мантуровский район, 16 сентября 2012.

3. *Кубасов А.В.*, хозяин пекарни, магазинов, кафе в с. Боговарово, Октябрьский район, 29 сентября 2012.

4. *Лебедев А.А.* председатель СПК «Родина», с. Угоры Мантуровского района, 27 сентября 2012.

5. *Перлов В.С.*, директор ОАО «Пыщугское», производство и продажа продуктов питания, Пыщугский район, 4 октября 2012.

6. *Перлова Е.Н.*, хозяйка аптеки, бывшая глава Пыщугского района, 4 октября 2012.

7. *Петрушин Д.В.*, сельхозпредприниматель, бывший сотрудник областной администрации, с. Боговарово, Октябрьский район, 29 сентября 2012.

8. *Погуралов О.В.*, хозяин кафе и магазинов в Мантуровском районе, депутат районного собрания, 2 октября 2012.

9. *Сафронов Д.*, хозяин лесобазы, депутат представительного собрания Макарьевского района, 2 октября 2012.

10. *Смирнов В.Б.*, глава Суховерховского сельского поселения Кологривского района, 8 сентября 2012.

11. *Смирнов В.К.*, предприниматель с большим стажем работы в разных сферах, хозяин гостиницы «Водолей», г. Мантурово, 1 октября 2012.

12. *Соболев А.В.*, хозяин частного автопредприятия. Инструктор по вождению, Мантуровский район, 15 сентября 2012.

13. Хозяйка частной гостиницы «Гостиный двор», Макарьевский район, 3 октября 2012.

14. *Шелепова Л.А.*, бывший директор СПК «Красноборский» и сотрудник районной администрации, п. Красный Бор, Илешевское СП, Кологривский район, 26 сентября 2012.

Глава 7. Мироощущение сельского жителя-костромича

Социальная сфера современного российского села требует не только пристального внимания, но и незамедлительного действенного реформирования, которое является делом очень трудоемким и долговременным. Экономический кризис сказался на социальной инфраструктуре села, на условиях труда и быта. Немаловажно и то, что в сельском обществе сложилась атмосфера постоянного социального напряжения среди обедневших его слоев. Жизненный уклад сельских людей тесно связан с деятельностью сельскохозяйственных предприятий, которые обеспечивают их работой, помогают вести личное подсобное хозяйство, содержат социальную инфраструктуру.

Вследствие проводимых аграрных реформ многие сельхозпредприятия прекратили свою деятельность, половина действующих – едва держится «на плаву». Так, за период с 1990 по 2013 г. количество сельскохозяйственных организаций в Костромской области сократилось с 358 до 282 единиц. Последствия аграрных реформ негативно сказались на социальных условиях жизни сельских людей.

Состояние сельского социума во все времена и эпохи зависело от аграрной политики государства. Дело в том, что сельскохозяйственное производство всегда было сферой, связанной с большими экономическими рисками, оно всегда требовало государственных дотаций и протекционизма. Особенно в таких областях, как Костромская, которая является зоной рискованного земледелия, а в зимний период ее население занималось отходничеством.

Но ошибочно рассматривать эту сферу только в разрезе экономических отношений, аграрная политика не ограничивается лишь продуктивностью отрасли. Весь советский и постсоветский период развития государства связан с падением численности сельского населения. Последние годы речь идет о сохранении крестьянства как класса и сохранении сельских поселений.

По данным Костромастата, число сельских населенных пунктов снизилось с 3469 в 1989 г. до 2301 в 2010 г. Увеличивается число сельских населенных пунктов, не имеющих постоянных жителей. За 5 лет доля сельского населения в трудоспособном возрасте сократилась на 6,4 тыс. чел.(или на 5,1%). Численность сельского населения за 5 лет сократилась на 23,2 тыс. чел. (или на 10,5%) (Костромская область, 2012, с. 35).

Таблица 7.1

Распределение сельских населенных пунктов по числу жителей

Число жителей	Число сельских населенных пунктов		
	1989	2002	2010
Сельские населенные пункты – всего	3469	2809	2301
– из них с числом жителей, чел.:			
до 10	...	1274	1098
11–50	2620	816	599
51–100	305	240	191
101 и более	544	479	413

Городской и сельский социум

Хотелось бы начать эту главу с краткого обзора публикаций других авторов на данную тему. Однако эта задача оказалась трудновыполнимой, т.к., во-первых, самих публикаций по проблемам аграрной социологии или социологии села мало, например, в журнале «Социологические исследования» за 2011 г. не было ни одной, за 2012 г. только в первом номере журнала три статьи под рубрикой «Социология села». В других источниках основная часть материалов посвящена экономическим аспектам сельскохозяйственной отрасли, отношениям «государство-бизнес», анализу статистических данных, за которыми не видна жизнь сельского населения.

Во-вторых, в большинстве аналитических материалов данные по сельскому населению используются только для того, чтобы сравнить его с городским, а исследований того, что происходит внутри сельского социума, очень мало.

Поэтому начать разговор о сельском социуме как системе отношений с точки зрения поведенческих характеристик хотелось бы с анализа результатов исследований, которые проводились с 1993 по 2000 г. Центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, в котором я участвовала в качестве руководителя по Костромской области. Это дало возможность пользоваться всероссийской базой данных результатов данного проекта. Используя возможности программы обработки SPSS, я провела проверку некоторых гипотез.

Первую гипотезу я сформулировала следующим образом: традиционный анализ по группам «городское население» и «сельское население» по отношению к России является своего рода натяжкой. Связано это с тем, что в поселенческой структуре страны есть такие типы поселения, как малые города и поселки городского типа. Например, в Костромской области есть восемь городов областного подчинения, в которых проживает 198 тыс. чел.

Я обратила внимание, что противоречивость оценки этой категории населения заключается в том, что по административному делению оно считается городским, но по образу жизни, по состоянию массового сознания – это сельское население. Оно живет в условиях неразвитой инфраструктуры и массовых коммуникаций, за счет подсобного хозяйства, оно инертно в экономическом поведении, т.к. чаще всего не имеет возможности даже выбирать для себя сферу деятельности.

Население, проживающее в малых городах России, – это особая группа в структуре российского общества, удельный вес которой не позволяет нам не выделять ее, т.к. влияние этой группы на поведение российского населения существенно. А разницу в поведении можно увидеть по ответам на одни и те же вопросы, выделив группы по месту жительства (рис. 7.1).

По результатам исследования, проведенного по репрезентативной для Костромской области выборке, разница в оценке своего материального положения между городским и сельским населением выглядит следующим образом (табл. 7.2).

Каждый раз при анализе данных по признаку месту жительства выявлялась не только разница во мнениях и поведении между городским и сельским населением, но и совпадение поведения сельского населения и населения, проживающего в городах областного

Рис. 7.1. Распределение ответа «против рыночной экономики» по месту жительства

Таблица 7.2

Оценка жизненного уровня со стороны городского и сельского населения

Вариант ответа:	Население	
	Городское	Сельское
Живу в полном достатке	0,9	0,8
Мой жизненный уровень выше среднего	2,2	1,6
Живу средне	28,6	25,6
Мой жизненный уровень ниже среднего	42,3	37,3
Не могу свести концы с концами	22,9	31,9
Затрудняюсь ответить	2,6	2,6

подчинения. Поэтому, если по административно-территориальному признаку в Костромской области превалирует городское население (466 тыс. человек), то по поведенческому – сельское.

Вторая гипотеза связана с процессами миграции сельского населения в город. Россия – крестьянская страна по уровню массового сознания. Об этом говорит не только количество проживающих в населенных пунктах сельского типа, но и качество населения, проживающего в крупных городах. Довольно большое количество горожан – это мигранты из сельской местности, которые переехали в город после 16 лет.

Таблица 7.3

По результатам опроса в 1993 г. (N = 4120), % от числа опрошенных

Варианты	Родились	Провели детство
В столице республики, областном центре	15,5	16,9
В городе более 200 тыс. жителей	7,9	7,8
В городе от 50 до 200 тыс. жителей	9,7	11,0
В городе до 50 тыс. жителей	9,5	10,4
В поселке городского типа	8,0	8,5
В сельской местности	47,9	43,5

Таблица 7.4

По результатам опроса в 1995 г. (N = 3860), % от числа опрошенных

Варианты	Родились	Провели детство
В столице республики, областном центре	15,2	16,5
В городе более 200 тыс. жителей	8,4	9,4
В городе от 50 до 200 тыс. жителей	11,3	12,1
В городе до 50 тыс. жителей	8,4	8,4
В поселке городского типа	6,1	6,7
В сельской местности	50,5	46,8

Обработка имеющихся данных позволила проследить состояние миграционных процессов на протяжении примерно 80 лет.

Получилось, что городское население в первом поколении по своему составу также представлено мигрантами из сельской местности. Это можно проследить по ответам на вопросы: «Где вы родились?», «Где вы провели большую часть своего детства?», «В каком возрасте вы переехали в город?» (табл. 7.3).

В подтверждение этой гипотезы можно посмотреть то же самое на массиве 1995 г. (табл. 7.4).

На момент проведения всероссийских опросов по месту проведения интервью население было представлено по административно-территориальному делению следующим образом (табл. 7.5).

По ответам на вопрос: «В каком возрасте вы переехали в город?» основные возрастные группы представлены следующим образом:

11–15 лет – 16%; 16–20 лет – 36,7%; 21–24 года – 10,4%.

Таблица 7.5

Распределение респондентов по месту проведения опросов, % от числа опрошенных

Место проведения интервью	Год проведения интервью		
	1993	1995	1996
	N = 4120	N = 3860	N = 3824
Краевой, областной центр	34,7	37,2	36,5
Город, не областной	32,1	29,0	31,8
Поселок городского типа	9,3	3,9	6,0
Деревня	22,5	30,0	25,7

Все это подтверждает гипотезу о том, что основная часть мигрантов – это люди, переселившиеся в город после 16 лет. На основе социальных установок складываются конкретные типы поведения, в том числе и социокультурные типы отношений людей к политической и экономической трансформации общества.

Как известно, ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, которые являются фундаментальными нормами. Они играют роль интеграторов, помогая людям осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей выступает важнейшим мотиватором социального действия. Базовые ценности формируются в период первичной социализации индивида к 16–18 годам и остаются достаточно стабильными на протяжении всей его жизни.

Изменения системы ценностей происходят лишь в кризисные периоды жизни человека или социальной среды. Но эти изменения больше касаются не их состава, а их иерархического соотношения друг с другом. Одни ценности получают более высокий ранг, другие становятся менее значимыми. В этом выражается изменение их социокультурного смысла для индивидов и других социальных субъектов.

Особенность формирования новой социальной структуры российского общества состоит в том, что в этом процессе участвуют поколения, большая часть которых родилась и выросла в сельской местности.

Массовое сознание этих людей характеризуется тем консерватизмом, который играет роль не стабилизатора социальных отношений, а тормоза в восприятии инноваций. Это объясняет высокий уровень консерватизма жителей России и невосприимчивость

большей их части к каким-либо нововведениям, а также патерналистский тип сознания.

По данным статистики, удельный вес городского населения, определяемого по административно-территориальному признаку, составляет 73%. Если же взять за основу поведенческие признаки этой группы, то получается, что Россия – это государство, где экономическое и политическое поведение, а также состояние массового сознания определяются большой частью сельского населения, в том числе в городах, отличающегося более консервативными взглядами, тяготеющего к традиционным социальным институтам.

Эмпирические данные показывают, что городское население является более демократичным, оно быстрее усваивает либерально-демократические ценности, оно экономически более активно, более подвижно, чем сельское. Большой удельный вес маргинального населения в городах, а также традиционно консервативного сельского населения не позволяют быстро перейти к институту частной собственности в России.

Путем обработки данных удалось увидеть, что среди тех, кто провел большую часть детства в сельской местности, 29% против рыночной экономики и 53,5% против купли и продажи земли. А среди горожан во втором поколении таких – 11,6% и 25,4% соответственно. Или среди тех, для кого результаты предстоящих выборов совсем не важны, 40,3% мигранты из села и 28,6% горожане во втором поколении. Не поддерживают куплю и продажу земли 58,5% мигрантов из сельской местности и 15,7% горожан во втором поколении. При этом 40,7% считающих, что люди, желающие возврата к сталинизму, безусловно должны иметь право свободно выражать эти мысли, родились в сельской местности, против 26,1% горожан, которые также с этим согласны.

Эти данные подтверждают гипотезу о том, что основная часть сельского населения мигрирует в город с уже сложившимися стереотипами, сложившейся системой ценностей и социальных установок. Таким образом, можно сказать, что та часть населения, которую мы считаем городским, по своему составу включает в себя довольно большую маргинальную прослойку, которая оказывает существенное влияние на поведение той группы населения, которую мы рассматриваем как городское. Этот факт должен помочь нам понять, почему российское общество является консервативным по своим экономическим и политическим взглядам, почему оно не готово к быстрому овладению либерально-демократическими ценностями, не готово к инновационному поведению.

Огромные слои народного большинства склонны субъективно одобрять старые социальные установки. На формирование новой социальной структуры это оказывает заметное влияние, речь идет, прежде всего, о снижении интегрального уровня развития всей системы. Скорость институциональных преобразований намного превышает скорость изменений традиционной институциональной среды.

Характер современных социальных процессов позволяет нам найти закономерности, характерные для состояния общества в период глубоких структурных изменений. Движение общества к новой неопределенной социальной структуре порождает маргинальные явления, но и имеющиеся маргинальные явления влияют на проведение реформ. Наличие таких маргинальных процессов порождает различные типы социального поведения.

В начале 1990-х, когда стало формироваться фермерское движение, был проведен опрос первых фермеров в Костромской области. Большей частью это были горожане, которые поехали в сельскую местность организовывать свои хозяйства, а колхозники, у которых появились свои паи, не готовы были к этой инновации. Мне кажется, что основная причина именно в инертности, консерватизме и патерналистском типе сознания сельского населения. По прошествии времени, встречаясь со знакомыми фермерами, я узнавала, что их неудачи были связаны не с тем, что они не смогли освоить крестьянский труд, а с отсутствием какой бы то ни было аграрной политики, системы кредитования и протекционизма со стороны государства.

Число фермерских хозяйств в области за период с 2000 по 2011 г. сократилось с 735 до 521.

Отношение населения к подсобным производствам и промыслам

В Костромской области данное направление развития сельской социальной сферы на протяжении многих лет занимало существенное место. Сельские подсобные производства – один из древнейших видов деятельности человека, даже более древних, чем само сельскохозяйственное производство. Большинство промыслов в Костромской области возникло в середине XIX в. и пользовалось поддержкой государства. С целью поддержки проводились кустарные выставки, в том числе зарубежные, на которых производители

принимали участие бесплатно, получая деньги за реализацию продукции. Считалось, что промыслам необходимо гарантированное обеспечение сырьем и сбытом готовой продукции, все остальное они в состоянии сделать самостоятельно.

В современных условиях проблема развития подсобных производств и промыслов в сельском хозяйстве нередко понимается как возрождение кустарных промыслов. Однако это понимание односторонне. Безусловно, большое значение имеет возрождение старых традиционных промыслов, но в первую очередь речь идет о развитии новых видов, основанных на современной технической и технологической основе и отвечающих требованиям нового времени.

Одним из направлений социального развития села на современном этапе может быть создание или расширение сферы деятельности подсобных производств и промыслов в качестве вспомогательной отрасли сельскохозяйственных предприятий, но не связанной с сельским хозяйством. Подсобные производства, используя природные сырьевые ресурсы, способствуют сглаживанию сезонности использования трудовых ресурсов, укреплению экономики хозяйств и решению ряда социальных вопросов села.

Комбинирование сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности позволит более рационально использовать ресурсы основного производства, приносить прибыль и улучшить финансово-экономическое положение сельского населения. Инвестирование основного производства за счет получения дополнительной прибыли от деятельности подсобных промыслов в свою очередь помогло бы реализации социальных программ на селе. При том уровне бедности, который сложился в сельской местности, основной задачей является повышение уровня жизни, что тесно связано с расширением экономической активности сельского населения.

В российской деревне экономический кризис вызвал неполную занятость и безработицу среди многих групп населения, и в первую очередь молодежи, которую и раньше мало привлекали сельский труд и жизнь в деревне. Безработица на селе – не новое для общества явление. Даже в пору наивысшего экономического подъема в дореволюционной России на селе был избыток трудовых ресурсов. Это способствовало, с одной стороны, росту ремесел и промыслов в деревнях, а с другой – вынуждало сельское население заниматься отходничеством и вело к переселению в города.

Ограниченность возможностей трудовой занятости и в настоящее время вызывает острые социальные проблемы, приводит к ми-

грации рабочей силы, количество трудоспособного сельского населения в 2011 г. составило 116 791 чел. С середины 1990-х мужское население включилось в работы вахтовым способом, уезжая на заработки в Москву и Санкт-Петербург. В сельском хозяйстве резко снизилось профессионально-квалификационное качество кадров, упала заинтересованность в производительном труде и производительность самого труда.

В сельскохозяйственных предприятиях работают в основном женщины, 40% руководителей этих предприятий – женщины. В результате недостаток профессиональных кадров в агропромышленном комплексе на 1 января 2009 г. составлял 1186 чел., в том числе руководителей и специалистов – 323 чел., трактористов-машинистов – 362 чел., рабочих животноводства – 257 чел., рабочих полеводства – 119 чел., прочих кадров – 125 чел.

Ухудшается качественный состав кадров сельского хозяйства. В 2008 г. среди руководителей и специалистов, занятых в сельском хозяйстве, среднее профессиональное образование имели 48% работников, высшее – 34%; из общей численности рабочих среднее специальное образование имели 11,7% работников, высшее – 1,5% работников.

Уровень интенсивности труда можно оценить по результатам исследования, проведенного автором в 2011 г. по репрезентативной для Костромской области выборке.

Среди сельского населения были заданы два вопрос, ответы на которые распределились следующим образом:

«Занимаетесь ли вы какой-либо деятельностью, чтобы иметь дополнительный заработок?» :

Нет 80,7%
Да, сезонно 3,1%
Да, от случая к случаю 12,1%
Да, несколько раз в месяц 0,7%
Да, постоянно 2,7%

«Занимается ли ваш муж (жена) такой деятельностью?»

Нет 72,0%
Да, сезонно 4,6%
Да, от случая к случаю 20,0%
Да, несколько раз в месяц 0,7%
Да, постоянно 1,4%

Последние годы реформ привели к резкому обнищанию населения, что в большей степени сказалось на сельском населении и связано с различиями в развитии рынка труда в городе и сельской местности. Так, соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников со средним уровнем по области, в сельском хозяйстве составило в 2011 г. 74,3%. Поэтому основным приоритетом социальной политики на селе должно стать создание экономических и правовых условий, стимулирующих активную часть населения на производительный труд как основу личного благосостояния.

Как же складывается ситуация с развитием подсобных производств и промыслов Костромской области? Подсобные производства и промыслы наиболее развиты в отдаленных от областного центра предприятиях, где складывается наиболее тяжелая экономическая ситуация. Специфика их деятельности зависит от географического месторасположения и связана в основном с заготовкой и продажей древесины (предприятия северной и северо-восточной части Костромской области). Продажа леса приносит хозяйствам доход, «живые деньги», являющиеся для некоторых из них основным источником существования. Продукция подсобных производств и промыслов является доходной, удельный вес издержек в денежной выручке составляет в среднем 8–28%, максимальное значение не превышает 73%.

Степень развития подсобных производств и промыслов зависит от уровня экономического развития предприятия. В экономически устойчивых предприятиях подсобные производства и промыслы развиты незначительно (практически отсутствуют), в слабых, убыточных – денежная выручка подсобных производств в общей выручке предприятия в среднем составляет 40%, в некоторых доходит до 75%. Это означает, что в подобной ситуации сельскохозяйственные товаропроизводители практически утратили свое основное предназначение.

Организация подсобных производств и промыслов способствует увеличению занятости, сглаживанию сезонного характера труда. Так, удельный вес работников, занятых в отрасли подсобных производств и промыслов, в общей численности работников предприятия составляет в среднем по области около 10%. Средний размер их заработной платы сопоставим с заработком основных работников. Прослеживается явная зависимость величины заработной платы от месторасположения предприятия, размер ее значительно уменьшается по мере удаления от областного центра к периферии. Подсобные производства и промыслы могли бы сыграть определенную

роль в жизнедеятельности сельских тружеников. Их развитие на качественно новом уровне могло бы внести вклад в становление сельской экономики. Однако здесь многое зависит от готовности самого населения к участию в такого рода производстве и от государственной поддержки этого направления развития сельскохозяйственной отрасли.

В Костромской области уделяют внимание развитию туризма, но только в городской черте. В одном из исследований мы получали информацию для оценки степени готовности сельского населения к участию в предпринимательской деятельности в сфере туризма. Задавался вопрос: «Хотели бы вы на основе своего домохозяйства организовать туристское обслуживание (отдых, рыбалку, охоту, сбор грибов или ягод)?». Из полученных ответов можно понять, что от желания самих людей, по их мнению, ничего не зависит. Нужны деньги, а каковы условия кредитования, они знают из опыта фермеров. Качество жилья не позволяет принимать у себя туристов, да еще дороги, по которым к ним не всегда можно добраться.

То есть причин для того, чтобы даже не рассматривать возможности заниматься предпринимательством в сельской местности более чем достаточно. И вина за это лежит на государственной власти, которая совершенно не занимается развитием сельской инфраструктуры, созданием необходимых условий для развития сельского предпринимательства. В ситуации, когда основные сельскохозяйственные отрасли являются низкорентабельными или убыточными, чрезвычайно важно наличие собственных вспомогательных источников финансирования, способных существенно стабилизировать экономическое положение сельского социума.

«Так жить нельзя…»

Попробую передать, как жители Костромской области воспринимают современную ситуацию.

В Костромской области в экономике села значительную долю занимают предприятия лесной отрасли. Как уже упоминалось, специфика их деятельности зависит от географического местоположения и связана в основном с заготовкой и продажей древесины (предприятия северной и северо-восточной части Костромской области).

Все, что происходило с лесной отраслью за последние годы, можно выразить одним словом – полный развал на фоне безмерно-

го и бессовестного воровства. Сегодня это привело к тому, что все предприятия по лесозаготовке и переработке находятся в частных руках, причем, в большинстве случаев, не коренных жителей области. Даже в самых лесных районах области для населения большая проблема покупка дров на зиму. Много раз я слышала фразу: «Лес забирает жизнь». Столько молодых вдов, у которых мужья погибли в лесу, столько мужчин с ампутированными ногами я видела только в лесных районах. Лесников сократили, что привело к полной бесконтрольности в лесном хозяйстве, целые участки леса отдают на откуп сомнительным иностранным компаниям. Не вырубают, а вырывают все, не убирают за собой, не ведут посадки. Как результат – птица уходит, пропадают ягодники.

Для населения сейчас один из способов существования – заготовка ягод и грибов. По данным нашего исследования, семьи за сезон сдают лесной продукции на 50–60 тыс. рублей и живут на эти деньги целый год. Дети зарабатывают на покупку компьютеров, одежды, обуви. Но и этот источник дохода исчезает. На случай пожаров в деревнях – одни лопаты. Просеки не вырубаются, техники нет. Дороги в ужасном состоянии.

Во время проведения исследования у меня все время возникал вопрос: «Почему эти люди не держат никакого подсобного хозяйства? Даже кур нет в их подворьях. Куда девалась их крестьянская закалка?». Ответ на этот вопрос пришел от сельской интеллигенции. Оказывается, нерентабельно. Содержание коровы, по их подсчетам, обходится в минус 3 тыс. рублей в год. Даже кур содержать дорого. Кормить нечем, хлеб дорогой, кормов теперь не купить. Крестьяне за всем идут в магазин, где часто берут товар «под запись», т.е. в долг.

Что бы ни говорили по этому поводу, дело не в их лени и нежелании работать. Дело в том, что власть о судьбе сельского населения вообще не задумывается. Нет никаких условий для создания фермерских хозяйств, собственного бизнеса, содержания подсобного хозяйства, реализации произведенной продукции, нет никакой инфраструктуры.

Сельские дети – это та часть населения, которая дискриминируется с раннего детства. Школы закрываются, сообщения практически нет, ребята ходят в школу пешком за несколько километров, при том, что в области развелось очень много рыси. Здания школ разрушены, не ремонтируются годами, зимой дети сидят в классах в пальто.

За период с 1995 по 2012 г. в сельской местности количество школ сократилось на 24%. В результате сокращения сети сельских

общеобразовательных учреждений и недостаточной организации доставки к ним детей обострилась проблема доступности услуг образования для сельского населения. Из-за бездорожья часть сельских населенных пунктов остается без автобусного сообщения.

Возможность получать образование после школы ограничена. Родителям трудно содержать своих детей в городе. Одним из способов выживания стало устройство семейных детских домов. Родители берут на воспитание по шесть-восемь детей из детских домов и за счет получаемых пособий учат своих детей в городе. Очень много детей, которые растут в семьях с пьющими родителями. Очень высок уровень инвалидизации и детей, и взрослых при отсутствии медицинской помощи.

Можно сказать, что в современном российском обществе нужно говорить о геноциде сельского населения. Потому что само это население, выживая в таких условиях, говорить о себе уже не может. Оно решает свои проблемы одним способом: любыми путями отправляет своих детей в город.

Раскрестьянивание

На сегодняшний день, говоря о проблемах сельского социума, нельзя не затронуть «земельный вопрос». Люди, которые работали в колхозах, получили паи. То, что происходит с землей, можно определить как «ползучий захват». Земля постепенно по-тихому переходит в руки неких фантомов, которых представляют разъезжающие на дорогих автомобилях представители с нотариусами, заключающие за минуты сделки с теми, кто продает им за копейки (6 тыс. рублей за гектар) свои паи. Причем местная власть способствует этому процессу, она убеждает людей, что если они сейчас не продадут землю за эти деньги, потом они вообще за нее ничего не получат. Межевание – дорогая процедура, люди не могут ее оплатить, а владение каким-то виртуальным куском земли ничего не приносит. Поэтому уговорить их продать свои паи не представляет никакого труда.

Последствия скупки паев можно увидеть на примере результатов приватизации промышленных предприятий. Там была другая схема: рабочим по полгода не платили зарплату, а у проходных стояли люди, скупающие акции. В результате, по данным опроса, в Костроме в 2010 г. 81,1% рабочих не имели акций ни своего, ни других предприятий. Имели акции своего предприятия только 7%

и акции других предприятий 3,5% рабочих. При этом 7,6% продали свои акции в то время, когда не выплачивалась зарплата. Опрос работников управляющего звена этих же предприятий показал, что среди них только 53,2% – не имеют акций. Имеют акции своего предприятия 16,7% управленцев и еще 4,8% владеют акциями других предприятий. Продали акции 6,3% этой группы. По окончании процесса приватизации промышленных предприятий из числа рабочих 97,2% и из числа управленцев 94,5% считают себя наемными работниками.

Теперь очередь за землей. Здесь возникает и такой аспект, как раскрестьянивание. Об этом пишут П.П. Великий и Е.В. Бочарова: «Уже с 70-х гг. XX столетия в обществоведческой литературе появился термин “раскрестьянивание”, в котором при множестве оттенков общим признаком называлась утрата качеств, которые традиционно были присущи земледельцу и животноводу. Различались подходы к оценке таких факторов, как коллективизм, оплата труда, отношение к собственности, профессионализм. На наш взгляд, истоки, динамику и современное состояние “раскрестьянивания” следует рассматривать с позиции исторических, экономических, политико-организационных и духовных детерминаций» (2012 с. 128).

«Механизмы раскрестьянивания, сложившиеся в прошлых советских практиках, действуют до сих пор, а по отдельным направлениям и усилились. Среди них – разрыв между организацией труда и социальной сферой, сложившийся из-за сокращения потребности крупхозов в кадрах, что способствовало в одних случаях перетоку сельских жителей в семейное хозяйство (ЛПХ), в других – маргинализации и люмпенизации, деструкции ценностей, росту девиантного поведения. Все эти процессы уже не укладываются в рамки подходов, актуализирующих социально-политические и экономические признаки идентификации крестьянства» (там же, с. 133).

Этот процесс раскрестьянивания требует эмпирических исследований. У социологов есть возможность посмотреть на происходящие в обществе процессы изнутри, т.е. глазами самих людей. Задача понимания социальной реальности обоснована теми процессами, которые происходят в обществе, находящемся на сломе различных эпох его существования, что само по себе уникально. Тем важнее становится сам материал, который позволяет увидеть, как общественные процессы отразились на судьбах конкретных людей.

Приведу материалы качественного исследования, которое провожу на протяжении двадцати лет. Информантами выступали сту-

денты различных специальностей Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Работу «Я и общество» пишут студенты 4 курса в завершение изучения дисциплины «Социология». Задача, которая ставится перед ними, заключается в том, чтобы описать свой жизненный путь как историю взаимоотношений между личностью и обществом. С точки зрения метода, «история жизни» – это личная автобиография, написанная самим рассказчиком (письменная традиция).

Целью такого длительного исследования было получение оценки индивидуального жизненного пути как последовательности состояний человека, которые меняются в связи с меняющимися общественными событиями. Исследование личных письменных рассказов о жизни информанта – это способ получения информации, с помощью которого можно, с одной стороны, реально увидеть социальные механизмы, формирующие жизненные стратегии людей, социализирующихся в обществе, а с другой – понять способы восприятия социальной реальности через усвоение личного опыта.

Информант выстраивает перед исследователем реальность своей жизни так, как он видит ее на данный момент. Как правило, он начинает свое повествование с детства, с того момента, как он себя помнит, а заканчивает подведением неких итогов в настоящем.

За счет максимальной неформализации этот метод дает исследователю возможность глубокого проникновения в субъективный мир человека. Приведенные ниже транскрипты позволяют увидеть процессы, которые происходили в сельской местности в период слома эпох: от колхозного устройства к нынешнему – неопределенному:

> «...Да, период безденежья в нашей семье я, наверно, не забуду никогда. Зарплату родителям задерживали по полгода, в основном все продукты мы выращивали в своем огороде, мясо тоже было свое. В то время папа и решил заниматься пчелами, развел целую пасеку. И мед тогда стал нашим единственным лакомством. Мама каждый день пекла хлеб, я до сих пор помню этот вкус только что вытащенного из печки круглого хлеба. На мягкий и горячий кусок его намажешь ложку свежего меда и уплетаешь с молоком. Да, тогда это было огромной для нас радостью. Если в этом отношении родители хоть как-то находили выход, то с одеждой дело обстояло куда хуже. Я помню, что очень хотела брюки, любые, главное свои брюки. Тогда уже все мои сверстницы ходили гулять в брюках, а

я до сих пор продолжала надевать юбки да платья. Тогда абсолютно вся одежда мне доставалась от старших сестер, и поэтому иметь что-то свое было настоящей роскошью. А мне так хотелось... Вскоре папа стал уезжать в Москву на лето, а приезжать только к сентябрю. С того времени в доме постепенно стали появляться новые вещи, я уже самостоятельно могла ехать на рынок и купить понравившуюся вещь. Помню и свои первые брюки: черные, вельветовые, клеш. В то время я жила уже одна с родителями, сестренки уехали в Кострому учиться. До сих пор они говорят родителям спасибо за то, что в такие трудные времена те смогли найти средства, чтобы выучить их. Старшая сестра, Таня, пошла по стопам родителей и получила высшее образование учителя географии, а Настя захотела стать экономистом и поступила в сельхозакадемию. И здесь было решено, что младшая тоже должна получить высшее образование; к счастью, выбор профессии был за мной. Но тогда я еще над этим не задумывалась...»

«В нашем поселке была церковь. Но действующей я ее не помню. В памяти остался только один момент: мамина подруга работала в универмаге, который расположился в церкви. Для меня, даже тогда, в детстве, это было дико. Помню, как на полках того магазина сверкала и переливалась хрустальная посуда. В моем детстве в магазинах ничего не было. Я уговаривала дедушку пойти со мной в магазин, а он мне говорил, что там ничего нет. Там и правда, ничего не было. Во всю ширину полок были расставлены жестяные банки с соленой сельдью. Достать одежду тогда тоже было невозможно. К нам в поселок изредка приезжали машины с различным товаром. Помню, как мне купили фломастеры с Котом Леопольдом и красный сарафан. В этом красном сарафане (мама всегда добавляла «кировский», то есть кировский трикотаж) я проходила всю начальную школу. Тогда все старались покупать вещи «на вырост». Вот и мне однажды бабушка купила лакированные туфли размера на 4 больше. Мое детство – это постоянная экономия. Экономия канцелярского клея и тетрадей, картошки и варенья. В каком-то смысле можно сказать, что экономили и одежду. Перешивали мои старые колготки на рейтузы для брата. Детство было трудное. Порой кажется, что оно несчастливое... Но в том и счастье, что когда ты это вспоминаешь, на лице появляется улыбка».

«...И вот, сложив аккуратненько письма в картонную коробку, я бежала слушать, как гудят пароходы. На нашей тогда еще полноводной Ветлуге ходили баржи. В день – штук по пять. И гудели: гу-у – гу – гу-у! Потом все реже, реже, и в один год я не дождалась ни одного парохода. Всю весну прислушивалась, а они взяли и не приплыли. Так до сегодняшнего дня. Лес вырубили, река обмелела. И бревна уже не тянули вереницами маленькие катера, а возили на КАМАЗах. Как раз этим в то время и занимался мой папа. А мама работала воспитателем в детском саду. Я пошла в школу. У меня уже была сестренка. Помню новый год, я учусь в шестом классе, и нам с сестренкой купили платья: мне красное, а ей малиновое. Казалась себе самой красивой девочкой на свете! Да, в это время уже стало как-то полегче с деньгами. И красивую одежду появилась возможность покупать не только на первое сентября. Но так было не у всех, и у нас не всегда. Колхозникам не выплачивали зарплату, папа ушел. Маму сократили. Помню, прибежим с подружкой Наташкой из школы, сядем чай пить – нарежем черного хлеба, посыплем сверху сахарным песком и уплетаем. Полбуханки вдвоем съедали. Я не скажу, что мы перебивались с хлеба на воду. Нет. Но чего это стоило моей маме: полный двор свиноматок с поросятами, корова, теленок, а значит, и ведра, и чугуны с кормом. Тяжести приходилось поднимать совсем не для женских рук. Мне маму было жалко. Поэтому по дому ей помогала я. А на двор она меня близко не подпускала, говоря: “Ты в деревне жить не будешь!”. Так, я до сих пор даже корову доить не умею».

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что в связи с создавшейся ситуацией в число первоочередных задач социальной политики в отношении сельского социума входит обеспечение мер по стабилизации сельскохозяйственного производства, что будет способствовать развитию сельской экономики, повышению уровня жизни сельского населения.

При этом очевидно, что необходимо принятие национальной стратегии, учитывающей общечеловеческие, этно-национальные, территориальные особенности российского сельского бытия, стратегии устойчивого развития сельского населения и сельских территорий, преодоления сформировавшегося массового социального иждивенчества, активизации собственных усилий населения по своему жизнеобеспечению. Это можно сделать не столько путем за-

мены политики патернализации в социальной сфере, сколько кардинальной сменой курса социальной модернизации деревни.

Литература

1. *Великий П.П., Бочарова Е.В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. №1. 2012. С. 126.

2. Костромская область. Статистический ежегодник: Стат. сб. / Костромастат. Кострома, 2012. 457 с.: табл.

3. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: О.Г.И., 2001.

4. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. – М.: Наука, 1991.

5. *Калугина З.И.* Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион. Экономика и социология. 2012. № 2 (74).

6. Миграции сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. – М.: Статистика, 1970.

7. *Нефедова Т., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство России. – М.: Новое издательство, 2006.

8. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013.

9. *Нефедова Т.Г.* Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008.

Часть II

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА

Глава 8. Индикаторы устойчивого развития и природный капитал как фактор модернизации Ближнего Севера

Подходы к разработке индикаторов устойчивого развития

О необходимости радикального изменения моделей развития всего человечества и отдельных стран все настоятельнее говорят политики и ученые. Современная традиционная рыночная модель ориентирована главным образом на краткосрочные экономические результаты, зачастую игнорируя социальные и экологические аспекты развития. Это положение отчетливо выявили современный финансово-экономический кризис и дальнейшее обострение глобальных и национальных социо-эколого-экономических проблем. Крупнейший форум ООН этого века в Рио-де-Жанейро (2012) (Рио+20) еще раз подчеркнул настоятельную необходимость перехода к новому устойчивому типу развития, сбалансированно учитывающему социальные, экономические и экологические нужды общества.

О необходимости радикального изменения типа развития говорят и в России. Представлявший Россию на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев подчеркнул, что «общество, экономика и природа – неразделимы. Именно поэтому нам нужна и новая парадигма развития, которая способна обеспечить благосостояние общества без избыточного давления на природу. Интересы экономики, с одной стороны, и сбережение природы, с другой стороны, должны быть сбалансированы и должны ориентироваться на долгосрочную перспективу. При этом необходим инновационный рост

и рост энергоэффективной, так называемой «зеленой» экономики, который, безусловно, выгоден всем странам»[1].

Для мониторинга перехода к устойчивому типу развития необходимо разработать адекватные индикаторы на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях. Несмотря на отдельные попытки создания подобных показателей, ни одна из них пока не пользуется необходимым уровнем доверия и известности в России и поэтому не является надежным и эффективным инструментом мониторинга ситуации и не используется в качестве инструмента повышения эффективности государственного управления.

В качестве основы методического обеспечения оценки состояния и динамики развития регионов Ближнего Севера России предлагается использовать теорию и практику разработки индикаторов устойчивого развития (sustainable development indicators). В этом контексте будет рассмотрено шесть областей: Архангельская, Вологодская, Костромская, Новгородская, Псковская и Ярославская.

Переход к устойчивому развитию стал важнейшей целью в современных условиях для человечества и отдельных стран, что официально закреплено в базовых документах ООН. Этот термин означает высокое социальное и экологическое «качество» экономического роста, т.е. рост экономики при обеспечении социального развития и сохранения окружающей среды. Методология измерений устойчивого развития находится в стадии становления, поскольку оценки устойчивости многокомпонентны и требуют интеграции.

Нередко разработка индикаторов устойчивого развития оказывается достаточно сложной процедурой, требующей большого количества информации. Индикаторы устойчивого развития должны служить для различных структур власти, лиц, принимающих решения, широкой общественности своеобразным барометром социально-эколого-экономического состояния мира, стран и регионов, происходящих в них процессов и тенденций развития.

Новый всплеск интереса к индикаторам устойчивого развития связан с проведением упомянутой выше Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (2012). В принятых Конференцией документах была подчеркнута необходимость мониторинга прогресса перехода к устойчивому развитию и «зеленой» экономике, дополнение и уход от абсолютизации традиционных макроэкономических показателей типа ВВП.

[1] http://government.ru/docs/19427/

В настоящее время Статистической комиссией ООН разработаны новые подходы к экологизации Системы национальных счетов (СНС). ВВП представляет собой обобщенную меру оценки прогресса в рамках доминирующей в настоящее время модели экономики, основанную на СНС, принятой ООН в 1952 г. В 2012 г. Статистической комиссией ООН предложено принять новые глобальные подходы к экологическому учету, в том числе охватывающие важнейшие аспекты ресурсоэффективности[2]. Предполагается, что в документе будут предложены методы учета в натуральной и стоимостной форме, увязанные с существующей СНС, что создаст возможность выхода за пределы традиционной концепции ВВП за счет интернализации внешних издержек (экстерналий) экономической деятельности, связанных с негативным воздействием на экосистемы и здоровье населения. Это, в свою очередь, позволит всем странам разработать адекватные инструменты для оценки прогресса на пути перехода к экологически устойчивой «зеленой» экономике на перспективу подобно тому, как СНС обеспечивала оценку состояния традиционной экономики на протяжении последних шестидесяти лет.

Сейчас официальные интегральные показатели и системы индикаторов имеют фактически все крупнейшие международные организации (ООН, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейское сообщество и др.) и большинство развитых стран. Среди новых работ в этой области следует отметить Доклад «Об измерении экономического развития и социального прогресса» двух лауреатов Нобелевской премии по экономике: Дж. Стиглица и А. Сена (2009)[3]. В частности, в Докладе отмечается, что ВВП не охватывает различные социальные процессы, изменения в окружающей среде, которые принято называть «устойчивостью» развития. Много внимания в Докладе уделено вопросам устойчивого развития и окружающей среды.

Краткие выводы доклада Дж. Стиглица и А. Сена «Об измерении экономического развития и социального прогресса» сводятся к следующему:

Современная система измерений социально-экономических процессов несовершенна. Участники рынка и правительства не ориентируются на анализ наиболее адекватных показателей.

---

[2] Оценка оценок окружающей среды Европы. Европейское агентство по окружающей среде, Копенгаген, 2011.

[3] Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. J.E. Stiglitz, A. Sen and J.-P. Fitoussi (www.stiglitz-sen-fitoussi.fr)

Растет понимание и признание того факта, что ВВП не является идеальным показателем для измерения благосостояния, т.к. он не охватывает различные социальные процессы, изменения в окружающей среде, некоторые явления, которые принято называть «устойчивостью» развития.

Акцент на ВВП создает известное противоречие: от политических лидеров требуют его максимального роста, тогда как граждане также требуют, чтобы большее внимание уделялось вопросам безопасности, уменьшению загрязненности воздуха и воды, уменьшению шума, что может привести к сокращению роста ВВП.

Один из главных выводов доклада состоит в необходимости перенести акцент в системе показателей с измерения производства на измерение благосостояния. При этом измерение благосостояния должно рассматриваться в контексте обеспечения устойчивости развития.

Для измерения благосостояния следует использовать определения, которые охватывают различные аспекты этой категории, например, такие как безопасность (экономическая и физическая), свобода политического выбора, состояние здоровья, образование и некоторые другие факторы. К сожалению, многие традиционные показатели благосостояния ограничиваются показателями доходов.

В России процесс разработки индикаторов устойчивости развивается, хотя темпы и масштабы этого процесса еще явно недостаточны. В соответствии с решениями Всемирного саммита ООН (2002) с 2005 г. все государства мира должны принять и реализовывать собственные стратегии устойчивого развития. Такой стратегии и соответствующих индикаторов в стране на официальном уровне нет. Тем не менее, можно выделить целый ряд российских проектов на федеральном и региональном уровнях, посвященных собственно индикаторам устойчивого развития.

Под эгидой Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации (Минэкономразвития России) секретариатом Национального подготовительного комитета к Всемирному саммиту ООН в Йоханнесбурге по устойчивому развитию был подготовлен доклад «Национальная оценка прогресса при переходе Российской Федерации к устойчивому развитию» (2002), содержащий большое количество индикаторов устойчивости. Среди разработок на макроуровне следует отметить два исследования: проект Минэкономразвития Российской Федерации и Всемирного Банка «Учет экологического фактора в системе индикаторов социаль-

но-экономического развития» (2001–2002) и проект английской фирмы ERM «Разработка индикаторов для оценки устойчивости процесса экономических и социальных реформ в Российской Федерации» (2003–2004), финансируемый Министерством международного развития Великобритании и осуществляемый под руководством Минэкономразвития России.

Впервые в России при нашем участии были адаптировали индикаторы Цели развития тысячелетия ООН (Цель 7 «Обеспечение экологической устойчивости») для анализа и состояния устойчивости на федеральном уровне для Докладов ПРООН о развитии человеческого потенциала в России (2005, 2010)[4]. Проекты по разработке индикаторов устойчивого развития были реализованы с участием авторов в Томской, Кемеровской и Самарской областях, г. Москве, Чувашской Республике (2003–2012).

В России в последние годы активизировалась деятельность по разработке различных социально-экономических программ, стратегий, проектов. Для них необходимы свои системы целей и индикаторов. Примерами таких разработок, в которых формально не употребляется понятие устойчивого развития, но фактически реализуются его цели, могут быть директивные документы в области оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях. Здесь можно упомянуть Указ Президента России от 28 июня 2007 г., обширную систему индикаторов для субъектов Российской Федерации Минэкономразвития Российской Федерации (2007), разработки индикаторов федеральными министерствами и ведомствами, а также субъектами Российской Федерации в рамках «бюджетирования, ориентированного на результат» (БОР) и др.

В мае 2007 г. Указом Президента Российской Федерации введена методика оценки деятельности губернаторов, разработанная администрацией президента. Эта методика впоследствии дорабатывалась и теперь представляет собой систему более чем из 300 неинтегрированных показателей, при этом особое внимание уделено бюджетным индикаторам, т.к. бюджет является основным инструментом политики региональных органов государственной власти. Минрегионразвития в 2009 г. начало вести мониторинг социально-экономического развития регионов в кризисный период на основе более чем 20 статистических индикаторов.

С 2010 г. появился и сводный индекс положения регионов, рассчитанный как среднее из четырех субиндексов (реальный сектор

[4] Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева. М.: ПРООН за 2005 и 2010 гг.

экономики, инвестиционная привлекательность, доходы и занятость населения, бюджетная система), которые, в свою очередь, интегрируют все статистические показатели по этим укрупненным группам. К позитивным шагам следует отнести Постановление Правительства Российской Федерации от 4 марта 2011 г. о внесении дополнительных показателей «Охрана окружающей среды» для оценки эффективности деятельности исполнительной власти субъектов Российской Федерации в постановление Правительства Российской Федерации № 322 (от 15 апреля 2009 г.).

Рассмотрим возможные подходы к оценке и измерению индикаторов устойчивого развития, базируясь на мировом и российском опыте. Данные индикаторы необходимы для решения следующих задач:

1) Определение целей:

• выявление конкретных целей социально-экономической политики для перехода к устойчивому развитию в количественной форме;

• разработка стратегий (энергетических, экономических, социальных, экологических) для будущего развития;

• прогнозирование эффекта от планируемых мероприятий.

2) Управление:

• мониторинг достижения целей устойчивого развития;

• оценка достигнутого прогресса;

• информация для планирования и принятия решений органами власти.

3) Сравнительная оценка положения в мире и стране:

• межстрановые/межрегиональные сравнения;

• взаимоотношения страны с международным сообществом, региона с центральными властями для привлечения инвестиций, программ, грантов.

4) Участие общественности:

• информирование, взаимосвязь с обществом и отдельными группами, обучение;

• привлечение общественности к участию в гражданской деятельности.

Обобщая мировой и российский опыт, можно отметить, что индикаторы устойчивости должны по возможности удовлетворять следующим основным критериям:

• возможность использования на федеральном и региональном уровнях;

• сочетание экологических и экономических аспектов;

• понимаемость и однозначная интерпретация для лиц, принимающих решения;

• наличие количественного выражения;

• опора на имеющуюся систему национальной статистики без требования значительных затрат для сбора информации и расчетов;

• репрезентативность для международных сопоставлений;

• возможность оценки во временной динамике;

• желательно сквозное представление по уровням (федеральный, региональный. локальный) и секторам;

• соответствие действующим особенностям принятия решений;

• иметь ограниченное число.

В настоящее время уже накоплен определенный теоретический и практический опыт разработки индикаторов устойчивого развития[5]. Международными организациями и отдельными странами предлагаются достаточно разнообразные индикаторы и их системы, содержащие нередко весьма сложную систему показателей.

Можно выделить по крайней мере четыре подхода и соответствующие группы индикаторов, используемых при оценке устойчивости:

1) Интегральные индикаторы, агрегирующие различные показатели для получения одного индекса. Чаще всего агрегируются экономические, социальные и экологические показатели;

2) Системы индикаторов, объединяющие частные индикаторы, отражающие отдельные аспекты устойчивости. Такие системы могут включать экономические, социальные, экологические и институциональные показатели;

3) Частные индикаторы. Здесь широко используются показатели природоемкости и интенсивности загрязнений (удельных загрязнений), отражающих затраты природных ресурсов и загрязнения (выбросы, сбросы, отходы) в расчете на единицу конечного результата (на макроуровне – ВВП);

4) Индикаторы, полученные на основе социологических опросов, отражающих отношение населения к тем или иным проблемам устойчивого развития.

Первый подход предполагает построение интегрального (агрегированного) индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на базе трех групп показателей: экономических, экологических, социальных. Именно такой подход

[5] Подробнее проблемы разработки индикаторов устойчивого развития см.: Бобылев, Зубаревич и др., 2011.

соответствует целям построения экологического рейтинга, т.к. он позволяет получить один показатель.

Второй подход базируется на построении системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. Чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей:

- экономические,
- экологические,
- социальные,
- институциональные.

В третьем подходе, использующем частные индикаторы, важным показателем является природоемкость (nature intensity). Практически во всех системах международных организаций, отдельных стран различные модификации этого показателя широко представлены. Уменьшение природоемкости экономики в динамике является одним из эффективных критериев устойчивого развития.

Можно выделить два типа показателей природоемкости:

- удельные затраты природных ресурсов в расчете на единицу конечного результата (конечной продукции). Часто этот показатель определяется как собственно показатель природоемкости. Здесь величина природоемкости зависит от эффективности использования природных ресурсов во всей цепи, соединяющей первичные природные ресурсы, продукцию, получаемую на их основе, и непосредственно конечные стадии технологических процессов, связанных с преобразованием природного вещества;
- удельные величины загрязнений в расчете на единицу конечного результата (конечной продукции). Здесь также используется термин «интенсивность загрязнения» (pollution intensity). В качестве загрязнений могут быть взяты различные загрязняющие вещества, газы, отходы. Величина этого показателя во многом зависит от уровня «безотходности» технологии, эффективности очистных сооружений и пр.

Существует два уровня показателей природоемкости: макроуровень, уровень всей экономики, и продуктовый, отраслевой уровень. На первом уровне это могут быть показатели природоемкости, отражающие макроэкономические показатели: затраты природных ресурсов (ресурса), объемы выбросов/сбросов загрязняющих веществ и отходов на единицу ВВП, национального дохода и т.д. Измерения этих показателей могут производиться как в стоимостной форме (например, руб./руб.), так и в натурально-стоимостной

(например, т/руб.: производство (потребление) нефти на единицу ВВП).

В качестве отдельных показателей природоемкости на макроуровне для ВВП, национального дохода и т.п. можно рассматривать показатели энергоемкости, материалоемкости, водоемкости, металлоемкости, удельных выбросов загрязняющих веществ, парниковых газов и т.д. В статистике также используются модифицированные показатели природоемкости в расчете на общее население страны, региона, города и т.д.: затраты природных ресурсов или количество загрязнений на душу населения.

Сами по себе показатели природоемкости мало что говорят. Главные их достоинства проявляются при их измерении в динамике или при сравнении с другими странами, экономическими структурами, технологиями и пр. В настоящее время экономики развивающихся стран и стран с переходной экономикой чрезвычайно природоемки и требуют значительно большего удельного расхода природных ресурсов (объемов загрязнений) на производство продукции по сравнению с уже имеющимися экономическими структурами других стран и современными технологиями.

Важной проблемой для выбора частных индикаторов является их конкретная интерпретация – в виде валовых натуральных показателей (суммарные объемы, валовые показатели на душу населения, единицу площади и т.д.) или удельных показателей (природоемкость, удельные загрязнения и т.д.). Для первой группы индикаторов характерно натуральное (или «удельно-натуральное») выражение, для второй – «натурально-стоимостное».

Представляется, что выбор между этими показателями должен определяться целями и областями использования индикатора. Так, для оценки структурно-технологических тенденций, изменения структуры экономики больше подходят удельные показатели природоемкости, удельных загрязнений. Они также удобны для прогнозирования экономического развития, изменения воздействия на окружающую среду и экологической ситуации на перспективу; это своеобразный «эколого-технологический» анализ. Валовые индикаторы лучше подходят для анализа сложившейся экологической ситуации, степени ее благоприятности для человека и среды, уровня и величины воздействия на природу, ущерба для здоровья и пр. Эти индикаторы удобно применять для ограниченных территорий, регионального анализа.

Проиллюстрировать целесообразность разных сфер применения валовых и удельно-стоимостных индикаторов можно на примере веществ, загрязняющих воду и воздух. Валовые объемы этих

веществ уменьшились почти вдвое за 1990-е гг. Для лиц, принимающих решения, это является хорошим аргументом в пользу вывода об улучшении экологической ситуации в стране, возможности уменьшения внимания к охране окружающей среды и выделяемых для этих целей средств. Это реально сейчас и происходит.

Однако если использовать удельные показатели природоемкости, которые росли на протяжении 1990-х гг., то можно сделать противоположный вывод о необходимости усиления внимания к экологическим аспектам экономического развития, об усугублении технологической отсталости из-за формирования «грязной» антиустойчивой структуры российской экономики и потенциального увеличения негативного воздействия на среду в условиях экономического роста. Вместе с тем при анализе ситуации в городе, регионе с позиций воздействия загрязняющих веществ, например, на здоровье человека, очевидна необходимость использования валовых натуральных (или удельно-натуральных) показателей, т.к. натурально-стоимостные показатели природоемкости здесь мало информативны.

Важную роль может сыграть измерение показателя природоемкости в динамике. Представляется, что он станет одним из важных критериев перехода к устойчивому типу развития. Уменьшение показателей природоемкости на макроуровне будет служить существенным свидетельством перехода от сформировавшегося техногенного типа экономического развития к устойчивому типу. Тем самым в системе критериев устойчивого развития показатель природоемкости может сыграть важную роль.

Довольно новыми для мира являются индикаторы устойчивого развития, полученные на основе социологических исследований (четвертая группа индикаторов). К типичным вопросам в этой сфере относятся «удовлетворенность жизнью» и «удовлетворенность действиями по охране среды» со стороны населения. По данным глобального Доклада ПРООН по человеческому развитию, удовлетворенность жизнью российского населения вписывается в средние показатели по миру (5,4 по десятибалльной шкале), однако удовлетворенность действиями по охране окружающей среды находится на низком уровне (18% опрошенных)[6].

Показательно, что чем выше уровень человеческого развития, тем выше удовлетворенность населения жизнью; здесь несомненные лидеры Норвегия, Австралия, Нидерланды, Канада. Такой корреляции нет в области удовлетворения действиями по охране окру-

[6] Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All. UNDP, NY, 2011.

жающей среды; например, в Норвегии почти половина населения недовольна ситуацией в этой области.

Важным критерием перехода к устойчивому развитию является «эффект декаплинга» (decoupling), отражающий рассогласование трендов роста экономических результатов и потребления природных ресурсов, – результаты растут быстрее чем потребление. В лексиконе ученых и политиков термин «декаплинг» стал в последнее время общеупотребимым. «Эффект декаплинга» особенно желателен для актуальной в мире ситуации в энергопотреблении и макроэкономических трендах – он отражается в опережении темпов роста ВВП над темпами потребления энергетических ресурсов. Этот важный эффект достигнут практически во всех развитых странах. Например, Дания за последние три десятилетия смогла удвоить ВВП при сохранении объемов потребления энергоресурсов. «Эффект декаплинга» можно интерпретировать и в показателях природоемкости, которые должны отражать снижение объемов затрат природных ресурсов и загрязнений на единицу конечного результата, чаще всего ВВП.

Анализируя в целом устойчивое развитие, можно подчеркнуть то положение, что уменьшение природоемкости экономики является необходимым условием перехода к нему для любой страны и всей мировой экономики. Не может быть движения по траектории устойчивого развития при увеличении использования природных ресурсов и загрязнений в расчете на единицу конечного результата. И опыт перехода многих стран к постиндустриальным экономическим структурам об этом говорит.

Вместе с тем следует осознавать тот факт, что дальнейшее разбалансирование биосферы может происходить и при снижении природоемкости и «эффекте декаплинга». Здесь необходимо учитывать эффект масштаба, объемы вовлекаемых природных ресурсов и загрязнений, производимых экономикой. На фоне уменьшения удельных показателей общая нагрузка на окружающую среду может расти.

Главными для снижения природоемкости и нагрузки на окружающую среду являются структурные сдвиги в экономике, модернизация и технологические изменения, широкое использование новых технологий природопользования. Для инновационной экономики свойственно снижение затрат всех видов материальных ресурсов на единицу конечного результата.

Системы индикаторов и интегральных оценок устойчивого развития страны и регионов дают необходимую информацию лицам, принимающим решение, широкой общественности о степени со-

циально-экономической и экологической устойчивости или «неустойчивости» развития, о динамике социально-экономической и экологической устойчивости. Использование методов оценки в режиме мониторинга позволяет оценить эффективность мер, предпринимаемых органами власти по реализации политики, нацеленной на устойчивое развитие.

В России наиболее продвинутой в разработке систем индикаторов устойчивого развития является Томская область.

Система индикаторов устойчивого развития Томской области была создана в области в 2003 г. в рамках международного проекта «Разработка индикаторов для оценки устойчивости процесса экономических и социальных реформ в Российской Федерации». Исполнители проекта приняли участие в этой разработке. С тех пор система индикаторов устойчивого развития для области постоянно обновляется, проводится мониторинг главных показателей. Регулярно выходит специальный бюллетень «Индикаторы устойчивого развития Томской области»[7]. Это позволяет наряду со структурами власти информировать и общественность.

Уникальна для России институциональная поддержка разработки и использования индикаторов. Главным редактором бюллетеня – до времени своего нового назначения – являлся губернатор Томской области В.М. Кресс, редакторами – первый заместитель губернатора О.В. Козловская и начальник Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Томской области А.М. Адам. Такой высокий статус разработки индикаторов позволяет сделать их реальным инструментом мониторинга и оценки социально-экономического развития области, экологической ситуации в ней.

В Томской области применение индикаторов охватывает различные сферы деятельности, прежде всего стратегическое планирование. Индикаторы согласовываются со стратегическими целями социально-экономического развития области. Подавляющее большинство индикаторов устойчивости (три четверти всех показателей) используется в качестве индикаторов и показателей «Стратегии развития Томской области до 2020 г.» и «Программы социально-экономического развития Томской области на 2006–2010 гг.», разработанными администрацией Томской области в 2005 г.

В Томской области использована наиболее комплексная система из трех видов индикаторов устойчивого развития: экономических, социальных и экологических. Данные индикаторы были проран-

[7] Индикаторы устойчивого развития Томской области, 2007.

жированы по уровням приоритетности и региональной специфики. Были выделены: ключевые/базовые, дополнительные, специфические.

Всего в систему индикаторов устойчивого развития Томской области было включено 38 индикаторов, включая 12 ключевых, 21 дополнительный и 5 специфических. В качестве важнейшего ключевого показателя выделена энергоемкость. Также в ключевых индикаторах получили свое отражение интегральные (агрегированные) индикаторы: индекс развития человеческого потенциала, скорректированные чистые накопления, природный капитал. Широко используются удельные показатели, прежде всего, различные виды природоемкости.

Интегральные индикаторы устойчивого развития

По своей идеологии целям эколого-экономического индекса для регионов регионов России лучше всего соответствуют интегральные (агрегированные) индикаторы устойчивого развития. Наличие агрегированного индикатора является идеальным для лиц, принимающих решения, с точки зрения учета экологического фактора в развитии страны. По одному такому показателю можно было бы судить о степени устойчивости страны и регионов, экологичности траектории развития отдельных территорий. Этот показатель может служить своеобразным аналогом ВВП, ВНП, национального дохода, по которым ныне обычно измеряют успешность экономического развития, экономическое благосостояние.

В табл. 8.1 представлены восемь наиболее теоретически проработанных, на наш взгляд, количественно оцениваемых и распространенных интегральных индикаторов, включая их основные характеристики.

Для используемых в мире интегральных индикаторов характерны:

- количественная оценка;
- применение на глобальном и страновом уровнях;
- расчеты для мировой экономики, крупных регионов и отдельных стран;
- приоритетность, отнесение к ключевым/базовым показателям.

В силу методологических и статистических проблем, сложностей расчета общепризнанного в мире интегрального индикатора

Таблица 8.1

Виды и характеристика интегральных индикаторов устойчивого развития

Индикатор	Источник	Характеристика	Интегрируемые статистические данные и компоненты	Измерение/Частота измерения
Ущерб для здоровья населения от загрязнения окружающей среды Environmental Health Damage	Европейская комиссия 1996, Штутгартский университет (модель «Экосенс») 1997	Эколого-социально-экономический	Большой комплекс медицинских, экологических, метеорологических, экономических и других данных	Стоимостное (в % ВВП, ВРП)/ разовые
Индекс скорректированных чистых накоплений Adjusted net savings	Всемирный Банк 1997	Эколого-экономический	8 компонент	Проценты/ ежегодно
Индекс развития человеческого потенциала Human development index	ПРООН 1990	Социально-экономический	3 компоненты	В долях/ ежегодно
Экологически адаптированный чистый внутренний продукт Environmentally adjusted net domestic product	ООН 1993, 2000	Эколого-экономический	Статистические данные в зависимости от наличия и методики расчета	Стоимостное/ разовые
Индекс «живой планеты» Living Planet Index	ВВФ 1998	Экологический	1100 компонент	Проценты/ ежегодно

Окончание табл. 8.1

Виды и характеристика интегральных индикаторов устойчивого развития

Индикатор	Источник	Характеристика	Интегрируемые статистические данные и компоненты	Измерение/ Частота измерения
«Экологический след» The Ecological Footprint	ВВФ 1997	Экологический	6 компонент	кв. км/ежегодно
Индекс экологической устойчивости Environmental Sustainability Index	Йельский и Колумбийский университеты, 2001	Эколого-экономический	67 компонент	Стандартное отклонение, 2000, 2001, 2002, 2005
Индекс реального прогресса Genuine Progress Indicators	Кобб, 1998	Эколого-экономический	10 компонент	Стоимостное/ разовые

еще не существует. Агрегирование разноплановых показателей в единый индикатор ставит целый ряд теоретических и практических вопросов. Принципиальный вопрос при агрегировании информации в индикаторы – определение весов исходных показателей без излишней субъективности и без утраты их значимости. Чем выше уровень агрегирования информации, тем сложнее взвешивать несравнимые величины.

Тем не менее, конструктивные подходы в этой области активно разрабатываются[8]. Агрегированный подход к построению интегрального индикатора устойчивости с учетом экономических компонент наиболее полно реализован в разработках специализированных учреждений ООН и Всемирного банка. Этими международными организациями предложены методики, позволяющие включить экологический фактор в национальные счета, в показатели национального богатства.

Среди чисто экологических интегральных индикаторов наиболее методологически обоснованы и статистически обеспечены разработки Всемирного фонда дикой природы (ВВФ, WWF): эколо-

[8] Бобылев, Зубаревич и др., 2011.

гический след (ecological footprint) и индекс живой планеты (living planet index).

Перспективными интегральными индикаторами представляются показатели, связывающие состояние/загрязнение окружающей среды со здоровьем населения в стоимостной форме. При этом помимо объективных факторов имеют место и субъективные. Для широкой общественности, лиц, принимающих решения, экологические приоритеты (уменьшение загрязнения окружающей среды, сохранение живой природы, биоразнообразия и пр.) не всегда первостепенны, т.к. существует много других материальных, социальных проблем, влияющих на поддержку и повышение жизненного уровня.

Такая ситуация реальна для многих стран, включая развитые и страны с переходной экономикой. В этих условиях демонстрация на примере интегрального индикатора связи качества окружающей среды со здоровьем человека служит наглядным аргументом в пользу решения экологических проблем. Для отдельного человека вопросы здоровья приоритетны. В России такого рода аргументы также вполне значимы в свете заявлений руководства страны о приоритетности для страны развития человеческого потенциала, улучшения здоровья населения.

Представление результатов воздействия загрязнения на здоровье в стоимостной форме усиливает экологическую аргументацию для лиц, принимающих решения, и широкой общественности. Поэтому целесообразно давать экономическую оболочку для социальных и экологических проблем, показывать, что решение социальных и экологических проблем может приносить обществу экономические результаты.

Сейчас в России сохранение экспортно-сырьевого экономического роста связано с увеличением загрязнения и деградации среды, нарушением баланса биосферы, что ведет к ухудшению здоровья человека и ограничивает возможности дальнейшего развития человеческого потенциала. Это означает, что страдает экологическая компонента качества жизни, благосостояния населения. Приближенные оценки рисков от загрязнения воды и воздуха позволяют говорить о том, что экономические издержки для здоровья населения России, связанные с загрязнением воздуха и воды, составляют в среднем не менее 4–6% от ВВП. В регионах ущерб для здоровья

по экологическим причинам может достигать 8–10% ВРП, в частности для уральских регионов[9].

Индекс скорректированных чистых накоплений

По мнению авторов, наиболее проработанным в теоретическом плане, имеющим хорошую статистическую базу и возможность расчета на страновом и региональном уровнях является интегральный эколого-социально-экономический индекс «скорректированных чистых накоплений» (adjusted net savings). Первоначально индекс скорректированных чистых сбережений назывался «истинными (внутренними) сбережениями (накоплениями)» (genuine (domestic) savings) и был разработан английскими учеными и специалистами Всемирного банка[10]. Сейчас в научной литературе названия этих индикаторов используются как эквивалентные, но в официальных справочниках Всемирного банка в последние годы применяется показатель «скорректированные чистые накопления».

По сравнению с традиционными макроэкономическими показателями оценки скорректированных чистых накоплений включают более широкий учет человеческого капитала и экологического фактора. Значение измерения этих накоплений для политики устойчивого развития достаточно ясно: постоянно отрицательные показатели индекса отражают формирование антиустойчивого типа развития, что должно привести к ухудшению благосостояния.

Стандартная система национальных счетов предполагает, что только вложения в основной капитал являются вложениями в будущее благосостояние общества. Расширенная трактовка скорректированных чистых накоплений включает природный и человеческий капиталы, которые, наряду с физическим (искусственным) капиталом, составляют национальное богатство. С этих позиций истощение невозобновляемых природных ресурсов и чрезмерное использование возобновляемых представляют собой вычет из национального богатства.

Вложения в образование населения выступают как прирост человеческого капитала. Текущие затраты на образование приравни-

[9] Подробно экономический ущерб для здоровья от загрязнения окружающей среды рассмотрен в работах авторов: Бобылев, Зубаревич и др., 2011; Бобылев, Сидоренко и др., 2002.

[10] Where is the Wealth, 2006. Также англоязычный термин adjusted net savings иногда переводится как «адаптированные чистые сбережения (накопления)».

ваются к инвестициям. Это связано с определением человеческого капитала/потенциала, которое включает понятие расширенных внутренних инвестиций. Затраты в человека рассматриваются не как непроизводительное потребление, а как инвестиции, обеспечивающие в итоге прирост национального богатства. С этих позиций страна, которая реинвестирует доход от добычи невозобновляемых природных ресурсов в развитие человеческого капитала, повышая уровень образования населения, увеличивает накопление и обеспечивает устойчивое развитие.

Впервые под названием «индекс истинных накоплений (сбережений)» (genuine savings) этот индикатор был предложен Д. Пирсом и Дж. Аткинсоном в 1993 г.[11] Следует упомянуть и другую работу этих английских экономистов с коллегами «Измеряя устойчивое развитие: макроэкономика и окружающая среда»[12]. Важное достоинство индекса истинных сбережений – наличие единой методологии расчета для мира и отдельных стран, базирование на официальной статистике отдельных стран, ежегодное обновление и публикация в главном статистическом сборнике Всемирного банка «Мировые показатели развития» (World Development Indicators) и в других статистических материалах Всемирного банка.

Дальнейшее развитие этот агрегированный индикатор, включающий оценки природного, физического и человеческого капиталов, получил в двух монографиях специалистов Экологического департамента Всемирного банка: «Где богатство наций? Измеряя капитал для XXI столетия» (2006) и «Изменяющееся богатство наций: измеряя устойчивое развитие в новом тысячелетии» (2011)[13]. Эти работы представляют продуктивные попытки предложить новое измерение общественного богатства, адекватно включить в него экологический фактор, дать количественную интерпретацию устойчивого развития.

Индекс скорректированных чистых накоплений характеризует скорость накопления национальных сбережений после надлежащего учета истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды. Показатель является результатом коррекции валовых внутренних накоплений.

Можно выделить три основных этапа коррекции валовых накоплений для получения показателя скорректированных чистых накоплений. На первом этапе из валовых внутренних накоплений вычитается величина потребления/обесценивания постоянного

[11] Pearce, 1993.
[12] Atkinson G., Duburg R., Pearce D. and others, 1997.
[13] The changing wealth, 2011. Where is the Wealth, 2006.

капитала (в российской статистике определенным аналогом этого показателя является амортизация основных фондов). На втором этапе скорректированные чистые внутренние накопления увеличиваются на величину расходов на образование. С точки зрения устойчивого развития принципиально важным является третий этап, на котором происходит экологическая коррекция: вычитается истощение природного капитала (энергетические и минеральные ресурсы, а также сальдо по лесным ресурсам) и ущерб от загрязнения окружающей среды (выбросы CO_2 и твердых взвешенных частиц). Все входящие в расчет величины берутся в процентах от валового национального дохода (GNI).

Опубликованные Всемирным банком на основе методики скорректированных чистых накоплений (истинных сбережений) расчеты для всех стран мира показали значительное расхождение традиционных экономических и экологически скорректированных показателей.

В России при формальном экономическом росте происходит экологическая деградация, и экологическая коррекция приводит к значительному сокращению традиционных экономических показателей вплоть до отрицательных величин их прироста. Это важно учитывать в посткризисных условиях в России. В табл. 8.2 пред-

Таблица 8.2

Компоненты скорректированных чистых накоплений

Национальные статистические агрегированные показатели	Величины (в % от ВНД)	
	Мир	Россия
Валовые сбережения	22,8	31,3
Потребление постоянного капитала	–13,7	–12,9
Расходы на образование	4,3	3,5
Истощение энергетических ресурсов	–3,0	–17,9
Истощение минеральных ресурсов	–0,4	–1,3
Сальдо истощения лесных ресурсов	0,0	0
Ущерб от выбросов CO_2	–0,4	–1,1
Ущерб от выброса твердых частиц	–0,4	–0,2
Адаптированные чистые сбережения	8,8	1,4

Источник: Little Green Data Book 2009. World Bank, Washington DC, 2009.

ставлены компоненты скорректированных чистых накоплений в России и в среднем по миру.

Показательно и сопоставление скорректированных чистых накоплений России и отдельных стран мира. В целом по миру этот показатель составляет 8,8% (см. табл. 8.2).

В рамках проекта ВВФ России и РИА «Новости» с участием авторов на основе скорректированных чистых накоплений был рассчитан эколого-экономический индекс для регионов России[14]. Рассмотрим величины и компоненты этого индекса для регионов Ближнего Севера (табл. 8.3).

Скорректированные чистые (СЧН) накопления для регионов Российской Федерации рассчитываются по формуле:

$$СЧН = ВН – ИД – ИПР – УЗОС + РЧК + ЗОС + ООПТ,$$

где

ВН – Валовые накопления основного капитала;

ИД – Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых»;

ИПР – Истощение природных ресурсов;

УЗОС – Ущерб от загрязнения окружающей среды;

РЧК – Расходы бюджета на развитие человеческого капитала;

ЗОС – Затраты на охрану окружающей среды;

ООПТ – Оценка особо охраняемых природных территорий.

Эколого-экономический индекс (Индекс скорректированных чистых накоплений (ИСЧН)) рассчитывался как отношение скорректированных чистых накоплений к ВРП:

$$ИСЧН = СЧН / ВРП \cdot 100\%,$$

где

СЧН – Скорректированные чистые накопления;

ВРП – Валовой региональный продукт.

При расчетах принималось во внимание то обстоятельство, что российские регионы характеризуются очень высокой дифференциацией по уровню своего развития, связанной с их отраслевой специализацией, во многом определяемой историческими предпосылками и особенностями индустриального развития в советские

[14] Бобылев, Минаков и др., 2012.

Индекс скорректированных чистых накоплений

Субъект Российской Федерации	ВРП, млрд руб.	Валовые накопления основного капитала (Чистые накопления)		Истощение запасов леса		Ущерб от выбросов CO_2	
		млрд руб.	% к ВРП	млрд руб.	Доля в ВРП, %*	млрд руб.	Доля в ВРП, %
Ярославская область	212,68	57,24	26,91	–14,21	–6,68	8,7	4,1
Псковская область	74,65	13,10	17,55	2,44	3,27	2,9	3,9
Архангельская область	323,61	77,32	23,89	–97,51	–30,13	17,7	5,5
Новгородская область	117,71	34,75	29,52	34,06	28,94	5,3	4,5
Костромская область	78,92	11,46	14,52	7,45	9,44	6,6	8,4
Вологодская область	213,40	55,39	25,96	–25,32	–11,87	31,0	14,0

* (–) если запасы древесины увеличиваются, (+) если запасы древесины снижа-

годы. Из табл. 8.3 исключены показатели, связанные с добычей полезных ископаемых, как нехарактерные для Ближнего Севера.

Наиболее высокий индекс скорректированных чистых накоплений у Ярославской области – 50% регионального ВРП (см. табл. 8.3). Невысок данный индекс в Архангельской, Новгородской и Костромской областях (9–23% региональных ВРП). Псковская и Вологодская области занимают промежуточное положение (30–34% ВРП). Валовые накопления основного капитала наиболее существенны в Ярославской, Вологодской и Новгородской областях (26–30% ВРП).

Существенной проблемой становится истощение запасов леса: в Архангельской и Новгородской областях стоимостная оценка этого показателя доходит почти до 30% ВРП. Прирост запасов древесины наблюдается в Ярославской и Вологодской областях. Ущерб от выбросов парникового газа CO_2 колеблется по северным регионам от 4% ВРП (Ярославская и Псковская области) до 14% ВРП (Вологодская область).

Таблица 8.3

в регионах Ближнего Севера России

Расходы на развитие человеческого капитала		Оценка особо охраняемых территорий		Затраты на охрану окружающей среды		Индекс скорректированных чистых накоплений
млрд руб.	Доля в ВРП, %	млрд руб.	Доля в ВРП, %	млрд руб.	Доля в ВРП, %	% ВРП
16,22	7,63%	25,06	11,78%	3,46	1,63%	50,43
7,39	9,90%	6,95	9,31%	0,25	0,33%	29,72
20,19	6,24%	26,68	8,24%	4,88	1,51%	23,43
8,33	7,08%	13,81	11,73%	0,80	0,68%	15,36
6,79	8,60%	2,94	3,73%	0,26	0,33%	9,24
16,06	7,53	2,10	0,98	2,83	1,33	33,56

ются

Расходы на развитие человеческого капитала в регионах Ближнего Севера находятся в диапазоне от 6 до 10% региональных ВРП. Ярославская и Новгородская области лидируют по оценке особо охраняемых природных территорий – около 12% ВРП. Затраты на охрану окружающей среды доходят до 1,5–1,6% ВРП в Ярославской и Архангельской областях. Самые низкие экологические затраты в Костромской области – всего 0,3% ВРП.

Индекс развития человеческого потенциала

Широкое официальное признание в мире получил Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index) (ИРЧП). Являясь по сути интегральным социально-экономическим индикатором, он отражает прежде всего, социальный аспект устойчивого развития. Вместе с тем одна из его компонент, связанная с ожидаемой продолжительностью жизни, тесно связана

с экологической ситуацией. По оценкам медиков-экологов, вклад загрязненной окружающей среды в смертность населения может доходить до 20%. Экологически обусловленные заболеваемость и смертность актуальны для многих стран мира, в том числе и России.

ИРЧП рассчитывается ежегодно с 1990 г. для стран мира в рамках Программы развития ООН (UNDP) и включается в мировой Доклад о развитии человеческого потенциала (Human Development Report of the United Nations Development Programme). Сейчас более 100 стран мира издают подобные доклады с использованием ИРЧП.

Содержание составляющих индикатора ИРЧП отражает базовые возможности, которыми люди должны располагать для активного участия в жизни общества: возможность здоровой и продолжительной жизни, возможность и способность иметь знания (образование) и доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни.

Этот индекс разработан в рамках Программы Развития ООН (UNDP) и рассчитывается на основе трех показателей:

• уровня жизни, измеряемого на базе реального ВВП/ВРП на душу населения на основе паритета покупательной способности;

• долголетия, измеряемого как продолжительность предстоящей жизни при рождении;

• достигнутого уровня образования.

Каждый из компонентов ИРЧП является результатом взаимосвязанных показателей социально-экономического развития и обладает собственной качественной характеристикой. Индекс валового продукта на душу населения показывает экономическую результативность деятельности людей; индекс продолжительности жизни – состояние физического, психологического и социального здоровья населения, на которое существенно влияет экологическая ситуация; индекс образования отражает профессиональный и культурный потенциал населения, качество трудовых ресурсов.

В табл. 8.4 представлен рейтинг стран по ИРЧП. Компоненты индекса хорошо показывают преимущества и недостатки России в области человеческого развития.

Все последние годы ИРЧП страны рос, и Россия вошла в число стран с высоким уровнем индекса. Но имея высокие уровни образования и душевого дохода, страна существенно отстает по показателю ожидаемой продолжительности жизни. Это отбрасывает Россию на низкую 66 позицию в рейтинге ООН. В результате страны с более низкими уровнями благосостояния и образования (напри-

Таблица 8.4

Индекс развития человеческого потенциала в отдельных странах*

Рейтинг	Страны	Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	ВВП на душу населения** (ППС в долл. США)	Средняя продолжительность обучения (лет)	ИРЧП
1	Норвегия	81,1	47 557	12,6	0,943
2	Австралия	81,9	34 431	12,0	0,929
3	Нидерланды	80,7	36 402	11,6	0,910
...50	Румыния	74,0	11 046	10,4	0,781
...61	Малайзия	74,2	13 685	9,5	0,761
...66	РОССИЯ	68,8	14 561	9,8	0,755

Источник: Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All. UNDP, NY, 2011.

* Данные глобального Доклада ПРООН за 2011 г. относятся к последнему году из доступных лет исследования.

** По предварительной оценке Росстата, ВВП на душу населения России по ППС в 2011 г. составил 21 091 долл. США, а по опубликованным данным последнего раунда сопоставлений 2008 г. – 20 350 долл. США.

мер, Румыния и Малайзия в табл. 8.4) оказываются выше нашей страны по ИРЧП. Главная причина такого негативного тренда – на фоне роста долголетия в подавляющем большинстве стран низкий российский показатель ожидаемой продолжительности жизни.

В России величина регионального ИРЧП может служить критерием разделения субъектов Российской Федерации на группы с различным уровнем человеческого развития.

Вне зависимости от уровня экономики к регионам с высоким уровнем человеческого развития относятся те, в которых ИРЧП > 0,8; к регионам со средним уровнем человеческого развития – те, в которых 0,5 < ИРЧП < 0,8; к регионам с низким уровнем человеческого развития – те, в которых ИРЧП < 0,5.

Главной задачей вычислений ИРЧП является не определение его величины как таковой, а ранжирование на его основе различных регионов и сопоставление рейтинга регионов по ИРЧП и ВРП на душу населения. Если рейтинг по ИРЧП выше, чем по среднедушевому ВВП, это позволяет судить о большей ориентированности экономики региона на цели человеческого развития, и наоборот.

Таблица 8.5

Индекс развития человеческого потенциала в избранных российских регионах (2010)

Регион	Душевой ВВП долл. ППС	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс образования	ИРЧП 2010	Место
Российская Федерация	19674	68.83	0.916	0.843	–
г. Москва	39226	73.56	0.984	0.931	1
г. Санкт-Петербург	24551	71.49	0.969	0.887	2
Тюменская область	60363	69.72	0.916	0.887	3
Архангельская область	19243	67.86	0.917	0.836	16
Ярославская область	14702	68.54	0.926	0.828	23
Вологодская область	15582	67.02	0.912	0.818	37
Новгородская область	16355	64.90	0.907	0.808	53
Костромская область	11652	67.67	0.914	0.806	54
Псковская область	10306	64.60	0.909	0.781	76

Источник: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2012. Под ред. С.Н. Бобылева. М.: ПРООН, 2013.

В табл. 8.5 ИРЧП дан для трех регионов-лидеров (Москва, Санкт-Петербург и Тюменская область) и регионов Ближнего Севера России. Северные регионы относятся к территориям с высоким уровнем ИРЧП (> 0,8), но они располагаются в рейтинге довольно далеко от лидеров. Исключением является Псковская область со средним уровнем развития человеческого потенциала и ИРЧП ниже 0,8.

Большое значение для ранжирования по ИРЧП имеют показатели материального благосостояния и низкой продолжительности жизни в российских регионах. Дифференциация по индексу образования гораздо меньше. Видно существенное влияние на вели-

чину дифференциации материального уровня населения. Самая «богатая» северная область (Архангельская) находится примерно на среднероссийском уровне (19–20 тыс. долл. душевого ВВП по паритету покупательной способности), но она в 2–3 раза проигрывает по этому показателю лидерам (Москве и Тюменской области). Наиболее бедными северными областями являются Костромская и Псковская – всего 10–12 тыс. долл. душевого ВВП, что почти вдвое ниже среднероссийского уровня.

Низко и долголетие населения в северных регионах. По сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом, где ожидаемая продолжительность жизни составляет 72–74 года, этот показатель в Костромской, Новгородской и Псковской областях равен всего 65–68 годам.

Информационная и институциональная поддержка индикаторов

Мировой опыт показывает, что ограничения и барьеры для разработки индикаторов и показателей устойчивости во многом обусловлены дефицитом необходимой экономической, социальной и экологической информации. Этот дефицит может быть порожден как объективным отсутствием необходимой информации, так и ее закрытостью вследствие коммерческой тайны (что типично для большинства энергетических компаний и организаций). Все эти проблемы необходимо учитывать при разработке экологического рейтинга.

Сейчас сложилась парадоксальная ситуация, когда многие ключевые индикаторы устойчивого развития включены в важнейшие документы развития страны (например энергоемкость), но не публикуются в официальных статистических справочниках, что затрудняет их использование в процессах принятия решений на всех уровнях, информирование общественности.

Для широкого использования индикаторов в процессах принятия решения необходимо как можно быстрее включить важные экологические индикаторы в государственную статистику и широкий общественный оборот. Эти показатели должны быть представлены и в региональном измерении.

Среди них можно предложить следующие:

• количество людей, проживающих на загрязненных территориях (в городах);

• энергоемкость и ее различные виды (электроемкость, отраслевая энергоемкость и т.д.);

• различные показатели природоемкости и интенсивности загрязнений;

• выбросы парниковых газов;

• показатели по деградации почв в сельском хозяйстве (прирост эродированных земель, нарушение баланса органического вещества в почвах) и т.д.

В качестве перспективных показателей прогресса для России с целью обеспечения экологической устойчивости можно предложить три важных индикатора:

• ненарушенная хозяйственной деятельностью территория;

• коэффициент обновления основных фондов;

• численность населения, использующего питьевую воду, не соответствующую гигиеническим нормативам (млн чел.).

Наличие значительного сектора теневой экономики в России искажает ВВП и другие важнейшие экономические показатели. Огромны масштабы нелегального и браконьерского использования природных ресурсов. По экспертным оценкам, размеры неучтенного использования и продажи некоторых видов природных ресурсов (лес, рыба и др.) в 2–3 раза превышают официальные данные по регионам.

В настоящее время примеры институциональной поддержки внедрения индикаторов устойчивого развития имеются как на федеральном, так и на региональном уровнях. В частности, можно отметить систему индикаторов энергоэффективности, разработанную в рамках Программы Министерства образования и науки Российской Федерации «Комплексное решение вопросов энергосбережения и ресурсосбережения для инновационного развития отраслей экономики».

Среди российских регионов наиболее продвинутая и комплексная система индикаторов устойчивого развития, как отмечалось выше, разработана в Томской области. Подавляющее большинство индикаторов устойчивости используется в качестве показателей для социально-экономических программ и стратегии развития области.

Разработка системы индикаторов для регионов дает возможность оценить продвижение регионов по улучшению экологической ситуации и пути устойчивого развития на основе регионального мониторинга и контроля.

Это позволяет – даже при вероятной неточности некоторых официальных показателей – получить несомненные преимущества для мониторинга:

• возможность использовать данные, полученные по одной методике;

• возможность межрегионального/федерального/международного сопоставления;

• регулярность сбора информации Росстатом и его подразделениями (позволяет строить длинные временные ряды);

• воспроизводимость статистической информации;

• относительно небольшие затраты на сбор информации для расчета экологических индикаторов;

• прозрачность расчета экологических индикаторов, возможность его проверки, воспроизведения и коррекции.

Попытки использовать данные сложных научных экологических исследований малопродуктивны. Часто они очень дороги, нерегулярны и достаточно субъективны.

Природный капитал как фактор модернизации

В основе любого экономического развития лежат четыре вида капитала: человеческий капитал, физический капитал (искусственно созданные средства производства, искусственный, произведенный капитал), природный капитал, институциональный капитал. В последнее время возрастает осознание того, что экономика должна жить не только по экономическим законам, но и учитывать экологические. Это положение отражено в концепции устойчивого развития (sustainable development), принятой всеми странами мира еще на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Дальнейшее развитие возможно только в достаточно узких рамках экологического «коридора».

За последние 3–4 года развитие получили новые концепции и подходы к экологизации как мировой экономики, так и отдельных стран. Здесь можно выделить разработки ООН (green economy («зеленая» экономика)) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (green growth («зеленый» рост))[15].

Конференция ООН в Рио-де-Жанейро (2012) («Рио +20») в центр внимания поставила проблемы экономического развития

[15] См., например: Будущее, которого мы хотим, 2012; Declaration on Green Growth, 2009; Sustainable Development, 2009; Promotion, 2009; Навстречу «зеленой» экономике, 2011; и др.

человечества и отдельных стран, связанные с переходом к устойчивому развитию, решением экологических проблем. Ключевой проблемой как для «зеленой» экономики ООН, так и «зеленого» роста ОЭСР является сохранение природного капитала, повышение эффективности его использования.

В современной экономике существует тесная взаимозаменяемость и взаимодополняемость видов капитала, и соответственно уменьшение одного вида капитала может быть компенсировано увеличением другого. В XX в. развитые страны достаточно активно заменяли природный капитал другими видами капитала, прежде всего физическим (искусственным) и человеческим. В связи с этим вынужденное сокращение природного капитала в мире, в том числе и в России, должно активно компенсироваться за счет наращивания других видов капитала.

Другим важным следствием такой компенсаторности могут стать значительная экономия природных ресурсов и снижение загрязнения окружающей среды. Это проявится в существенном росте конечных результатов в виде товаров и услуг при сокращении вовлечения в экономический оборот природных ресурсов за счет повышения технологической эффективности в природно-продуктовой цепочке, связывающей первичное сырье с конечной продукцией, т.е. достижения эффекта декаплинга. Иногда такой процесс называют «дематериализацией» экономического роста.

В России природный капитал является важнейшей частью богатства. По оценкам Всемирного банка, доля природного капитала в структуре национального богатства России составляет около 70%, в то время как на человеческий капитал приходится 20% и на физический (произведенный, искусственно созданный) – 10% богатства[16]. В развитых странах Организации экономического сотрудничества и развития на природный капитал приходится всего около 5%, на человеческий и физический – соответственно 85 и 10%.

В последнее время в мире все больше осознается ограниченность интерпретации природного капитала только как природных ресурсов. Для успешного экономического роста необходим учет и других экологических функций. Это привело к попытке учесть в теории экономическую значимость всех его составляющих, их способность приносить доходы и выгоды, как это и положено любому капиталу.

В самом общем виде можно выделить четыре функции природного капитала:

[16] Экономика, 2008.

1) ресурсная – обеспечение природными ресурсами производства товаров и услуг;

2) экологические услуги – обеспечение природой различного рода регулирующих функций: ассимиляция загрязнений и отходов, регулирование климата и водного режима, озоновый слой и т.д.;

3) услуги природы, связанные с эстетическими, этическими, моральными, культурными, историческими аспектами. Это своего рода «духовные» экологические услуги;

4) обеспечение здоровья людей.

Если первая функция природного капитала хорошо знакома и отражалась учеными в литературе на протяжении веков, то экономическая интерпретация экологических услуг – как экосистемных, так и «духовных», – еще только начинается. Также недостаточно внимания уделяется роли природы, загрязнения окружающей среды в воздействии на здоровье людей. Эти во многом «немонетизированные» функции природного капитала надо включать в экономический оборот, и это в последние годы становится все яснее.

Появилось большое количество международных и национальных исследований, в которых делаются попытки на теоретическом и практическом уровнях «инкорпорировать» разнообразные функции природного капитала в процесс принятия социально-экономических решений. Связано такое понимание, к сожалению, с теми огромными негативными экономическими последствиями, что вызываются недооценкой экономических выгод сохранения природы. Необходимо осознать, что «бесплатная» природа оказывается очень дорогой для человека, если адекватно не учитывать ее услуги и функции. И примеров тому в России и мире становится все больше.

В последние годы рассмотрение природного капитала и его функций получило свою практическую интерпретацию в разработках Экологического департамента Всемирного банка[17]. Например, леса – это богатство с точки зрения древесины и недревесных продуктов, а также услуг, которые они предоставляют. Подобно тому как запас физического капитала определяет масштабы промышленного производства страны, запас природного капитала определяет количество экологических услуг, которые может получить страна.

Экосистемы, рассматриваемые в качестве природного капитала, имеют преимущества перед физическим (искусственным) капиталом, т.к. при условии грамотного управления они способны восстанавливаться. Но, как и физический капитал, природный капитал

[17] См., например: Stefano Pagiola, Konrad von Ritter, Joshua Bishop, 2004.

подвержен истощению, из-за чего сокращаются будущие производственные возможности. Так, если говорить о лесных угодьях, темпы вырубки, превышающие темпы естественного роста, обеспечиваются за счет сокращения запаса данного ресурса. Из-за этого пострадает будущее производство, а также любые иные услуги, производство которых зависит от лесов.

Природный капитал играет заметную роль в экономике многих стран. Для России, например, очевидно огромное значение ресурсов в экономике (древесина, водные ресурсы, энергетические ресурсы и пр.). Все более четким становится осознание огромных экономических выгод от сохранения экологических регулирующих услуг природного капитала на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Использование «духовных» функций природного капитала стало важной частью пополнения доходов многих стран, обеспечивающих услуги для отдыха и экологического туризма за счет своей богатой природы. Сейчас важнейшей экономической задачей становится отражение функций природного капитала в экономических индикаторах, в процессе принятия экономических решений для разработки программ/проектов.

Природный капитал Российского Севера

Российский Север является обладателем огромного природного капитала и важным поставщиком экосистемных услуг на региональном, национальном и даже глобальном уровнях. Здесь можно отметить такую важную роль региона для устойчивости мировой биосферы, как регулирование климата. Леса и болота Севера депонируют огромное количество углерода, что снижает риски дестабилизации мировой климатической системы.

В табл. 8.1 (см. выше) приведены некоторые экономические оценки для региона Ближнего Севера, связанные с природным капиталом, по отношению к важнейшему показателю регионального развития – валовому региональному продукту (ВРП). Здесь хочется отметить оценку особо охраняемых природных территорий (ООПТ), которая доходит до 25–27 млрд руб. для Ярославской и Архангельской областей. Их удельный вес по отношению к региональным ВРП максимален для Новгородской и Ярославской областей – 12% и минимален для Вологодской области – менее 1% ВРП.

Таблица 8.6

Некоторые экономические показатели природного капитала по отношению к ВРП в областях Ближнего Севера России

Субъект Российской Федерации	ВРП, млрд руб.	Истощение запасов леса		Оценка особо охраняемых территорий		Затраты на охрану окружающей среды	
		млрд руб.	Доля в ВРП, %*	млрд руб.	Доля в ВРП, %	млрд руб.	Доля в ВРП, %
Ярославская область	212,68	–14,21	–6,68	25,06	11,78	3,46	1,63
Псковская область	74,65	2,44	3,27	6,95	9,31	0,25	0,33
Архангельская область	323,61	–97,51	–30,13	26,68	8,24	4,88	1,51
Новгородская область	117,71	34,06	28,94	13,81	11,73	0,80	0,68
Костромская область	78,92	7,45	9,44	2,94	3,73	0,26	0,33
Вологодская область	213,40	–25,32	–11,87	2,10	0,98	2,83	1,33

Источник: Бобылев, Минаков и др. 2012.

* (–) если запасы древесины увеличиваются, (+) если запасы древесины снижаются

Всего в рассматриваемых регионах существуют 17 особо охраняемых природных территорий федерального значения, в том числе 5 заповедников, 7 национальных парков и 5 федеральных заказников.

На величину природного капитала существенное влияние оказывает изменение запасов его важнейшего компонента для Севера – лесных ресурсов. Их максимальное истощение по отношению к ВРП достигнуто в Архангельской и Новгородской областях – 29–30%, а самый большой прирост наблюдался в Ярославской и Вологодской областях – 7–12% региональных ВРП. Неоднородная картина наблюдается в затратах на поддержание функций природного капитала, связанных с охраной окружающей среды. Больше всего – относительно ВРП и в абсолютных объемах – на экологические нужды тратят Ярославская и Архангельская обла-

сти – 1,5–1,6% региональных ВРП или 3,5–4,9 млрд руб. в 2010 г. (табл. 8.6).

Отсутствие или заниженная оценка природных ресурсов и услуг, экологических ущербов в экономических показателях приводит к неправильным экономическим решениям на макро- и микроуровнях. Это связано с простым правилом рыночной экономики: то, что не имеет цены, экономической оценки, – не существует в рыночной реальности и соответственно не принимается во внимание при принятии рыночных решений.

В теоретическом плане это во многом связано с недооценкой и игнорированием многих функций природного капитала. Оцениваются только его функции по обеспечению человека природными ресурсами, а другие экологические функции/услуги, как правило, не имеют цены. Это положение стало важной причиной формирования антиустойчивых тенденций экономического развития, порождения человечеством глобальных экологических проблем. Если первая функция природного капитала, ресурсная, хорошо знакома и отражена в науке учеными на протяжении веков, то экономическая интерпретация регулирующих и экологических «духовных» услуг еще только начинается.

Недостаточно изучено воздействие загрязнения окружающей среды на здоровье человека, хотя значительность экономического ущерба из-за заболеваемости и смертности по экологическим причинам находит все больше подтверждений в проводимых во многих странах исследованиях.

Методика оценки природного капитала

Для оценки природного капитала перспективной с точки зрения комплексности подхода к оценке и учету не только его ресурсных, но и экологических функций, природных услуг, является концепция общей экономической ценности (стоимости) (total economic value) (ОЭЦ).

Данная концепция, возникшая не так давно, в 1990-е гг., получила признание в мире как в теории, так и на практике. Концепция ОЭЦ предлагает оценку совокупности составляющих природного капитала, которые охватывают весь спектр выгод/эффектов: от прямой стоимости использования (direct use value) (источник природных ресурсов), косвенной стоимости использования (indirect

Таблица 8.7

Общая экономическая ценность некоторых функций природного капитала Ближнего Севера

Категории	Стоимость прямого использования		Стоимость косвенного использования	Стоимость отложенной альтернативы (потенциальная ценность)	Стоимость неиспользования (стоимость существования)
	Извлекаемые виды пользования	Неизвлекаемые виды пользования			
Общие	Средства существования, коммерческое использование, лекарства, места отдыха, местообитания	Рекреация, образование, научные исследования, транспорт	Круговорот веществ, регулирование климата, охрана водосборов, санитарная функция	Потенциальные прямые и косвенные виды пользования в будущем	Этическая, культурная, наследие, достояние
Экосистемы (например водно-болотные угодья)	Топливо, биологические ресурсы водоемов, агросистемы	Наблюдения за птицами, водный спорт, любительское рыболовство	Борьба с наводнениями, укрепление берегов, защита зимовок птиц и пр.	Возможность получения товаров и услуг в будущем	Наблюдение за мигрирующими видами, защита путем ограничения доступа посторонних
Виды (например виды деревьев)	Древесина, топливо, плоды, корма, лекарства, строительные материалы, техническое сырье	Селекционная работа, фармацевтические, химические и биохимические исследования	Аккумуляция углерода, фиксация азота, защита от эрозии, среда обитания животных	Возобновимые ресурсы леса и услуги в будущем	Охрана лесов как мест отдыха, для ритуальных целей и пр.
Генетическое разнообразие (например сорта культурных растений)	Продовольствие	Селекция растений	Эволюционная ценность	Перспективы улучшения сортов	Обеспечение охраны генофонда

use value) (например экологические регулирующие функции), стоимости отложенной альтернативы (будущей стоимости) (option value) до стоимости неиспользования/существования (non use value) (например эстетическое удовольствие от созерцания природы).

Методика расчета ОЭЦ была рассмотрена нами ранее в монографии «Современный российский Север: от клеточной глобализации к очаговой социальной структуре» (под ред. Н.Е. Покровского, 2005). Здесь отметим только отдельные категории ОЭЦ, которые целесообразно рассчитывать для природного капитала регионов Ближнего Севера, – это прежде всего лесные и водно-болотные экосистемы (табл. 8.7).

Складывается различная степень достоверности в зависимости от метода измерения компонентов общей экономической ценности. В табл. 8.8 приведена степень достоверности экономических оценок для различных функций природного капитала по компонентам общей экономической ценности.

Таблица 8.8

Уровень достоверности оценок ценности отдельных функций природного капитала

Стоимость / вариант использования	Уровень достоверности
Прямая стоимость использования	Высокий
Туризм / рекреация	Средний
Услуги экосистем	Низкий – средний
Стоимость существования / отложенная альтернатива (индивидуальная)	Средний
Стоимость существования / отложенная альтернатива (генофонд)	Очень низкий – средний

Из табл. 8.8 следует, что достоверность экономических оценок экосистемных услуг колеблется между низким и средним уровнем.

Чрезвычайно значимым прецедентом для расширения трактовки природного капитала, осознания и оценки экономической значимости его функций стали механизмы Киотского протокола по предотвращению глобального изменения климата. Эти механизмы важны как для экономической теории в целом, так и для теории устойчивого развития, а также практических действий человечества, которые позволили расширить монетарные функции

природного капитала. Киотский протокол является хорошим примером попытки модернизации рыночной экономики, преодоления «провалов рынка». Киотские механизмы могут стать прообразом реформирования рыночной экономики в направлении более адекватного учета экологического фактора, что позволит существенно улучшить использование природных ресурсов.

На основе использования механизмов Киотского протокола и потенциальных посткиотских соглашений, направленных на борьбу с глобальным изменением климата, одним из самых больших потенциальных финансовых источников для поддержания экосистем Ближнего Севера России может стать экономическая реализация климатических регулирующих функций природного капитала.

О вкладе лесных экосистем Севера только в смягчение глобальных климатических проблем можно судить по объемам связывания парниковых газов лесами региона (табл. 8.9).

Таблица 8.9

Лесные ресурсы Ближнего Севера (2011)

Регион	Площадь земель лесного фонда и земель иных категорий, на которых расположены леса, тыс. га		Лесистость территорий, %	Общий запас древесины, млн м^3
	всего	из нее покрытая лесом		
Российская Федерация	1 183 257	797 137	46,6	83 386,3
Костромская область	4707	4472	74,3	728,2
Ярославская область	1845	1636	45,2	285,8
Архангельская область	28 820	22 149	53	2667,3
Вологодская область	11 679	10 058	69,6	1682,6
Новгородская область	4119	3512	64,4	556,9
Псковская область	2467	2129	38,4	332,5

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат, 2011.

По имеющимся оценкам, 1 га леса связывает примерно 2–3 тонны CO_2. При прогнозируемой рыночной цене на уровне 10 долл. за 1 т CO_2 (сейчас цена на рынке углеродных квот в мире сильно колеблется) области Ближнего Севера предоставляют миру экологических/экосистемных услуг на сумму 440 млн долл. в год. Самый большой вклад вносят Архангельская и Вологодская области. В области климата значительна также экономическая оценка функций водно-болотных угодий, которыми богат Север.

Однако для «монетизации» климатических функций природного капитала, получения реальных финансовых средств необходимы значительные усилия по формализации и правовой адаптации механизмов Киотского протокола, активное участие в разработке посткиотских документов в России. Иначе все потенциальные выгоды могут быть упущены. В связи с этим важным представляется заявление Президента Российской Федерации о необходимости включения всех (а не только «киотских») лесов в будущие климатические соглашения.

Для экономиста причина деградации многих функций природного капитала очевидна: это их экономическая недооценка, что приводит к проигрышу варианта сохранения «бесплатной» природы по сравнению с техногенными вариантами развития (сельское хозяйство, населенные пункты, промышленность и т.д.). И это общемировая болезнь.

Сколько стоит лес? Сейчас оцениваются только его ресурсные функции, произведенная из него продукция – дома, мебель, бумага и пр. А лесные водорегулирующие функции не принимаются во внимание.

Общий диагноз традиционных моделей экономики (рыночной, плановой, административно-командной и т.д.) – недооценка и игнорирование экологического фактора, всей совокупности функций природного капитала. Оцениваются только функции по обеспечению человека природными ресурсами, а экологические услуги, как правило, не имеют цены. Это положение стало важной причиной порождения человечеством глобальных экологических проблем, экономический ущерб от которых сейчас огромен, а в будущем может принять угрожающие размеры, взять только проблему изменения климата.

Отдельные природные блага и объекты могут обеспечивать реализацию как отдельных функций природного капитала, так и все их в комплексе. Примером собственно ресурсного обеспечения являются древесина, вода, нефть, газ и т.д. Упомянутый выше лес – это компонент природного капитала, потенциально реализующий все

Таблица 8.10

Площадь земель лесного фонда, покрытых растительностью, по основным породам (2012)

Регион	Площадь земель лесного фонда, покрытая лесной растительностью	Из нее по основным лесообразующим породам		
		хвойным	твердолиственным	мягколиственным
Российская Федерация	772 039	526 452	18 184	150 946
Костромская область	4397	2055	1	2341
Ярославская область	1446	547	2	898
Архангельская область	21 802	16 695	0	5104
Вологодская область	9892	5030	0	4862
Новгородская область	3367	1257	3	2102
Псковская область	2069	850	5	1214

Источник: Охрана окружающей среды в России. Росстат, 2012.

четыре его функции: 1) лес обеспечивает ресурсами древесины, недревесной продукцией (грибы, ягоды и т.д.); 2) предоставляет важные экосистемные услуги – регулирование климата через связывание парниковых газов, водного баланса, защита земель от эрозии, сохранение биологического разнообразия и т.д.; 3) дает удовольствие от созерцания красивого лесного ландшафта, наслаждение от туризма, спорта и путешествий, от наблюдения за флорой и фауной лесных экосистем; 4) сохраняет чистоту воздуха и воды, что поддерживает здоровье человека.

Значительную диверсификацию потока выгод от лесных ресурсов продемонстрировал проект Всемирного банка в странах Средиземного моря[18]. Например, в таких странах, как Италия и Португалия доходы от собственно древесины составляют менее половины суммарных выгод. Остальная часть выгод приходится на другие услуги лесных экосистем: связывание углерода, защиту от наводнений, рекреацию и охоту, недревесные продукты леса (ягоды, грибы, лекарственные травы и пр.).

[18] Pagiola, von Ritter, Bishop, 2004.

Аналогичные расчеты были проведены экспертами МГУ для лесных ресурсов Московской области. Ежегодно леса Подмосковья дают недревесных продуктов леса на сумму 234 млн долл., поглощают углерод в объеме 125 млн долл.

Для диверсификации потока выгод от лесных ресурсов необходимо учитывать региональные аспекты, отразить диверсификацию потока выгод от лесных ресурсов в региональных планах. В лесодефицитных регионах главное внимание надо уделить экологическим услугам (депонирование углерода, борьба с эрозией и наводнениями и пр.), рекреации, охоте, побочным продуктам леса и пр. В богатых лесом регионах (Сибирь, Дальний Восток) главные выгоды могут быть связаны с лесом как сырьевым источником и его экосистемными услугами.

Регионы Ближнего Севера обладают высокой лесистостью территории, при этом в шести областях Ближнего Севера сосредоточено 4,5% площади лесов России и 7,5% запасов древесины преимущественно хвойных пород (см. табл. 8.9, 8.10).

Еще более значителен вклад северных регионов в производство необработанной древесины в России – 12% (табл. 8.11).

Архангельская область занимает по этому показателю 4 место в стране, Костромская – 12. Здесь следует отметить огромные резервы модернизации экономики Севера, связанные с углублением переработки древесины, развития производств и видов деятельности, связанных с высокой добавленной стоимостью.

Таблица 8.11

Производство необработанной древесины, тыс. плотных м^3

Регион	Год		Место, занимаемое в Российской Федерации (2010)
	2009	2010	
Российская Федерация, млн плотных м^3	100,7	112,2	
Костромская область	2121	2797	12
Ярославская область	368,7	408,9	35
Архангельская область	7773,7	8470,8	4
Новгородская область	1145	1562	17
Псковская область	265,2	272,8	42

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат, 2011.

Таблица 8.12

Ресурсы речного стока регионов Ближнего Севера

Регион	Среднее многолетнее значение водных ресурсов, км^3/год
Российская Федерация	4270
Костромская область	53,4
Ярославская область	35,8
Архангельская область	175,1
Вологодская область	47,7
Новгородская область	21,4
Псковская область	12

Источник: Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды в России в 2011 г.

Таблица 8.13

Забор воды из природных источников

Регион	Год					
	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	85 940	79 472	80 272	75 401	81 359	77 641
Костромская область	1525	1620	1715	1554	1820	1928
Ярославская область	393	345	325	295	278	254
Архангельская область	872,1	722	718	673	699	710
Вологодская область	737	661	742	615	631	569
Новгородская область	127	132	124	121	126	120
Псковская область	446	307	349	329	347	276

Источник: Охрана окружающей среды в России. Росстат, 2012.

В связи с быстро растущим дефицитом воды в мире все более важным компонентом природного капитала становятся водные ресурсы. В отношении этих ресурсов рассматриваемые регионы Ближнего Севера обладают 8% речного стока России (см. табл. 8.7), при этом забор воды из природных источников составляет достаточно небольшой объем в 1,1% от суммарного годового речного стока в этих регионах и 5% от водозабора России (табл. 8.12, 8.13).

Несомненным лидером является Архангельская область, на которую приходится 175 км^3/год, что более чем в 3 раза превышает

Таблица 8.14

Использование свежей воды в регионах Ближнего Севера, в 2011 г., млн м³

Регион	Всего	На хозяйственно-питьевые нужды	На орошение, обводнение и сельскохозяйственное водоснабжение	На производственные нужды
Российская Федерация	59 542	9421	8140	35 856
Костромская область	1905	31	1,1	1873
Ярославская область	240	78	0,1	117
Архангельская область	640	88,7	0,9	535,8
Вологодская область	537	80	4,4	443
Новгородская область	102	37	1,1	45
Псковская область	266	26	2	221

Источник: Охрана окружающей среды в России. Росстат, 2012.

объем водных ресурсов Костромской области, идущей на втором месте в регионе Ближнего Севера. Самые небольшие ресурсы водного стока в Псковской области – всего 12 км³/год.

Основным потребителем свежей воды в регионах Ближнего Севера являются промышленные предприятия, на нужды которых уходит от 44% воды в Новгородской до 98% в Костромской области (табл. 8.14).

Земельные ресурсы сельского хозяйства на протяжении всей истории человечества были важнейшей частью природного капитала. На Ближнем Севере аграрный сектор играет в экономике регионов меньшую роль, чем лесной. Так, на шесть областей приходится только 2% посевных площадей России, занятых преимущественно кормовыми культурами (табл. 8.15). Структура сельскохозяйственных земель представлена в табл. 8.16.

Следует отметить негативный тренд на значительное сокращение посевных сельскохозяйственных площадей, что свидетельствует о продолжающейся деградации аграрного сектора Ближнего Севера. Только за пять лет с 2005 по 2010 г. посевные угодья Костромской области уменьшились на 37%, Псковской области – на

Таблица 8.15

Структура посевных площадей по видам сельскохозяйственных культур

Регион	Посевные площади всех сельскохозяйственных культур, тыс. га		Зерновые и зернобобовые культуры		Технические культуры		Картофель и овощебахчевые культуры		Кормовые культуры	
	2005	2010	2005	2010	2005	2010	2005	2010	2005	2010
Российская Федерация	75837	75187,9	57,5	57,5	10	14,5	4	4	28,5	24
Костромская область	328,8	207,1	23,7	25	0,6	0,8	4,8	7	70,9	67,2
Ярославская область	442,3	337,3	14,6	14,2	0,8	1,3	4,9	5,8	79,8	78,7
Архангельская область	134,3	104,3	2,1	2,1	-	-	12,7	11,9	85,1	86
Вологодская область	541,6	451,8	24	29,6	1,9	2,4	4,6	4,7	69,6	63,3
Новгородская область	180,6	181,4	4,2	6,4	0,3	0,5	11,6	11,1	83,8	82
Псковская область	365,3	275,5	8,7	6,4	0,5	0,2	5,5	4,9	85,4	88,5

Источник: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Росстат, 2011.

Таблица 8.16

Структура сельскохозяйственных земель, тыс. га

Площадь земель в хозяйствах всех категорий, тыс. га	Общая земельная площадь	Из нее сельскохозяйственные угодья	В том числе:				
			Пашня	Сенокосы	Пастбища	Многолетние насаждения	Залежь
Российская Федерация	450 599,5	165 985,1	102 140	13 930,2	35 200,5	778,2	13 936,1
Костромская область	1661,7	667,9	483,4	69,5	64,3	1,6	49,1
Ярославская область	1849,2	961,7	672,2	90	133,9	4,4	61,3
Архангельская область	2285,4	452,7	188,6	165,2	66,7	2	30,3
Вологодская область	3875,9	1024	664,4	153,6	104,6	3	98,3
Новгородская область	703,7	509,6	256,9	87,3	58,8	2,1	108,1
Псковская область	2596,9	1109,6	543	184,6	159	4,3	218,6

Источник: Итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года, Т. 3. Росстат.

Таблица 8.17

Продукция сельского хозяйства, млн руб.

Регион	Всего		В том числе:			
			растениеводство		животноводство	
	2009	2010	2009	2010	2009	2010
Российская Федерация	2515941	2618470	1238904	1179808	1277037	1438662
Костромская область	12553	13607	5625	6127	6928	7480
Ярославская область	16907	18568	6181	6227	10727	12341
Архангельская область	8628	9188	3621	3768	5007	5420
Вологодская область	19269	21038	6167	6203	13102	14835
Новгородская область	9705	15317	4140	6373	5565	8944
Псковская область	9322	10528	3301	3844	6022	6684

25%, Ярославской области – на 24%, и т.д. Относительно благополучно выглядит Новгородская область, которая даже немного увеличила посевные площади.

Основная продукция сельского хозяйства в областях Ближнего Севера – продукция животноводства (табл. 8.17).

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Природный капитал является главным богатством Ближнего Севера России, и от его рационального и эффективного использования во многом зависит судьба этого региона.

Важнейшее значение для модернизации региона имеет диверсификация выгод от экосистем, расширение использования и «монетизация» регулирующих и «духовных» услуг природного капитала. В первую очередь здесь нужно отметить потенциал климатического регулирования, связанного с сохранением и поддержкой лесных и водно-болотных экосистем.

Необходимо также идентифицировать источники средств для потенциальной поддержки функций и услуг природного капитала в рамках компенсационного эколого-экономического механизма для регионов. В качестве первого приближения такими источниками на современном этапе и в перспективе могут быть:

• традиционные федеральные и региональные природоохранные расходы, затраты ведомств на охрану окружающей среды могут делаться с учетом величины экосистемных услуг;

• средства предприятий для компенсации ущерба от их загрязнений (принцип «загрязнитель платит»);

• на федеральном и региональном уровнях часть средств от природной ренты. В настоящее время данная рента фактически приватизирована самими природопользователями. Однако сейчас во всех ветвях власти все чаще обсуждается вопрос об изъятии природной ренты для нужд общества;

• средства, полученные в рамках механизмов Киотского протокола;

• в перспективе возможно формирование федерального компенсационного эколого-экономического механизма, который учитывал бы и ценность региональных экосистем и их услуг для страны и всего человечества.

Без учета в своей деятельности экономической ценности всех услуг природного капитала человечество будет все дальше уходить от устойчивого развития. Направления учета повышения ценности природы для России и ее регионов могут быть многообразны:

• адекватная экономическая оценка природных ресурсов и услуг, учет ее в планируемых программах и проектах в процессе экспертизы (повышение конкурентоспособности природоохранных проектов в борьбе с техногенными проектами),

• увеличение платности природопользования,

• экономическое стимулирование природоохранной деятельности (повышенные налоги и платежи на экологически опасные виды деятельности, субсидии экологически благоприятной деятельности и т.д.),

• увеличение удельного веса «природных» налогов при общей фискальной нейтральности,

• отражение в макроэкономических показателях развития экологического фактора, в том числе истощения природных ресурсов и загрязнений, и т.д.

Литература

1. *Акимова Т.А., Мосейкин Ю.Н.* Экономика устойчивого развития. М.: Экономика, 2009.

2. *Бобылев С.Н., Захаров В.М.* Модернизация и устойчивое развитие. М.: Экономика, 2011.

3. *Бобылев С.Н., Захаров В.М.* Экосистемные услуги и экономика. М: Институт устойчивого развития/ЦЭПР, 2009.

4. *Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В., Власов Ю.С.* Устойчивое развитие: методология и методики измерения. М.: Экономика, 2011.

5. *Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В., Третьяков В.В.* Эколого-экономический индекс регионов Российской Федерации. Методика и показатели расчета / под ред. А.Я. Резниченко, Е.А. Шварца, А.И. Постновой. М.: WWF России, РИА Новости, 2012.

6. *Бобылев С.Н., Сидоренко В.Н., Сафонов Ю.В., Авалиани С.Л., Струкова Е.Б., Голуб А.А.* Макроэкономическая оценка издержек для здоровья населения России от загрязнения окружающей среды. М.: Институт Всемирного банка, Фонд защиты природы, 2002.

7. Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН. Рио-де-Жанейро. 19 июня 2012.

8. *Глазырина И.П.* Природный капитал в экономике переходного периода. М.: НИА-Природа, РЭФИА, 2001.

9. Государственные Доклады «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации» за 2005–2011 гг.». М.: Минприроды Российской Федерации.

10. *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е.* Перед главным вызовом цивилизации: взгляд из России. М.: ИНФРА-М, 2005.

11. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010. Цели развития тысячелетия: взгляд в будущее/ под общ. ред. С.Н. Бобылева. М., 2010.

12. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. М.: ЦЭПР, 2001.

13. Индикаторы устойчивого развития Томской области. Вып. 3 / под ред. В.М. Кресса. Томск: Изд-во «Печатная мануфактура», 2007.

14. *Мекуш Г.Е.* Экологическая политика и устойчивое развитие. М.: Макс Пресс, 2007.

15. Методические рекомендации по созданию фондов поддержки сохранения биоразнообразия / ответ. ред. Г.А. Моткин. М.: Институт проблем рынка РАН, 2002.

16. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011.

17. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по охране окружающей среды и развитию. М.: Прогресс, 1989.

18. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2008 г.: Государственный доклад. М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2009.

19. Основные показатели окружающей среды: статистический бюллетень. М.: Росстат, 2008–2011.

20. Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации: Общее резюме. Росгидромет, 2008.

21. Рациональное природопользование: международные программы, российский и зарубежный опыт. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010.

22. *Ревич Б.А., Сидоренко В.Н.* Экономические последствия воздействия загрязненной окружающей среды на здоровье населения / под. ред. В.М. Захарова, С.Н. Бобылева. М: Акрополь, ЦЭПР, 2007.

23. *Ретеюм А.Ю.* Мониторинг развития. М.: Хорион, 2004.

24. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат. 2005–2011.

25. *Рюмина Е.В.* Экономический анализ ущерба от экологических нарушений. М.: Наука, 2009.

26. Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / под ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. М.: НИА-Природа, 2006.

27. Экономика / под ред. Д.С. Львова и В.И. Видяпина. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2008.

28. *Atkinson G., Duburg R., Pearce D. and others.* Measuring sustainable development: macroeconomics and the environment. Edvard Elgar Publishing, UK, 1997.

29. *Brown T.S., Bergstrom J.C. & Loomis J.B.* Defining, valuing and providing ecosystem goods and services. Natural Resources J. (2007). V. 47, Spring. pp. 329–369.

30. Declaration on Green Growth. OECD, 2009.

31. *Dixon J., Jian Xie.* Promoting Market-oriented Ecological Compensation Mechanisms: Payment for Ecosystem Services in China. World Bank, Washington DC, 2009.

32. Green Growth Strategy Interim Report: Implementing Our Commitment for a Sustainable Future. Paris, OECD, 2010.

33. Green Growth: Overcoming the Crisis and Beyond. OECD, 2009.

34. Human Development Report 2010. UNDP, New York: Oxford University Press, 2010.

35. Human Development Report 2011. UNDP, New York: Oxford University Press, 2011.

36. Living Planet Report 2010. WWF, Gland Living Planet Report 2010. WWF, Gland.

37. *Pagiola S., von Ritter K., Bishop J.* Assessing the Economic Value of Ecosystem Conservation. World Bank, 2004.

38. *Pearce D.* Measuring sustainable development. Earthscan Publication Ltd, London, 1993.

39. Promotion of Green Industry for Green Growth. UN ESCAP. Background Paper. August 2009. Report on the aggregation of Indicators. UN, 2001.

40. *Stiglitz J.E., Sen A., and Fitoussi J.-P.* Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (2009) (www.stiglitz-sen-fitoussi.fr)

41. Sustainability Reporting Guidelines. 2000–2006, Version 3.0. http://www.globalreporting.org.

42. Sustainable Development and Eco-innovation: Towards a Green Economy. OECD Policy Brief, June 2009

43. The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium. The World Bank, Washington DC, 2011.

44. The Economics of Climate Change – The Stern Review. Cambridge University Press, 2006.

45. The Economics of Ecosystems and Biodiversity (TEEB). European Communities, 2008.

46. The Little Green Data Book. World Bank, Washington DC, 2007–2011.

47. Towards a Green Economy. UNEP, 2008

48. UNEP. CEObrifing. Demystifying Materiality: Hardwiring biodiversity and ecosystem services into finance. October 2010

49. Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century. World Bank, Washington DC, 2006.

50. World Development Indicators. World Bank 2011.

Глава 9. Биоразнообразие, социальный капитал и потенциал развития Ближнего Севера России*

Биоразнообразие как биологическая концепция и социальный лозунг

В какой мере проблемы сохранения биологического разнообразия (сокращенно – биоразнообразия) жизненно важны для человечества? Биоразнообразие служит наукообразным синонимом природы, охватывая и факты, и политические и эмоциональные аргументы необходимости охранять природу (Д. Такакс: Takacs, 1996:106). Научная концепция «биоразнообразия» стала политическим лозунгом в течение 1990-х, таким же, как представления об «экологии», «озонной дыре», «кислотных дождях», «глобальном потеплении». Множество ученых подключилась к разработке проблемы биоразнообразия и его сохранения. Возникла новая наука “Conservation biology” («Биологические основы охраны природы»). Эта наука охватывает чуть ли не все разнообразие научных дисциплин, причем не только естественных, но и общественных. Ученые, работающие в области conservation biology, не только играют важную роль в определении проблем охраны природы и их разрешении, но и активны в создании различных фондов, организаций, международных форумов.

* В главе нашли отражение результаты исследований, проведенных при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 13-06-00893 «Социально-экологические факторы устойчивого развития Ближнего Севера России», проект 14-06-00381 «Интеграция социобиологических и социологических методов в исследовании эволюционных оснований морали и альтруизма»).

Историки науки утверждают, что Р. Дассмен (Dasmann, 1968) первым использовал термин “biological diversity”. Термин стал толковаться «столь же разнообразно, как и понятие “биологический ресурс”» (Knopf, 1992:242; DeLong, 1996:739). Чаще всего под этим термином подразумевали количество видов живых организмов на Земле или в каком-то определенном месте. Но Я. Спеллерберг (Spellerberg, 1992:1) отнес термин «биоразнообразие» ко всему разнообразию и изменчивости, существующим в природе.

Наиболее очевидный смысл термина (число видов живых организмов) не удовлетворяет сейчас большинство исследователей. По определению конвенции по биоразнообразию (1992, ст. 2), «биологическое разнообразие означает вариабельность живых организмов из всех источников, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются; это понятие включает в себя разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем».

В фундаментальном труде большого коллектива ученых из Российской Академии наук (Национальная стратегия..., 2004:23–36) вводится иерархия принципов сохранения биоразнообразия.

Сохранение организмов и генотипов. Содержание и разведение организмов в питомниках, зоопарках, ботанических садах. Хранение генетических материалов в генетических банках. Введение видов в культуру.

Популяционный принцип. Сохранение или восстановление численности и ареалов природных популяций, достаточных для их устойчивого существования и использования. Сохранение внутрипопуляционного генетического разнообразия и генетической уникальности популяции. Сохранение разнообразия элементов внутрипопуляционной структуры. Сохранение популяций редких и находящихся под угрозой исчезновения видов. Неистощительная эксплуатация промысловых видов. Сохранение и восстановление среды обитания, реконструкция местообитаний. Охрана популяций на особо охраняемых природных территориях.

Видовой принцип. Сохранение или восстановление численности и ареалов видов, достаточных для их устойчивого существования и использования. Сохранение пространственно-генетической популяционной структуры вида. Сохранение разнообразия популяций, внутривидовых форм (сезонных рас, экологических форм, подвидов и др.). Сохранение популяционной структуры вида. Реакклиматизация (реинтродукция) видов, воссоздание утраченных популяций.

Биоценотический принцип. Сохранение и восстановление природных сообществ, их видового и функционального разнообразия, поддержание естественных процессов формирования сообществ. Контроль и регулирование антропогенной нагрузки на сообщества. Контроль и регулирование состава и структуры сообществ. Контроль и регулирование видового состава организмов, изымаемых из природных экосистем. Обеспечение сохранения типичного для природных экосистем видового состава и сохранения биоразнообразия при различных видах их эксплуатации. Реинтродукция исчезнувших из биоценоза видов. Контроль и регулирование саморасселения и акклиматизации чужеродных видов.

Экосистемный принцип. Сохранение и восстановление природных экосистем, поддержание их средообразующих функций. Сохранение и восстановление экологически сбалансированных природно-культурных комплексов. Контроль и регулирование использования территорий и акваторий в пределах экологической емкости экосистем. Создание особо охраняемых природных территорий с разным режимом. Реконструкция (реставрация) природных экосистем. Поддержание традиционной хозяйственной деятельности, необходимой для сохранения экологически сбалансированных природно-культурных комплексов.

Территориальный принцип. Сохранение разнообразия природных экосистем и их взаимосвязи в пределах территориального комплекса. Сохранение разнообразия экологически сбалансированных природно-культурных комплексов. Планирование социально-экономического развития административных территорий должно осуществляться с учетом необходимости сохранения биоразнообразия на этой территории. Создание сети особо охраняемых природных и историко-культурных территорий с разными режимами.

Биосферный принцип. Сохранение глобальной экосистемы (биосферы). Сохранение глобального видового разнообразия. Разработка и реализация глобальной, национальных и региональных стратегий по сохранению биоразнообразия. Участие в ведении Красного списка МСОП – Всемирного союза охраны природы. Развитие глобальной сети особо охраняемых природных территорий, включая биосферные резерваты, а также других систем особо охраняемых природных и историко-культурных территорий международного значения.

Как мы видим, забота о сохранении биоразнообразия действительно охватывает всю природу, в том числе и неживую, и в таком смысле, борясь за сохранение биоразнообразия, мы подразумеваем сохранение среды обитания человека и среды обитания всех других

организмов. В этом академическом труде мы видим также множество достаточно смелых (с точки зрения консервативных ученых, требующих никак не вмешиваться в природу) идей, касающихся регулирования биоразнообразия, активного вмешательства в его сохранение.

Привлекает внимание «территориальный принцип», подразумевающий сохранение биоразнообразия, порожденного деятельностью человека, историей преобразования ландшафта или его элементов.

М. Лаздинис и П. Ангелстем (Lazdinis and Angelstam, 2004) обратили внимание на характеристики среды, несущие отпечаток социально-экономических систем определенного времени. По терминологии К. Мастерса и др. (Musters et al., 1998), их называют «социально-средовыми». Так, в 1950–1960-х гг. в Мантуровском районе на больших площадях лес вырубался военно-строительными ротами (на правом берегу р. Унжа) и узниками Унжлага (на левом берегу этой реки)[1]. Эти леса сохраняют свою возрастную монотонность, потому что при сплошной вырубке леса и многочисленности рабочих бригад возобновление леса начиналось одновременно. Соответственно, и лесная сукцессия возвращает нам эти леса, возможно, в том же виде, какими они были 70–90 лет назад.

В этих лесах еще сохраняется характерная сеть насыпей, по которым проходили узкоколейные железные дороги. Природа и память людей сохраняют места, где лес лежал в штабелях, подготовленный для погрузки.

В Кологривском районе такие массовые рубки велись на территории современного заповедника «Кологривский лес». В военные годы лес вывозился зимой по ледяным дорогам волоком. Позже здесь были сделаны насыпи, построены узкоколейные железные дороги. Еще существуют огромные пустоши (в несколько километров в поперечнике), где складировались срубленные бревна, велась погрузка на платформы. В военные годы на территории современного заповедника существовало несколько крупных поселков немцев Поволжья. И их жизнь и деятельность, так же как территория бывшего Унжлага, отражают реалии деятельности человека в то время – места бараков, конюшни для рабочих лошадей, расчищенные когда-то сенокосы и т.п.

Очевидно, что особенности лесов несут на себе отпечаток социально-экономических особенностей тех эпох, когда человек вторгался в их естественную жизнь. Сплошные рубки производились мощными государственными структурами, обладавшими и соот-

[1] Унженский ИТЛ. http://www.memo.ru

ветствующей организацией труда (бригады, лесные склады, вывоз древесины или сплав по рекам), и мощной техникой. Колхозные леса отражают существование в то время маломощных колхозов, «выхватывавших» древесину для собственных строительных нужд, на отопление, в меньшей степени на продажу.

В числе особенностей ландшафта востока Костромской области, несущих отпечаток социально-экологических отношений, упомянем следующие:

1. Расположение деревень и полей вдоль больших рек отражает историю колонизации региона русскими крестьянами.

2. Старопахотные леса. Эти леса в основном окружают существующую (или недавнюю) пашню. Заброшенные в 1950-е гг., в эпоху укрупнения деревень, эти средневозрастные леса еще сохраняют характерную «полосатость», поскольку лес селился вдоль борозд. Современный лес на зарастающих полях также имеет «полосатость», так что мы можем наблюдать, как этот феномен возник и сохраняется.

3. Так называемые «сенокосы» – полянки в лесу, расчищенные от леса в 1950–1970-х гг., когда государство (совхозы и колхозы) монополизировало сельскохозяйственные земли, и для частных нужд люди искали подходящие места в лесу. Эти сенокосы и поныне носят имена их владельцев (прошло 50 и более лет).

4. Сеть мелиоративных каналов как памятник эпохи «лесной мелиорации» 1960-х гг.

5. Зарастающие поля – результат депопуляции и упадка сельскохозяйственной активности, начиная с 1990-х гг.

Социальные связи, традиции населения, в большей или меньшей мере определяющие поведение людей по отношению к окружающему миру, имеют исключительную ценность для сохранения биоразнообразия на Ближнем Севере России. Комплекс этих отношений и социальных установок получил название социального капитала биоразнообразия (Coleman, 1988; Pretty, Smith, 2004). Дж. Притти и Д. Смит (Pretty and Smith, 2004:631) выделяют четыре главные черты такого социального капитала: доверительные отношения, взаимообмен, общие нормы поведения и, соответственно, наказания нарушителей, внутригрупповая сплоченность.

Доказывая необходимость охраны какого-либо значимого для населения вида животных или растений, приходится находить аргументы, так или иначе связанные с имеющимся у населения традиционным или приобретенным знанием. В условиях Ближнего Севера России у местных жителей вызывает сомнение необходимость охраны хищников (волка, медведя, филина, других хищных

птиц). Не вызывает понимания ограничение рыбной ловли. Доводы о том, что необходимо запрещать рубки леса в старовозрастных лесах, сейчас же вызывают контраргумент, что это «плохой, гнилой лес», что «старые деревья будут падать от старости», что небольшой остров высокоствольного леса все равно не сможет противостоять урагану. Отношения взаимного доверия, честный обмен информацией не могут состояться, если забота об охране природы противоречит устоявшимся нормам и правилам природопользования, т.е. социальному капиталу.

Международный союз охраны природы с 1963 г. издает Красную Книгу, в которую включаются виды растений и животных, чье существование находится под угрозой. В России и в областях также издаются Красные книги. Мы не будем подробно останавливаться на биологических проблемах включения видов в «Красную книгу». Для задач этой главы важнее указать, что, стараясь добиться выделения дополнительных средств на охрану природы или создание ООПТ, достаточно просто привлечь внимание властей к вопросам охраны отдельных видов. По мнению многих борцов за охрану природы, важно, чтобы в ней обитали виды, включенные в Красную книгу России.

Другой повод для специальных природоохранных мер – это существование «эндемиков», т.е. видов или подвидов, которые нигде больше не встречаются. Присутствие в регионе так называемых «краснокнижных видов», или видов-эндемиков, конечно, помогает обоснованию особых охранных мер. Однако до сих пор в России не существует специального финансирования для такой работы. Впрочем, имеется законодательная основа для привлечения к ответственности тех, кто такие виды уничтожает (Краев, 2011).

Региональные борцы за сохранение биоразнообразия часто не имеют достаточных оснований хлопотать за определенные виды. Например, обычна ситуация, когда вид редок, потому что рассматриваемая местность находится на краю ареала вида. Также внимание природоохранителей привлекают виды, имеющие харизматическую ценность для данной местности или вообще для человечества. На Ближнем Севере России к ним должны быть отнесены, по нашему мнению, журавли, лебеди, соловьи. Немало сторонников сохранения крупных хищников, например, рыси на Ближнем Севере.

Несомненно, эстетическая ценность растений и животных заставляет искать для их сохранения какие-либо мотивы.

С этой целью изобретены так называемые «суррогатные» категории видов[2], нуждающихся в охране. С. Анделмен и В. Фейген (Andelman and Fagan, 2000:5954) выделяют: флаговые (те, что привлекают общественное внимание), зонтичные (те, охрана которых позволяет одновременно обеспечить охрану ряда других видов) и индикаторные виды (свидетельствующие о состоянии окружающей среды).

Для темы данной главы важно, что речь идет не о биологической, но социальной оценке этих видов. Для Ближнего Севера России можно привести такие примеры «суррогатных» категорий видов. Флаговые виды (flagspecies), несомненно, связаны с социальным капиталом региона и групп населения, оценивающих эти виды. Флаговыми видами Ближнего Севера России служат крупные птицы (гуси, лебеди, журавли), орхидеи, еще многочисленные в здешних лесах. Типичный флаговый вид – бурый медведь. Отношение к этому крупному хищнику, успешно выживающему в непосредственной близости от человека, различно даже в соседних странах. Например, Швеция гордится высокой численностью медведей и заботится об этом виде. Но в Норвегии потребовалось принять специальный закон, разрешающий хоть какому-то числу медведей жить в этой стране (Баскин, Хьелиорд, 1996). Для жителей России характерно спокойное отношение к медведям, а для жителей больших городов возможность увидеть медведей – приманка для приезда.

Волк – также привычный для россиян вид. Однако резко различно отношение к волку жителей городов и деревень. Горожане готовы к защите этого вида, тогда как деревенские жители согласны на борьбу любыми способами. Поскольку именно горожане являются потенциальными инвесторами в экономику региона, требуется убеждать сельских жителей, что сохранение волчьей семьи могло бы стать (как это известно из опыта Костромской биостанции) аттрактором для приезжающих горожан. Послушать волчий вой, походить по волчьим следам, – ради таких впечатлений готовы приехать многие жители Европы.

Зонтичные виды на Ближнем Севере России назвать труднее. Охрана бобра позволяет сохранять повышенный уровень воды в водоемах и тем самым способствовать выживанию околоводных

[2] Для русского уха слово «суррогат, суррогатный» звучит несколько негативно, оно связывается в нашем сознании с чем-то фальшивым. Однако значения, приведенные в толковом словаре (суррогат – продукт, предмет, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого предмета, лишь по некоторому сходству являющийся заменителем натурального), вполне соответствуют предлагаемой роли.

животных. Бобр – средообразующий вид, своей строительной деятельностью меняющий среду в геологических масштабах. Как показано, облик ландшафта равнинной Канады сформировался преимущественно под влиянием деятельности бобров (Naiman et al., 1986). Согласно существующему лесному законодательству, лесорубы обязаны оставлять нетронутыми участки высокоствольного леса, где находятся тока глухарей. Известна привязанность этих птиц к определенным местам токования, так что уничтожение леса ведет и к уничтожению глухарей. Однако если оставлен хотя бы небольшой участок сосняка, птицы собираются здесь весной. Есть даже пример просьбы лесничего к Костромской биостанции ИПЭЭ РАН подтвердить, что участок высокоствольного сосняка служит местом глухариного тока. Это позволило бы вывести этот участок леса из плана рубок, поскольку лесное законодательство обязывает сохранять места глухариных токов.

Представления о видах-индикаторах различны у широкой публики и ученых. Последние, например, обращают внимание на сохранность лишайниковых обрастаний на стволах деревьев как индикатора чистоты воздуха от промышленных загрязнений. Для широкой публики индикаторами скорее служит присутствие копытных животных, обилие поющих птиц. Между тем, и копытные и птицы зачастую предпочитают преобразованные человеком леса и сады, лишь бы не было прямого их истребления.

Обычный вариант в природоохранной практике – поиск оснований для охраны биоразнообразия какой-либо территории. Биологический смысл имеет охрана, например, старовозрастных лесов, уникальных по видовому составу насаждений, и т.п. Но применяются и суррогатные категории, например «модельные» леса, т.е. имеющие значение для лесоводов и ландшафтоведов и потому заслуживающие охраны (Хорошев и др., 2007).

Кто и почему желает сохранения биоразнообразия

В «Национальной Стратегии сохранения биоразнообразия России» (2004) определен широкий круг субъектов Стратегии:

- граждане России;
- государственные органы законодательной, исполнительной и судебной власти федерального и регионального уровней;
- органы местного самоуправления;
- компании и предприятия в секторах промышленности, строительства, добычи и переработки природных ресурсов, сельского,

лесного, рыбного и охотничьего хозяйства, транспорта и связи, торговли, коммунально-бытовых услуг;

• банки и другие финансовые структуры;

• средства массовой информации;

• учреждения образования, культуры, науки, здравоохранения; политические партии и движения;

• религиозные конфессии;

• российские и международные общественные организации;

• иностранные юридические и физические лица, действующие на территории Российской Федерации.

Обращение к столь широкому кругу лиц и организаций по сути означает использование принципа – «всем, кто меня слышит». Против такого подхода было бы нечего возразить. Как уже говорилось, под «биоразнообразием» подразумевается сейчас вся природа, а мы все от нее зависим. Однако в детальном перечислении «субъектов национальной стратегии сохранения биоразнообразия России» можно усмотреть другой смысл. Каждая из перечисленных групп обладает своим социальным капиталом, своими ценностями, мотивациями, возможностями. Следовательно, целесообразно разрабатывать стратегии сохранения биоразнообразия, адресованные каждой из перечисленных групп, а некоторые из них должны быть дополнительно дифференцированы.

Например, «граждане России» – слишком общее множество. Как мы будем говорить дальше, ценности городских и сельских жителей различны, тем более различны ценности постоянных жителей и иммигрантов. Например, геологи-поисковики относятся к окружающему миру как завоеватели, их девиз выражен в известной песне Ю. Визбора: «Осторожней, друг, ведь никто из нас здесь не был. Сними с плеча свой верный карабин». Горожане, родив детей и обзаведясь дачами, начинают заботиться о сохранении природы, создают общества защиты природы, охотничьи союзы, требуют от вновь приезжих соблюдения некоторых норм, сами воздерживаются от браконьерства. В их социальном капитале появляется такая составляющая, как ощущение собственника места, нуждающегося в длительном, устойчивом использовании природы (Баскин, Охлопков, 2012).

И все же местные жители – уроженцы данной местности и дачники, приезжие, хотя бы и проводящие в тех же деревнях круглый год, характеризуются различным социальным капиталом отношения к природе, что хорошо видно на примере Ближнего Севера. До недавнего времени также различалось отношение рядовых поселян и тех, кто достиг более высокого социального статуса (районные

власти, милиция, торговля и т.п.). Сейчас, когда право на охоту стало определяться не тем, кто смог получить (купить) лицензию на добычу ценных промысловых животных, а взятой в аренду территорией охотничьих угодий, социальный статус арендаторов стал играть меньшую роль. Однако в каждом охотничьем коллективе мы обязательно встречаем хотя бы одного влиятельного в районе человека. Это бывшие руководители, действующие крупные промышленники, разбогатевшие на торговле и обработке леса.

В Костромской и других областях появились частные охотхозяйства, принадлежащие богатым людям из крупных городов. Их социальный капитал и отношение к владению угодьями отличаются от привычного для большинства «обычных» жителей потребительского отношения и требуют специального исследования. В Костромской области (Шабров, 2012), владельцы охотхозяйств, вкладывая деньги в охрану охотничьих угодий, снабжая егерей в достатке дорогостоящей техникой, редко приезжают на охоту, не пытаются извлекать прибыль.

Идеальная мотивация (необходимость охраны природы, что подразумевает и сохранение биоразнообразия) присутствует во всех слоях общества – и у профессионалов, и у рядовых жителей. Однако профессиональные охранители природы используют еще и аргумент, что «это необходимо для будущих поколений, для ваших детей и внуков».

Сохранение биоразнообразия как важнейший элемент современной идеологии охраны природы связано с ограничениями природопользования. Убеждая в необходимости этого, профессиональные охранители природы используют и аргументы, адресованные к эгоистическим интересам населения. Ограничения охоты связываются с предполагаемым увеличением численности охотничьих животных на соседних территориях. Необходимость создания заповедника подкрепляется аргументом появления новых рабочих мест. Введение новых пород домашних животных или новых видов или сортов растений объясняется их лучшей продуктивностью или коммерческой ценностью. Такая аргументация использовалась и в советское время, когда требовалось заручиться поддержкой руководителей разного ранга или ответственных чиновников.

Сейчас, когда демократические преобразования в России сделали голос рядовых избирателей более весомым, а структуры природопользования более ориентированными на частную инициативу, используются новые аргументы. Например, сопротивление главы Мантуровского района созданию заповедника на реках Кастово и

Иванчиха было ослаблено таким доводом, как влияние повышения численности промысловых животных в заповеднике на ситуацию в смежных угодьях.

Широкая, всероссийская пропаганда охраны природы, конкретизированная в охране биоразнообразия, велась на протяжении 1970–1980-х гг. И эта работа дала замечательный результат. Идеи, родившиеся как результат научных обобщений, стали идеологией масс. Трудно найти в России взрослого человека, пусть даже жителя самой отдаленной деревни, который не использовал бы в своем лексиконе, в рассуждениях понятия «экология».

Невольно приходит на ум внедрение в общественное сознание социалистических идей. Ленин (1902, цит. по изд. 1963 г.:39) писал, что «социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее». Также и «экология», и «биоразнообразие» – это парадигмы, внесенные в массовое сознание биологами и приобретшие мощное политическое звучание и значение.

Ощущение утраты привычной среды обитания интуитивно ощущается жителями Ближнего Севера России. Но кажущееся (или реальное) формулирование проблемы они находят в «плохой экологии», в утраченном биоразнообразии. Ни селяне, ни тем более руководители, какого бы ранга они ни были, не решатся сейчас отрицать необходимость что-то делать, чтобы сохранить природу. Вопрос лишь в том, должны ли они поступиться чем-то касающимся их лично, пусть даже в масштабах не двора их дома, а района или области. История охраны природы на востоке Костромской области может служить примером того, как сплелись глобальные представления о сохранении биоразнообразия и знание местных особенностей биоразнообразия. В этом клубке видны и накопленные в течение почти столетия представления местных жителей и властей о том, что хорошо и плохо для края, и интересы области и центральных органов власти.

Полезна идея А. Гомеза Помпы и А. Кауса (Gomez Pompa and Kaus, 1992:278) о том, что составляя план охраны биоразнообразия в определенной местности, мы должны уделить внимание и развитию местной коммуны, и интересам местных жителей и, если возможно, использовать их опыт сохранения природы. Не менее важно, что не только состояние среды и биоразнообразия, но и планы федеральных, областных и районных организаций, интересы компаний (местных и не местных), а также история и настоящее использование данной территории должны быть учтены во всем объеме. Это тем более важно, поскольку демократизация общества

резко снизила возможности даже высших властей влиять на процесс изменения статуса территорий.

Как полагают А. Гомез Помпа и А. Каус (Gomez Pompa and Kaus, 1992:271), оценка биоразнообразия до сих пор велась с позиций элитной части городского населения и вовсе не учитывала перспективы сельских популяций. Эти авторы требуют принимать во внимание опыт местных жителей. Они настаивают, что разделение на «мир природы» и «мир людей» в принципе неверно. Поэтому рассматривать леса Ближнего Севера России, как будто не было 400 лет их преобразования человеком, неверно.

Пионерная работа Попова (2008), попытавшегося построить модель сукцессии и предсказать, какими бы стали эти леса, если бы действовали только природные процессы, через 100 лет, имеет серьезное значение для биологической науки. Но для охраны биоразнообразия нужны еще и модели антропогенного изменения среды. Более того, эти авторы считают, что время теорий климакса и экологического равновесия прошло (Gomez Pompa and Kaus, 1992:272), сейчас в моде теории неравновесных состояний, постоянного изменения среды и биоразнообразия. Расхожее определение биоразнообразия как банка ценных видов, которые, возможно, потребуются человечеству, представления, что сохранение природных ландшафтов необходимо, поскольку это «легкие планеты», понятия «охрана генофонда», «что мы оставим внукам» и т.п. отражают городские верования и желания.

Еще одно дискуссионное направление неолиберальной идеологии – утверждение, что сохранение биоразнообразия надо вести посредством его использования. Интуитивно большинство людей соглашается (или настаивает), что природные ресурсы, даже если их стараются сохранить, должны каким-либо образом использоваться. Поэтому охранители природы изыскивают оправдания, свидетельствующие о существовании сиюминутной выгоды от охраны биоразнообразия.

Отстаивая в течение 35 лет перед рядовыми жителями и районными властями необходимость сохранения биоразнообразия на Ближнем Севере России (в Костромской области), мы использовали два типа аргументов. Уповая на явную или скрытую религиозность населения, мы говорили им, что и природа, и звери, и растения – это божьи творения. Интересно отметить, что не только мы использовали квазирелигиозную аргументацию в борьбе за сохранение природы, но этот путь приняли и другие активисты. М. Соул (Soule, 1991) подчеркивает предопределенность (intrinsic) ценности природы. Э. Уилсон (Wilson, 1988) говорит

о «биофилии», о генетической предрасположенности людей любить природу.

Другие наши доводы касались скорее утилитарных вопросов. Например, что виды сейчас или в будущем будут полезны. Сослаться можно, прежде всего, на исследования Н.И. Вавилова, искавшего на всех континентах виды растений, полезных и пригодных для агрокультуры (Гончаров, 2012).

Но, как заметил А. Рэндал (Randall, 1991), можно представить себе ситуацию, когда технический прогресс заменит полезные виды животных и растений, и приносящих практическую пользу, и тех, что приносят эстетическое наслаждение. Конечно, довод этот скорее философский, нежели реалистический.

В современных дискуссиях об охране биоразнообразия охота вызывает наибольшие сомнения. Насколько она соответствует принципам охраны природы? На примере охоты мы можем видеть, в какой мере изобретения могли бы заменить эту старейшую область человеческой деятельности, несомненно, сильно повредившую природу. Многие охотники заявляют, что вообще перестали бы охотиться, если бы не наслаждение от стрельбы по быстро летящей птице. Однако современные машины, выбрасывающие тарелочки для стрельбы по ним, вполне способны удовлетворить эту страсть. Как известно, за границей не всегда безопасно носить, как мы привыкли в России, меховые шапки. Защитники животных могут облить вас кислотой или обидеть иным способом. В ряде стран стоит вопрос о запрете пушного промысла, поскольку синтетические ткани и наполнители могут заменить мех.

Трудная борьба идет между биологами и защитниками животных. В Университете Умео (Швеция) радикально настроенные студенты сжигали автомашины, принадлежавшие кафедре, сотрудники которой изучали экологию лосей, надевая на них ошейники с радиопередатчиками (события 1997 гг.). Симпозиум по ранчеводству в Эдмонтоне (Канада, 1990) столкнулся с яростными протестами «зеленых», полагавших, что содержание диких животных на фермах (в изгородях) преступно. Малочисленные народы Севера ведут борьбу за сохранение своего традиционного промысла. После длительных «баталий» за чукчами было признано право добычи китов (Блохин, 2008) в связи с большим значением данного промысла в системе их традиционной культуры. Эскимосы Гудзонова залива добились права добывать какое-то количество тюленей, доказав, что этот промысел тюленей позволит сохранить их культурную идентичность. В XIX–XX вв. эскимосы добывали ежегодно до 20 тыс. тюленей (8 тыс. в среднем) (Smith, 1975:176).

Сохранение биоразнообразия требует определенной степени доверия между людьми, обитающими на одной территории. Чтобы делать что-либо для социального блага и для природы, люди должны верить, что все или большинство соседей поступят так же. Примером может быть соблюдение сроков сбора ягод: осуждаются слишком нетерпеливые соседи, собирающие еще не созревший урожай. Сейчас повсеместно создаются охотничьи коммуны, берущие в аренду угодья и стремящиеся сохранить живущих там охотничьих животных. Защищая свои участки от чужаков, хозяева принимают в коллектив лишь тех, кому доверяют. Существует общественная мораль, осуждающая тех, кто не тушит костры (угроза лесного пожара!), кто заглядывает в чужие рыболовные сети, вынимает добычу из чужих капканов.

Рассматривая территориальные аспекты сохранения биоразнообразия, мы понимаем, что вера людей в полезность совместного участия в нем может (или должна) быть поощрена совместным доходом от такой деятельности. Например, доходы от экотуризма должны тем или иным способом распространяться на больший круг людей. Согласно сообщению директора заповедника «Кологривский лес» П.В. Чернявина, ширящийся поток экотуристов уже вызвал одобрение местных жителей, получающих какой-то доход, обслуживая туристов, снабжая их едой, предметами кустарного промысла и т.п.

Особо охраняемые территории

Создание заповедника «Кологривский лес»

Заволжье как край девственных лесов и богатой фауны привлек внимание российских ученых еще в начале XX в. Всемирно известные ученые – А.Н. Формозов (1927) и И.И. Пузанов (Пузанов и др., 1942) вели в 1920–1940-х гг. исследования на реках Ветлуге, Унже, Керженце. Этот район привлекал внимание и лесных промышленников. Здесь были созданы крупные леспромхозы, работу которых планировали ученые-лесоводы. Но было и желание аборигенов территории сохранить привычный и любимый ими ландшафт. Благодаря вырубке леса их родные места сначала стремительно развивались. Леспромхозы, лесозаводы, сплавные конторы, благоустроенные поселки, прилив населения, – все это социально-экономические черты 1950–1980 гг. Уроженцы лесных поселков

вспоминают, что льготы для лесной промышленности обеспечивали превосходное (по советским меркам) снабжение продовольствием, клубами, больницами, школами. С 1970-х аборигены с тревогой стали замечать, что леса быстро исчезают, так что источнику благоденствия приходит конец. Ученые и местные энтузиасты начали компанию за сохранение остатков уникальных лесов.

Борьба за сохранение Костромских лесов началась еще в 1950-х гг. (Лавренко и др., 1958). В конце 1970-х, когда лишь крошечная часть коренных костромских ельников уцелела в Кологривском районе, ученые-лесоводы Н.В. Дылис, Ю.А. Орлов, А.В. Письмеров начали борьбу за сохранение хотя бы остатков старовозрастных лесов. В игру вступили Костромской обком КПСС (Ю.Н. Баландин), Балахнинский комбинат, Председатель Совета Министров СССР Н.А. Тихонов, Академия Наук СССР (В.Е. Соколов, Л.М. Баскин). Комбинат действовал из эгоистических и статусных соображений, обком КПСС – из нравственных и местнических соображений, Правительство СССР считало важным поддержать главу области (Ю.Н. Баландина), ученые действовали из нравственных и профессиональных побуждений. В результате возник Памятник природы Всесоюзного значения «Кологривский лес».

Через 25 лет вновь начинается борьба за сохранение биоразнообразия этого региона. Однако круг участников, их положение и интересы резко отличны. Как и ранее, активно участвует Академия Наук (В.Е. Соколов, Д.С. Павлов, Л.М. Баскин). Непосредственными ходатаями и движителями дела становятся молодые ученые и активисты охраны природы М.Г. Синицын и А.В. Русанов.

Новым игроком оказывается Министерство лесного хозяйства и охраны природы Нидерландов и посольство Нидерландов. Их интерес – глобальная охрана природы. На прямой вопрос (на одном из собраний местных жителей): «Какой интерес для маленькой Голландии давать деньги на сохранение биоразнообразия в Костромском Заволжье?» посол Г. В. де Вос ван Стейнвейк отвечает: «Мы маленькая страна, но заботимся об охране природы всей Земли. Мы все пассажиры одной планеты. Ваши леса позволяют нам дышать. Наши гуси летят через ваши реки. Мир не столь велик, как это думали раньше». За время работы по созданию заповедника «Кологривский лес» голландские ученые, посол и его сотрудники бывали здесь ежегодно или через год.

Работу активно поддерживает губернатор Костромской области В.А. Шершунов. Из многочисленных наших бесед с ним было ясно, что им двигали моральные и, в некоторой степени, карьерные соображения. Он верил в необходимость сохранения природы области,

однако понимал и определенную возможность на этой основе привлекать внимание высших московских властей. В какой-то момент встает вопрос о лесах, которые уже взяты в аренду бизнесменами. Но вопрос разрешается благополучно, лесорубы соглашаются работать в другом месте.

Районные власти (в проект вовлечены администрации пяти районов – Кологривского, Мантуровского, Нейского, Парфеньевского и Чухломского) реагируют по-разному. Кологривская администрация (П.Н. Кудельников, И.Т. Шевченко) понимает, что «надо сохранять природу», но ее особенно привлекает, что в нищем районе (с населением всего 7,4 тыс. чел.) появится относительно мощное государственное учреждение. Этот аспект проекта активно используется М.Г. Синицыным и его соратниками – «появятся рабочие места, будет много техники, приедут важные люди из Москвы и области и т.п.». Резко возражает Мантуровский район. Его глава (А.Н. Громов) использует силу районного собрания депутатов. Распускаются слухи, что заповедник будет разводить волков. Жителей убеждают, что будет запрещена охота, рыбная ловля. Синицын и его сотрудники ездят по домам депутатов, уговаривают. Используется авторитет губернатора. Другие районы, для которых создание заповедника также не представляет больших преимуществ, занимают равнодушную позицию – забираемые в заповедник леса удалены от дорог и поселков, позиция губернатора также оказывает воздействие.

Создание заповедника сопровождается активным участием журналистов. То и дело проходят репортажи по областному телевидению, появляются материалы в газетах. Корреспонденты, как и другие граждане России, включили в свой социальный капитал идеи и некоторые познания в области охраны окружающей среды и сохранения биоразнообразия. Будучи лично не связанными с природопользованием, они приветствуют прекращение рубки леса («плакала Саша, как лес вырубали»), запрет охоты. Именно видному российскому журналисту, известному своими очерками в защиту природы, – В.М. Пескову и предстоит подключить Президента России к созданию заповедника «Кологривский лес».

В отличие от своего далекого уже предшественника (Н.С. Хрущева), отказавшегося в 1961 г. подписать приказ о создании Костромского заповедника, мало того, объявившего заповедное дело «надуманным» и приказавшего закрыть ряд заповедников (теперь все они восстановлены) (Честин, 2012), В.В. Путин берет дело на контроль. Бюрократическая игра в согласования, занявшая в Москве два года, подходит к концу, и в 2006 г. все, кроме жителей, у ко-

торых забрали часть природного ресурса, собираются на торжественное открытие заповедника. Здесь и министр, и глава области, и главы районов (согласные или боровшиеся против), и множество чиновников, и счастливые научные работники, и организаторы, во главе с М.Г. Синицыным. Последнему создание заповедника (в 2006 г) стоило инфаркта и смерти (в 2008 г.).

Кто безоговорочно поддерживает существование заповедника сегодня? Это участники образовательных программ (школьники и студенты), которым позволено под руководством научных сотрудников заповедника участвовать в ландшафтных, зоологических и ботанических исследованиях. Приезжие «дачники», в летний период составляющие до 40% населения сельсовета, также приветствуют существование заповедника, но ими двигают преимущественно идеальные представления горожан о необходимости охранять природу.

Районные власти, еще недавно возражавшие против создания заповедника, теперь мирятся с ним, находя выгодным, что заповедник своими силами строит или поддерживает дороги и мосты, обеспечивая быстрый подъезд на случай пожара. Заповедник заканчивает строительство Центра для посещений, который, возможно, привлечет в район туристов, даст толчок развитию строительству ресторанов и магазинов.

Областные власти нашли заповеднику применение, включив в его структуру ряд заказников и памятников природы на территории области и используя таким образом федеральные деньги для содержания их.

Сохранение биоразнообразия, когда вопрос переносится в практическую плоскость, приходит в конфликт с интересами региона и того конкретного места, где проводятся природоохранные мероприятия.

Можно многое сказать местным жителям о том, что волк – санитар, уничтожающий больных животных, что волк – ценный объект биоразнообразия и т.п., но не преодолеть у слушателей того простого знания, что волки убивают домашних животных, бродят по ночам по улицам поселков, отлавливая собак, убивают лосей и кабанов, которые в противном случае могли бы стать добычей охотников. Местные жители воспринимают охрану волка как причуду жителей крупных городов, которые и «в глаза не видели» волков.

Региональные власти, заботящиеся о развитии лесной промышленности, о добыче полезных ископаемых, должны преодолеть себя и дать разрешение на «бесполезную» растрату природного капитала –

выведение территории навечно (как это определено в статусе заповедников) из хозяйственного использования. Уже на стадии проектирования ООПТ власти обязаны отказать компаниям, чьи интересы бывают затронуты, в отводе территорий для эксплуатации.

Далеко не сразу появляются экономические аргументы в пользу создания ООПТ в регионе или районе. В этом отношении полезно рассмотреть опыт Республики Саха (Якутия).

После 1991 г. в Республике развились патриотические настроения, выразителем которых в области охраны окружающей среды стал Президент М.Е. Николаев. При его активном участии множество территорий республики были объявлены ООПТ (национальными парками и заказниками). Республика стала первой в Российской Федерации по доле территории региона (30%), отнесенной к ООПТ (http://news.iltumen.ru). В 1990-х гг. процесс вывода земель из хозяйственного использования не вызывал больших конфликтов. Страна переживала кризис, новое промышленное развитие было медленным, в республике было мало дорог, мало энергии, не хватало рабочей силы.

В 2000-х гг. ситуация круто поменялась. Именно Якутия стала регионом бурного промышленного развития (Баскин, Охлопков, 2012). Обилие ООПТ оказалось важным рычагом политического и экономического влияния региона. Промышленные компании, если строительство затрагивает ООПТ, должны получать здесь специальные разрешения, платить специальные налоги. Планирование строительства на территориях ООПТ требует особо внимательного отношения к общественным обсуждениям, начинаются трудности в прохождении экологической экспертизы. Все это, в конечном итоге, приводит к максимально возможной «экологизации» проекта, планированию минимального привлечения рабочих со стороны (чтобы не стимулировать создание больших поселков), минимизации загрязнения, выбору более затратных, но и более «экологичных» технологий. Характерно, что именно Якутия резко возражает против создания на ее территории новых заповедников, которые по определению становятся федеральными и, следовательно, чиновники в Москве решают вопросы о разрешении промышленного развития.

В Москве ценность региональных объектов менее заметна. Например, чиновники обычно впервые узнают о «каком-то» озере Токко, где особо чистая вода и где живет сколько-то эвенков, но им более понятна забота промышленников об освоении крупнейшего в России Эльгинского угольного месторождения, уголь которого (30 млн т в год) принесет колоссальные доходы. Для республикан-

ских властей голоса местных жителей слышнее, влияние борцов за охрану природы больше, забота о том, чтобы получить от строительства больше выгод, для республики насущнее.

Ряд исследователей, работающих в области охраны биоразнообразия, натолкнувшись на сопротивление местных жителей, привлекающих себе в помощь гуманитарные фонды и организации, правительства регионов и стран, вынуждены приспосабливать свою деятельность к новым реалиям. Если до недавнего времени местные коммуны традиционно считались врагами сохранения биоразнообразия, то ныне парадигма исследований сменилась на “integrated conservation and development” (интегрированное сохранение и развитие) (Brown, 2002:6).

Опыт Якутии подтверждает идею Д. Хьюлма и М. Мёрфри (Hulme and Murphree, 1999:147), что необходимо сдвинуть политику охраны природы с государственного на локальный уровень. Однако африканский опыт этих авторов приводит их к идее привлечь в разработке планов и функционированию ООПТ коммуны местных жителей. Опыт Якутии здесь неоднозначен. Согласно существующим законам план промышленного строительства должен быть одобрен на сходах местных жителей. Понятно, что мощные промышленные компании не скупятся на посулы и обещания. Практически речь идет о подкупе местных жителей, что для крупных проектов составляет лишь малую часть затрат. Именно активисты республиканских природоохранных организаций занимают бескомпромиссно отрицательную позицию, борются за неприкосновенность ООПТ (Баскин, Охлопков, 2012:153-158).

ООПТ – «крепости» природы или малодоходные предприятия?

Изъятие территории из хозяйственного использования, вероятно, такая же древняя форма охраны биоразнообразия, как табу на добычу определенных видов животных. Очевидно, что люди издревле понимали, что единственный способ сохранить что-либо – это не касаться его, не ходить на «заповеданную» территорию. Прошли тысячелетия, пришло наше время, когда все подвергается обдумыванию (или сомнению), и вопрос об использовании заповедных территорий стал горячо обсуждаться.

Создание территорий, на которых местным жителям запрещают использовать природные ресурсы, откуда нередко их изгоняют, стало обсуждаться с позиций демократических отношений в обще-

стве, а в отношении развивающихся стран – с позиций осуждения неоколониализма.

Находится множество убедительных примеров (см. далее об охране биоразнообразия Аляски), что можно успешно сочетать охрану и природопользование, биоразнообразие от этого не страдает. Также природоохранители обнаружили, что аборигенные племена, продолжая вести традиционное природопользование, могут способствовать сохранению биоразнообразия. Лучший пример этому, конечно, неистощительное использование пастбищ кратера Нгоро-Нгоро (Серенгети, Африка) скотоводами-массаями и поразительное обилие диких копытных в том же кратере (Homewood, Rodgers,1984). Воинственные массаи еще и охраняют заповедник от браконьеров.

Заповедники России (ранее СССР) изначально воспринимались и биологами, и окружающим населением как своего рода «крепости», куда вход кому-либо кроме охраны, научных работников и самого высокого начальства был воспрещен. Этот подход соответствовал и традициям страны, где существование «запретных» территорий было обычной практикой.

Зачисленный в 1956 г. егерем Кавказского заповедника, я служил под началом товарищей – кубанских казаков, еще деды которых охраняли Кубанскую охоту Великого князя Константина и плавно перешли на роль егерей Кавказского Государственного заповедника. Вхождение СССР в международное сотрудничество по заповедникам поставило перед учеными трудную задачу – надо было воспринять международные правила, требовавшие более демократических взаимоотношений охраняемых территорий с местными коммунами (Соколов и др., 1988).

В этом разделе мы проследим, каково на сегодняшний момент состояние этой проблемы (охрана биоразнообразия и соблюдение интересов местных жителей), используя, по возможности, примеры заповедников Ближнего Севера России.

Согласно официальному определению, данному Особо охраняемым природным территориям (ООПТ) Международным союзом охраны природы (Dudley, 2008:8), ООПТ – «ясно определенное географическое пространство, распознаваемое, созданное ради охраны природы и соответственно управляемое посредством легальных или других эффективных способов, направленных на то, чтобы достичь долговременного сохранения природы, ассоциированной с данной территорией».

Выделяют шесть категорий ООПТ. К первой категории относятся строго охраняемые территории, предназначенные сохранить

существующее на них биоразнообразие. Посещение людей, использование и любое воздействие на таких территориях строго контролируется и ограничивается. ООПТ первой категории используются единственно для научных исследований и мониторинга состояния биоразнообразия. Внутри категории могут быть сделаны подразделения, в частности, в ООПТ категории 1б возможно посещение ограниченного количества людей (массовый туризм запрещен). В ООПТ категории 1б часто имеются поселения местных жителей, продолжающих вести свой традиционный образ жизни.

Ко второй категории относят ООПТ типа национального парка, обычно большого размера, сохраняющие все особенности экологических процессов в данном ландшафте, но где природа еще сохранилась нетронутой, где возможен туризм, научные исследования, проведение образовательных экскурсий, отдых посетителей.

К третьей категории относят ООПТ типа памятников природы (каким в 1980–2006 гг. был участок девственного ельника в Кологривском районе, ставший основой созданного впоследствии заповедника). Четвертая категория ООПТ охраняет определенные виды или их местообитания.

Пятая категория ООПТ предполагает сохранение природы, уникальной с точки зрения взаимодействия людей с природой. Здесь присутствие и воздействие человека предполагаются как обязательный элемент. Сельское хозяйство, лесоводство, туризм, т.е. формы интенсивного использования природных ресурсов как раз характеризуют эту категорию ООПТ.

Шестая категория ООПТ предполагает устойчивое использование природных ресурсов, сохранение территории в более натуральном виде. Здесь практикуется охота, пастьба, другие формы использования ресурсов, предполагающие их длительное сохранение в том виде, как мы это наблюдаем сейчас. На Ближнем Севере России к таким ООПТ относятся охотничьи заказники, охраняемые от переиспользования ягодники, озера. Научные исследования и методы управления в ООПТ шестой категории направлены на то, чтобы минимизировать риски потери экологической устойчивости. Так, в наших заказниках ежегодно проводятся учеты численности охотничьих животных. Здесь более внимательно следят за соблюдением охотничьих законов, правил ловли рыбы, правил сбора ягод и т.п. Туризм в ООПТ шестой категории предполагает, в первую очередь, подключение местных коммун. Поскольку в таких ООПТ природа сохраняет большую сохранность, здесь лучше развивать экотуризм.

Для советских исследователей идея разрешить природопользование в заповедниках была совершенно неприемлема (Соколов и др., 1988). История создания и функционирования заповедников в СССР как строго охраняемых территорий предусматривала только возможность использования заповедников как базы для научных исследований, особенно мониторинга происходящих в природе изменений. Попутно заметим, что идея запретных территорий вполне соответствовала идеологическим и практическим установкам СССР. Природу следовало сохранять, поскольку цветущая природа считалась непременным элементом коммунистического рая в будущем. Права отдельных людей отнюдь не являлись тогдашним приоритетом (Baskin, 1998).

На многочисленных конференциях, посвященных проблемам заповедников, состоявшихся в 1970–80-е гг., трудной для советских ученых была позиция американских исследователей. На Аляске, в соответствии с Alaska National Interest Lands Conservation Act (ANILCA), принятым Конгрессом США в 1980 г. (http://www.npca.org), большое значение придается сохранению связи жителей с природой на основе subsistence hunting, т.е. охоте и рыбалке ради пропитания семьи.

Существует значительное разнообразие названий охраняемых территорий на Аляске (национальные парки, заповедники, рефуджиумы, национальные монументы и др.). Нередко названия мало соответствуют тому, что русскоязычный читатель мог бы полагать. В общем, Национальный Парк – более соответствует тому, что мы называем заповедником, но отличия, конечно, очень велики. В Национальных парках администрация обычно подчеркивает, что “subsistence hunting and fishing”, т.е. ради снабжения семей, – это законное право аборигенов Аляски. В Wildlife Refugiums (дословно – «убежища дикой природы») разрешают частным лицам (но не профессиональным охотникам) спортивную охоту, рыбную ловлю и все типы туризма (установка лагерей, туризм пеший, водный, на снегоходах). Однако для профессиональной деятельности (включая научные исследования, фотографирование животных, работу туристическими или охотничьими проводниками, перевозку людей любым транспортом – чаще речь идет о переброске туристов и охотников вертолетами и небольшими самолетами) требуется разрешение администрации, за которое нужно платить. Тем более особое разрешение требуется компаниям.

Мы хотели бы подчеркнуть, что система охраны природы на Аляске принципиально отличается от российской, соответствуя истории США и местным обычаям и культуре. Хотя браконьерство

существует, оно невозможно именно на охраняемых территориях. Охотники вынуждены строго выполнять правила охоты. Для охоты на крупных млекопитающих нужны лицензии, число которых определяется хорошо развитой охотничьей наукой. Упомянем также, что на Аляске егеря и охотоведы – профессиональные пилоты. Патрулирование ведется с небольших самолетов и вертолетов. От наблюдения сверху не укрыться. Добытого зверя надо вывозить машиной, что также облегчает контроль. Добавим к этому, что охраняемые территории в большинстве своем имеют огромную площадь, где часто нет дорог. Строительство дороги – это тоже индустриальная активность, а она на охраняемых территориях запрещена (без специального разрешения).

Судя по опросам (Christensen, Christensen, 2009), лишь 20% посетителей приезжают в ООПТ ради охоты, причем большинство делают это из спортивных соображений (желание поохотиться в истинно дикой обстановке). Судя по обилию животных (один из авторов мог убедиться в этом во время пяти длительных поездок на Аляску), такой подход оказывается вполне действенным. И на Аляске, и в других регионах США численность охотничьих животных на ООПТ очень высока. Однако этот факт не может служить аргументом к тому, чтобы разрешить охоту в российских заповедниках. Если рассматривать конкретно ООПТ Ближнего Севера России, то здесь корректно лишь сравнение с равнинными лесами Канады, где численность охотничьих животных примерно равна нашей.

Охота разрешена и во многих ООПТ других штатов США. Например, в штате Висконсин охота на белохвостого оленя ведется преимущественно на государственных землях, во многих случаях управляющихся как территория национальных парков. Охота в частных лесах стоит гораздо дороже, так что большинство охотников устремляются на государственные земли.

С конца 1990-х гг. «демократизация» борьбы за сохранение биоразнообразия привела к трем основным «инновациям» (Brown, 2002:7). Согласно *первой инновации*, требовалось перенести усилия с государственного уровня на работу с местными коммунами. Идея состояла в том, что местные жители, или по крайней мере некоторые из них, лучше знают, чем городские жители (куда относят и научных работников, и борцов за охрану природы), как неистощительно использовать природу. Подтверждением служили факты длительного успешного существования аборигенов в том природном мире, который сейчас стараниями государства и капиталистических компаний уничтожен.

Соотнося эти рассуждения с тем, что известно для Ближнего Севера России, мы должны бы согласиться, что, сохранись социально-экономическая ситуация неизменной хотя бы с 1900 г., мы наблюдали бы сейчас те же девственные хвойные леса, о каких мы знаем, например, из описания Крживоблоцкого (1861). Очевидна утопичность такой идеи. Развитие капитализма в России привело бы к тем же результатам, что и социалистическое хозяйство, – леса были бы вырублены.

Согласно *второй инновации*, предлагалось оставить идею о сохранении биоразнообразия путем охраны участков девственной природы (Gomez Pompa and Kaus, 1992:273). Вполне резонно авторы доказывали, что трудно было бы найти на Земле участок, не несущий следов существования и деятельности человека. Территория любого из заповедников не та, какой она была до появления человека, и ее нельзя вернуть к тому состоянию. Представление о природе без человека – это ложная идея. Отсюда вывод, что нельзя охранять природу, изолировав территорию от деятельности человека и без союза с местными жителями.

В этой конструкции с частью доводов можно согласиться и использовать как руководство к действию. Действительно, в лесах Ближнего Севера России поселения человека известны издавна (Алексеев, 1997). Для каждой ООПТ следует определить момент, от которого вести отсчет времени изменения биоразнообразия, к восстановлению которого следует стремиться. Для заповедников Ближнего Севера России таким моментом можно бы считать 1900–1930-е гг., т.е. до начала массовой вырубки лесов. Оберегая леса и от деятельности человека, и от пожаров, надо позволить естественной сукцессии восстановить леса. Попов (2008) на основе моделирования сукцессионных процессов в Керженском заповеднике показал, что на это потребуется примерно 100 лет.

В *третьей инновации* пропагандируется неолиберальная идеология, требующая ухода от протекционизма по отношению к биоразнообразию. Как полагают, его надо сохранять посредством использования (Blaikie and Jeanrenaud, 1997:61).

Согласно Руководству по отнесению ООПТ к различным категориям использования (Dudley, 2008), четыре из шести категорий (Ia: Природный заповедник; Ib: Участок дикой природы; II: Национальный парк; III: Национальный памятник; IV: Видовой или биоценотический заказник) должны быть «крепостями сохранения биоразнообразия». Две из шести категорий (V: Охраняемый ландшафт и VI: Охраняемая территория, где предусмотрено устойчивое

использование природных ресурсов) предусматривают охрану посредством использования.

Обратимся к Российскому Федеральному закону «Об особо охраняемых природных территориях» (в последней редакции 2012 г., http://base.garant.ru). Статьей 9 («Режим особой охраны территорий государственных природных заповедников») запрещается любая деятельность, противоречащая задачам государственного природного заповедника и режиму особой охраны его территории. На территориях государственных природных заповедников запрещается интродукция живых организмов в целях их акклиматизации.

Таким образом, одна из целей, провозглашенная коллективом академических работников, – обогащение биоразнообразия – не может осуществляться в заповедниках. Как известно, в прошлом такая работа была вполне обычной. Впрочем, наука, как известно, искусство людей изобретательных. Во многих случаях акклиматизация оправдывается тем, что в историческое время виды на территории выбранного заповедника встречались. Так, в заповедниках «Кологривский лес» и «Керженский» планируются работы во завозу лесного северного оленя. Этот вид действительно был зарегистрирован в этих местах Крживоблоцким (1861).

Статья 9.2. б, в Закона требует «поддержания условий, обеспечивающих санитарную и противопожарную безопасность». Заповедники нередко подвергаются угрозам пожаров. Иногда появляется срочная необходимость добраться до «глухих» уголков охраняемой территории. Меньшим злом оказывается строительство пожарных дорог. Как мы уже говорили, на Аляске строительство дорог в ООПТ расценивается как промышленная деятельность, для этого требуется специальное разрешение.

Раздел 2д Закона предусматривает выполнение научно-исследовательских задач. Опять-таки, в США такая деятельность требует специального разрешения. Имея достаточный личный опыт работы в советских заповедниках, мы можем утверждать, что и в советское время, и сейчас научные работники заповедников в большинстве рассматривают территорию заповедников как что-то личное. Соответственно своим убеждениям, некоторые исследователи стараются «и травинки не помять». Но есть примеры, когда на территории заповедников создаются пункты стационарных исследований, строятся кордоны или иные убежища, соответственно, люди заготавливают для отопления дрова, прокладывают постоянные маршруты учетов, нанося на коре деревьев метки топором. Негласно считается простительными и добыча для личных нужд

рыбы и дичи, сбор ягод. Поскольку заповедники России преимущественно охраняют отдаленные места, работа в них становится неким «героическим» выживанием, борьбой с суровым климатом, кровососущими насекомыми, преодолением удаленности от мест снабжения продовольствием.

С 1980-х гг. соблюдение режима стало строже, однако вмешательство человека не прекратилось. В Кавказском заповеднике этот вопрос был исследован Трепетом (2001), показавшим, что вокруг научных стационаров существует площадь пониженной численности копытных, эффект их распугивания налицо. Одним из методов Трепета был учет следов жизнедеятельности копытных (включая обгрызание стволов деревьев). По мере приближения к стационару таким следов становилось все меньше. Влияние стационаров прослеживалось на расстоянии в 0,5 км.

Возможно, ответом на подобные нарушения режима заповедников стала статья 9.3: «В государственных природных заповедниках могут выделяться участки, на которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы. Размеры этих участков определяются исходя из необходимости сохранения всего природного комплекса в естественном состоянии».

Раздел 9.2. е предусматривает «ведение эколого-просветительской работы и развитие познавательного туризма». Это дополнение появилось в Законе лишь в 2011 г., но оно отражает позицию Президента Российской Федерации В.В. Путина, заявившего во время пресс-конференции в Центре международной торговли 20 декабря 2012 г., что «государство должно поддержать развитие в национальных парках инфраструктуры для внутреннего туризма и развития малого и среднего бизнеса, чтобы по возможности разрешать проблему естественного противоречия между развитием и сохранением природы. Наверное, нужно подумать не только об использовании земель в заповедных зонах, а о том, чтобы создавать условия для развития туризма, чтобы создавать там предприятия, которые бы работали в этой области. Такие предприятия должны получить соответствующую поддержку со стороны государства». Президент привел в пример Северную Америку, где в заповедных зонах разрешена хозяйственная деятельность, связанная с малым и средним предпринимательством» (http://greenpressa.ru).

Из комментария В.Б. Степаницкого (одного из старейших на сегодня руководителей заповедного дела в России) и его коллег (Степаницкий и др., 2013) мы узнаем, что заповедники, развивающие экологический туризм, перестают быть закрытыми учреждениями, существующими вне контекста экономических и социальных

проблем региона. Это, в свою очередь, позволит администрациям ООПТ изменить к лучшему отношения с региональными администрациями, заслужить уважение со стороны местного населения и, в конечном итоге, будет содействовать становлению заповедников как «региональных культурно-просветительских центров».

Степаницкий с коллегами формулируют, что экологический туризм должен не противоречить основам заповедного дела. Не для каждого заповедника развитие экотуризма оправданно и рентабельно. Для заповедников неприемлемы массовые виды туризма – поток туристов должен быть ограничен и тщательно регулируем. Это подразумевает выбор оптимальных категорий посетителей.

Заметим, что за рубежом посещение заповедников достаточно дорого, поток туристов ограничен, чтобы попасть в известные заповедники, приходится подолгу ждать в очереди.

Взаимоотношениям с окружающим населением посвящена статья 9.4 Федерального закона об ООПТ: «На специально выделенных участках частичного хозяйственного использования, не включающих особо ценные экологические системы и объекты, ради сохранения которых создавался государственный природный заповедник, допускается деятельность, которая направлена на обеспечение функционирования государственного природного заповедника и жизнедеятельности граждан, проживающих на его территории, и осуществляется в соответствии с утвержденным индивидуальным положением о данном государственном природном заповеднике».

Активное стремление советских ученых к участию в международной природоохранной деятельности поставило перед ними задачу как-то примирить сугубо консервативный взгляд на заповедники как «крепости охраны природы» с тенденцией использовать территории заповедников еще и для других целей.

Соколов и др. (1988) перечисляют эти цели:

– сохранение генетических ресурсов, особенно диких родственных видов культурных растений, древесных пород, а также предков и близких родственников домашних животных;

– охрана природы в целом, экологический мониторинг;

– охрана редких и исчезающих видов животных и растений, а также экосистем;

– региональное планирование, сочетающее охрану природы с устойчивым развитием.

Следуя идеям ЮНЕСКО, в СССР ряд заповедников был объявлен «биосферными». Началось прилаживание традиционных советских заповедников к новым функциям. Теперь они должны

были представлять типичные для географических зон экосистемы, вести экологический мониторинг, заниматься экологическим образованием. Некоторые идеи неолиберализма пришлось воплощать в жизнь. Решали их, начав зонирование территорий заповедников. В заповедниках выделялись неприкосновенное ядро и буферная зона, где допустимы научные исследования, а также мероприятия, связанные с экологическим образованием. В буферной зоне приходилось разрешить ограниченную хозяйственную деятельность. Все заповедники обзавелись охранными зонами, нередко занимающими площадь такую же, как и сам заповедник. Площадь заповедника «Кологривский лес» – 58 939,6 га, площадь охранной зоны – 68 552,4 га. В охранных зонах разрешен «ограниченный режим природопользования» (Статья 8 Закона). На практике это означает возможность пребывания на территории охранной зоны, сбора ягод и грибов. Но охота и рыболовство обычно запрещены.

В научной литературе существует мнение, что аборигены владеют особым, заботливым отношением к природным ресурсам, что их методы охоты или рубки леса как раз могут служить основой устойчивого природопользования. Приводятся примеры, что на восточных склонах Уральских гор до наших дней сохранилась популяция бобров, потому что ханты и манси добывали бобров в пределах известных им норм, разными путями охраняли бобровые поселения. Известно также существование тотемных животных (например, медведей, воронов), которых старались не убивать без излишней необходимости.

Однако существуют и твердо установленные факты варварского отношения к использованию природных ресурсов, например, убой самок копытных животных единственно ради особо «вкусного» эмбриона (Kelsal, 1968). Так же разрушительно действовали примитивные методы преобразования ландшафта ради увеличения производства продовольствия (выжигание лесов ради распашки), устройство «заколов», перегораживающих речки и облегчающих вылов рыбы.

Биоразнообразие и развитие региона

«World Conservation Strategy» – программный документ, принятый Международным Союзом за Сохранение Природы и Природных Ресурсов (IUCN) в 1980 г., поставил своей первой целью (из трех) объяснить вклад ресурсов живой природы в выживание

человека и устойчивое развитие. Парадоксальная ситуация, когда общество зависит от природных ресурсов и в то же время во все ускоряющемся темпе расходует их, характерна и для Ближнего Севера Европейской России.

Главный живой ресурс региона – лес – вырублен (местами выжжен) и проходит период возобновления. Можно говорить о параличе воли. Понимая, что запасы леса, подлежащего рубке, кончаются, ни власти, ни местные жители ничего не предпринимали. Такая ситуация продолжается и поныне. Лесопромышленники отыскивают «недорубы» вдоль дорог, в верховьях ручьев, по берегам рек, любыми путями стараются уговорить власти выдать им разрешение (или рубят незаконно). Уголовный принцип – «умри ты сегодня, а я завтра» – действует[3].

Такова же ситуация с охотничьими животными, с той разницей, что в наше время охота не является жизненно важным ресурсом. Поэтому и вариации в отношении к охоте имеют больший размах. Немало сознательных охотников уже готовы вести экономное хозяйство, рассчитывая, что их терпение позже будет вознаграждено изобилием. Но немало и охотников-хищников, предпочитающих добыть последнего лося или медведя, лишь бы удовлетворить свою страсть.

Идея «устойчивого развития» стала официальной идеологией в Российской Федерации с 1992 г., когда Россия подписала в Рио-де-Жанейро, на Всемирном саммите, документ Agenda 21 (http://www.unep.org), определяющий направления развития практически во всех областях жизни человечества (см. главу VIII). Статьи 15.1–15.11 этого документа посвящены проблемам сохранения биоразнообразия. Дж. Олдфилд и Д. Шоу (Oldfield and Shaw, 2002) обсуждали, насколько правильно используют в России термин sustainable development как «устойчивое развитие». Слово «устойчивое» подразумевает и стабильное, прочное, равномерное. В российской литературе sustainable development представляется как в некоторой степени гарантированное благополучное развитие, что-то близкое к хорошо работающей плановой экономике (Oldfield and Shaw, 2002:394).

Agenda 21 – большой документ, рассчитанный на всемирное использование. Даже ограничившись разделом, посвященным био-

[3] Более того, в 2007–2011 гг. региональные власти лоббировали строительство в г. Мантурово Костромской области крупнейшего в Европе целлюлозно-бумажного комбината, несмотря на истощение лесных ресурсов и явную нехватку через 10–12 лет воды даже для оборотного водоснабжения из-за обмеления реки Унжи; см. Нефедова, 2008; Гунько, 2012 (*Прим. ред.*).

разнообразию, нелегко выбрать элементы, которые направляли бы работу на Ближнем Севере России.

Задачи сохранения биоразнообразия Agenda 21 формулирует ясно и кратко: улучшать биологическое разнообразие и устойчивое использование биологических ресурсов, поддерживать Конвенцию по Биологическому разнообразию. Впрочем, слово «улучшать» вызывает сомнения – идет ли речь о максимальном восстановлении всех форм биологического разнообразия, присущих данной территории, или допускается и интродукция новых видов. Последнее, согласно мнению многих, допустимо лишь в отношении культурных пород животных и растений. Документ требует объединять работу по сохранению биоразнообразия и устойчивому управлению ресурсами. Неоднократно подчеркивается, что биотехнологии позволяют добиться обеих целей.

Совмещать сохранение биоразнообразия, его развитие и одновременно устойчивое использование ресурсов – это чрезвычайно сложная задача. Возьмем, например, две страны с хорошо известными нам условиями (Швеция и Норвегия), где один из нас (Баскин) вел исследования не месяцы, но годы (в Норвегии в 1990–1994 гг., в Швеции в 1995–1998 гг., плюс с десяток кратковременных визитов в каждую из них в 1984–2011 гг.). В обеих странах много делается для охраны природы. Однако говорить об устойчивом развитии, как покажут примеры, в этих странах не приходится.

Пример первый – устойчивое использование лесов в Швеции. В 1984 г., во время Второго Международного Симпозиума по лосю (Упсала, Швеция), крупнейшая лесная компания страны демонстрировала участникам симпозиума возможность непрерывного, на протяжении срока созревания соснового леса (80–90 лет) получения продукции. Используя поразительное обилие инструментов и машин (от самоката до гигантской лесорубочной машины), нам показали, что в течение подрастания леса можно заменить природное разрежение древостоя выборочными рубками, вывозя на дорогу где небольшой стволик, где большое бревно. На месте вырубок мы видели плантации молодых сосен.

Через 10 лет, изучая поведение лосей, мне приходилось ежедневно работать на лыжах в шведских лесах. Увы! В большинстве это были пустоши и редины, перемежаемые полосами и рощами молодого сосняка. Восстановления лесов в их первозданном виде не произошло. Когда финским и шведским исследователям было разрешено побывать в Карелии, они были изумлены сохранностью наших лесов. Громадные просторы России и отсталость лесной промышленности позволили уцелеть этому богатству биоразнообразия.

Пример второй. В одной из телепередач я услышал интервью олимпийской чемпионки Ирины Родниной, где она приводила как пример исключительной чистоты природу Норвегии. К счастью, Роднина не знала печального факта. Норвегия – одна из самых загрязненных стран Европы. Мы изучали содержание тяжелых и радиоактивных металлов в мясе северных оленей по всему северу Евразии. Северные олени питаются лишайниками, которые берут питательные вещества прямо из воздуха. Если атмосфера загрязнена, металлы попадают через лишайники в организм оленей. Этот вид считается индикатором загрязнения окружающей среды осадками. Содержание тяжелых и радиоактивных металлов в печени и почках норвежских оленей во много раз превышает допустимые нормы (Скугланд и др., 1997). Причина в том, что Норвегия – горная страна, где оставляют осадки ветры, дующие из Великобритании, Германии и Польши.

В почвах и растениях на территории Костромской таежной станции и окружающих землях содержание загрязнителей минимально, как в доисторический период (Степанов и др., 1986). Причина опять-таки в направлении ветров. Ни от Нижнего Новгорода, ни от Череповца, ни из Ярославля загрязнения сюда не доносит.

Agenda 21 требует собирать информацию, обучать население, пропагандировать идеи сохранения биоразнообразия и использования ресурсов максимально неистощительными методами (с расчетом на устойчивое использование). По сути, речь идет о развитии социального капитала, того, что уже дало столь блестящие плоды, когда научные идеи биоразнообразия, экологии и других лозунгов сегодняшнего дня стали всеобщим достоянием, определяющим политику и федеральных, и региональных властей, воспринимаются с доверием всем населением.

Надо отметить, что многие авторы – П. Прайд (Pryde, 1991), Питерсон (Peterson, 1993), Д. Шоу (Shaw, 1999), К. Уэрнштедт (Wernstedt, 2002) сомневаются, что Россия хочет и способна сохранить природу. Эти авторы полагают, что недавняя история СССР свидетельствует о презрении к проблемам охраны природы. Сторонникам осуждения экологической политики СССР нетрудно привлечь в качестве примеров гибель Аральского моря, сожженные промышленными выбросами леса вокруг Мончегорска и высокое загрязнение окрестностей Норильска. Но эти примеры – лишь подборка не противоречащих постулату фактов. Они, однако, не доказывают, что демократия для охраны природы всегда хороша, а не демократия – всегда плоха. Объективный взгляд, по крайней мере,

зоолога, изучающего историю сохранения редких видов животных, не может не заметить, что именно короли Саудовской Аравии спасли от уничтожения антилопу орикс, именно русские и польские цари оберегали зубров, а персидский шах много сделал для сохранения природы своей страны. Но в США – самой демократической стране мира – были уничтожены леса, бизоны, странствующий голубь, пока ученым и энтузиастам не удалось убедить общество в необходимости сохранять и восстанавливать то, что осталось (Leopold, 1949).

В 1998г., в сборнике «Conservation of biological resources» (Baskin, 1998), опубликованном в Лондоне и получившем значительную известность, я писал: «Тоталитарный режим в бывшем Советском Союзе был благоприятен для сохранения охотничьих животных. Несмотря на протесты охотников, охотничьи угодья отбирались у охотничьих обществ и отдавались привилегированным охотничьим хозяйствам для властной верхушки, военные зоны и заповедники также исключали охоту. В таких условиях пресс на виды охотничьей фауны слабел, а вложения в охотничье хозяйство становились более эффективными. Факт, что почти все вымершие виды животных были в советский период восстановлены (соболь, сайгак, пятнистый олень, все виды козлов и горных баранов и др.), а численность многих охотничьих видов достигла максимума».

Неолиберальный подход к сохранению биоразнообразия подразумевает доступ местного населения к природным ресурсам, в уповании на то, что люди будут настолько сознательны, что подчинятся требованиям действовать так, чтобы биоразнообразие сохранялось (“sustainable use” – устойчивое использование).

Пример подобного рода мы имеем, рассматривая историю создания заповедника «Керженский». Основанный в 1993 г. стараниями его будущего директора Е.Н. Коршуновой и тогдашнего губернатора Нижегородской области Б.Е. Немцова, Керженский заповедник встал перед проблемой существования поселка Рустай, в котором жило около 0,5 тыс. жителей. В условиях либерализма первых лет «перестройки» сопротивление местных жителей казалось непреодолимым. Компромисс был найден – поселок остался внутри заповедной территории, жителям обеспечили свободный проезд к своим домам, дали разрешение заготавливать дрова. Тем не менее, в первые годы существования заповедника случались и поджоги конторы заповедника, и другие конфликты (Коршунова, 1988).

Важнейшим для населения ресурсом, которого оно лишилось, оказались богатейшие ягодники. И здесь пришлось искать компромисс – выделить участок, где местным жителям разрешили сбор

клюквы и брусники. Приезжие из Нижнего Новгорода и других окрестных городов возможности собирать клюкву (и продавать ее на рынках) лишились. Отношение местных жителей к заповеднику круто изменилось. Теперь уже они сигнализировали в заповедник о прибытии «чужаков», о необходимости выдворить их, «пока они всю клюкву не собрали».

В депрессивных районах Ближнего Севера России возможности “integrated conservation and development” (интегрированное сохранение и развитие) можно оценивать преимущественно как перспективу на будущее. Только создание и функционирование заповедников, пожалуй, дает возможность уже сегодня говорить о практическом воплощении этой концепции. Требуется значительное воображение, чтобы представить себе, как, дождавшись восстановления выгоревших и вырубленных лесов, лесопользователи перейдут к устойчивому их использованию. Это подразумевает разрежение леса, выборочное использование деревьев, уже подавленных более жизнеспособными соседями. Можно также сохранять спелый лес в местах, где возможно создание экономики, основанной на эстетическом использовании природы.

Охотничье хозяйство уже сегодня дает нам примеры развития, сопряженного с сохранением биоразнообразия. Богатые люди из крупных городов уже в наши дни берут в аренду охотничьи угодья, строят фермы диких животных (собираясь разводить оленей и кабанов), оплачивают труд егерей (и снабжают их жильем и транспортом). Например, в Костромской области сейчас создано 20 частных охотничьих хозяйств. Площади угодий частных хозяйств колеблются от 14 тыс. до 236 тыс. га. В радиусе 100 км от г. Костромы за охотпользователями закреплено 83% территории. На расстоянии от 100 до 200 км закреплено 71% угодий. На расстоянии свыше 200 км от г. Костромы закрепленность угодий снижается до 32% от общей площади угодий районов (Шабров, 2012).

Сохранение, умножение или утрата существующего биоразнообразия?

Разнообразие видов

Массовое исчезновение видов как результат деятельности человека (прямое уничтожение или исчезновение мест обитания) – установленный факт. С 1600 г. зарегистрировано исчезновение 484

видов животных и 654 видов растений (Павлов и др., 2009). Однако, как только принимаются законодательные и организационные меры по сохранению видов, возникает конфликт с населением, жизненные интересы которого оказываются в той или иной мере затронуты. Меры по защите биоразнообразия воспринимаются с меньшей агрессивностью, если речь идет о хозяйственно полезных видах, численность которых уменьшилась. Население воспринимает заботу о таких видах как обоснованный путь рационального хозяйствования. Защита же видов или биоценозов, практическая значимость которых неясна, вынуждена использовать аргумент, что возможность их использования будет показана в недалеком будущем. Впрочем, к практически значимым видам должны быть добавлены животные и растения, интересующие людей своей красотой или необычностью. Экономисты подсчитывают доходы, получаемые от туристов, привлеченных видами, имеющими эстетическую ценность (Randall, 1991:64).

Дискутируя с местными жителями костромских деревень о ценности волка, мы приводили в качестве примера историю о волчьей стае, жившей на территории, принадлежавшей Костромской таежной станции. Наблюдать жизнь волков, следуя за ними по следам, приезжали ученые и туристы из Шотландии и Швеции, Москвы и Йошкар-Олы. В 1991 г., с приходом народовластия, районная администрация добилась от районных депутатов решения об изъятии охотничьих угодий из-под власти Академии наук, которой принадлежит станция. Здесь стала возможной охота, и достаточно быстро один из местных жителей отравил всю стаю (6 волков), начинив ядом тушу убитого волками лося. Полученная премия (3 тыс. рублей), конечно, была бы многократно перекрыта, если бы волки продолжали оставаться объектом наблюдений туристов. Впрочем, подобный довод не слишком убедителен для местных жителей, предполагающих, что доход от туристов вряд ли достался бы им лично.

Снижение биоразнообразия регистрируется научными методами недостаточно четко. Исчезновение одних видов тотчас приводит к замещению их другими. В конце 1970-х гг. стали проводиться обработки лесов дефолиантами. Гербицид распыляли с самолетов над безлюдными лесами левого берега р. Унжи, где сосновые леса восстанавливаются после пожара 1972 г. Идея состояла в том, чтобы уничтожить поросль берез и осин, что должно было (этот факт известен) ускорить рост сосны. После химических обработок среди населения стали распространяться слухи о том, что гербицид вызвал гибель лосей и птиц, что огромные площади ягодников теперь

непригодны для сбора ягод. К тому времени уже было известно, что обработка гербицидами действительно вызывает резкое снижение биоразнообразия. Именно массовое применение ДДТ в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями сельскохозяйственных растений стало основанием для книги Р. Карсона (Carson, 1962), которая обратила внимание широкой общественности на истребительное влияние пестицидов на насекомых, птиц и водных обитателей.

Областные власти попросили нас провести обследование обработанных территорий. Это была неприятная работа, поскольку в обработанных лесах чувствовался сильный отталкивающий запах. Действительно, березы и осины стояли с убитой листвой, а сосны чувствовали себя вполне благополучно. Действительно, всюду лежали погибшие насекомые. Мертвых млекопитающих мы не нашли, а численность птиц резко возросла за счет прибытия птиц открытых пространств, неожиданно нашедших для себя новые места обитания. Химические обработки лесов были достаточно быстро прекращены, как это произошло и в других странах. Впрочем, США еще продолжали применять хлорфеноксигербициды (гербицид «оранжевый агент») и диоксины (Румак и др., 2003), пытаясь таким путем победить партизан во Вьетнаме.

Обычная практика – характеризовать биоразнообразие числом видов растений и животных, обитающих на территории. Но для Ближнего Севера России, если искать в обилии видов аргументы в пользу охраны природы, такой подход малоэффективен. Умеренные широты, невысокая несущая способность (“carrying capacity”) среды, равнинный рельеф, «спокойная» палеоистория природы данного района не позволили здесь сформироваться биоразнообразию, сравнимому с тропиками, с горным странами или с регионами, пережившими процессы изоляции.

Флора России содержит более 12 500 видов дикорастущих сосудистых растений, более 2200 видов мхов и печеночников, около 3000 видов лишайников. В Костромской области, служащей нам модельным регионом Ближнего Севера, отмечено всего 1284 вида растений. В состав флоры культурных растений Костромской области входит 335 видов семенных растений (Белозеров, 1966). Если же взять лишь базовую территорию, где разворачивает свою работу Угорский проект (www.ugory.ru), конкретнее, территорию, окружающую Костромскую биостанцию Института проблем экологии и эволюции РАН, то здесь найдено 570 видов сосудистых дикорастущих растений и еще 25 видов культурных растений, распространяющихся с соседних полей. На территории Мантуровского участка

заповедника и его охранной зоны (левобережье р. Унжа) обнаружено 480 видов (Лазарева и др., 2012:25).

В России зарегистрировано 1300 видов позвоночных животных (www.sevin.ru). В Костромской области и прилегающих частях Ярославской области В.А. Зайцев (2006) насчитал 425 видов (в том числе 2 вида миног, 61 вид рыб, 11 видов земноводных, 6 видов змей и ящериц, 280 видов птиц и 65 видов млекопитающих). Международным критериям отнесения в Красную книгу соответствует всего один вид животных, обитающий на Ближнем Севере России, – выхухоль (*Desmana moschata*) и 7 видов растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации: калипсо луковичная (*Calypso bulbosa*), башмачок настоящий (*Cypripedium calceolus*), пальчатокоренник Траунштейнера (*Dactylorhiza traunsteineri*), надбородник безлистный (*Epipogium aphyllum*), неоттианте клобучковая (*Neottianthe cucullata*), офрис насекомоносная (*Ophrys insectifera*), лобария легочная (*Lobaria pulmonaria*).

Хотя для включения в Красную Книгу государства существуют определенные критерии (2001, IUCN Red List Categories and Criteria, version 3.1, www.iucnredlist.org), на уровне регионов создаются свои Красные книги, в которых применены несколько иные критерии, нередко не столь строгие. В Красную книгу Костромской области включены следующие виды животных: бурозубка крошечная (*Sorex minutissimus*), еж обыкновенный (*Erinaceus europeus*), ночница усатая (*Myotis mystacinus*), ушан (*Pleucotis auritus*), кожанок северный (*Eptesicus nilssonii*), норка европейская (*Mustela lutreola*), росомаха (*Gulo gulo*), выдра (*Lutra lutra*), летяга (*Pteromys volans*), бурундук (*Eutamias sibiricus*), соня садовая (*Eliomys quercinus*), мышовка лесная (*Sicista betulina*), лемминг лесной (*Myopus schisticolor*). В реальности ни один из этих видов не может претендовать на редкость в России. В Красную книгу области они помещены, потому что их ареалы лишь краем захватывают территорию области. Отсюда и их немногочисленность в области.

Коль скоро набор видов животных и растений на Ближнем Севере России не столь богат, как хотелось бы, возникает интерес к завозу новых видов. Хорошо ли создавать сафари-парки с экзотическими видами? Нужно ли завозить новые виды (проблема расселения зубра; горячая дискуссия вокруг намерения Министерства природных ресурсов завести белохвостого оленя)? Нужно ли сохранять парки и рощи, созданные помещиками и теперь еще существующие, аптекарские огороды, плантации хвойных деревьев для расселения по региону?

В мире остро стоит проблема биологических инвазий (Dgebuadze et al., 2010). Допустимо ли так называемое «обогащение» фауны? Вредны или все же допустимы чужеродные виды? Еще в 1930-е гг. существовала острая конфронтация идей «пуристов» (яркий представитель проф. В.Г. Гептнер), резко возражавших против завоза в СССР новых видов животных, и сторонников акклиматизации (яркий представитель – проф. П.А. Мантейфель). Победа осталась за последним. В СССР были успешно акклиматизированы (или расселены из одного региона в другой) ондатра, нутрия, енотовидная собака, пятнистый олень, марал, по всей Европейской России восстановлен за счет завоза из Воронежского заповедника речной бобр. На Ближнем Севере России мы имеем успешно прижившихся ондатру, американскую норку (зверьки сбежали из звероферм и благоденствуют на воле), енотовидную собаку.

Недавно, в начале октября 2012 г., в Министерстве природных ресурсов состоялось совещание, обсуждавшее целесообразность акклиматизации в России белохвостого оленя. Вопрос об интродукции белохвостого оленя (*Odocoileus virginianus*) в Россию обсуждался зоологами еще в 1960–1970-х гг. Для охотничьего хозяйства такой объект кажется очень выгодным. Белохвостый олень известен своим интенсивным размножением (рождается 1–3 теленка) и способностью выживать в различных условиях. В Северной Америке, там, где этот вид существует, он служит основным и довольно легким объектом охоты. В штате Висконсин плотность населения оленей в лесах составляла от 50 до 120 на 10 кв. км (Alverson et al., 1988). Для сравнения скажем, что плотность лося в Костромской области в 2010 г была менее 2 животных на 10 кв. км. Именно фантастические для российского охотника объемы добычи этих оленей в США и заставили новых, молодых руководителей охотничьего хозяйства России вновь (в 2012 г.) задуматься о завозе этого замечательного животного.

Однако консультации с ведущими североамериканскими специалистами заставили отказаться от этой идеи. Наши американские коллеги предупреждали о грозной опасности заноса на территорию России менингитного червя (*Parelaphostrongylus tenius*), вызывающего у многих видов охотничьих копытных болезнь, в обиходе называемую «вертячкой». Болезнь проявляется такими симптомами – больное животное крутится на месте, слепнет, бесцельно бродит, шатается, опускается «на колени» из-за слабости ног, затем наступает его паралич.

Менингитный червь – это нематода, паразитирующая в кровеносных сосудах головного мозга. Личинки червя с фекалиями оле-

ней попадают в почву, где проникают в тело улиток и слизней, где проходят дальнейшее развитие. В организм оленей они попадают, когда те поедают моллюсков. Специфика условий, в которых живут моллюски, вероятно, определяет тот факт, что заражены этим червем лишь олени на востоке США, тогда как на западе инвазий не отмечается. Как полагают, широкий пояс степей посредине США, где улиток мало или нет вообще, обеспечивает такой разрыв в эпизоотологическом ареале.

Часто напоминают, что белохвостые олени, завезенные в Финляндию, не заражены этим гельминтом. Их завезли из Миннесоты, где белохвостые олени могут быть заражены этим гельминтом. Хотя этот вид нематод сохраняется в теле оленей всю их жизнь (в эксперименте – 6,5 лет), те несколько оленей, что стали основателями популяции в Финляндии, оказались свободны от гельминтов, по крайней мере, не произошло заражение их потомства. Завоз состоялся в 1935 г., когда о возможности заражения и не думали. Финские специалисты считают, что это был счастливый случай. Может быть, произошел разрыв цепочки в жизненном цикле паразита. Стоит напомнить, что Финляндия – единственная страна, где решились на такой эксперимент. В ряде штатов Канады завоз белохвостых оленей запрещен.

Важнейшая деталь – сами белохвостые олени от «вертячки» не страдают. Эти два организма вполне приспособились друг к другу. Страдают благородные олени, лоси, северные олени, козлы, овцы. Смертность лося в Миннесоте от этой болезни составляет от 5 до 20%. Замечено, что существует обратная зависимость между численностью белохвостого оленя и лося, что связывают с осеменением территории личинками менингитного червя.

Ближний Север Европейской части России характеризуется глубоким снежным покровом, малой кормностью угодий (для копытных животных). Однако здесь имеется преимущество, которого нет в более теплых и продуктивных регионах. Здесь нет или мало людей. Поэтому мысль исследователей вновь и вновь возвращается к тому, чтобы основать здесь популяции такого крупного животного, как зубр (*Bison bonasus*). Конечно, это животное предпочитает широколиственные леса черноземной зоны России, Белоруссии, Польши. Но высокая плотность людского населения, обилие сельскохозяйственных полей и садов, дороги – все это исключает обитание здесь большого числа зубров.

На Ближнем Севере России зубры пока акклиматизированы лишь в Вологодской области. Но самки зубров приносят здесь двойни, что большая редкость для этого вида. Ни мороз, ни снег

не стали непереносимыми для животных. Ивняки в лощинах и по берегам рек и озер оказались вполне пригодными для кормления этих животных зимой. Нами была составлена карта территорий, где возможно расселение зубра. Ближний Север России оказался одним из предпочтительных районов. Факторы относительно неблагоприятной среды были уравновешены малочисленностью людского населения, существованием огромных пространств, где деревни исчезли (Kuemmerle et al., 2011). Правильно ли будет увеличить биоразнообразие региона за счет зубра?

Разнообразие биоценозов

В социальном капитале россиян Ближний Север России сохраняет образ вековых хвойных лесов. Понимая, что вырубки должны были сделать свое печальное дело, урожай леса снят, и надо ждать еще 50–100 лет, пока, может быть, вернется былое великолепие, россияне ищут хотя бы его остатки.

Сохранение биоразнообразия предполагает заботу не только об отдельных видах, но о биоценозах, или об экосистемах. Например, Элтон (1936) установил, что существует взаимосвязь численности рыси и зайца. Эта работа была основана на данных заготовок пушнины в Канаде. Рассматривая данные по Ближнему Северу России, мы видим, что закономерность проявляется и здесь. За период с 1980 по 2010 г. численность зайца в пяти областях Севера упала в 1,7–3,7 раза, рыси – в 1,5–7 раз. Но соотношение численности хищника и жертвы изменилось мало. В 1980 г. число зайцев на одну рысь (в пяти областях северной России) колебалось в пределах 74–198, в 2010 г. – в пределах 74–315.

Связь численности, плодовитости, смертности и других популяционных показателей видов-хищников и видов-жертв – один из лучше всего изученных разделов экологии. Но, когда речь заходит о сохранении биоразнообразия на уровне биоценозов, надежность выводов утрачивается. Виды животных и растений, как правило, достаточно экологически лабильны, так что выпадение одного из элементов биоценоза или утрата местообитания ведет к приспособлению к новым условиям. На Ближнем Севере России мало видов-стенобионтов, как, например, птицы, обитающие в кронах высоких деревьев (при вырубке они теряют места обитания, к которым приспособлены), или птицы и звери, питающиеся семенами (белка, клесты и другие виды), для которых губительно исчезновение зрелого, плодоносящего леса

Тридцать лет назад Р. Эйрлих и А. Эйрлих (Ehrlich and Ehrlich, 1981) предложили яркое сравнение биоценоза с самолетом, у которого разрушаются заклепки. С каждой отвалившейся заклепкой (ср.: с каждым исчезнувшим из биоценоза видом) увеличивается вероятность того, что разрушение следующей приведет к крушению самолета. В реальности довольно трудно предложить примеры для подобной логической конструкции. В северной России таким ключевым элементом биоценоза является бобр. Устраивая плотины и создавая тем самым бобровые пруды и поднимая уровень воды в ручье вверх по течению, бобр создает условия для жизни значительного числа млекопитающих и птиц (Baskin et al., 2011). Вырубка старых деревьев уничтожает и дупла, в которых живут многочисленные птицы-«дуплогнездники», т.е. выводящие в дуплах птенцов (Преображенская, 1998). Наличие дупел также является главным условием существования в северных лесах летяги (*Pteromys volans*) (Кулебякина, 2010).

В Костромской области проведена инвентаризация лесов высокой природоохранной ценности. Термин «леса высокой природоохранной ценности» относится к числу суррогатных, и его критерии включают (Jennings et al., 2002):

– леса, в которых имеется высокая концентрация видов, ценных для биоразнообразия (эндемики, находятся под угрозой, данная местность представляет видовой рефугиум);

– леса, важные для ландшафта, содержащие жизнеспособные популяции видов, типичные для данной местности;

– леса, содержащие редкие и находящиеся под угрозой исчезновения экосистемы;

– водоохранные леса, леса, препятствующие эрозии;

– леса, имеющие культурную, экологическую, экономическую или религиозную ценность для местных жителей

Немчинова (2008) относит к лесам высокой природоохранной ценности следующие типы лесов.

Леса с ценным породным составом. Речь идет о присутствии видов деревьев и кустарников, ареалы которых лишь краем заходят на территорию области и, как это обычно бывает на краю ареала, живут в пессимальных условиях, поэтому и редки. Речь не обязательно идет об обитателях более южных широт: дуб черешчатый (*Quercus robur*), ильм шершавый (*Ulmus glabra*), ильм гладкий (*Ulmus laevis*), клен (*Acer platanoides*). Здесь есть и сибиряки: лиственница сибирская (*Larix sibirica L.*), пихта (*Abies sibirica*). Факт, что встреча этих необычных для края растений привлекает туристов.

Старовозрастные леса. Принято считать старыми древостои с возрастом более 110 лет. Понятно, что они сохранились там, где лесорубам было не подступиться (трудный рельеф, заболоченность, отсутствие дорог на границах с другими областями), или по воле случая (не успели срубить зимой, пока можно было въехать в лес, а потом уже не имело смысла добираться до недоруба из нескольких десятков старых деревьев).

Малонарушенные леса. Коренные (девственные) леса, которые не имеют следов рубок и пожаров.

Леса, выполняющие средозащитные функции. Водоохранные леса по берегам рек и ручьев, рубившиеся в нарушение норм и правил и все же кое-где еще уцелевшие и нуждающиеся в охране.

Репрезентативные участки лесов. Это типичный пример изобретения суррогатного термина для обозначения биоразнообразия участков, которое, по мнению ученых (Хорошев, 2007), отражает характерные особенности одного из 17 лесорастительных районов области. Найдены, выделены на территории и получили статус ООПТ 17 участков, которые в ином случае были бы срублены, перемяты техникой, загублены иным способом.

Точно так же А.В. Хорошевым и его коллегами (Хорошев и др., 2007) выделены точки или участки, где произрастают ценные по каким-либо признакам растения (например, включенные в Красную книгу Костромской области). И эти участки также получили повышенный статус, предусматривающий охрану.

Леса, включающие редкие и уникальные лесные экосистемы. К таковым отнесены памятник природы «Мисковский», природный заказник «Чернолуховский», «Лиственничный остров» на р. Унже, «Аганинская дубрава» в устье р. Кострома, природный заказник «Васеневский» в Шарьинском районе. Все эти участки не только отличаются специфическим сочетанием природных условий и растительности, но и несут отпечаток социально-экономических систем, т.е. хозяйственного использования территории на каком-то историческом отрезке ее существования.

Леса с высоким ценотическим и видовым разнообразием. К таковым, например, Немчинова (1988) относит леса на пойменных гривах р. Ветлуги – на каждой гриве имеются своеобразные леса (дубовые, сосновые, еловые, липово-вязовые).

Леса с высоким рекреационно-ресурсным потенциалом. Это знаменитые среди местных жителей и приезжих боры, приятные для прогулок, леса по берегам знаменитых озер (Галичского, Чухломского), где так и хочется сделать фотоснимок, крупные болота. Большинство таких мест имеют народные названия.

Леса, имеющие культурное, научное и историческое значение. Места народного поклонения («святые» места), исторические места работ ученых (А.Н. Формозова), поэтов (Н.А. Некрасова). Охраняются даже старые пни на месте былых сосново-лиственничных корабельных рощ, если возраст этих пней равен возрасту династии Романовых.

Охрана природы может приводить к ее разрушению

Стала классической работа Д. Боткина (Botkin, 1990), описавшего, как контроль и охрана популяции слонов в Национальном Парке Цаво (Восточная Африка) привели к разрушению саванны.

Из российской практики мы тоже можем привести такие примеры. Благородные олени как вид не обладают способностью регулировать свою численность (например снижать плодовитость) и потому, чрезмерно размножившись, неоднократно уничтожали в «Беловежской пуще» весь лесной подрост (Баскин, 1976:242). Как результат защиты степных участков заповедников от пожаров в них накапливается масса сухой растительности, которая в корне преображает и видовой состав флоры, и внешний облик степи.

Хорошим примером того, что охрана природы – действие противоречивое, могут служить наблюдения за полупустынями Калмыкии до и после 1991 г. в связи с резким падением численности сайгака. Случился стихийный эксперимент. До 1991 г. в Калмыкии было около 3 млн овец, пастбища были вытравлены, во многих местах почва была выбита, пустыня наступала. Однако численность сайгака была высокой. Охранители природы дружно сетовали на «перевыпас» или, как еще говорят, «отбой пастбищ». В частности, это был аргумент против социалистических методов хозяйствования.

Кризис сельского хозяйства после 1991 г. привел к резкому падению численности овец (с 3 млн до 794 тыс. в 2000 г.) (Баринов, 2011). С исчезновением овцеводства бывшая пустыня зазеленела, превратилась в степь, и сайгак стал исчезать. Как выяснилось (Абатуров и др., 2005), сайгак наилучшим образом обеспечен кормом в течение всего года на пустынно-степных пастбищах, где обильны двудольные, длительно вегетирующие растения. Они сохраняются, если ведется интенсивное овцеводство. Но степное дерновинно-злаково-разнотравное пастбище непригодно для сайгака. Здесь

обильны ковыли, не любимые сайгаком, а разнотравье имеет короткую вегетацию, уже с середины лета сайгаки голодают.

На Ближнем Севере России идет борьба за сохранение остатков старовозрастных лесов. Для горожан – главных инициаторов охраны таких лесов – их ценность несомненна. Но местные жители не всегда разделяют эти идеи. Даже гигантские размеры деревьев бывшим лесорубам кажутся скорее недостатком – такие деревья не годятся для имеющихся станков, для распиловки на доски, большие деревья невозможно грузить на машины. Во времена, когда практиковался сплав леса по рекам, большие деревья не принимались, потому что легко тонули. В современном заповеднике «Кологривский лес» можно видеть штабеля гигантских елей, спиленных, но никак не использованных.

Забрасывание сельскохозяйственных земель на Ближнем Севере России может быть названо экологической катастрофой для множества животных, в том числе крупных млекопитающих, подбиравших остатки урожая с полей.

Сохранять ли биоразнообразие?

Что выгоднее человечеству – сохранение или утрата биоразнообразия? Конечно, не ставится под сомнение необходимость сохранения всех творений природы, всех видов животных и растений, всех генотипов, популяций, экосистем и биоценозов, хотя бы в виде коллекций, банков генотипов, заповедников и в любой другой форме. Мы имеем в виду совершенно конкретные проблемы планирования биоразнообразия на Ближнем Севере Европейской России.

Нужны ли здесь монотонные хвойные или березовые леса – поставщики сырья для лесной и бумажной промышленности, или надо сохранять «пестроту» лесов, столь характерную сейчас для региона? Те, кто бывал в лесах крупных производителей древесины (в Северном полушарии) – Канады, Швеции, Финляндии, – не могли не обратить внимания на монотонность (и по видовому составу, и по возрасту) значительной части здешних лесов. Эта искусственно созданная ситуация обеспечивает высокую продуктивность лесов, возможность одномоментного съема урожая. Те, кто бывал в прериях Канады и Висконсина (США), не могли не обратить внимания на бескрайние поля пшеницы. Нужна ли чересполо-

сица мелкоконтурных полей, характерная для Северной России? Конечно, ландшафт диктует размеры полей, но какова должна быть идеальная цель развития? Проекты сельскохозяйственного землеустройства в хозяйствах Мантуровского района, составленные в 1960-х гг., ориентировали их на развитие льноводства и животноводства. Несмотря на это, в советское время колхозы сеяли не только лен и траву, но и пшеницу, и рожь, и овес, и картофель, и турнепс, и горох. Нужно ли такое высокое биоразнообразие?

Во всем мире, включая и Россию, популярны сафари-парки, где разводят экзотические виды животных. В законе «О животном мире» животные, разводимые на фермах, не относятся к животному миру региона, не охраняются законом. Их расценивают как домашних (другой термин «разводимых») животных. Таким образом, фермы диких животных находятся вне биоразнообразия. Однако некоторые виды животных (американские норки, например) уже продемонстрировали способность выбираться на волю, выживать и, таким образом, менять биоразнообразие. Такую же опасность представляют кабаны. Но фермы диких животных служат еще и поставщиком дичи для охотников. На фабриках разводят и потом выпускают в природу уток, куропаток, фазанов. Богатые люди прошлого (как и настоящего) создавали парки деревьев, завезенных издалека. Сейчас такие рощи оцениваются как ценные объекты, подлежащие охране (Немчинова, 2008).

Авторы этой главы полагают, что нет единственно правильного ответа на вопросы, нужно ли увеличивать биоразнообразие или строго сохранять то, что имеется. Мы не можем ответить, потому что «биоразнообразие» – это не только биологическая, но и социально-экономическая категория. Глава посвящена многим аспектам противоречий, которые возникают из-за многоаспектности проблемы. Социальный прогресс невозможно остановить доводами борьбы за «чистоту родной природы». Картофель уже не вернуть домой, в Америку, так же как завезенный из Алтайских степей житняк стал главной кормовой травой США и Канады.

Однако биологи были бы самонадеянны, если бы заявляли, что готовы выполнить любой социальный заказ – сохранять биоразнообразие или увеличивать его, сохранять, охраняя или используя.

В каждом случае мы сталкиваемся с большими трудностями, и лишь надежды на накопленный опыт и здравые суждения позволяют верить, что борьба за сохранение биоразнообразия небесполезна.

Литература

1. *Абатуров Б.Д., Ларионов К.О., Колесников М.П., Никонова О.А.* Состояние и обеспеченность сайгаков (*Saiga tatarica*) кормом на пастбищах с растительностью разных типов // Зоологический журнал. – 2005. – Т. 84. № 3. С. 377–390.

2. *Алексеев С.И.* Археология Костромского края. Кострома: Изд-во «Кострома». 1997. С. 1–274.

3. *Баринов В.* Калмыкия успешно восстанавливает главную отрасль животноводства // Аграрное обозрение. – 2011. – №5. http://agroobzor.ru

4. *Баскин Л.М.* Поведение копытных животных. М.: Наука. 1976. 295 с.

5. *Баскин Л.М., Охлопков И.М.* Охрана крупных млекопитающих от индустриальных угроз. М.: КМК Товарищество научных изданий, 2012. 201 с.

6. *Баскин Л.М., Хьелиорд У.* Охота в Норвегии // Охота и охотничье хозяйство. – 1996. – №11. С. 22–25.

7. *Белозеров П.И.* Изменение флоры и растительности Костромской области за последние 50 лет // Ботанический журнал. – 1966. – Т. 51. № 9. С. 1341–1344.

8. *Блохин С.А.* Серый кит (*Eschrichtius robustus*, Lilljeborg, 1861) северной части Тихого океана: :некоторые черты биологии и промысел. Автореф. канд. дисс. 2008. www.dissercat.com

9. *Гончаров Н.П.* Экспедиции Н.И. Вавилова // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2012. – Т. 16. № 3. С. 560–578.

10. *Зайцев В.А.* Позвоночные животные северо-востока Центрального региона России. Виды фауны, численность и ее изменения. М.: КМК Товарищество научных изданий, 2006. 513 с.

11. Конвенция по биологическому разнообразию. 1992. Организация Объединенных Наций http://www.cbd.int

12. *Коршунова Е.Н.* Менеджмент и проблемы заповедного дела. Нижний Новгород: СоЭС, 1998. 179 с.

13. *Краев Н.В.* Ответственность за нарушения законодательства по объектам животного мира, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и в Красные книги субъектов Российской Федерации. 2011. http://www.ohotzakon.ru

14. *Крживоблоцкий Я.* Костромская губерния // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Т. 6. СПб., 1861. 636 с.

15. *Кулебякина Е.В.* Популяционная экология летяги (*Pteromys volans*) в природных комплексах восточной Фенноскандии. Канд. дисс. Петрозаводск, 2010.

16. *Лавренко Е.М., Гептнер В.Г., Кириков С.В., Формозов А.Н.* Перспективный план географической сети заповедников СССР (проект) // Охрана природы и заповедное дело в СССР. – 1958. – №3. С. 3–92.

17. *Лазарева Н.С., Преображенская Е.С., Попов С.Ю.* Флора окрестностей Костромской таежной научно-опытной станции ИПЭЭ РАН и Мантуровского участка заповедника «Кологривский лес». М.–СПб.: Ботанический сад МГУ, 2012. 88 с.

18. *Ленин В.И.* Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1963.

19. Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России // Биология – 2004. – № 27–35.

20. *Немчинова А.В.* Леса высокой природоохранной ценности Костромской области // Фундаментальные и прикладные проблемы ботаники в начале XXI в.: Материалы всероссийской конференции. Ч. 3. 2008. http://window.edu.ru

21. Об особо охраняемых природных территориях. Российская Федерация, Федеральный закон. 2012 http://base.garant.ru

22. Об экологической ситуации в Костромской области. 2010. http://www.protown.ru

23. *Павлов Д.С., Стриганова Б.Р., Букварева Е.Н., Дгебуадзе Ю.Ю.* Сохранение биологического разнообразия как условие устойчивого развития. М.: ООО «Типография ЛЕВКО», 2009. 84 с.

24. *Попов С.Ю.* Структура и динамика растительности Керженского заповедника. Канд. дисс. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2008. 265 с.

25. *Преображенская Е.С.* Экология воробьиных птиц Приветлужья. М.: КМК Товарищество научных изданий, 1998. 200 с.

26. *Пузанов И.И., Кипарисов Г.П., Козлов В.И.* Звери, птицы, гады и рыбы Горьковской области. Горький: Горьковское областное издательство, 1942. 452 с.

27. *Румак В.С., Павлов Д.С., Софронов Г.А., Умнова Н.В.* Тропическая экотоксикология и антропогенная динамика биологических систем. Диоксины – суперэкотоксиканты XXI в. Отдаленные последствия применения Оранжевого агента/диоксина армией США во Вьетнаме (проблемы общей и тропической экотоксикологии). М.: ВИНИТИ, 2003. Инф. вып. 8. С. 205–243.

28. *Соколов В.Е., Пузаченко Ю.Г., Гунин П.Д., Зыков К.Д.* Биосферные заповедники и проблемы // Природа. – 1988. – № 1. С. 34–46.

29. *Степанов А.М., Бугровский В.В., Голенецкий С.П., Суханова Н.И.* Оценка химического состава растительности, почв и природных вод средней и южной тайги. Кологривский лес / ред. В.Е. Соколов. М.: Наука, 1986. С. 64–71.

30. *Трепет С.А.* Крупные млекопитающие Кавказского заповедника: Влияние объектов внутренней инфраструктуры на динамику их популяций. Автореф. канд. дисс. Майкоп, 2001.

31. Унженский ИТЛ http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG.

32. *Формозов А.Н.* Основные черты фауны позвоночных Нижегородской губернии // Материалы по изучению фауны и флоры Центрально-Промышленных областей. 1927.

33. *Хорошев А.В.* Ландшафтная структура Костромской области // Известия РГО. – 2007. – Т. 139. Вып. 5. С. 58–65.

34. *Хорошев А.В., Синицын М.Г., Немчинова А.В., Авданин В.О.* Ландшафтный подход к формированию экологической сети Костромской области // Экологическое планирование и управление. – 2007. – № 4(5). С. 19–29.

35. *Честин И.* Борьба с заповедниками. Vedomosti.ru 15.03.2012. www.vedomosti.ru/

36. *Шабров Ф.А.* Социальные аспекты охотничьего хозяйства Костромской области // Социологический ежегодник. 2012. С. 85–94.

37. *Элтон Ч.* Экология животных. М.: Биомедгиз, 1934. 82 с.

38. *Alverson W.S., Waller D.M., Solheim S.L.* Forests Too Deer: Edge Effects in Northern Wisconsin // Conservation Biology. – 1988. – Vol. 2, No. 4. P. 348–358.

39. *Andelman S.J., Fagan W.F.* Umbrellas and flagships: Efficient conservation surrogates or expensive mistakes? // PNAS. – 2000. – Vol. 97. P. 5954–5959.

40. *Baskin L.M., Barysheva S.L., Ermolaeva E.Z* Reintroduction of beavers in the southern taiga of Central Eastern Russia // In: Sjoberg G., Ball J. (Eds.) Landscape-creative beaver activity in Northern Europe: a review of the 50-years species-restoration. Sofia: Pensoft Publishers, 2011. P. 113–126.

41. *Baskin L.M.* Hunting of game mammals in the Soviet Union // In: Milner-Gulland E.J. & Mace R. (Eds.) Conservation of biological resources. London: Blackwell Science, 1998. P. 331–345.

42. *Blaikie P., Jeanrenaud S.* Biodiversity and human welfare // In: Ghimire K. and Pimbert M.P. (Eds.). Social change and conservation. London: Earthscan, 1997. P. 46–70.

43. *Botkin D.B.* Discordant Harmonies: A New Ecology for the Twenty-First Century. New York: Oxford University Press, 1990.

44. *Brown K.* Innovations for conservation and development // The Geographical Journal. – 2002. – Vol. 168. No. 1. P. 6–17.

45. *Carson R.* Silent Spring. Boston: Houghton Mifflin, 1962.

46. *Christensen N., Christensen L.* Arctic Wildlife Refuge visitor study. The characteristics, experiences, and preferences of refuge visitors // Report to: the Aldo Leopold Wilderness Research Institute and the Arctic National Wildlife Refuge. 2009. http://arctic.fws.gov.

47. *Coleman J.* Social capital and the creation of human capital // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. P. 95–120.

48. *Dasmann R.F.* A Different Kind of Country. New York: MacMillan Company, 1968.

49. *DeLong, D.C. Jr.* Defining Biodiversity // Wildlife Society Bulletin – 1996. – Vol. 24, No. 4. P. 738–749.

50. *DgebuadzeYu.Yu., Petrosyan V.G., Bessonov S.A., Dergunova N.N., Izhevsky S.S., Maslyakov V.Yu., Morozova O.V., Tsarevskaya N.G.* A General Concept for Development of a Problem-Oriented Internet Portal on Alien Species Invasions in the Russian Federation. Russian Journal of Biological Invasions. New-York: Pleiades Publishing, Ltd., 2010. – Vol. 1, No. 2. P. 60–67.

51. *Dudley N.* (Ed.) Guidelines for Applying Protected Area Management Categories. Gland, Switzerland: IUCN. 2008. 86 p.

52. *Ehrlich P., Ehrlich A.* Extinction. New York: Ballantine Books, 1981.

53. *Gomez Pompa A., Kaus A.* Taming the wilderness myth // BioScience. – 1992. – Vol. 42. P. 271–279.

54. *Homewood K.M., Rodgers W.A.* Pastoralism and Conservation // Human Ecology. – 1984. – Vol. 12, No. 4. P. 431–441.

55. *Hulme D., Murphree M.* Communities, wildlife and 'new conservation' in Africa // Journal of International Development. – 1999 – Vol. 11. P. 277–285.

56. *Jennings S., Nussbaum R., Judd N.* Identifying High Conservation Values at a national level: a practical guide 2002 // Prepared by ProForest www.proforest.net.

57. *Kelsall J.P.* The migratory barren-ground caribou of Canada. Ottawa: Department of Indian Affairs and Northern Development, Canadian Wildlife Service. 1968. 340 p.

58. *Knopf F.L.* Focusing conservation of a diverse wildlife resource // Trans. North American Wildlife and Natural Resources Conference. – 1992. – Vol. 57. P. 241–242.

59. *Kuemmerle T., Radeloff V.C, Perzanowski K., Kozlov P., Sipko T., Khoyetskyy P., Bashta A.-T., Chikurova E., Parnikoza I., Baskin L., Angelstam P., and Waller D.M.* Predicting potential European bison habitat across its former range // Ecological Applications. – 2011. – Vol. 21 (3). P. 830–843.

60. *Lazdinis M. and Angelstam P.* Connecting Social and Ecological Systems: An Integrated Toolbox for Hierarchical Evaluation of Biodiversity Policy // Ecological Bulletins. – 2004. – No. 51. P. 385–400.

61. *Leopold A.A* Sand County Almanac and Sketches Here and There. NewYork, NY: Oxford University Press, 1949. 226 p.

62. *Musters C.J.M., de Graff H.J. and Keurs W.J.* Defining socio-environmental systems for sustainable development // Ecological Economics. – 1998. – Vol. 26. P. 243–258.

63. *Naiman R.J., Mellilo J.M., Hobbie J.E.* Ecosystem alteration of boreal forest streams by beaver (Castor canadensis) // Ecology. – 1986. – Vol. 67. P. 1254–1269.

64. *Oldfield J.D., Shaw D.J.B.* Revisiting Sustainable Development: Russian Cultural and Scientific Traditions and the Concept of Sustainable Development. // Area. – 2002. – Vol. 34, No. 4. P. 391–400.

65. *Peterson D.J.* Troubled Lands: The Legacy of Soviet Environmental Destruction. Boulder, Colorado: Westview Press, 1993.

66. *Pretty J., Smith D.* Social Capital in Biodiversity and Management // Conservation Biology. – 2004. – Vol. 18, No 3. P. 631–638.

67. *Pryde P.R.* Environmental management in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

68. *Randall A.* The Value of Biodiversity // Ambio. – 1991. – Vol. 20, No. 2. P. 64–68.

69. *Shaw D.I.B.* Russia in the modern world: a new geography. Oxford: Blackwell, 1999. 315 p.

70. *Smith T.G.* Ringed seals in James Bay and Hudson Bay: population estimates and catch statistics // Arctic. – 1975. – Vol. 28. P. 170–182.

71. *Soule M.E.* Conservation: Tactics for a constant crisis // Science. – 1991. – Vol. 253. P. 744–750.

72. *Spellerberg I.F.* Evaluation and assessment for conservation: ecological guidelines for determining priorities for nature conservation. London: Chapman and Hall, 1992. 260 p.

73. *Takacs D.* The Idea of Biodiversity: Philosophies of Paradise. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 392 p.

74. *Wernstedt K.* Environmental Management in the Russian Federation: A Next Generation Enigma. Resources for the Future 2002. www.rff.org

75. *Wilson E.O.* (Ed.). Biodiversity. Washington, DC: National Academy Press, 1988.

Глава 10. Экологический туризм в регионах Ближнего Севера. Потенциал, современное развитие и перспективы

Надежно охарактеризовать реальное развитие и будущее экологического туризма в регионах России трудно по нескольким причинам. Во-первых, это сохраняющийся у нас уже более двадцати лет разнобой в трактовке экотуризма. Во-вторых, – дефицит достоверной информации как о самом туризме во всех его формах, так и о факторах, определяющих перспективы его развития. Поэтому материал данной главы служит в основном трем целям:

• познакомить читателей с признанными в мире концепциями и принципами экологического туризма,

• представить примеры реализации этих принципов в условиях Ближнего Севера,

• ориентировочно оценить потенциал региона, определяющий базовые возможности развития экотуризма.

Концептуальные основы

Основные принципы

Известно множество определений экотуризма. Все они отражают те или иные его существенные черты и свидетельствуют о разнообразии его конкретных форм.

Приведем из множества два определения. В немецкоязычной литературе широко известно определение, которое предложил Карл-Хайнц Рохлитц (Karl-Heinz Rochlitz): «Мягкий туризм это количественно умеренный туризм, который... создает для местных жителей экономические выгоды и обеспечивает взаимопонимание между гостями и местными жителями, а также не причиняет ущерба ни ландшафту, ни местной социокультурной среде».

В качестве характерного англоязычного примера можно привести определение, принятое Международным обществом экотуризма: «Целенаправленные путешествия по природным территориям с целью более глубокого понимания местной культуры и природной среды, не нарушающие целостность экосистем, способствующие тому, чтобы охрана природных ресурсов была выгодной для местных жителей».

Несмотря на все возрастающую популярность экологического туризма, его доля в мировом обороте туристского капитала по оценкам экспертов ВТО составляет в среднем не более 10%. В значительной мере это объясняется умело управляемым поведением массового потребителя стандартных туристских услуг, потребителя, несколько опасающегося эпитета «экологический» и связывающего с этим эпитетом представления об исключительно спартанских условиях отдыха (соломенный тюфяк вместо уютной постели, грубая одежда и пища, пыль, москиты и тому подобные испытания), что неверно в принципе.

Тем не менее, во многих странах (в Кении, Коста-Рике и др.) экотуризм превратился в мощную отрасль экономики. Экотуризм входит в число пяти наиболее динамично развивающихся отраслей мирового туризма. Можно сказать, что экотуризм сейчас стал модным направлением туроператорской деятельности.

Однако нередко туры, объявленные экологическими, в действительности не содержат ничего, кроме этой модной этикетки. Поэтому необходимо четко отличать истинный экотуризм в его разнообразных формах и моделях от суррогатов и подделок. Для этого достаточно выяснить – соответствуют ли параметры тура базовым принципам экотуризма, являющимся для этого необходимыми и достаточными критериями.

Пять базовых принципов экологического туризма. Он должен быть:

• обращенным к природе и основанным на использовании преимущественно природных ресурсов;

• не наносящим ущерба природной среде или допускающим минимальный ущерб, не подрывающий устойчивость среды;

• нацеленным на экологическое просвещение, на формирование отношений партнерства с природой;

• заботящимся о сохранении местной культурной среды;

• экономически эффективным и обеспечивающим устойчивое развитие тех районов, где он осуществляется.

Основные признаки. Тур можно считать экологичным, если:

• экологичен транспорт, которым пользуются туристы;

• пища туристов экологически чиста и полезна, при этом в рационе туристов присутствуют местные продукты;

• маршруты туристов и квалифицированные гиды ведут их в интересные и экологически благоприятные природные и культурные ландшафты;

• в программу тура включается посещение учебных экологических троп, природоведческих, краеведческих музеев, экотехнологичных хозяйств и непременно ознакомление с местными экологическими проблемами;

• мусор не выбрасывается на общую помойку или свалку, но собирается специальным образом и поступает затем на экотехнологичную переработку;

• привалы, бивуаки и особенно костры устраиваются только в специально оборудованных местах;

• грибы, ягоды, цветы, лекарственные растения, любые природные сувениры собираются только тогда и там, где это разрешено;

• отели, кемпинги или приюты и хижины, в которых останавливаются туристы, расположены так, что не нарушают нормальное, экологически устойчивое развитие окрестного ландшафта и не обезображивают его облик;

• эти отели и кемпинги построены из экологически безвредных материалов, энергия и вода расходуются бережливо, стоки и выбросы очищаются, иные отходы утилизируются;

• местные жители вовлекаются в туристский бизнес и развивают свои традиционные формы хозяйства;

• туристы с уважением относятся к местным культурным традициям, стремятся изучить и понять их;

• туристы доступными им способами участвуют в решении местных экологических проблем;

• доходы от тура не изымаются целиком из местного бюджета, но способствуют его наполнению.

Классификация экотуров

Существуют две основные модели реализации принципов экотуризма – австралийская и западноевропейская. Ниже предлагается классификация экотуров, построенная по иерархическому принципу. Экологический туризм относится к типу (группе видов) природно орентированного туризма. По этому определяющему критерию экотуризм отличается от таких типов, как туризм деловой, конгрессный, образовательный и др.

Все многообразие видов экотуризма целесообразно разделить на два основных класса.

I. Экотуризм в границах особо охраняемых природных территорий (акваторий) и в условиях «дикой», ненарушенной или мало измененной природы. Разработка и проведение таких туров – это классическое направление в экотуризме, соответствующие туры относятся к экотурам в узком значении данного термина, их можно отнести к «австралийской» или «североамериканской» модели экотуризма.

II. Экотуризм вне границ особо охраняемых природных территорий и акваторий, на пространстве окультуренного или культурного ландшафта (чаще всего сельского). К этому классу туров можно отнести весьма широкий спектр видов экологически ориентированного туризма, начиная от агротуризма и вплоть до круиза на комфортабельном и экотехнологичном лайнере. Этот тип экотуров можно отнести к «немецкой» или «западноевропейской» модели.

Вообще говоря, экологические, как и иные туры можно классифицировать по многим признакам – по способу передвижения, по составу участников, по продолжительности, по отношению к границам страны проживания туристов и т.д. Однако наиболее существенными следует считать два видовых признака тура или путешествия – его *цель* и его *объект*.

По основной *цели* можно различать следующие виды экотуров, предпринимаемых ради:

- наблюдения и изучения «дикой» или «окультуренной» природы и обучения экологическим знаниям;
- отдыха в окружении природы с эмоциональными, эстетическими целями;
- оздоровления с использованием природных факторов;
- спортивных и приключенческих целей.

Нередко эти цели сочетаются в программе конкретных туров, но чаще преобладает одна из них.

По основному *объекту*, в значительной мере определяющему содержание программы тура и отчасти форму его организации, различаются такие виды экотуров:

• ботанические, зоологические, геологические и тому подобные туры;

• эколого-этнографические или археологические, или, говоря более широко, эколого-культурные туры;

• агротуры;

• спелеологические, водные, горные туры и т.п.

Разумеется, цели тура и его объекты связаны между собой, и оба главных видовых признака нельзя считать абсолютно независимыми основаниями классификации (в реальной программе тура его цели и объекты часто сочетаются и совмещаются). Тем не менее, каждый организатор и участник тура может определить его главные особенности и отнести каждый конкретный тур к тому или иному виду.

Наконец, весьма важным классификационным признаком для выделения форм экотуров являются возраст и состояние здоровья участников (во многих странах с развитыми традициями экотуризма существуют, например, специальные туры для инвалидов), а также численность групп. Вполне понятно, что программы туров и их организационные особенности будут принципиально различными для детских походов и для экспедиций, рассчитанных на взрослых людей, равно как и для малых компактных и для больших групп участников.

Туры на охраняемых территориях требуют непременного участия профессиональных гидов, ответственных за соблюдение строгих правил поведения туристов. Участникам же экотуров в культурном ландшафте в общем случае предоставляются возможности довольно свободного поведения – разумеется, при соблюдении известных ограничений.

Следует отметить близость экологических туров к известным, весьма популярным прежде в России формам самодеятельного туризма. Вместе с тем, совокупность всех видов экотуризма – это более обширное множество, а некоторые самодеятельные туры могут быть и антиэкологичными, например, самодеятельные спортивные и сафари-туры, сопряженные с добычей живых трофеев или достижением спортивного результата любой ценой, скажем, использованием срубленных живых деревьев для сооружения переправ.

Таким образом, экологический туризм это отнюдь не только суровое путешествие с тяжелым рюкзаком в «дикую» природу; экотуризм может быть достаточно комфортным, но суперкомфорт

любой ценой, особенно среди «девственной» природы – недопустимое расточительство. Поэтому даже массовый туризм, во многих странах превратившийся в разрушительную силу, может стать более экологичным. Но главные отличительные черты экотуров – при всем многообразии их видов и форм – остаются неизменными и определяются они охарактеризованными выше базовыми принципами экотуризма.

Что же ожидает экотуризм в будущем? Затронет ли его глобализация своими негативными проявлениями?

Очевидно, что классические экотуры в дикую природу, на особо охраняемые территории и акватории («австралийская» модель экотуризма) не получат столь массового развития, какое характерно для пляжного туризма – просто потому, что этих территорий и акваторий не так уж и много на Земле и потому, что толпы туристов им противопоказаны. Вместе с тем, и пляжный туризм может приобретать экологичные формы, как это имеет место на некоторых берегах Канарских островов, на острове Маврикий, в ряде районов Бразилии, в Австралии.

Другая перспектива у «западноевропейской» модели экотуризма. Именно она может стать одним из мультипликаторов экологизации всего туризма. Отчасти это уже и происходит. Так, пропагандируемые ВТО и декларируемые многими туристскими корпорациями принципы устойчивого туризма во многом соответствуют базовым принципам экотуризма и прямо заимствуют некоторые из них.

Основных отличий два – устойчивый туризм вовсе не обязательно использует природу как свой основной ресурс, что вполне естественно, а кроме того, он не провозглашает образовательный компонент туристских программ как обязательный, хотя и не исключает его.

Вот как выглядит определение *устойчивого туризма*, сформулированное ВТО и Всемирным Советом по туризму и путешествиям (WTTC). Устойчивый туризм:

• отвечает потребностям как туристов, посещающих туристические центры, так и населения последних;

• предполагает обеспечение и оптимизацию перспектив будущего развития;

• использует ресурсы таким образом, чтобы удовлетворить экономические, социальные и эстетические потребности, но при этом сохранить культурную уникальность, важнейшие экологические особенности, многообразие биологических видов и жизненно важные системы.

А вот как формулирует десять принципов устойчивого туризма Шведское агентство по защите окружающей среды:

• неистощительное, устойчивое использование природных ресурсов;

• сокращение избыточного потребления и отходов;

• обеспечение сохранения природного, социального и культурного разнообразия;

• тщательное планирование, комплексный подход;

• интеграция туризма в планы регионального развития;

• поддержка местных экономик;

• участие местного населения в развитии туризма и получение ими финансовых и других выгод от этой деятельности;

• консультирование заинтересованных лиц и общественности;

• обучение персонала;

• ответственный маркетинг.

Таким образом, можно сказать, что развитие экотуризма, с одной стороны, обусловлено и будет определяться глобальным распространением экологического императива. С другой стороны, идеология и практика экотуризма способствует превращению экологических путешествий в глобальное явление.

Эколого-культурный туризм

Эколого-культурный туризм – одно из актуальных направлений в развитии экологического туризма. На фоне глобальных экологических проблем в общественном сознании появилось и стало укрепляться понимание того, что экологическое мировоззрение представляет собой необходимый и важнейший компонент культуры.

Приходится, однако, признать, что, несмотря на значительные усилия многих ученых, политиков, общественных организаций, средств массовой информации, следование экологическому императиву не является нормой поведения для большинства землян.

Между тем, экологически осмысленное поведение должно стать естественной, как бы инстинктивной нормой для каждого человека – слесаря, клерка, шофера, повара, музыканта, медсестры, менеджера фирмы, огородника, тракториста, промышленника. Причем в достаточно сжатые сроки. Иначе наше общее будущее по-прежнему станут определять вульгарно понимаемая экономическая выгода и соответствующие ей недружественные биосфере технологии с их

неизбежными последствиями – экологическими кризисами и катастрофами.

Очевидно, рефлекторно реализуемое экологическое поведение у большинства наших современников не сможет возникнуть только лишь благодаря «книжному» знанию, школьному или даже университетскому, но умозрительному обучению. Ведь экологический императив станет действенным только при условии, что каждый живущий на Земле человек обретет три необходимых и достаточных элемента экологической культуры: понимание экологических норм, основанных на законах природы и социума, принятие их мировоззренчески и умение поступать адекватно.

Как же сформировать современную культуру, органично включающую в себя и личные, и общественные экологические нормы? Как совместить эти три установки – понять, принять и поступить?

Восстановить экологическую органичность культуры в постиндустриальном обществе, но уже через осознание как законов природы и общества, так и экологической этики – жизненно важная задача. Ее решению, безусловно, должно помочь обращение к сохранившимся экологически ценным традициям и живое соприкосновение с этими традициями. Обеспечить такое соприкосновение может и должно органичное соединение экологически и культурно ориентированных сюжетов в программах «эколого-культурных» туров.

С учетом сказанного можно следующим образом охарактеризовать основные принципы организации эколого-культурных туров и программ. Такие туры (программы) должны:

• быть ориентированными на использование различных форм и типов природопользования в качестве основного туристского ресурса (объекта);

• показывать взаимные адаптации социума, хозяйства и природы, особенно в контексте концепций культурного ландшафта;

• демонстрировать проявления прошлых, настоящих и возможных в будущем природных и социально-экономических проблем природопользования;

• указывать пути решения или смягчения хотя бы некоторых из этих проблем;

• строиться таким образом, чтобы туристские программы (туры) служили как минимум поддерживающим, а в некоторых случаях и системообразующим компонентом культурного ландшафта;

• соответствовать основным общим принципам экотуризма.

Примером реализации ряда названных выше принципов может служить программа эколого-культурного тура «По Серпуховской дороге». Вот ее краткое изложение.

На землях к югу от Москвы, издавна осваивавшихся, сохранились и соседствуют памятники и фрагменты культурных ландшафтов разных эпох и разных форм природопользования – монастыри и монастырские угодья, засечные дубравы, дворянские усадьбы, мемориальные и художественные музеи, наконец, центры промышленной урбанизации последних десятилетий и современные «наукограды». Здесь же расположены особо охраняемые природные территории, в их числе единственный в Подмосковье биосферный заповедник.

Вовлекая в эколого-культурный тур все типы этих ресурсов, можно выстроить целостную программу.

1. *Усадьба «Остафьево»* – Русский Парнас. Регулярный и пейзажный парки, проблемы сохранения и реконструкции мемориальных парков (лесоводческо-экологические, историко-культурные). Классическая русская усадьба и ландшафт: преобразование или взаимная адаптация?

2. *Подольск – Дубровицы*. Церковь Вознесения – выдающийся памятник русского барокко, разрушающийся кислотными дождями. Экологические проблемы сохранения архитектурных памятников. Качество среды обитания и жизни в Подольске. Где выход?

3. *Мелихово*. Имение А.П. Чехова. Дачная жизнь как форма русской культуры. «Вишневый сад» и социальная роль Чехова в Мелихове. Экологические интуиции в «Лешем» и «Дяде Ване».

4. *Святой источник в селе Талеж*. «Новые русские» в Подмосковье – безвкусные коттеджи с башенками, захват продуктивных сельскохозяйственных земель и прибрежных природоохранных зон, но также ниша для нового бизнеса и благотворительность в меру ее понимания.

5. *Приокско-Террасный государственный биосферный заповедник*. «Степные долы» и зубровый питомник. Проблемы особо охраняемых природных территорий в окрестностях мегаполисов – что, от кого и зачем охранять? Биосферные резерваты и экотуризм. Биосфера и глобальные проблемы современного человечества.

6. *Серпухов*. Столица небольшого княжества, культурный русский город, а ныне центр военно-промышленного комплекса – каковы перспективы развития? Что выгоднее – туризм или военная промышленность? Как они сочетаются?

7. *Пущино* – академический научный центр – город биологов и студентов. История места, города и российской науки. Николай Вавилов и Трофим Лысенко.

8. *Поместье А.Т. Болотова «Дворяниново»*. Принципы русской агрономической и лесоводческой школ. Каким быть сельскому хозяйству центральных районов России – индустриальным, с монокультурами на огромных полях и комплексами на тысячи голов скота? Малотоварным, с «лоскутными» полями и хуторами?

9. *Поленово – усадьба художника*. Правда природы и правда искусства. Ограниченность научного постижения природы. Благоговение перед жизнью А. Швейцера. Экологическая этика.

Программу этого тура формируют сквозные сюжеты: историческая смена функций местности в окрестностях больших городов, специфика социально-экономического развития Подмосковья и его экологические проблемы, экология и экономика, роль науки, экологическое мировоззрение как неотъемлемый компонент культуры.

Эту программу можно рассматривать как одну из моделей построения эколого-культурных туров. В одном из последующих разделов главы она будет отчасти воплощена в программе тура «Долиной Унжи»

Особенности развития экотуризма в России

Классический экотуризм, несмотря на немалый срок его существования, в России распространен еще недостаточно широко. У нас чаще практикуются близкие ему по содержанию формы туров, например, так называемый активный отдых. Или туры, соответствующие не всем, а только некоторым критериям из названных в предыдущем разделе.

Поэтому, оценивая потенциал и реальное развитие российского экотуризма, целесообразно иметь в виду широкое множество форм. Это множество следовало бы называть экологически ориентированным туризмом, но мы будем здесь с допустимой долей условности использовать наименование экотуризм.

Природа и традиционная культура России предоставляют большие потенциальные возможности для развития экотуризма. Следует, однако, иметь в виду, что несмотря на обширность неосвоенных или слабо освоенных пространств, состояние окружающей среды на территории России в целом далеко от благополучного,

в том числе и вне крупнейших индустриальных центров. Эта ситуация обусловлена отсталыми технологиями как в промышленности, так и в сельском и лесном хозяйстве, слабым контролем над компаниями-монополистами, а также правовым нигилизмом. Наконец, одним из ограничений для развития туризма и даже экотуризма является высокая чувствительность многих экосистем России к антропогенным воздействиям.

В массовом российском туристском бизнесе природно ориентированный туризм развит пока еще слабо. Из московских турфирм, профессионально осуществляющих экологические туры, следует назвать «Центр экологических путешествий» и Фонд развития экотуризма «Дерсу Узала». Ряд национальных парков и заповедников (в северо-западных областях страны, на Урале, Кавказе и в других районах) стали создавать ассоциации в целях формирования объединенных региональных туристских программ. Несколько лет назад названные эколого-туристские фирмы и ассоциации объединились в российскую «Ассоциацию экологического туризма».

Основными проводниками экотуризма в России являются национальные парки. На втором месте оказываются государственные заповедники (по преимуществу биосферные), практикующие строго контролируемый экотуризм. Территории парков и заповедников представляют собой опорный каркас развития экотуризма в регионах.

Надежных сведений о количестве экотуристов, посещающих национальные парки и заповедники, не существует. С некоторым приближением об этом потоке можно судить по отчетам федеральных охраняемых территорий, но несовершенство форм учета посетителей не позволяет считать полученные на их основе данные вполне достоверными (Буйволов, Басанец, 2007). Тем не менее, обобщенную картину по этим материалам представить можно (см. рис. 10.1, 10.2).

Заметна тенденция увеличения числа посетителей после 2001 г. По-видимому, она сохраняется. Так, по данным Министерства природных ресурсов (сообщение Р.Р. Гизатулина), за первое полугодие 2009 г. по сравнению с 2008 г. выявлен рост числа посетителей на 18%.

Следует также отметить, что в последние годы число российских экотуристов растет не только за счет увеличения потока посетителей в национальные парки. Все более популярным становится зеленый сельский туризм (особенно в Республике Алтай), увеличивается количество экотуров, приуроченных не исключительно к территориям национальных парков или заповедников, но просто

Рис. 10.1. Число туристов в национальных парках

Рис. 10.2. Число туристов в заповедниках:
1 – российские туристы, 2 – иностранные

к районам с благоприятной и красивой природой, к районам расположения историко-культурных музеев-заповедников, памятников природы, к другим привлекательным местам.

В целом, потенциальные возможности развития экотуризма в нашей стране используются недостаточно. При этом в некоторые популярные регионы устремляется много туристов, другие же остаются вне сферы деятельности туроператоров, а также местных предпринимателей и властей.

В своем развитии экологический туризм в России встречается с рядом серьезных проблем. Можно выделить пять основных групп таковых.

Первая группа – это разобщенность участников эколого-туристской деятельности, отсутствие достаточного числа специализированных туроператоров, недостаточно развитая правовая база, информационный дефицит.

Вторая и третья группы проблем имеют, очевидно, специфически российский характер. Это дорогие транспортные услуги, обусловленные монополизмом перевозчиков, унаследованным от прежней внерыночной экономики и огромной протяженностью страны. Это также и общий низкий уровень развития туристской инфраструктуры и сервиса при неадекватно высоких ценах, особенно на услуги размещения и питания. Улучшение ситуации возможно посредством введения властями субъектов Российской Федерации местной туристской ренты, собираемой с туристских предприятий за счет уменьшения (реструктурирования) других налогов. Эта рента должна быть специально предназначена для инвестирования в сохранение, восстановление и развитие рекреационных ресурсов.

Четвертая группа российских проблем связана с привычкой граждан и руководителей предприятий, а также властей к бесплатности природных ресурсов. Это одна из причин неразвитости экологической культуры, пренебрежения нормами экологического права.

Пятая группа – это дефицит специалистов в сфере туризма, профессионально знающих экологические технологии. Преодоление проблем этой группы очевидным образом сопряжено с развитием специального эколого-туристского образования.

Очевидно, в России с успехом могут развиваться обе основные модели экотуризма – и классическая «австралийская», и «западноевропейская». Реализация первой из них уже началась в наших заповедниках и национальных парках (Экотуризм на пути в Россию, 2002; Буйволов, Басанец, 2007). Но особое внимание нам следует обратить на синтез экологических и культурных сюжетов в единых турах и проектах, причем отнюдь не только на охраняемых территориях.

Эколого-культурный синтез, выход за пределы охраняемых территорий на пространство культурного ландшафта, экологизация местной экономики – таковыми могут и должны стать новые принципы российской стратегии экотуризма.

Интересы российских экотуристов (опыт специального опроса)

Оценивать и планировать развитие экотуризма необходимо с учетом спроса на экотуры различных форм, с учетом характерных интересов приверженцев экологических путешествий.

В 2009 г. Центр экологических путешествий под руководством Л.П. Басанец при участии Института географии РАН путем анкетирования проводил исследование предпочтений российских любителей экологического туризма. Опросы проводились преимущественно среди целевой аудитории – клиентов Центра, посетителей сайтов www.ecotravel.ru, www.eco-plan.ru, посетителей выставки фотографий живой природы (общее число опрошенных около 200 чел.). Анкетировались также специалисты в области туризма – так, во время конференции «Туризм и рекреация – 2009» было заполнено 52 анкеты. Это немного, но все же представляется интересным проанализировать предпочтения не только туристов, но и специалистов туристской сферы.

Респондентам предлагалось ответить на три группы вопросов. Вопросы первой группы были направлены на выяснение социального статуса респондента, вопросы второй – на раскрытие общих туристских предпочтений, а вопросы третьей группы выясняли представления и потребности респондентов.

Как свидетельствуют результаты опроса, в наибольшей и близкой мере привлекательными оказываются объекты природы и культуры. Наблюдение за дикими животными и благоприятная экологическая обстановка тоже относятся к числу предпочтений. Но приобретение новых знаний и навыков интересует респондентов в гораздо меньшей степени.

Важным показателем отношения к экотуризму является понимание его природоохранной функции и готовность содействовать ее реализации. Выясняется, что почти треть респондентов полагают природу если не даровым, то дешевым туристским ресурсом, что совершенно неправильно. И только 8% профессионалов туризма сознают, что сохранение природы требует специальных затрат.

Сходные мнения выражают и более или менее опытные клиенты Центра экологических путешествий.

Таким образом, задача подбора целевых групп среди российских клиентов для участия в экологически ориентированном туре представляется непростым делом. Потенциально более подходящими клиентами являются западные туристы, хотя пока они предпочи-

тают путешествовать по другим странам. Вот как обобщенная характеристика западного экотуриста представляется в специальной литературе.

1. Возраст может быть весьма различным, от 20 до 60 и более лет.

2. Мужчины и женщины присутствуют приблизительно в равной пропорции.

3. Участники экотуров – это хорошо образованные люди, со средним достатком.

4. Экотуристов характеризует познавательный интерес и любовь к природе, а также стремление к самоограничениям (невысокий уровень комфорта и т.п.) ради ее сохранения. И в этом контексте – интерес к природоохранным технологиям, используемым в туре и на посещаемых территориях в целом.

5. Чаще всего среди экотуристов встречаются семейные пары (около 60%) и семьи небольшого размера (до 25%).

6. Средняя продолжительность экотура 8–14 дней.

7. Преимущественные интересы – знакомство с природой и пешие походы, а также знакомство с новыми людьми и местной культурой.

8. Экотуристы очень требовательны к информационной насыщенности и самих программ тура, и материалов, с которыми они знакомятся при подготовке к путешествию.

9. Большинство экотуристов считают нормальной более высокую (на 6–8%) стоимость экотуров по сравнению с обычными турами – они готовы платить, так сказать, природоохранный налог.

По сравнению с россиянами у западных клиентов есть заметные отличия. Прежде всего, это четвертый пункт характеристики, особенно – стремление к сознательным самоограничениям. Другая отличительная особенность – преобладание семейных пар. Отличает западных экотуристов от российских сравнительное безразличие к сугубо активным формам отдыха (рафтинг, альпинизм и т.п.) и преимущественное стремление к пешим, а не к велосипедным или конным походам. Для активных занятий существуют другие специализированные туры, к экотуризму западной модели обычно не причисляемые. Наконец, существенное отличие – это отношение к стоимости экотура. Правда, в значительной мере оно обусловлено достаточно высоким средним уровнем благосостояния жителей западных стран. Но и развитой экологической культурой тоже.

Для привлечения как российских, так и потенциальных западных клиентов потребуется серьезная рекламная кампания. Принципы и технология проведения таких кампаний известны, но необходимо тщательно готовить ее содержательную часть.

Ближний Север

Территория восьми областей, частью или целиком входящих в регион Ближнего Севера, обладает рядом общих черт, но и заметными пространственными различиями. Как следствие, различаются и ресурсы экотуризма, программы экотуров.

Эколого-туристкий макрокаркас региона формируют объекты трех основных типов:

• национальные парки и природные заповедники (особо охраняемые территории федерального уровня),

• городские культурные центры и музеи-заповедники историко-культурного характера,

• традиционные районы активного туризма (преимущественно озера и реки).

Известные национальные парки региона – это Валдайский на юго-западе Новгородской области, Кенозерский на юго-западе Архангельской, Русский Север в Вологодской области. Из природных заповедников следует в первую очередь назвать Центрально-лесной на западе Тверской области, Дарвинский на Рыбинском водохранилище (частью в Вологодской и частью в Ярославской областях) и Кологривский лес в Костромской области. Очень популярный музей-заповедник Пушкинские горы в Псковской области формально не входит в границы региона, но представляет собой один из наиболее известных объектов этой категории. Самой посещаемой туристами природной территорией региона можно назвать озеро Селигер в Тверской области.

Все это элементы макрокаркаса. Примером же сети объектов мезомасштабного уровня может служить список мест в Вологодской области, рекомендуемых на специальном областном сайте как эколого-туристские центры. Вот этот список: 1) Тотьма – город русских мореходов, 2) Кириллов – святая земля, 3) Белозерск – былинный город, 4) Липин Бор – царство Золотой рыбки, 5) Сизьма – самобытный уголок, 6) Вытегра – обитель батюшки Онего, 7) Устюжна – город кузнецов.

Локальный уровень вне территорий национальных парков и других контролируемых специалистами макрообъектов представлен эколагерями, деревенскими базами, программами пеших и конных походов, объектами агротуризма. Это весьма подвижная сеть, ее элементы появляются и исчезают. Содержание туров и программ на этом уровне часто не удается выявить и оценить.

Для того чтобы сопоставимым образом охарактеризовать перспективы развития экотуризма всех российских регионов, было выполнено специальное исследование (Дроздов, Басанец, 2006). Его результаты использованы ниже для сравнения эколого-туристского потенциала областей Ближнего Севера.

Мы оценили предпосылки (потенциал) развития экологического туризма для каждого из субъектов Федерации по одиннадцати количественным показателям, относящимся к трем основным блокам потенциала (природному, социально-экономическому и инфраструктурному).

Первый природный блок включает показатели комфортности природных условий, экологической ситуации и косвенный показатель пейзажного разнообразия, основанный на оценке залесенности, плотности речной сети, расчлененности рельефа и количества горных поясов. Второй блок (социально-экономический) включает интегральный показатель инвестиционной привлекательности регионов, показатель качества здоровья населения и показатель потенциального туристского спроса. Третий блок (эколого-туристской инфраструктуры) включает такие традиционные показатели инфраструктуры туризма, как плотность средств размещения (специфичных для экологического туризма) и плотность автомобильных и железных дорог, а также показатели: обеспеченности туристскими кадрами, плотности музеев (краеведческих, естественно-исторических, музеев-заповедников) и эколого-туристской инфраструктуры национальных парков (НП) и государственных природных заповедников (ГПЗ).

Оценки выражены в баллах, все регионы ранжированы и охарактеризованы структурой потенциала. Необходимо отметить, что оценивая предпосылки развития экотуризма и выбирая характеризующие их показатели, мы стремились совокупно учесть интересы всех групп экологически ориентированных туристов, хотя у разных групп они неодинаковы.

По структуре потенциала все области Ближнего Севера разделились на три группы (табл. 10.1).

Тип 1. Низкие оценки по всем трем блокам экотуристского потенциала.

Тип 2. Хорошие природные предпосылки развития экотуризма и благополучные оценки социально-экономического блока, но низкий уровень развития экотуристской инфраструктуры.

Тип 3. Средние оценки по всем блокам экотуристского потенциала.

Таблица 10.1

Оценки экотуристского потенциала областей Ближнего Севера

Области	Оценки			
	1-й блок	2-й блок	3-й блок	Тип
Архангельская	3	2	1	1
Вологодская	4	3	2	3
Кировская	3	3	1	2
Костромская	4	3	1	2
Нижегородская	4	4	2	3
Новгородская	4	3	2	3
Тверская	3	4	2	3
Ярославская	3	4	2	3

В первую группу входят одна Архангельская область, при этом ее потенциал самый неблагоприятный в регионе. Во второй группе Кировская и Костромская области, которые по сравнению с Кировской обладают несколько более благоприятным потенциалом. Наилучшими условиями в третьей группе и в регионе обладает Нижегородская область, несколько менее благоприятными Ярославская, Тверская, Новгородская и Вологодская.

Получившаяся картина демонстрирует два градиента: с севера на юг благоприятность условий для развития экотуризма увеличивается, а с запада на восток снижается.

Более глубокий анализ всего региона требует очень больших усилий и пока практически невозможен ввиду отсутствия необходимой информации. Однако сопоставление на макроуровне, представленное выше, можно дополнить результатами более детального изучения двух областей региона – Тверской и Архангельской.

Тверская и Архангельская области

Эколого-туристский потенциал Тверской области оценил А.А. Дорофеев (2003), предложив специальную методику, которую можно рекомендовать для среднемасштабных исследований других областей региона. Ниже кратко излагаются эта методика и основной результат исследования.

Анализ рекреационных ресурсов и географического положения Тверской области показал, что из всех вариантов туристско-рекре-

ационного освоения ее территории предпочтительным является экологический туризм, понимаемый в широком смысле слова. Поэтому А.А. Дорофеев выполнил специальное исследование ландшафтно-рекреационного потенциала области с позиций перспектив развития именно экологического туризма.

С помощью традиционных и компьютерных приемов на ландшафтных картах в пределах каждого из ландшафтов были измерены: глубина и густота расчленения рельефа, количество фокусных пунктов, густота речной сети, заболоченность, озерность, лесистость, сельскохозяйственная освоенность, густота сети населенных пунктов, густота дорожной сети, количество охраняемых природных объектов и количество экологически опасных объектов. Были оценены: литогенная основа ландшафтов, водный компонент, климат, растительный покров каждого из ландшафтов. Отдельно, по специальным методикам, оценены визуально-эстетический потенциал ландшафтов и наличие внутри ландшафтов особо охраняемых природных территорий и объектов.

Была проведена оценка геоэкологического состояния ландшафтов. Для процедуры оценивания привлечены литературные и фондовые данные, полученные, прежде всего, в комитете по природным ресурсам Тверской области: данные о сбросах и выбросах загрязняющих веществ, информация о размещении экологически опасных объектов, медико-гигиенические сведения, данные экспликации земель и т.п.

По двум главным признакам (величина ландшафтно-рекреационного потенциала и оценка геоэкологического состояния) построена двухмерная интегральная оценочная шкала, с помощью которой определены категории ландшафтов по степени их благоприятности для целей экологического туризма.

Выявилась четкая закономерность: наиболее благоприятные для экотуризма ландшафты сосредоточены на западе и северо-западе области; благоприятные приурочены к центральной части области (т.е. находятся на Валдайской возвышенности). Наоборот, неблагоприятные ландшафты явно преобладают в восточной части области, а крайне неблагоприятные для экологического туризма ландшафты находятся вблизи областного центра и на северо-востоке Тверской области.

Туристский потенциал муниципальных районов Архангельской области охарактеризован Е.В. Смиренниковой (2011). Для его оценки использована система показателей, объединенных в три блока: природный (1), культурно-исторический (2) и инфраструктурный (3). И хотя включенные в эти блоки показатели не

Таблица 10.2

Типология районов Архангельской области по сочетанию компонентов туристского потенциала

Район	Туристский потенциал по блокам 1, 2, 3		
	Общая оценка	С учетом весовых коэффициентов	
		Для организованных туристов	Для самодеятельных туристов
Вельский	444	344	344
Верхнетоемский	222	222	222
Вилегодский	333	333	333
Виноградовский	333	333	333
Каргопольский	344	344	344
Коношский	333	333	333
Котласский	344	344	344
Красноборский	442	442	442
Ленский	333	333	444
Лешуконский	222	222	222
Мезенский	222	222	222
Няндомский	333	222	222
Онежский	442	333	442
Пинежский	442	442	442
Плесецкий	333	442	442
Приморский	444	444	444
Соловецкие острова	344	344	344
Устьянский	444	333	333
Холмогорский	444	444	444
Шенкурский	222	222	222

являются сугубо эколого-туристскими факторами, результаты исследования Е.В. Смиренниковой представляют интерес и для нашего обзора.

В табл. 10.2 представлены порайонные сочетания авторских оценок всех блоков потенциала и описание его структурных типов.

К первому типу районов «444» относятся Холмогорский, Приморский, Вельский и Устьянский районы. Данные районы характеризуются в основном сочетанием высоких оценок природного, культурно-исторического и инфраструктурного блоков. Территориально они разделяются на северную и южные группы районов.

Для северной группы характерны наиболее высокие значения туристического потенциала за счет максимальных оценок по природному блоку в Холмогорском районе и инфраструктурному блоку в Приморском районе.

Ко второму типу районов «442» относятся Пинежский, Красноборский и Онежский районы. Для этих районов в большинстве случаев характерно сочетание высоких оценок природного, культурно-исторического блоков и низких оценок инфраструктурного блока. Территориально они расположены на границе с районами первого типа.

К третьему типу районов «344» относятся Соловецкие острова, Каргопольский и Котласский районы. Для этих районов характерно сочетание средних оценок природного блока и высоких оценок культурного и инфраструктурного блоков. Территориально они находятся на приграничных территориях Архангельской области с другими регионами России.

Самый многочисленный четвертый тип районов «333» образуют Плесецкий, Ленский, Коношский, Виноградовский и Вилегодский районы. Как правило, эти районы характеризуются сочетанием средних оценок по всем рассматриваемым блокам туристического потенциала.

Пятый тип «222» объединяет районы (Верхнетоемский, Шенкурский, Лешуконский, Мезенский), которые отличаются в основном низкими оценками природного, культурно-исторического и инфраструктурного блоков.

Как и можно было ожидать, районы с наихудшими предпосылками развития туризма (четвертый и пятый тип) расположены в центральной части области и на ее восточной периферии – территориях слаборазвитых и труднодоступных.

Два представленных выше примера это примеры среднемасштабных исследований. Для разработки конкретных экотуристских программ нужно исследовать конкретные территории в крупном масштабе. Результаты такого исследования, выполненного Л.П. Басанец в 2006 г., кратко излагаются ниже.

Кенозерский национальный парк[1]

Кенозерский национальный парк расположен в юго-западной части Онего-Двинско-Мезенской равнины. Его общая площадь

[1] Материалы и текст Л.П. Басанец.

составляет 139,7 тыс. га, из них, согласно данным отчета парка за 2005 г., 60,8% территории входят в рекреационную зону. Помимо нее выделена особо охраняемая зона и зона охраны культурных ландшафтов.

По территории парка проходит граница водораздела Белого и Балтийского морей, особенно четко выраженная в районе Лекшмозера, где поросшая лесом гряда разделяет два бассейна. Следует отметить, что подобные символические места (линия перемены даты, точки схождения границ нескольких государств, географический центр страны и т.п.) всегда привлекают туристов и могут стать одной из визитных карточек территории.

Согласно культурно-ландшафтному районированию территория Кенозерского НП входит в культурно-ландшафтный район Русского Севера. Его своеобразие определяется не только географическим положением края и природой, но и особенностями его истории и образом жизни людей, который отличал их от сограждан, живших в других регионах России.

В парке на небольшой территории расположены более 100 памятников архитектуры, в том числе – мирового значения. Это образцы традиционного строительного искусства, культовые места, – церкви, погосты, часовни, поклонные кресты, «святые рощи», а также гражданские постройки. Культурные ландшафты парка представляют собой «исторически сформировавшиеся в результате гармоничного взаимодействия природы и культуры целостные территориальные комплексы..., насыщенные сакральными объектами..., активно участвующими в жизни общества» (Кулешова М.Е., 2004, с. 249).

По сравнению с другими национальными парками страны Кенозерский обладает неплохо развитой туристской инфраструктурой, Так, на балансе парка в 2005 г. состояли восемь гостиниц, одна турбаза, 41 лесной приют (29 в 2000 г.) и 14 летних лагерей.

В Каргопольском и Плесецком секторах парка открыты два визит-центра, они располагают лекторием, конференц-залом, кафе, сувенирной лавкой. Вполне отвечают принципам экотуризма предлагаемые среди прочих средств размещения и мест питания туристов дома сельских жителей.

На территории НП существует 12 туристских маршрутов и троп общей протяженностью не менее 236 км (табл. 10.3).

Существующий поток посетителей достаточно скромен (рис. 10.3). Так, в 2005 г. охраняемую территорию посетили 5394 туриста, в том числе 448 иностранцев.

Таблица 10.3

Маршруты и тропы НП «Кенозерский»

№ п/п	Маршрут	Вид маршрута	Протяженность, км	Степень обустройства
1	Тропа предков	Водно-пеший	15 км	Обустроен
2	Северный экватор	Пеший	18 км	Обустроен
3	Система пяти озер	Водный	12 км	Обустроен
4	Транскенозерская тропа	Водно-пеший	35 км	Обустроен
5	Реликтовая Русь	Водно-пеший / автомобильный	более 100 км	Обустроен
6	Тропа муравейников	Пеший	9 км	В стадии обустройства
7	Лесная сказка	Водно-пеший	12 км	В стадии обустройства
8	Карпова гора	Пеший	8 км	В стадии обустройства
9	Ключевое болото	Пеший	6 км	В стадии обустройства
10	Пограничный лабиринт	Пеший	10 км	В стадии обустройства
11	Тропа здоровья	Пеший	3 км	В стадии обустройства
12	Порженское – Макарьев	Пеший	17 км	В стадии обустройства

Основной поток туристов приходится на летний сезон, в это время постоянно заполнены все средства размещения. Стоит задача привлечения туристов в еще один весьма благоприятный период посещения парка – с декабря по апрель.

Распределение туристов по средствам размещения представлено на следующем рис. 10.4. Ряд туристов, путешествующих на машине, на протяжении тура используют несколько разных средств размещения.

Большинство туристов в целом удовлетворены услугами парка, но многие отмечают существенные недостатки средств проживания и познавательной программы. Так, несколько человек отметили недостаточный уровень подготовленности экскурсоводов. Важным

Рис. 10.3. Количество посетителей НП «Кенозерский» в 2000–2005 гг.

Рис. 10.4. Распределение туристов по средствам размещения

является замечание о необходимости всегда иметь альтернативы экскурсиям, которые не состоялись из-за погодных условий или по другим причинам. Большинству посетителей интересно получить от экскурсоводов больше различной информации. Поступили предложения проводить больше мастер-классов – не только по лепке глиняных игрушек, но и по дойке коров и стрижке овец. Высказывались пожелания и о дополнительных услугах.

Следует отметить, что ряд таких услуг уже оказывается парком или местным населением, в том числе растопка бани, прокат лодок,

велосипедов, лошадей, сбор ягод и грибов, ловля рыбы, продажа молока и овощей. Проблема же заключается в том, что информация об этих дополнительных услугах не доносится до туристов – даже те туристы, которые живут в визит-центре, жаловались на то, что им приходится тратить много времени и сил, чтобы узнать, как и где можно получить необходимые услуги.

Многие туристы готовы оказать какую-либо безвозмездную помощь парку. Наиболее приемлемый вариант – покупка сувениров, часть прибыли от которой шла бы на определенные природоохранные мероприятия. Некоторые готовы внести благотворительный взнос, поработать несколько часов по благоустройству территории – убрать мусор, напилить дров, участвовать в каких-то работах по строительству.

Большинство посетителей согласны с необходимостью сервисного сбора за поддержание в чистоте туристских стоянок и мест посещения туристов, при этом часть отметила, что этот сбор должен быть заложен в стоимость тура.

Перспективы развития. В целом парк весьма успешно реализует свой эколого-туристский потенциал, придерживаясь основных принципов экотуризма. Парк сумел разработать программы, которые эффективно используют наиболее привлекательные природные и культурно-исторические ресурсы местности. Принцип минимизации ущерба природной среде воплощается в оборудовании специальных стоянок, мест отдыха туристов и экотроп, в ограничении передвижения туристов на собственной транспорте. Принцип экологического просвещения реализуется во время экскурсий, которые повествуют не только о характеристиках местности, но и особой истории взаимодействия местных жителей и природы. Уважение и интерес к местной культуре воспитывается также через организацию мастер-классов, например по лепке знаменитой каргопольской глиняной игрушки.

Другой способ вовлечения местного культурного наследия в туристскую деятельность – выкуп парком заброшенных традиционных крестьянских домов и оборудование их для принятия туристов. Принцип вовлечения местного населения в оказание услуг туристам реализуется через организацию обучающих семинаров по бизнес-планированию. С жителями деревень, расположенных на территории парка, заключаются договоры на оказание услуг туристам. С одной стороны, это позволяет парку в определенной степени контролировать уровень оказания туристских услуг, с другой – вызывает протест нескольких предпринимателей. Например, руководство турбюро «Лаче» утверждает, что при организации ту-

ров по национальному парку турфирма может предоставлять весь комплекс услуг сама, без вмешательства администрации парка.

Конкретные направления дальнейшего развития можно сформулировать следующим образом.

В летний период в Каргопольском секторе парка ощущается нехватка относительно комфортных средств проживания, хотя их количество постоянно растет. Перспективный вид размещения – дома местных жителей, которые не всегда соответствуют ожиданиям туристов. Необходимо их дополнительное благоустройство и обучение владельцев навыкам обслуживания туристов. Важно предоставлять потенциальным туристам объективную информацию обо всех возможных средствах размещения, что позволит полнее удовлетворить различные запросы.

Ассортимент дополнительных услуг, предоставляемых в парке, достаточно широк. Сдаются места проживания, оказываются услуги по организации питания, продаются молоко, овощи, рыба, ягоды и грибы, сдаются в аренду лодки и велосипеды. Рекомендуется, тем не менее, помимо расширения перечня услуг на основе пожеланий клиентов, составить и раздавать посетителям небольшой справочник туриста, где будут указаны время работы визит-центра, почты, адреса местных жителей, которые сдают в аренду оборудование и продают продукты, представителей школы, которые продают овощи со школьного огорода.

Впрочем, производство местных продуктов питания не развито в необходимой степени – например, в деревне Морщихинская только около пяти семей содержат коров, молочные продукты расходятся среди местных жителей и поставляются в детский эколагерь, а для отдельных туристов их уже не хватает.

Многие туристы готовы выполнить небольшой объем волонтерских работ. Такие работы, с одной стороны, должны быть интересны туристам, с другой – полезны парку. Некоторые из них можно облекать в игровую форму. В таком случае это будут работы для группы с сопровождающим. Это может быть оценка состояния леса, зимний учет млекопитающих по следам, помощь участникам реставрационных работ и т.д.

Дальнейшее развитие экотуризма в парке зависит от увеличения количества предлагаемых средств размещения. В первую очередь, это актуально для южного, Каргопольского сектора парка. Затрудняет развитие туризма недостаток квалифицированных кадров в парке, который особенно ощущается в Плесецком секторе. Наконец, очень важным представляется усовершенствование коммунальной инфраструктуры для более рационального использова-

ния ресурсов, внедрение технологий переработки отходов и энергосбережения.

В целом эколого-туристский потенциал парка тематически реализуется достаточно полно – используется почти весь спектр его уникальных ресурсов. Но необходимо развитие инфраструктуры и качества обслуживания туристов. Это позволит постепенно увеличивать поток посетителей, что должно сопровождаться постоянным мониторингом рекреационных нагрузок.

Примечание. Спустя семь лет после выполненного Л.П. Басанец исследования ситуация в Кенозерском парке в основных структурных чертах изменилась мало. Однако сокращение деревенского населения, способного участвовать в турбизнесе, стало более заметным. В то же время появились новые места размещения, принадлежащие парку. Выросло число турфирм, предлагающих свои программы посещения парка. Росло и число его посетителей. Так, в прошлом году парк посетили более 11 тыс. чел. (в 2005 г. 5400) из России, Финляндии, Норвегии, Германии, Франции, Испании, Сербии, Эстонии, Китая и Кореи (http://kenozero.ru/gosti-parka-nauchilis-khodit-portyanku-shingat-sherst-pech-teterki-plesti-iz-beresty.html).

Территория Угорского проекта

Костромская область в целом

В рекламируемых туристских программах Костромы, областных городов и районов области присутствуют преимущественно два вида ресурсов. Это или памятники архитектуры и истории, а также художественные музеи, или отдельные привлекательные природные объекты.

На сайте Федерального агентства по туризму России, в соответствии с уже распространившейся модой, в разделе о Костромской области специально упоминается и экотуризм:

> «В последнее время растет значение экологического туризма. На территории области насчитывается 636 особо охраняемых территорий. Из них федерального значения: уникальная лосиная ферма «Сумароково», Кологривский реликтовый лес, Государственный мемориальный и природный музей – запо-

ведник «Щелыково». Уникальные памятники природы регионального значения: Чухломское и Галичское озера, шарьинская исполинская осина, солигаличский можжевельник и др. (всего более 90). Среди изюминок Костромской области любители экологического туризма называют заповедник «Кологривский лес», главная ценность которого – первозданный еловый лес, никогда не подвергавшийся лесным пожарам и антропогенному воздействию. Многие деревья имеют возраст до 400 лет, достигая высоты 50 м. Здесь произрастают сотни видов редких растений и животных. Можно встретить норку, лося, медведя, куницу, рысь, горностая и других зверей. Одним из наиболее любимых и посещаемых туристами уголков Костромской области остается Государственный Сумароковский лосиный заказник – единственная в России лосеферма, расположенная на территории Красносельского района. Здесь можно не только покормить и погладить лесных красавцев, но и попробовать уникальный продукт дикой природы – лосиное молоко. Все более популярным становится «Праздник Гуся» в старинном провинциальном городке Кологриве, в окрестности которого, в пойму реки Унжа, в начале мая слетаются тысячи диких птиц. В усадьбе Следово (памятник истории, природы и культуры) действует летний экологический лагерь, в котором каждый год отдыхают и занимаются дети из школ города и области. В последние годы на территории усадьбы проводятся мероприятия экологической направленности: «Праздник русской березы» и театрализованное представление «Вальс цветов». Все большую популярность приобретают экологические (деревенские) туры, в рамках которых для туристов организовано проживание в настоящей русской избе, общение с колоритными фольклорными персонажами, знакомство со славянскими обычаями, в том числе обрядами почитания Ярилы, очищения огнем и родниковой водой, заговорами на здоровье и т.п. При этом отдыхающие могут наслаждаться чистым лесным воздухом, первозданной тишиной, собирать грибы и ягоды» (http://www.russiatourism.ru/section_2/461.smx).

В какой мере эти ресурсы области осваиваются? Судить об этом по областным рекламным материалам трудно. Как кажется, конкретных полноценных экотуров, предлагаемых областными туроператорами, почти нет. Каков потенциал области на российском фоне, в чем ее специфика?

Выше в разделе, посвященном Ближнему Северу, было указано, что по нашим оценкам Костромская область в целом попадает в структурный тип, характеризующийся хорошими природными условиями и более или менее приемлемой социально-экономической обстановкой и недостаточным развитием туристской инфраструктуры. Но предпосылки развития экотуризма от района к району области весьма различны. Поэтому в Костромской области нужно выстраивать эколого-туристские программы различных типов.

Некоторые из них уже формируются. Так, в окрестностях города Кологрив регулярно действует популярная программа наблюдения за дикими гусями, которые тысячами собираются на пойме реки Унжи во время пролета. Турфирма «Турсервис» предлагает экскурсию на лосиную ферму. Но вот давно обещанная властями эколого-туристская деревня на берегу Галичского озера так и не построена.

Упомянутый на сайте Федерального агентства по туризму сельский туризм в Костромской области пока представляет собой довольно далекое от него явление, хотя в купленных горожанами старых деревенских домах действительно летом живут приезжие, по большей части москвичи (см. главу 4). Вероятно, настоящий сельский туризм, или агротуризм, как его принято называть в странах Европы, получит здесь свое развитие не в самое ближайшее время. Дело в том, что крестьянская жизнь области угасает, а ее полноценное развитие это одно их определяющих условий организации агротуризма (см. главы 3, 6).

Перспективным экологически ориентированным направлением развития туризма области представляются эколого-культурные туры. Ниже будет описан проект такой специальной программы с пока условным названием «Долина Унжи».

Не так давно по реке ходили пароходы и сплавлялись специальные баржи «унжаны». Сейчас, в результате тотальной вырубки коренных лесов и молевого сплава, река перестала быть судоходной. Но она по-прежнему является связующей осью для расположенных на ее высоких правых берегах тихих северных русских деревень, усадеб и монастырей. Большинство из них теперь в запустении. Но река могла бы привлечь туристов, а туристы хотя бы отчасти оживить деревни. И способствовать более интенсивному развитию туризма в двух городах – в Кологриве, который может быть отправной точкой тура, и в Макарьеве, где тур может заканчиваться.

Предлагаемая программа должна и может сочетать историко-культурные и сугубо природоведческие мотивы. Низкое левобере-

жье Унжи и ее междуречье с Ветлугой – это изумительные ландшафты заливных лугов, сосновых боров на песчаных грядах, озер, болот и небольших речек. Природа этих мест своей привлекательностью не уступает Мещерскому краю, прославленному Константином Паустовским.

Сплавляться по Унже весной, когда река относительно многоводна, можно не только на байдарках, но и на оригинальных плотах, называвшихся «соймами». Существуют макеты таких плотов и их подробные описания. Строить подобные, но существенно облегченные плоты под руководством мастера могут даже и сами туристы. Это интересное и поучительное ремесло. А плот с небольшой хижиной на нем для неспешного путешествия по Унже гораздо удобнее байдарки.

Мантуровский район

Району свойствен линейный тип освоения территории вдоль двух почти совмещенных осей – реки Унжи и федерального шоссе, идущего по ее правому берегу. Здесь сосредоточены поселения и сельскохозяйственные угодья. Железная дорога, пересекающая район по широте, осью комплексного освоения территории практически не служит, хотя из Костромы и из Москвы туристам добираться в Мантурово удобно именно поездом. Привязаны к железной дороге в основном местные лесохозяйственные предприятия. Основную же связь между поселениями района обеспечивает федеральное шоссе.

Потенциальные природные объекты туризма в районе это, прежде всего, красивые ландшафты долины Унжи и, разумеется, сама Унжа, это немногие культурные деревенские ландшафты, сохранившие традиционный облик и не обезображенные развалинами колхозных коровников, а также обширные южно-таежные леса, значительная часть которых, правда, нарушена рубками.

Памятников церковно-монастырской, усадебной или городской традиционной архитектуры в районе немного, однако некоторые из них обладают значительной потенциальной ценностью – при условии восстановления или минимально необходимого освоения для включения в экскурсионные программы. Это подразумевает указатели и аншлаги, описания для размещения в буклетах и/или Интернете, некоторые мероприятия, обеспечивающие безопасность подхода и осмотра, защиту от вандализма (что далеко не так просто сделать) и т.п.

Туристской инфраструктуры в районе, по сути дела, нет. Впрочем, для организации классических экотуров в «дикую» природу она необходима в самом минимальном объеме. Но, как говорилось выше, долина Унжи привлекательна прежде всего потенциальными возможностями эколого-культурных туров.

Одним из объектов для такого тура и нескольких специальных программ непосредственно в Мантурове могли бы стать руины гигантского биохимического комбината на окраине города. Главная идея такого тура и программ – демонстрация антиэкологической сути многих промышленных предприятий не только старой индустриальной эпохи, когда о будущем окружающей среды люди почти не задумывались, да и знали очень мало, но даже сравнительно недавней эпохи промышленного развития.

Кто не слышал о Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате, строительство которого было обусловлено исключительно краткосрочными интересами военно-промышленного комплекса? Этот монстр по сей день отравляет бесценный ресурс человечества – уникальное озеро Байкал, включенное в список объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Комбинат по принятым решениям многих инстанций уже давно должен был быть закрыт или перепрофилирован на экологически безопасные технологии, но первые шаги сделаны только сейчас и сопряжены они с большими затратами.

Уроки из антиэкологического прошлого необходимо извлекать. И лучше всего – предъявлением конкретных объектов, осмысленный осмотр которых может оставить глубокое эмоциональное впечатление. Мантуровский «Биохим» – именно такой объект. Рядом с ним есть удобная гостиница. Живы и деятельны многие горожане, знающие историю и особенности комбината. А на территории комбината в одном из заброшенных строений с небольшими затратами можно организовать музей истории всего хозяйственного освоения Костромского края с акцентом на экологический опыт и последствия этого освоения, на применявшиеся прежде технологии и экологические перспективы района, всей Костромской области и нашего общего будущего. Рядом можно создать площадку для массовых представлений.

Подобные туристские успешные проекты осуществлены ныне во многих странах. Их эколого-культурное значение необычайно велико. Почему бы Мантурову не стать пионером такого дела на российском Севере? Естественный вопрос – как найти начальные средства на воплощение такого проекта? Сначала привлечь местный бизнес и районную администрацию, потом обратиться в круп-

ные российские и международные экологические фонды. Важно сделать первые шаги.

Непосредственно на территории Угорского сельского поселения[2] можно было бы попытаться разработать три программы или проекта.

Во-первых, это фито-экологическая программа с центром в деревне Полома. Расположение этой деревни среди лугов, залежей и перелесков, да и ее облик (заросли зверобоя там начинаются прямо от крыльца некоторых домов) чрезвычайно благоприятны для организации центра фитотерапии. в котором посетителям будут предлагаться не исключительно готовые препараты «зеленой аптеки», а главным образом учебные программы.

Второй проект мог бы сочетать экологически контролируемые программы любительской рыбной ловли и рыборазведения.

Третий проект ориентирован на зимний сезон. В районе деревень Зашильское и Аносово (т.е. за трассой, что предпочтительнее в целях безопасности) или даже в самих Угорах можно попытаться организовать центр походов на собачьих упряжках. Этот вид экотуризма становится все более популярным. Он альтернативен практике использования снегоходов, представляющих собой экологически недружественный вид транспорта. Для организации этого центра не нужна сложная инфраструктура. Ездовые лайки-хаски обладают хорошим характером, они неприхотливы. Купить этих собак теперь уже довольно просто. Но, вероятно, их придется охранять от волков. Потребуется небольшой штат инструкторов и гостевые дома для участников походов.

Все три угорских проекта намечены «пунктирно», без исчерпывающей подготовки и детальной проработки их финансовой и организационной сторон, без маркетинговых исследований и т.д. Это некоторые идеальные проекты, отвечающие, тем не менее, потенциальным возможностям территории и общим тенденциям развития экотуризма. Эти проекты отчасти взаимодополняющи. Например, ездовых собак можно кормить рыбой, а зимним участникам рыболовных туров – предлагать походы на упряжках как дополнение к основным программам. Не противоречат проекты и разумным общим планам регионального развития. Более того – могут способствовать экологически дружественному развитию территории.

Такому развитию может способствовать и более масштабный эколого-культурный проект. Его название и схематическое содержание представлены ниже.

[2] В 2012 г. Угорское сельское поселение объединено с Леонтьевским поселением.

Специальный проект «Долиной Унжи. Вехи времени и пространства»

Чтобы оценить, насколько реальна возможность осуществления такого проекта, нужно выяснить, каковы ресурсы долины, каким целевым группам можно предложить проект и что необходимо предпринять для его выполнения.

Чем располагает долина Унжи?

Наиболее известным среди туристов и востребованным, очевидно, следует признать город Кологрив с его особым историческим обликом и недавно возникшим Праздником гуся. На втором месте соседний заповедник «Кологривский лес». Сама река Унжа выше Кологрива и ее приток Вига довольно популярны среди байдарочников. Город Макарьев обычно упоминается в круизных программах, но посещается нечасто. Пожалуй, этим перечень типичных предложений исчерпывается.

Но помимо этих известных объектов существуют и другие, привлекательные и потенциально доступные.

Ландшафты бассейна и долины Унжи – это южно-таежные леса, местами заболоченные, это пойменные луга и песчаные отмели, озера-старицы, заросли кустарников и лиственные рощи, это сосновые боры на террасах реки и в междуречье с Ветлугой, небольшие тихие лесные речки, это сельские поля и деревни, отчасти уже северного облика.

Коренные леса сильно нарушены рубками, и во многих местах их замещает мелколесье. Значительные массивы полей превратились в многолетние залежи, заросшие молодыми березками, осинами, ивами, реже сосенками. Правобережье Унжи – высокий коренной берег, чаще всего круто спускающийся к реке. Его высота достигает 60–80 м. Левый берег низкий, лесной, практически без прибрежных поселений и полей (если не считать нескольких мест между Кологривом и Мантурово).

Крупных опасных действующих индустриальных предприятий в долине Унжи и в окрестностях нет, коммунальные стоки не очень велики по объему и отчасти очищаются. Поля уже не удобряются как прежде, животноводческие комплексы в большинстве своем превратились в развалины, поток автомашин по федеральному шоссе, проходящему от Макарьева до Матурово по правобережью реки, сравнительно невелик. Поэтому экологическая ситуация

в аспекте загрязнения пока благоприятна и не внушает серьезных опасений. Однако прежнее интенсивное лесное хозяйство, еще сохраняющееся в бассейне реки и ныне, но в меньших объемах, заметно изменило водный режим Унжи и ее притоков – они стали мелководными, особенно в летнее время. А русло Унжи изобилует топляком, поскольку еще несколько десятилетий назад по реке шел молевый сплав.

В целом ландшафтное и пейзажное разнообразие в долине Унжи можно оценить достаточно высоко, ресурсы грибов и ягод весьма высоко, рыбные – не слишком высоко. Экологическая ситуация не угрожает здоровью людей. Климатические условия вполне приемлемы. Неблагоприятный фактор – обилие комаров, слепней, клещей, однако во второй половине лета ситуация становится вполне комфортной. Общая оценка природного потенциала вполне позитивна. Хотя она и менее высока, чем, например, на Алтае, но ландшафты долины Унжи полны приволья и притягательности.

Культурные ценности района, как и в других местах современной российской провинции, это, в основном, ценности прежнего времени, исчезающие на наших глазах. Однако в городах Кологрив, Мантурово и Макарьев краеведческие музеи еще хранят немало интереснейших материалов. В Кологриве есть центр народного творчества с музеем этнографии и ремесел, небольшой центр существует в Макарьеве. Там же – действующий Макариево-Унженский монастырь, одна из древнейших обителей Костромского края. В деревнях над Унжей еще стоят заброшенные церкви и дворянские усадьбы.

Культурный ландшафт долины Унжи меняется. Деревенские избы разрушаются, колхозные коровники и другие хозяйственные постройки представляют собой по преимуществу развалины, заросшие бурьяном, пашни превращаются в залежи. Но местами облик и дух сельского ландшафта пока еще целы.

Развалины двух страшных объектов долины Унжи должны быть сохранены в назидание как особенные памятники советского времени. В Мантурово – давно бездействующий полуразрушенный гигантский биохимический комбинат (см. выше). Экологически он был чрезвычайно опасен. Работали там заключенные. Родственный ему гулаговский гигант «Унжлаг», снабжавший лесом и дровами российские города, располагался в междуречье Унжи и Ветлуги. Некоторые из полуразрушенных бараков и других построек сохранились.

Туристская инфраструктура очень бедна. В каждом из трех упомянутых городов есть по одной небольшой и не слишком ком-

фортабельной гостинице. Кологривская ремонтируется, в Мантурово кроме старой имеется новая хорошая гостинца «Водолей». Продукты продаются во всех городах достаточно разнообразные, но привозные, местных почти нет.

Общественный транспорт развит плохо. Наилучшая связь с Москвой обеспечивается регулярным пассажирским сообщением по Транссибу, а также по федеральному шоссе Р 98 (Москва – Екатеринбург).

Ресурсы всех блоков потенциала эколого-культурного туризма тематически и пространственно можно сгруппировать в три кластера.

1. Кологривский

Включает заповедник «Кологривский лес», заказник «Гусиная пойма» и город Кологрив с окрестностями.

Основные темы экотуров в охранной зоне заповедника: девственные таежные экосистемы, сукцессии, судьба лесов и биосферы, фотоохота (глухариный ток, медведи на овсах). Возможны и интересны также зимние туры, их условное название «Следы на снегу». Но в зимнее время затруднения с транспортом и размещением несколько ограничивают возможности проведения туров.

Особый сюжет – гуси и их кольцевание. Главная тема этого тура – феномен птичьих миграций, а также роль человека в сохранении критических местообитаний, где птицы останавливаются для восстановления сил после длительного полета.

На Унже выше Кологрива действует летний экологический лагерь для детей, его организатор – эколого-туристская фирма «Дерсу-Узала».

Кологрив сохранился до настоящего времени как тихий провинциальный город с традиционной культурой и замечательными людьми. Знаменит его краеведческий музей. Этнографические экспонаты собраны в Центре народного творчества и туризма «Горница». Здесь в сувенирной лавке можно приобрести изделия местных мастеров, можно самому соткать дорожку на старинном ткацком станке, сплести корзину из ивового прута или лапти из бересты. Центр организует также экскурсии по городу и окрестностям, помогает размещать туристов в гостевых домах. Однако основной базой для автотуристов на сегодняшний день может служить гостиница «Водолей» в Мантурово, поскольку в самом Кологриве ремонтирующаяся гостиница до недавнего времени не действовала.

В пределах кластера возможны водные маршруты по Унже, а также велосипедные походы.

2. Угорский

Это село Угоры с деревенскими и полевыми окрестностями. Заречные луга, старицы, протоки и леса – пожалуй, на всем пути от Кологрива до Макарьева самые красивые. С правого высокого берега Унжи тут открываются изумительные пейзажи. Возможны фито-экологический туризм, ягодная и грибная охота.

Сквозная тема – будущее костромской деревни, успехи и проблемы ее дачного освоения[3]. Возможен ли в этих местах классический сельский туризм? Не просто отдых в деревне, а жизнь в обитаемом крестьянском доме и добровольное посильное участие в делах хозяев – в работах на огороде, на сенокосе? Такая жизнь необычайно полезна городским детям. Она формирует экологическую культуру. Однако на данный момент это проблематично.

Вблизи Угор существует Костромская таежная научно-опытная станция Института проблем экологии и эволюции РАН. На стации изучается поведение зубров, крупного рогатого скота, лосей, кабанов, исследуется динамика лесных сообществ. От федеральной трассы к станции ведет хорошая грунтовая дорога, на станции можно (по договоренности) переночевать.

Особый сюжет – усадьба «Отрада» в селе Давыдово. К сожалению, от усадьбы в Давыдове остался только ландшафтный парк на высоком берегу Унжи.

Усадьба принадлежала костромским помещикам Апухтиным. В 1822 г. на дочери Дмитрия Апухтина Наталье женился герой Отечественной войны 1812 г. и декабрист М.А. Фонвизин. В Угорах сохранилась церковь, где они венчались. После восстания декабристов Фонвизин был сослан в Читу. Наталья Дмитриевна отправилась туда вслед за мужем. Ее примеру последовали другие жены декабристов. После смерти М.А. Фонвизина Наталья Дмитриевна вышла замуж за другого декабриста – И.И. Пущина. Круг общения и знакомств Натальи Дмитриевны был очень широк – это не только декабристы, но и многие выдающиеся люди, в числе которых А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Ф.М. Достоевский... Саму Наталью Дмитриевну историки культуры также признают выдающейся личностью. Существуют свидетельства тому, что она послужила прототипом пушкинской Татьяны из «Евгения Онегина».

Возрожденная усадьба может стать площадкой для самодеятельной театральной работы, для постановок по мотивам дворян-

[3] См. главы 1 и 2 данной книги.

ской и деревенской жизни. Местный самодеятельный театр мог бы объединить детей и взрослых, постоянных жителей Угор (и соседних поселений) с приезжими. Социальная роль таких театров всегда была в России значительна. А тут со временем могла бы возникнуть традиция спектаклей, содержательно связанных с судьбой Натальи Дмитриевны, – вплоть до постановки «Евгения Онегина». К такому замыслу со временем можно привлечь и профессиональные коллективы, даже Мариинский театр под руководством Валерия Гергиева.

Конечно, нужны серьезные усилия, но начинать это все можно с малых дел. Угорские школьники и учителя, замечательные и активные, первые опыты могли бы осуществлять в местном доме культуры, а уж затем – на территории усадьбы.

Дополнительная тема – изучение и поддержка усадебного парка, объявленного в 1996 г. региональным памятником природы. Эта тема перекликается с проблемами и Кологривского заповедника, и лесного хозяйства, и русской усадьбы.

3. Макарьевско-Унженский

В его составе село Унжа с церковным комплексом над рекой и соседней мини-турбазой Басовка, заречные леса – в их глубине располагался «Унжлаг», город Макарьев, его история, музей, монастырь.

Отдых в Басовке природно ориентированный, с элементами эколого-культурных сюжетов. Турбаза интересна как пример частной инициативы. Ее местоположение, как и потенциально возможных ей подобных, не только удачно и привлекательно своей природой, но и потенциально весьма выгодно, поскольку рядом проходит федеральная трасса, а под горой течет Унжа – две артерии этих мест. Турбаза работает круглый год.

«Унжлаг» состоял из десятка с лишним лагпунктов, разбросанных между Ветлугой и Унжей в их среднем и нижнем течении. Их связывали грунтовые дороги и узкоколейки (часто деревянные «лежневки»), ныне сохранившиеся лишь местами. Вырубки заросли, там сформировались вторичные лесные сообщества. От лагерных бараков кое-где остались развалины, обнаружить их трудно. Могилы погибших заключенных безымянны и большею частью потеряны. Число заключенных достигало 30 тыс. чел.

Попасть в эти места нелегко. Можно из Макарьева переправиться паромом на левый берег Унжи и машиной по скверной дороге через Нестерово и Тимошино добраться до заброшенных деревень Кукуй 2 и Кукуй 1. Территория «Унжлага» начиналась рядом с ними.

Рис. 10.5. Кологривский кластер. Границы условные

Можно от деревни Унжа паромом переправиться на левый берег к остаткам деревни Никольское, стоящей в сосновом бору. В ней есть несколько обитаемых домов, некоторые даже с дачниками. От деревни в лес уходит грунтовая дорога, как кажется, ведущая к поселку Выгорки и далее к развалинам лагпунктов. Возможно, маршруты через Никольское – Выгорки и через Тимошино – Кукуй удастся соединить и замкнуть.

Знакомство с территорией «Унжлага» и ее исследование – это не только исторический урок ее посетителям, особенно молодым. Это урок моральный как в социальном, так и в экологическом аспектах. Ведь тотальный лесоповал с использованием каторжного труда – одно из характерных проявлений грабительского отношения госу-

Рис. 10.6. Кластеры Макарьевско-Унженский и Угорский (границы условные)

дарства к нашей природе. Экологические последствия лесоповала остаются надолго, шрамы эти исчезнут не скоро. Экологически интересна также сукцессия лесных сообществ, порожденная огромным пожаром 1972 г.

Город Макарьев достаточно знаменит и привлекателен, хотя и мало приспособлен для неспешного, вдумчивого туризма. Короткие экскурсии туристов-круизников по монастырю и краеведческому музею – лишь часть, хотя и весьма важная, потенциального потока. Конечно, кажется логичным привлечь в город туристов восстановлением его ярмарочной славы. Это трудная, но в принципе разрешимая задача.

Сейчас абсолютно недостаточна гостиничная база, нет местной оригинальной продукции – хотя бы продуктовой и сувенирной монастырской лавки. Но если обратиться к инициативам жите-

лей города и их инициативы стимулировать – можно было бы уже вскоре предлагать туристам местные и вообще костромские традиционные продукты и изделия сувенирного типа. Примеров такого успешного кооперативного взаимодействия местных жителей и властей уже немало. Так что новая специальная ярмарка (почему бы и не областная?) здесь возможна – история и местоположение города этому очень способствуют.

Есть и еще один особый сюжет. Из Макарьева вниз по Унже и далее по Горьковскому водохранилищу можно было бы организовать достаточно комфортные эколого-культурные туры на плотах – «соймах». Их нужно строить заново, причем в облегченном варианте. Это уникальные сооружения, их историко-экологическая ценность несомненна.

Выше Макарьева сплав на них невозможен – река, по которой прежде ходили пароходы, обмелела.

Но на байдарках и лодках или на специальных легких плотах (кажется, на них сейчас сплавляются по Ветлуге[4]), из Кологрива или из Мантурово спуститься до Макарьева несложно.

Итак, вместе эти *три кластера* (рис. 10.5, 10.6) образуют ряд, связанный рекой и дорогами правобережья. Их можно объединить программой большого интегративного водного, велосипедного или автомобильного тура эколого-культурной специализации. Примеры велосипедных и байдарочных путешествий по этим местам существуют.

Кому все это может быть интересно и как все это осуществить?

Задумать программу эколого-культурного тура и предложить ее элементы (кластеры, сюжеты и прочее) несравненно проще, чем эту программу выполнить. Придется преодолевать серьезные проблемы.

Первая из них – инфраструктурная, особенно в угорском и унженском кластерах. На этот счет можно высказать только некоторые общие соображения. Самая насущная задача – размещение туристов. При этом различное для зимы, лета и весны-осени. По-видимому, для зимних туров, в основном ориентированных на заповедник, пока достаточно гостиниц в Кологриве (она должна быть реконструирована) и Мантурово, небольшой турбазы Басовка и, может быть, нескольких домов в селах. Летние палаточные стоянки могут быть устроены сравнительно легко, но за ними требуется

[4] См.: http://www.rusadventures.ru/offers/6676.aspx

уход, особенно если они предназначаются автомобилистам. Весенне-осеннее и отчасти зимнее размещение потребует специального строительства. Сельские дома потенциально могут быть всесезонными, но подходящих (по совокупности требований) пока немного, и быстро увеличить их число непросто.

Вторая, не менее сложная проблема – маркетинг, или «кому все это интересно». Это и в самом деле проблема, ведь классические водники и велотуристы здесь не столь многочисленны, чтобы быстро возник поток, обеспечивающий доходность сквозного тура, объединяющего все три кластера. Да и приверженцев синтетического эколого-культурного туризма у нас пока не очень много.

Но можно развивать отдельные программы для каждого кластера с их объединением в перспективе. Для продвижения таких программ нужно тщательно подбирать целевые группы. Вероятно, они будут различаться довольно существенно. Так, можно заранее предположить, что несхожими интересами будут обладать активные посетители заповедника, которых можно считать типичными экотуристами, и классические водные туристы. Однако именно последних нужно стремиться склонять к сухопутным вылазкам – не только для небольших походов по окрестным лесам, что вполне им привычно, но и для посещения музеев и др.

Третья проблема – это экологическое содержание программ и минимизация ущерба природе и местному сообществу от их проведения.

Основная объединяющая тема всей предлагаемой программы – эколого-социальные уроки освоения ресурсов Нечерноземья, вероятные сценарии развития сельской местности и всего региона, возможности управления.

Уроков несколько. Вполне понятный – разные принципы лесопользования и их разные экологические и социальные аспекты. Совершенно очевидный – опасности военной индустрии и морально-экологическая ущербность каторжного труда. Еще один урок – результаты прежнего социалистического управления сельской жизнью (например, ликвидация «неперспективных» деревень) и нынешнего развития в условиях рынка и глобализации.

В содержании программы должны присутствовать фоновые темы: природа южной тайги и сельский ландшафт, ландшафтное разнообразие, его роль, динамика собственная и вынужденная, связи природы и социума. Сквозную объединяющую и фоновые темы важно иметь в виду, разрабатывая каждый из отдельных элементов программы.

Например, сплав по Унже предполагает ознакомление:

• с гидрологической ролью леса, с историей лесопользования и транспортной функции реки в таежной зоне,

• со структурой долинных ландшафтов, сети поселений, полей и дорог,

• с особенностями растительных сообществ и землепользования на водоразделах, на террасах и в пойме,

• с водным режимом озер-стариц, динамикой русла и отмелей,

• с животным населением долинных ландшафтов (в том числе с жизнью бобров, водоплавающих и околоводных птиц), с обитателями водных экосистем,

• с современными экологическими принципами («поймал-отпустил» и др.) и традиционными способами рыбной ловли,

• с эстетикой природных и рукотворных пейзажей речных долин,

• с пейзажной фотографией и живописью (по желанию и договоренности),

• со сценариями изменений ландшафтов и режима реки в результате техногенных воздействий (распашка земель, загрязнение и др.) и возможных изменений глобального климата.

Разрабатывая общую программу тура, необходимо будет учитывать эколого-технологические аспекты организации экотуризма, что отнюдь не просто. Рекомендации, касающиеся экологизации ряда сфер туристской деятельности, даны в отдельной главе специального учебника (Дроздов, 2005).

Сложным и в то же время важным делом для организаторов экотуризма является проблема построения продуктивного и устойчивого взаимодействия с местными жителями и властями. Главное в этом деле – найти и суметь удовлетворить общие интересы всех сторон и минимизировать возможный ущерб местной экономике и культуре. Удается это далеко не сразу и требует времени и усилий.

Разумеется, некоторые туроператоры могут пренебречь организацией настоящего партнерского сотрудничества с местным сообществом и сразу предложить только некоторым из местных жителей заработать на участии в проведении тура, предлагая туристам или организаторам тура купить у них продукты или сувениры, нанять их как гидов или воспользоваться другими предоставляемыми услугами. Но устойчивым такое взаимодействие, как правило, не бывает. Нередко при этом довольно быстро возникают недобросовестная конкуренция, конфликты интересов и даже прямое противодействие. Известно немало неудачных попыток наладить сотрудничество без предварительной подготовки.

Четвертая проблема – кадровая – на первом этапе решается быстрее других. Если специальное содержание программы в целом и ее компонентов разработано подробно, руководителя путешествия, обладающего общими навыками сопровождения туристских групп и знакомого с организацией сплавов, подготовить не очень сложно.

Сложнее обеспечить его взаимодействие с местными специализированными гидами. Далеко не каждый егерь заповедника, например, может провести экотур. И не каждый музейный работник может вычленить из привычной схемы рассказа о знакомой музейной экспозиции ее эколого-культурное содержание или развить эту тему, опираясь на доступные материалы. Весьма нелегко вовлечь в экологически ориентированную работу с туристами местных жителей. Однако все эти задачи разрешимы. Вначале нужно привлечь для этого консультантов, организовать курсы обучения гидов, впоследствии – проводить мониторинг ситуации.

Краткое заключение

Реальный вклад туризма в экономику региона был, остается и в ближайшее время останется очень небольшим. И это относится как к туризму в целом, так и к экологическому туризму во всех его формах.

Туристская статистика в России такова, что не будет преувеличением сказать, что практически ее нет. Но вот несколько цифр, позволяющих составить некоторое представление об общей картине.

В 2005 и в 2010 г. в Архангельской области всеми турфирмами было продано турпакетов на сумму 565 и 1885 млн руб. соответственно. Это менее 0,5% валового регионального продукта. В эти же годы доходы всех гостиниц и ресторанов области составляли 985 и 2844 млн руб., что соответствует доле ВРП от 0,6 до 0,8%. Рост продаж турпакетов и доходов гостиниц и ресторанов значителен в абсолютных величинах, но доля в ВРП почти не меняется.

В Костромской области в эти годы доходы гостиниц и ресторанов совокупно составляли 40–60 млн руб., или от 0,7 до 0,1% ВРП. В Вологодской области эти доходы увеличились от 20 до 50 млн руб., но их доля в ВРП была на порядок ниже, чем в Костромской области.

Экономический вклад экотуризма на этом фоне в региональном масштабе исчезающе мал. Так, все национальные парки России в 2005 г. заработали вместе всего около 50 млн руб. Очевидно,

экономическая роль экологически ориентированного туризма на Ближнем Севере потенциально может быть существенной только для отдельных муниципальных районов и некоторых популярных туристских местностей. Сейчас она заметна в Кенозерском районе Архангельской области. Может со временем оказаться заметной в Кологривском районе Костромской области.

Но было бы принципиально неправильным ограничивать роль экотуризма лишь его прямым вкладом в экономику региона. Чрезвычайно значителен его вклад в поддержку особо охраняемых территорий, бюджетное финансирование которых, по сути дела, является нищенским. Велико образовательное значение экотуризма, эффект которого имеет долгосрочный характер.

Сохранение традиционного образа жизни и природопользования на тех территориях. где экотуризм существует достаточно длительное время, также его очень важная функция. Примером может служить Кенозерский национальный парк. Неоценима общекультурная роль экотуризма, служащего одним из каналов проникновения в наше сознание экологического императива, от следования которому во многом зависит судьба человечества.

Литература

1. *Басанец Л.П., Дроздов А.В.* Туристское природопользование, экологический императив и потенциал России / В кн.: «Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России». М.: Т-во научных изданий КМК, 2006. С. 322–340.

2. *Буйволов Ю.А, Басанец Л.П.* Экологический туризм в национальных парках и заповедниках России: тенденции развития и проблемы управления // Экологическое планирование и управление. 2007. № 4 (5). С. 39–45.

3. *Дорофеев А.А.* Ландшафтно-рекреационный анализ территории для целей экологического туризма. Автореф. канд. дисс. Смоленск, 2003.

4. *Дроздов А.В.* Основы экологического туризма. М.: Гардарики, 2005.

5. *Кулешова М.Е.* Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 247–312.

6. План управления и развития (Менеджмент-план) Кенозерского национального парка на 2001–2005 гг. Архангельск, 2001.

7. *Смиренникова Е.В.* Туристический потенциал Архангельской области: геоинформационная оценка. Автореф. канд. дисс. М., 2011.

8. Экотуризм на пути в Россию. Принципы, рекомендации, российский и зарубежный опыт. Тула: Изд-во «Гриф и К», 2002. 284 с.

9. *Ceballos-Lascurain H.* Tourism, ecotourism, and protected areas. IUCN Publications Services Unit, 1996.

Глава 11. Ветлужско-Унженское полесье: возможности экологического туризма

Ветлужско-Унженским полесьем названы здесь обширные лесные пространства в междуречье левых притоков Волги – Унжи и Ветлуги и на прилегающих к нему территориях. По административному делению большая – северная его часть относится к Костромской области, южная – к Нижегородской.

Еще столетие назад в этих местах были хвойные леса таежного типа, достаточно глухие и нетронутые (Абатуров и др., 1988). По свидетельству А.Н. Формозова (1976), проводившего исследования фауны птиц и млекопитающих Шарьинского района Костромской области, в первой трети XX в. одним из основных занятий населения была промысловая охота. В том числе в промышленных масштабах добывали рябчиков, которых продавали затем на московских рынках. Леса междуречья Ветлуги и Унжи сохранялись относительно нетронутыми, в основном благодаря ландшафтным особенностям территории.

Большая ее часть представляет собой плоскую равнину, сформированную талыми ледниковыми водами (Спиридонов, 1978; Костромское Заволжье, 2001). Песчаные малоплодородные почвы, обилие болот делают основную часть территории непригодной для сельскохозяйственного использования.

Сельские поселения издавна создавались только вдоль высоких, правых речных берегов. Здесь сформировались «ленточные» сельскохозяйственные ландшафты – поля, луга и деревни, вытянутые линиями по верху склонов речной долины.

С 1930-х гг. Ветлужско-Унженское полесье стало регионом массовой лесодобычи (Дудин, 2000). Вначале были вырублены леса вдоль железнодорожных магистралей. В послевоенные годы широкомасштабными рубками были охвачены и более удаленные массивы. Вырубки велись на обширных площадях – целыми лесными кварталами. На отдаленных территориях полесья были построены лесные поселки, проложены десятки километров узкоколейных железных и лежневых грунтовых дорог для вывоза леса и сообщения с «внешним миром». Для транспортировки вырубленного леса широко использовался сплав по рекам. Велся он в основном молевым способом – бревна сталкивались в воду и плыли по течению, пока их не вылавливали у запаней, перегораживавших реку в нужном месте. Для сплава использовали как средние, так и малые реки, последние – во время весеннего половодья. Такой способ транспортировки срубленного леса отличался дешевизной, но сопровождался при этом значительными потерями и сильно нарушал экосистемы рек и их пойм.

К последней четверти XX в. основная часть лесов, пригодных для использования, оказалась вырублена. Уничтожение массивов таежного леса довершили пожары 1972 г. с необычайно сухим летом. Они захватили огромные территории; так, на левобережье р. Унжи, в Макарьевском и Мантуровском районе выгорел участок размером около 30 х 40 км. К середине 1980-х гг. сплав леса был прекращен, объемы рубок резко снизились.

В последние два десятилетия людское присутствие в Ветлужско-Унженском полесье сократилось до минимума. Исчезли лесные поселки, на их месте теперь – зарастающие молодой древесной порослью поляны. Разобраны и заросли железнодорожные узкоколейки; лесные автодороги в большинстве стали непроезжими из-за разрушившихся мостов. Рубки теперь ведутся в основном лишь в примыкающих к полям и деревням лесных массивах – лесах колхозного пользования, сохранившихся в прежние десятилетия, и в березняках и осинниках, выросших на месте вырубок предвоенного и военного времени.

Истощение лесных ресурсов и сокращение лесопользования совпало с резким уменьшением сельскохозяйственной деятельности и количества жителей в деревнях, вызванным кризисом сельского хозяйства центральной России. От бывших полей в придолинных сельскохозяйственных ландшафтах распахивается не более трети, остальное зарастает лесом или используется под сенокосы. Практически прекращена заготовка сена на заливных лугах средних рек, лишь местами они используются для выпаса. Значительная часть

лугов заросла кустарниками. Полностью исчезли суходольные лесные сенокосы.

Образно говоря, природа полесья сейчас отдыхает от человеческого влияния. Коренные темнохвойные леса таежного типа практически исчезли, сменившись сосняками и осиново-березовыми лесами с елью, возобновляющейся под лиственным пологом. Возраст леса в основном невелик – 40–60 лет. Однако массированное, «ударное» воздействие концентрированных рубок на больших площадях не оказало резкого негативного влияния на разнообразие видов животных и растений, возможно, в связи с тем, что воздействие это было сравнительно непродолжительным и однократным (Зайцев, 2006).

Сейчас Ветлужско-Унженское полесье – это обширные лесные пространства, где можно на протяжении многих километров не встретить людей и следов их современной деятельности. Только редкие охотники и сборщики ягод и грибов забредают в глубину лесных массивов. Конечно, нет уже глухой тайги – трудно проходимого хвойного леса со старыми крупными деревьями, с обилием вывалов. Повсюду встречаются зарастающие дороги, следы вырубок и лесных сенокосов. Но сохранились основные ландшафтные черты таежной местности, высокое видовое разнообразие, в том числе и редких видов, а кое-где и участки коренных таежных сообществ. Разнообразие видов, большие площади нефрагментированных массивов и высокая скорость нормального сукцессионного возобновления таежных экосистем выгодно отличают леса этой территории от местностей с длительным сельскохозяйственным освоением.

Безлюдье, «дикость и заброшенность» Ветлужско-Унженского полесья в сочетании со сравнительно небольшой его отдаленностью от крупных городов, доступностью для посещения могут сделать его привлекательным для тех, кто хочет отдохнуть от многолюдья и познакомиться с таежной природой.

Так, в настоящее время популярными у туристов оказываются такие отдаленные таежные регионы, как Карелия, Архангельская область, северное Приуралье и Урал. Путешествие в эти места требует много времени, ресурсов и физической подготовки. Но многое из того, что можно увидеть в дальних краях, есть и в Ветлужско-Унженском полесье. Для отдыха и туризма в европейской России эти места могут стать своего рода «тайгой для начинающих», «тайгой у порога». Здесь, в 600 км от Москвы, за 4–5-дневное путешествие в любое время года можно познакомиться с таежными экосистемами и их обитателями.

Границы территории

Предлагаемая нами для туристско-рекреационного использования территория Ветлужско-Унженского полесья делится на основное ядро и периферическую часть.

Основное ядро – «Унженская тайга», участок площадью приблизительно 50×30 кв. км, находится в Мантуровском и Макарьевском районах Костромской области. С юго-востока ее граница совпадает с границей Костромской и Нижегородской области, с северо-запада проходит примерно в 4–5 км вглубь водораздела от р. Унжи, приблизительно по границе лесов колхозного пользования и гослесфонда. Северо-восточная граница проходит по водоразделу рек Пумино и Меремша, юго-западная – между реками Сенная и Низмица.

В основном границы ядра рекреационной зоны совпадают с ключевой орнитологической территорией «Левобережье р. Унжи», выделенной Союзом охраны птиц России (Зайцев, 2002). В ее состав входит Мантуровский участок заповедника «Кологривский лес» и его охранная зона.

На территории ядра целесообразно проводить основную часть коротких 1–3-дневных маршрутов, рекреационную и образовательную деятельность, размещение лесных избушек и мест базирования в населенных пунктах. На периферической части предполагается использовать отдельные более протяженные маршруты для многодневных экскурсий и опорные базы в населенных пунктах.

С запада на восток эта территория простирается от р. Неи до р. Ветлуги, с севера ограничена железной дорогой между г. Нея и пос. Шекшема, с юга – поселками Ветлуга, Варнавино, Ковернино.

Наиболее интересные объекты природы в разных ландшафтах

Знакомясь с новой местностью, человек прежде всего обращает внимание на особенности ландшафта. Ландшафты Ветлужско-Унженского полесья разнообразны. Выделяются водораздельные территории – слабо всхолмленные моренные равнины со смешанными лиственно-еловыми лесами, плоские водно-ледниковые равнины с сосновыми борами и болотами. Резко отличаются от них по облику долины рек с крутыми правобережными склонами, с чередованием лесов и сельскохозяйственных угодий, с обилием пойменных во-

доемов. Рассмотрим наиболее интересные и привлекательные для экологического туризма ландшафтные объекты.

Живые реки

Одними из наиболее ценных, ключевых ландшафтных объектов как для экологического туризма, так и для природоохранной деятельности на территории Ветлужско-Унженского полесья являются малые и средние реки и их поймы.

Формирование человеческих поселений и хозяйственная деятельность с древних времен опираются на реки и долинные ландшафты. В связи с этим они в первую очередь подверглись антропогенной трансформации.

В Европейской России чрезвычайно трудно, а в Западной Европе – практически невозможно найти пойму реки, где не велась бы хозяйственная деятельность и пойменные процессы проходили бы в соответствии с природными закономерностями. В подавляющем большинстве случаев паводки зарегулированы плотинами и водохранилищами разных размеров, русла рек спрямлены, по берегам их расположены населенные пункты и различные хозяйственные объекты. Большинство городских жителей не представляют себе, что такое экосистема настоящей «живой», не измененной деятельностью человека реки и ее поймы, как она выглядит и функционирует. Именно с такими, слабо измененными и живущими в соответствии с природными закономерностями ландшафтов реками можно познакомиться на территории Ветлужско-Унженского полесья.

Малые реки Унженской тайги – Пумино, Кастово, Тоехта и их притоки – Пушкино, Иваньково имеют в длину 20–30 км. Вода в них отличается исключительной чистотой, поскольку на всей площади водосборов нет населенных пунктов и не ведется никакой хозяйственной деятельности. Так, еще в середине 1980-х гг. при организации фонового мониторинга антропогенных загрязнений среды на территории России вода из этих рек была взята в качестве эталона.

Уровень воды в реках очень сильно колеблется в течение года. Летом, в межень, их местами можно перейти вброд в резиновых сапогах, а ширина русла не превышает 5–6 м. В период же паводков, случающихся не только весной, но и после летних дождей, уровень повышается на 1,5–2,5 м, и вода несется бурным потоком. Речные русла чрезвычайно извилистые; обрывистые склоны чередуются с

песчаными прирусловыми повышениями. Характерны неширокие, но хорошо врезанные долины, отделенные склонами от окружающих сосновых боров. Поймы сравнительно сухие, водные и заросшие осокой и ивняком старицы чередуются с лесными широкотравными участками и зарастающими луговинами заброшенных сенокосов (Преображенская, 2005).

В пределах небольших маршрутов можно наблюдать все разнообразие форм пойменного рельефа и его динамики, а также различные стадии смен растительности при зарастании стариц и аллювиальных наносов – от самого начала до завершающих лесных этапов. Чрезвычайно велико флористическое разнообразие пойменной растительности – на 10-километровом маршруте обнаруживается около 200 видов сосудистых растений.

Богатая и разнообразная растительность, обилие водоемов и отсутствие беспокойства человеком привлекает в поймы малых рек птиц и животных (Преображенская, 1985; 1998). В мае – июне здесь во множестве можно увидеть и услышать гнездящихся воробьиных птиц; разнообразие гнездового населения составляет 30–40 видов на 20 км маршрута. По вечерам можно повсеместно наблюдать тягу вальдшнепа и токование козодоя, охоту летучих мышей.

Во второй половине лета поймы малых рек привлекают кочующие стайки мелких воробьиных, встречаются здесь и тетеревиные птицы. К местам лесных биваков вылетают врановые – сойка, кукша, ворон. В это же время, в межень, по берегам рек хорошо наблюдать следы животных: кабанов, лосей, медведей, куньих и других. По всем рекам в массе встречаются следы деятельности бобров. В снежный период в поймах и вдоль них концентрируются стайки зимующих птиц, обильны тропы животных.

Во многих местах вдоль рек на расстоянии до 500 м от края поймы проложены старые грунтовые дороги. «На стрелках», там, где сливаются две реки, сохранились поляны от кордонов и поселков лесозаготовителей – здесь удобно разместить лесные избушки для отдыха и ночлега.

Разнообразие интересных природных объектов, живописность и удобство передвижения позволяют проложить вдоль малых рек Унженской тайги маршруты для экологических путешествий разной протяженности – от однодневных до 3–5-дневных. Эти маршруты могут быть использованы в различные сезоны: летом и ранней осенью как пешеходные, зимой и в предвесенье – как лыжные. По высокой воде весной на 10–20-километровом отрезке в низовьях можно проводить 1–2-дневные водные маршруты: «детский сплав» на резиновых лодках.

Кроме малых рек со сравнительно сухими и доступными для передвижения поймами в Ветлужско-Унженском полесье обычны и реки, поймы которых заболочены. Обладая не меньшим, чем «сухие» поймы богатством и разнообразием биоценозов, они в то же время чрезвычайно труднопроходимы. Осоковые кочки высотой более полуметра, между которыми большую часть года стоит вода, вывороченные упавшие стволы, заросли высокотравья в сочетании с сохранившимися старыми, поросшими лишайниковыми «бородами» деревьями придают этим поймам облик настоящих дебрей.

На отдельных участках таких пойм – по р. Кондобе, в верховьях р. Лохтоги, в верховьях левых притоков р. Кастово сохранились в небольшом количестве старовозрастные (более 120 лет) древостои, которые труднодоступность спасла от рубок. Это – места для любителей экстремальных пеших путешествий, желающих увидеть «те самые леса, где обитают Баба-Яга и Леший».

Реки среднего размера, протекающие сквозь Ветлужско-Унженское полесье, – Унжа, Ветлуга и приток Унжи Нея. В их долинах на придолинных территориях вдоль высоких правых берегов сосредоточены населенные пункты и сельскохозяйственные земли. Но в поймах этих рек для хозяйственной деятельности – выпаса и сенокошения – в настоящее время используется не более 20% площади.

Течение рек не зарегулировано плотинами, каналами и подобными сооружениями; в связи с этим, в отличие от многих других рек центральной России, по берегам рек Унже-Ветлужского полесья нет построек рекреационного назначения. Так, колебания уровня воды в р. Унже между паводком и меженью достигают 5 м и более (Болысов, Фузеина, 2001). Ширина реки в межень – около 200 м, и во многих местах ее спокойно можно перейти вброд; в половодье же ширина разлившейся реки с затопленными лесами местами превышает 2 км. Не менее половины пойменной территории и трети склонов долины занимает лес. Господствует он и по площади водосборов. В связи с этим состояние рек и их пойм близко к природному.

Реки среднего размера хорошо подходят для водных путешествий на лодках или плотах. В летнее время сплавные маршруты могут иметь разную длительность – от одного до 4–5 дней. Знакомиться с ландшафтами поймы можно во время дневных радиальных маршрутов; возможны и более длительные выходы небольших групп с ночлегом в палатках на пойменных озерах. В летнее время оптимальным представляется сочетание сплава с дневками, во время которых проводятся радиальные экскурсионные маршруты.

Сплавляясь по реке в межень, можно наблюдать чередование обрывистых берегов, на которых хорошо видно строение аллювиальных наносов, и обширных песчаных отмелей. Явно видно, как река изгибается и меняет свое русло, подмывая крутые берега и намывая пологие. Скорость перемещения русла Унжи ниже Мантурово местами составляет до одного метра в год, и местами видны старые дороги, обрывающиеся в реку. За отмелями располагаются заросли белокопытника ложного и ивняков из вербы и корзиночной ивы с отдельными деревьями тополей и ветел. Здесь прослеживается сукцессионный ряд зарастания песков: поселяясь на голом грунте, ивы образуют густые заросли с мощной корневой системой, в результате этого песок перестает смываться и накапливается. Формируется ряд прирусловых валов, которые с удалением от реки становятся все выше, достигая 4 м – уровня максимального подъема воды.

Как отдельный экскурсионный объект можно рассматривать галечники и обрывы, где на поверхность выходят глины юрского периода. Они представляют образец древних отложений, сформировавшихся на дне моря около 150 млн лет назад. Здесь в массе можно найти окаменевшие остатки белемнитов – «чертовы пальцы» и фрагменты аммонитов; реже попадаются целые небольшие аммониты, другие моллюски, кусочки окаменевшего дерева. В обрывах в массе гнездятся ласточки-береговушки; на отмелях держатся различные виды куликов и чаек. На 20 км маршрута вдоль реки летом встречается 15–20 видов околоводных птиц, среди которых есть и редкие из Красной книги России – скопа, кулик-сорока, малая крачка. В жаркую погоду на песчаных пляжах хорошо купаться и отдыхать.

На участках с крутыми берегами к руслу реки примыкают заливные луга, представляющие широкие возможности для ботанических экскурсий. Особенно привлекательны луга в июне, в период массового цветения. Обширные заросли цветущего шиповника в сочетании с луговой геранью, гвоздикой пышной, колокольчиком раскидистым и другими растениями придают им пеструю окраску с преобладанием розового и сиреневого цветов. На сырых участках лугов в первой половине июня встречаются куртины цветущего ириса сибирского – очень красивого растения, входящего в Красную книгу Костромской и сопредельных областей. Много здесь и различных птиц: в кустарниках в массе поют соловьи, различные славки и камышевки, в густой траве кричат коростели и перепела, над лугами кружат луни разных видов и коршуны. В период гнездования, в июне, в лугах и ивняках можно встретить около 40 видов на 20 км маршрута.

В июле среди пойменных кустарников созревают ягоды черной и красной смородины, а в конце августа – сентябре они становятся красными от ягод шиповника. В это же время по пойме движутся стайки кочующих воробьиных птиц, пролетают хищники, а у реки появляются новые, не встречавшиеся здесь в июне виды водных и болотных птиц – серые цапли, журавли и др.

Поймы по пологим левым берегам рек заняты лесами и озерами. Характерной чертой лесов является смешение с одной стороны западных, широколиственных видов растений, с другой – видов тайги. Леса преимущественно лиственные и смешанные – осина, береза, много липы и вяза, встречаются небольшие участки с дубовым древостоем. К лиственным деревьям примешиваются ель и пихта. Значительная часть лесов сравнительно молодая, выросшая на месте лугов, заброшенных в середине – конце XX в. Однако попадаются и участки старовозрастных лесов: старые пихтарники с липой, смешанного леса с 35-метровыми в два обхвата осинами и елями, старые заболоченные черноольхово-еловые леса. Они могут служить для демонстрации прошлого облика пойменных лесов.

Пойменные лесные озера можно рассматривать как самостоятельные и чрезвычайно ценные рекреационно-туристские объекты. Так, в левобережной пойме р. Унжи в Мантуровском районе озера достигают в длину 1–3 км при ширине до 300 м. Обычно они имеют изогнутую форму, участки высокого берега, как и у реки, чередуются с низкими. Летом озера чрезвычайно живописны благодаря плавающим растениям – кубышкам и кувшинкам, а также прибрежным цветущим зарослям плакун-травы, вероники длиннолистной, вербейника и других растений.

Пересекая пойму, можно наблюдать различные стадии формирования и зарастания старичных водоемов: старицы, соединенные протоками с рекой, «закрытые» озера, ивняки и осоковые болота на месте озер, и, наконец, заросшие черноольхово-еловым лесом староречья на месте озер, заполнившихся торфом и аллювием. Можно наблюдать и формирование водоемов на месте заросших лесом староречий в результате деятельности бобров.

На озерах можно рыбачить с берега и с лодки; на высоких берегах возможно устройство оборудованных стоянок для отдыха и ночлега в палатках. Особенно удобные места для этого встречаются там, где кончается пойма, и берег озера проходит вдоль сосновых боров на песчаных речных террасах.

Экологические путешествия по рекам возможны не только летом, но также и весной и в зимний период. Так, зимой через луга, кустарники вдоль реки и по льду озер прокладываются однодневн-

ные лыжные маршруты. В это время здесь можно наблюдать тетеревов, вылетающих кормиться шиповником, стайки мелких зимующих птиц; в ивняках в изобилии держатся зайцы, встречаются следы рыси, волков, мелких куньих. Вдоль озер видны следы деятельности бобров.

Особенное впечатление остается от лыжной прогулки по пойме реки в марте, когда при ярком солнце начинается сокодвижение в нагревшихся ветвях и ивняки окрашиваются в яркие желтые и малиновые цвета, а ветви вербы покрываются барашками. Весной, в половодье, возможны водные маршруты. В это время можно проплыть на лодке среди затопленных водой ивняков и пойменного леса, понаблюдать за весенним пролетом водоплавающих птиц и журавлей и познакомиться с флорой раннецветущих растений на склонах речных долин.

Правый берег долины р. Унжи образован склонами, местами довольно крутыми, с перепадом высот до 60–70 м. Придолинная часть водораздела изрезана балками, склоны которых также довольно крутые. Здесь много родников, на поверхность выходят карбонатные юрские глины с большим количеством окаменелостей, вымываемых ручьями. На склонах долины и в оврагах встречаются участки редкой и своеобразной растительности – высокотравные вязово-сероольховые леса с участием пихты и ели (Попов, 2000). Значительную часть года эти леса труднопроходимы: летом из-за высокой (местами в рост человека) травы и обилия поваленных деревьев, зимой – из-за сложного рельефа, опять-таки в сочетании с вываленными деревьями и глубокоснежьем.

Экологические экскурсии в эти леса наиболее целесообразны весной, до распускания листвы. В это время почва здесь покрыта сплошным ковром первоцветов, во множестве встречаются рано прилетающие и пролетные воробьиные птицы – дрозды, зарянки, вьюрковые. Стоит заглянуть в эти леса и в начале июля, для того чтобы полюбоваться массовым цветением на склонах колокольчика широколистного. Для экскурсантов-орнитологов, не боящихся сложностей маршрута, эти леса привлекательны в любое время года благодаря обилию и разнообразию видов обитающих здесь птиц.

Леса междуречий

В лесах междуречий (вне речных пойм и долин) представлены типичные экосистемы европейской южной тайги. Так, на моренном

правобережье Унжи в Мантуровском районе это в основном чернично-зеленомошные и чернично-разнотравные смешанные леса, разнотравно-вейниковые березняки и осинники. Много заболоченных участков леса со сфагнами, по лощинам встречаются таволговые и папоротниковые леса. Для познавательных экологических путешествий эти леса ценны именно благодаря своей типичности – здесь можно наблюдать основные лесные экосистемы тайги и их сукцессионные смены. Однако представить себе коренную тайгу здесь удается лишь благодаря мысленной реконструкции.

Летом и осенью эти леса привлекательны благодаря обилию черники, малины по зарастающим вырубкам и грибов. Обычно здесь чаще всего встречаются лисички, из трубчатых грибов – подберезовики и подосиновики; местные жители в больших количествах собирают для засолки различные млечники – волнушки, черные грузди и др. Ближе к осени в массе появляются опята. Количество и состав видов грибов, а также сроки их появления очень сильно меняются по годам.

Левобережье Унжи в пределах Унженской тайги – это в основном сосновые леса. Здесь можно наблюдать большое разнообразие типов сосняков – от сухих лишайниковых и зеленомошных до заболоченных пушицево- и кустарничково-сфагновых. В сосновых лесах на месте пожаров 1972 г. можно увидеть обширные боры-беломошники. Подобные леса служат зимними пастбищами северного оленя на севере тайги – в Карелии, Архангельской области, республике Коми. В южной же половине лесной зоны они редки, образуются на месте гарей и существуют недолго, т.к. в условиях сравнительно теплого климата лишайниковый покров быстро сменяется зелеными мхами и кустарничками.

В сухих борах весной можно наблюдать цветение редкого вида растения – сон-травы. Очень живописны сосняки-зеленомошники во время массового цветения ландыша, который местами образует обширные заросли, ракитника русского и других кустарников и кустарничков.

Среди боров левобережья вкраплены участки широкотравных осиново-березовых лесов, приуроченные к выходам на поверхность суглинистых отложений. Здесь есть места с удивительным богатством видов и обилием лесных орхидных. Так, например, в охранной зоне Мантуровского участка заповедника «Кологривский лес» недалеко от ур. Кастово можно увидеть обширные заросли венериного башмачка желтого – редкого вида из Красной книги России, и рядом другие виды орхидей – любку двулистную, тайник яйцевидный, мякотницу однолистную, пальчатокоренник Фукса и

мясо-красный, ладьян, и редкие виды споровых растений – гроздовник виргинский, ужовник, баранец (Красная книга Российской федерации, 1988). Такие участки интересны для сезонных ботанических экскурсий в период цветения орхидных.

Леса левобережья Унжи интересны также разнообразием типов растительности и резкими границами между ними. На протяжении 5–6-километрового маршрута можно увидеть все типы сосняков, осиновые и березовые леса, участки болот. Сухая сосновая грива на протяжении 10–20 м сменяется кустарничково-сфагновым сосняком с голубикой, брусникой и клюквой, затем заболоченный сосновый участок так же резко переходит в березовый долгомошник, затем в широкотравный березняк с липой и т.д.

На местности ярко видна связь растительности с особенностями почвы и рельефа. В связи с этим здесь складываются чрезвычайно благоприятные условия для проведения учебных экологических маршрутов, показывающих закономерности формирования растительности в зависимости от почвенных условий.

Во второй половине лета и осенью боры богаты ягодами – черникой, брусникой, голубикой. Много здесь и грибов – боровиков, маслят, подберезовиков, моховиков и др. Удивительно выглядит грибное изобилие на фоне покрова лишайников и зеленых мхов среди редко стоящих сосен.

Для любителей птиц боровое левобережье представляет обширные возможности наблюдений за куриными – глухарями, рябчиками и тетеревами в течение всех стадий их жизненного цикла. Хорошо подходит для этих целей охранная зона заповедника «Кологривский лес», где птиц не беспокоят охотники. Незабываемое зрелище – ток глухарей или тетеревов – в настоящее время наблюдают в основном в процессе охоты, «через прицел». Между тем оно достойно того, чтобы его увидел более широкий круг людей, любящих природу. Интерес могут представлять и наблюдения за другими видами. Например, в зимнее время сосняки привлекают зимующих птиц, входящих в синичьи стаи; здесь достаточно обычна хохлатая синица – вид, чья численность в последние десятилетия значительно снизилась.

В целом боровой ландшафт привлекателен для путешествий благодаря своему простору и общему облику, улучшающему настроение, – здесь легко дышится, человек забывает о заботах.

Согласно русской пословице, широко распространившейся по сети Интернет, «В сосняке – веселиться (или богу молиться – по другой версии, или жениться, в общем, радоваться жизни), в берез-

няке – опять же жениться или влюбиться, а в ельнике и осиннике – удавиться...».

На севере Макарьевского района, на холме недалеко от Унжи можно посетить небольшой участок еще одного редкого в европейской тайге растительного сообщества – старого лиственничного леса. Огромные лиственницы возрастом не менее 200 лет соседствуют здесь со своими более молодыми сородичами, с березой и елью.

Болота

Неизмененных болотных сообществ в лесах южной половины Европейской России, так же, как и «живых» речных пойм, осталось немного. Значительная часть болотных массивов в середине и второй половине XX в. была осушена с целью добычи торфа или лесной мелиорации – для улучшения роста древостоя и получения товарной древесины. Не избежали этой участи и болотные массивы Ветлужско-Унженского полесья. Однако часть болот сохранилась.

Чаще всего в Ветлужско-Унженском полесье встречаются олиготрофные и мезоолиготрофные кустарничково-сфагновые болота. Они обычно хорошо проходимы и в основном лишены топких участков. Поверхность болот покрыта сфагновым ковром. Травяно-кустарничковый ярус состоит из специфических видов, которые не встречаются в других местообитаниях; среди них вечнозеленые кустарнички – багульник, кассандра, подбел, клюква. Изредка можно встретить редкие для южной половины лесной зоны растения – морошку и водянику. На более обводненных участках разрастаются пушица, осоки, шейхцерия болотная. Обычны насекомоядные растения: там, где моховой ковер нарушен людьми или животными, встречается росянка, в болотных водоемах – пузырчатка.

Древесный ярус на болотах может отсутствовать или состоять из угнетенных низкорослых сосен и берез.

Обзорные экскурсии на сфагновые болота лучше всего проводить в августе – сентябре, когда уровень воды невысок и сфагны приобретают яркую красную, бурую или золотистую окраску.

В это же время на болотах и в лесах вокруг них созревают ягоды – брусника, голубика, клюква. Обилие ягод в Унженской тайге настолько велико, что местные жители собирают их в промышленных масштабах.

Весной болота освобождаются от снега раньше окружающей местности и служат местом отдыха пролетных гусей и журавлей. В это время они представляют интерес для орнитологических экскурсий, в том числе для наблюдения и фотографирования птиц из заранее подготовленных укрытий.

Заглянуть на сфагновое болото хорошо и во время весенних и летних ботанических экскурсий, для того чтобы наблюдать цветение багульника, клюквы и других кустарничков. Очень живописны болота также в период созревания семян пушицы, когда низкие открытые участки покрываются сплошным белым ковром.

Наиболее крупный болотный массив в пределах Унженской тайги расположен на севере Макарьевского района, на левобережье р. Унжи против с. Гребенец (Выгорские болота). Избежавшие осушения болота, доступные во время однодневных маршрутов, можно увидеть на левобережье также против д. Усолье и д. Угоры. Наиболее доступно для непродолжительных экскурсий болото на правом берегу р. Унжи в верховьях р. Лохтоги против д. Шемятино. Возможны также экскурсии на «Лосиное болото», расположенное на водно-ледниковой равнине верховьев р. Кондобы в 12 км к северу от д. Угоры.

Кроме олиготрофных кустарничково-сфагновых болот, в Унженской тайге встречаются низинные, евтрофные осоковые болота. Это одно из редких растительных сообществ европейской тайги. Такие болота представляют собой понижения с осоковыми кочками высотой до 50–70 см, между которыми большую часть времени стоит вода. Древесно-кустарниковый ярус состоит из ивы пепельной и редких берез; обычно довольно много полусгнивших, поросших мхами поваленных деревьев, что говорит о том, что раньше на этом месте был старый заболоченный лес. Кочкарные низинные болота встречаются в верховьях малых рек и ручьев; это один из самых непроходимых и труднодоступных типов местности. Они могут быть интересны тем, кого привлекают ботанические редкости или же дебри, куда обычно не ступает нога человека.

Придолинный лесолуговой ландшафт

Придолинные лесолуговые ландшафты тянутся полосами шириной до 5 км вдоль правых, высоких берегов Унжи, Ветлуги и Неи. Эти территории наиболее освоены человеком, здесь расположена большая часть населенных пунктов, издавна ведется сельское хозяйство. Тем не менее, и здесь в природе есть что посмотреть.

Так, на территории, которую мы назвали Унженской тайгой, придолинный ландшафт отличается наиболее пересеченным рельефом. Перепад высот между р. Унжей и примыкающими к склонам долины ровными участками составляет 40–60 м при расстоянии от реки 1–2 км. С возвышенностей, где расположены поля и деревни, открываются виды на петляющую реку, пойменные луга, чередующиеся с перелесками и озерами, и на лесные пространства плоской равнины левобережья. Деревни, поля и залежи чередуются с заросшими лесом глубокими оврагами и небольшими участками смешанного и хвойного леса. Кое-где сохранились рощи из старых сосен, елей и лип.

Лесолуговой ландшафт подходит в первую очередь для небольших ознакомительных экскурсий и общих обзорных экскурсий, включающих, кроме природного, исторический и другие компоненты. Весной, в апреле, здесь можно наблюдать ледоход и половодье на реке и одновременно цветение растений, распускающихся первыми, – вербы и козьей ивы, гусиного лука, хохлатки, мать-и-мачехи. Немного времени спустя леса в оврагах покрываются цветущей черемухой, состав первоцветов меняется: появляются чистяк лютичный, медуница, лютик кашубский и ветреницы – лютичная и дубравная, покрывающие почву в перелесках сплошным ковром. Летом характерно обилие видов лугового и опушечного разнотравья, формирующего несколько сменяющих друг друга во времени цветовых аспектов. В конце мая желтый, «одуванчиковый»; затем бело-желтый из купыря лесного, тмина и лютиков; в июне пестрый ранне-летний из колокольчика раскидистого, горицвета кукушкина, клеверов и смолки; в июле пестрый средне-летний с луговыми васильками, дудником, таволгой и иван-чаем.

Особенно живописна местность в сентябре, в период осеннего раскрашивания листвы. Благодаря разнообразию видов деревьев перелески лесолугового ландшафта приобретают пеструю окраску. Светло-желтые березы, золотисто-розовые и красноватые осины, черемухи и рябины, красновато-бурые с лиловым оттенком вязы выделяются на фоне темно-зеленых массивов ели и ольшаников, чья листва не меняет окраску и опадает, сохраняя сизовато-зеленый цвет.

Благодаря меридиональному расположению долины рек Ветлужско-Унженского полесья служат путями весенних миграций птиц. Весной и осенью не только в поймах, но и на прилегающих к ним суходольных лугах и полях можно наблюдать летящие и останавливающиеся на отдых стаи перелетных видов. В первую очередь это воробьиные – дрозды, зяблики и другие вьюрковые,

а также гусеобразные, серые журавли, ряд видов куликов, дневные хищные птицы.

Чрезвычайно богата орнитофауна лесолугового ландшафта в гнездовое время, с середины мая по конец июня. Чередование полей, залежей, полузаброшенных деревень с обильными зарослями кустарников и перелесков в оврагах, близость реки создает настоящий птичий рай. Здесь в изобилии гнездятся соловьи, различные славки, камышевки и другие виды славковых птиц, вьюрковые, мухоловки, ласточки, дроздовые. На зарастающих полях можно встретить больших кроншнепов и больших веретенников, луней, болотных сов и другие виды птиц. Все это создает благоприятные условия для орнитологических экскурсий.

Зимой лесолуговой ландшафт привлекателен для кратковременных лыжных путешествий. В это время здесь можно познакомиться со следами жизнедеятельности животных: следы лисиц, зайцев-беляков, белки, ласки, а временами и волка и рыси встречаются в непосредственной близости от населенных пунктов. Дополнительный спортивно-развлекательный компонент придают зимней экологической экскурсии лыжные спуски со склонов речной долины и оврагов.

Сезонные экскурсии – объекты и маршруты

Зима

Зима – самое продолжительное время года в Ветлужско-Унженском полесье. Снежный покров устанавливается во второй половине ноября и сходит в начале апреля. Зимы обычно многоснежные, с редкими оттепелями; высота снежного покрова к марту достигает метра и более. Это благоприятствует путешествиям на лыжах и снегоходах.

Для организации экскурсионно-туристической деятельности на территории Унженской тайги необходимы, в первую очередь в холодный период года, базы для остановки туристов и экскурсантов. Требуется кроме того транспорт для их доставки, а также экскурсоводы и инструктора, сопровождающие туристов. Основные базы для проживания целесообразно разместить в деревнях на правом высоком берегу Унжи – в Леонтьево, Никитино, Угорах или других деревнях неподалеку. В качестве таких баз могут быть использованы старые сельские дома, отремонтированные с сохранением их

основного облика и снабженные необходимыми удобствами. Одна база может включать 1–2 рядом стоящих дома. Система подобных сельских гостевых домов и их обслуживания в России действует, например, в Кенозерском национальном парке (см., например kenozero.zapoved.ru; www.agritourismru/russia – Архангельская область).

Помимо гостевых домов, для проведения 2–3-дневных маршрутов в холодное время года нужны лесные избушки-кордоны, где можно переночевать или отдохнуть во время маршрута. Такие избушки распространены в северных лесных регионах – Карелии, Архангельской области, республике Коми, как на территории национальных парков и заповедников, так и вне их. С устройством туристических избушек и кордонов и их использованием во время экскурсионных маршрутов можно ознакомиться на примере Центрально-Лесного заповедника, национального парка «Паанаярви» и ряда других (paanajarvi.onego.ru).

Кордоны необходимы в «ключевых точках» маршрутов, как правило, там, где раньше были населенные пункты. Это урочища Кастово, Тоехта, Калиевец, Поеж. В каждом из этих пунктов нужны либо 2–3 избушки для размещения в каждой 5–6 человек, либо дом-кордон для временного проживания группы до 15 чел. Понятно, что помещения должны быть оборудованы быстро разогревающимися печами и снабжены запасом дров; очень желательно хотя бы у некоторых кордонов иметь бани.

Кроме гостевых домов и избушек, нужны помещения в местах начала и окончания маршрутов, где туристы могли бы отдохнуть, перекусить и пройти инструктаж. Это поселки Брантовка, Северный, им. Калинина, Тимошино.

Планируя маршруты, мы предполагали использование шоссейных дорог для доставки туристов от места окончания и (или) начала маршрута к гостевым домам на автомобильном транспорте по имеющимся шоссейным дорогам. Другой вариант путешествия – когда по окончании маршрута туристы не возвращаются в гостевые дома, а уезжают домой автомобильным транспортом общего пользования или по железной дороге.

Ниже представлены маршрутные отрезки, из которых могут быть скомбинированы различные 2–3-дневные лыжные маршруты. Дневной переход на этих маршрутах составляет 10–15 км. Предполагается, что лыжные тропы по маршрутам будут «утоптаны» снегоходами; на них же (в санях) будет осуществляться перевозка рюкзаков с вещами туристов к местам ночлега. Такие лыж-

ные маршруты со «снегоходной поддержкой» вполне доступны для лыжников, не имеющих специальной подготовки.

Основные отрезки маршрутов для 2–3-дневных лыжных путешествий:

д. Никитино – ур. Кастово (13 км)
д. Леонтьево – ур. Кастово (11 км)
ур. Кастово – д. Карьково (16 км)
ур. Кастово через ур. Пушкино до ур. Тоехта (15 км)
ур. Тоехта через пос. Выгорки – д. Аманово (15 км)
ур. Тоехта – д. Давыдово или Угоры (10–12 км)

Представим себе одну из таких зимних туристко-экологических экскурсий.

Утренним поездом группа экскурсантов прибывает из Москвы в г. Мантурово. Здесь ее встречает инструктор на автомашине и доставляет в один из гостевых домов, например, в д. Угоры. Здесь группа может немного отдохнуть и перекусить, прослушать рассказ об основных особенностях природы и истории края. Если есть сомнения в уровне подготовки группы, то лучше в первый день совершить небольшие лыжные экскурсии по окрестностям, покататься с гор на склоне долины реки Унжи, осмотреть старинный храм. После обеда – отдохнуть и подготовить снаряжение. Если же группа более опытная, можно сразу двигаться по одному из маршрутов на левобережье – до ур. Кастово или Тоехта.

Грузим вещи на снегоходы, а сами отправляемся на лыжах. По дороге туристы знакомятся с ландшафтами и природой поймы Унжи и боров левобережья. Вначале спускаемся со склона долины, любуясь заречными далями. Переходим реку по льду. Рассматриваем следы лисиц, зайцев, ласки. В ивняках находим стайку синиц. Обращаем внимание на разные ивы. Дальше идем через луга. Вот и шиповник, а рядом – лунки тетеревов, которые здесь ночевали. Если повезет, увидим и саму стаю. Затем попадаем в старый смешанный лес. Вот по берегу озера дубы, неподалеку – старый пихтарник с липой, здесь тоже синицы.

Выходим на берег озера, если нет наледи – переходим его по льду. Здесь, на берегу, трудились бобры. А вот и коренной берег – сосняк, природа резко меняется. Можно и привал устроить. Дальше дорога идет по бору вдоль берега лесной речки. Вокруг стучат большие пестрые дятлы. По дороге – волчья тропа. В еловой куртине у реки клесты, а если повезет – и щуры. Здесь же след куницы. Если не устали, можно завернуть на верховое болото. Как там клюква

под снегом? А вот след глухаря, а то и сам он вылетел с шумом. Возвращаемся на тропу. Вот край гари. Обсуждаем ее историю. Вечереет. В сумерках приходим к избушке, там уже тепло, наши вещи нас ждут. Пьем чай, обедаем. Устраиваемся на отдых.

Утром – второй день маршрута. Опять грузим вещи, идем дальше. Встречаем следы уже старых знакомых. А вот и новые птицы – у края поймы лесной реки стайка ополовников, чечетки. Привал в сохранившемся лесном поселке; пробуем мед, беседуем с пасечником. Кто-то устал идти – просим подвезти его на снегоходе. Опять переходим реку. Помогая друг другу, взбираемся на высокий склон. Вот и деревня. Заходим в теплое помещение, немного отдыхаем. Или остаемся здесь же. Во дворе уже топится баня...

На следующий день нас ждет экскурсия в музей заповедника, или мастер-класс деревенского быта и рукоделия; или отдых и катание с гор. После обеда – домой.

Для более подготовленных групп возможны и более длинные маршруты, в том числе с холодными ночевками в лесу. Возможны и снегоходные экскурсии. С их учетом добавляются дополнительные отрезки маршрутов.

Отрезки маршрутов для многодневных лыжных путешествий групп с достаточно высоким уровнем подготовки и для путешествий на снегоходах

От пос. Брантовка лесными дорогами до р. Кондоба восточнее грейдерной дороги, соединяющей поселок с д. Угоры. Дальше возможны маршруты до д. Леонтьево через Туйково, до д. Никитино или до д. Угоры – Давыдово – Медведево. Протяженность маршрутов – 20–26 км.

От Кастово до ур. Калиевец 11 км; далее от ур. Калиевец до пос. им. М.И. Калинина 25 км.

От Давыдово до ур. Хмелевка – 16 км, далее до ур. Поеж по грейдерной дороге – 25 км. От ур. Поеж до пос. Северный по той же грейдерной дороге – 38 км, или от ур. Поеж до пос. Тимошино – 17 км.

Возможны и *однодневные лыжные маршруты, протяженностью от 5 до 8–11 км.*

От д. Никитино лесными дорогами через д. Туйково до Леонтьево – от 7 до 12 км, в зависимости от выбора дорог.

От д. Леонтьево вдоль правого берега р. Унжи до д. Никитино – 5 км, далее до д. Угоры – 5 км.

От д. Никитино на юг через реку, далее по лесной дороге соснякам вдоль края поймы до р. Тоехты, на северо-запад через луга до д. Давыдово или Медведево – 8 км.

От д. Угоры до д. Полома (4 км), далее лесными дорогами до д. Никитино (7 км).

Вокруг гостевых домов можно проводить и более короткие лыжные прогулки – экскурсии. Возможно совмещение таких прогулок с посещением исторических памятников – церквей в д. Угоры и Георгиевское, святого источника у Шемятино, музея природы и мини-зоопарка на базе заповедника и т.п.

Ранняя весна

Для северной весны характерны стремительные изменения в природе – вчера еще шел снег, а сегодня светит яркое солнце, текут ручьи, появляются первоцветы и перелетные птицы. Ранняя весна – «весна света», март – лучшее время для лыжных путешествий.

Следующая фаза весны – «весна воды» – сопряжена с весенней распутицей, и напротив, оказывается самым сложным для путешествий сезоном. В этот период целесообразно проводить в основном однодневные радиальные маршруты в придолинном лесолуговом ландшафте и его окрестностях. В то же время, этот период чрезвычайно интересен для любителей природы. Со стационарных пунктов наблюдения на высоком берегу р. Унжи можно наблюдать пролет птиц. Из укрытий на болотах – следить за останавливающимися на них на кормежку гусями и журавлями. Можно посетить тока тетеревов и глухарей и понаблюдать за ними с фотоаппаратом. Можно увидеть ледоход на Унже и появление первоцветов на склонах долины правого берега и оврагов.

С середины – конца апреля начинается сезон водных путешествий. По высокой воде, во время весеннего половодья, очень интересными могут быть однодневные путешествия «в страну деда Мазая» – по затопленной полыми водами левобережной пойме р. Унжи. По полой воде возможны также водные путешествия на надувных лодках или байдарках по малым рекам.

Возможные маршруты путешествий по малым рекам:

По р. Кондоба вниз от пересечения с грейдерной дорогой, соединяющей д. Угоры и пос. Брантовка. Около 20 км до р. Неи, далее по

р. Нее около 20 км до г. Макарьев. Путешествие «экстремальное», с ночлегом в палатках и преодолением на р. Кондобе завалов упавших деревьев.

По р. Кастово от слияния с р. Иваньково до ур. Кастово, и далее до р. Унжи. Около 20 км. Возможно однодневное путешествие от ур. Кастово до р. Унжи.

По р. Пумино от ур. Калиевец до р. Унжи. Около 15 км.

По р. Тоехта от ур. Тоехта до р. Унжа. Около 12 км.

Три последних маршрута предполагают заброску туристов от нижнего течения рек вверх. Заброска может осуществляться автотранспортом высокой проходимости или же пешим маршрутом, с доставкой транспортом только тяжелых вещей. Эти маршруты предполагают также предварительную переправу через р. Унжу на моторных или весельных лодках, которая сама по себе представляется отдельным увлекательным путешествием. В то же время завалов на этих реках практически нет, и сам сплав не представляет трудностей.

В зависимости от способа проведения и желания путешественников маршруты могут занимать от 1–2 до 3–4 дней. В качестве мест ночлега можно использовать те же лесные избушки, что и для зимних маршрутов, или специально подготовленные «холодные» стоянки.

«Зеленая весна» и первая половина лета

Вторая половина мая и июнь – время птичьих песен и массового цветения растений. В то же время, это и наиболее сложный период для длительного нахождения в таежном лесу – из-за обилия кровососущих насекомых и высокой влажности. Поэтому для людей, не привыкших к таежным условиям, в этот период лучше планировать относительно короткие, 1–2-дневные путешествия. Это, во-первых, радиальные маршруты по правобережному лесолуговому ландшафту – для общего знакомства с природой или же тематические. Тематические маршруты могут быть посвящены наблюдениям птиц в пойме реки, в лесолуговом ландшафте или в лесах; знакомству с цветущими растениями или с отдельными представителями флоры.

Так, в мае возможен маршрут для знакомства с аспектом первоцветов на склонах долины реки; в июне – для наблюдения цветущего ириса сибирского, зарослей шиповника и гвоздики пышной на

пойменных лугах. Путешествия на левобережье также могут иметь ботаническую или орнитологическую направленность – здесь в это время можно наблюдать цветение венериного башмачка и других орхидных, а также большое разнообразие видов птиц, особенно у малых рек. Более опытные «таежники» в это время могут предпринимать и пешие походы по тем же маршрутам, что и зимой.

После того как сойдет основное половодье на реках, наступает время путешествий по средним рекам – Унже и Нее. В сочетании с «зелеными остановками» на берегах рек, с дневками на палаточных стоянках или в гостевых домах такие путешествия позволят познакомиться с разнообразием ландшафта, растительности и животного мира речных долин.

Возможные маршруты могут проходить по отрезкам р. Унжи между д. Карьково и г. Макарьев (около 40 км). В зависимости от потребностей и желаний групп здесь можно проводить сплавные маршруты разной длительности – от однодневных до 4–5-дневных. Отдельным маршрутом для более подготовленных групп может стать сплав по р. Нее от г. Неи до г. Макарьев.

Вторая половина лета и осень

С середины июля таежная природа становится более благоприятной для путешествий: уменьшается количество гнуса, воздух прогревается и становится менее влажным. Появляются ягоды – вначале черника, затем малина, начинается грибная пора. В середине июля еще много цветущего лугового разнотравья. Зацветает влаголюбивое высокотравье по низинам. В пойме средних рек цветет липа, озера покрыты цветущими кувшинками и кубышками. К рекам собираются во время послегнездовых кочевок птицы – как околоводные, так и лесные воробьиные.

Середина июля – середина августа – лучшее время для путешествий по средним рекам. Сплав на лодках или плотах в это время можно сочетать с купанием, отдыхом на обширных и малолюдных речных отмелях – пляжах, рыбалкой.

Наряду с водными путешествиями, в июле-августе можно предпринимать и пешие походы по тем же маршрутам, что и зимой. В это время возможно и более длительное, 5–7-дневное проживание в лесных избушках и в палаточных лагерях, сочетающее радиальные экскурсионные выходы с отдыхом, рыбалкой, сбором ягод и грибов.

Лучшее время года в Костромской тайге, наряду с мартовской «весной света» – «золотая осень». В лесах – обилие грибов и ягод. Часты ясные и тихие солнечные дни, холодные звездные ночи с утренними заморозками. Жарких дней уже нет, но и холода еще не наступили. Во время осеннего раскрашивания листьев и листопада особенно живописны леса в долине Унжи и у малых рек. Водные маршруты в это время менее привлекательны, чем весной и летом. В то же время, передвижение пешком и на автомобильном транспорте проще и требует меньших затрат сил и энергии. Август и сентябрь – оптимальный период для знакомства с разными типами лесов и болот, с особенностями различных ландшафтов. В это время наиболее целесообразно проведение учебных экологических лагерей и путешествий для студентов и школьников.

Заключение

В южной части лесной зоны Европейской России, в том числе и сравнительно недалеко от Москвы, существует несколько заповедных территорий, где во время экологических путешествий можно познакомиться с таежной природой. Мы провели краткое сравнение потенциальных возможностей Костромской тайги как территории экологического туризма с возможностями ее ближайших соседей.

Один из наиболее крупных сохранившихся массивов южной тайги расположен на территории Центрально-лесного государственного биосферного заповедника, в Тверской области, примерно в 350 км к северо-западу от Москвы. Здесь путешественники могут познакомиться с таежными лесами и болотами и их обитателями. Места в окрестностях заповедника безлюдные, леса менее нарушены рубками, чем в Приветлужье. Однако зимний климат здесь более мягок и изобилует оттепелями, что часто мешает передвижению на лыжах. Нет здесь также рек и озер, пригодных для водного туризма.

Примерно в 600 км к северу от Москвы, на территории Кирилловского района Вологодской области, расположен национальный парк «Русский север». Направление туризма на его территории преимущественно историко-культурное. Но немало и «дикой», малолюдной территории, где широко представлены различные таежные экосистемы, как лесные, так и болотные. На территории парка много озер, протекает река Шексна и малые реки. Но экосистемы

этих рек значительно изменены за счет постройки Шекснинского водохранилища. Берега рек подтоплены, сток зарегулирован. Малые реки частично входят в Северо-Двинскую водную систему и превращены в каналы – русла их спрямлены, берега укреплены.

В 100–150 км к востоку от Москвы, на территории Владимирской и Рязанской области расположены национальные парки «Мещерский» и «Мещера». В основе этих парков – река Пра и окружающие ее озера. Здесь река и ее пойма сохранились в состоянии, близком к естественному. Вокруг живописные сосновые леса Мещерского полесья. Однако местность эта, расположенная вблизи Москвы, достаточно густо заселена и интенсивно посещается людьми. Здешние леса и болота существенно пострадали, в том числе от пожаров лета 2010 г.

Лучше всего представлены как лесные, так и водные ландшафты таежной зоны в Валдайском национальном парке. Здесь, примерно посередине между Москвой и Санкт-Петербургом, сохранились таежные леса и болота, много живописных, мало нарушенных деятельностью человека водоемов – озер и соединяющих их рек. Все это в сочетании с обилием культурно-исторических памятников привлекает сюда множество туристов.

Сравнение показывает, что Ветлужско-Унженское полесье по возможностям для развития экологического туризма не уступает основным охраняемым территориям, расположенным в лесной зоне неподалеку от европейского центра России. Уникальная его особенность – «живые реки», минимально (по сравнению с речной системой других территорий) нарушенные человеческой деятельностью. Другие благоприятные для экологических путешествий черты территории – высокое ландшафтное и биологическое разнообразие, как на уровне видов, так и на экосистемном уровне; малая численность жителей, низкая посещаемость и в то же время сравнительная доступность.

Таким образом, в настоящее время территория Ветлужско-Унженского полесья обладает благоприятными условиями для экологического туризма и других форм экологически направленной рекреационной и образовательной деятельности, которые могут осуществляться здесь круглогодично. Необходимо отметить, однако, что эти условия легко могут быть утрачены в результате экологически необоснованного и нерационального хозяйственного использования территории.

Литература

1. *Абатуров Ю.Д., Письмеров А.В., Орлов А.Я.* Коренные темнохвойные леса южной тайги. М.: Наука, 1988. 189 с.

2. *Дудин В.А.* История Костромских лесов. Кострома: ДиАр, 2000. 256 с.

3. *Зайцев В.А.* Ключевые орнитологические территории Костромской области // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России. М.: Союз охраны птиц России. Вып. 4. С. 31–49.

4. *Зайцев В.А.* Позвоночные животные северо-востока центрального региона России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 513 с.

5. Костромское Заволжье. Природа и человек. Эколого-социальный очерк / Л. Ханс, Э.К. Бун, В.Н. Солнцев и др. (ред.). М.: ИПЭЭ РАН, 2001. 200 с.

6. Красная книга Российской Федерации. Т. 2: «Растения». 1988.

7. *Попов С.Ю.* Структура и динамика растительности вязово-ольховых лесов на Костромской таежной станции // Вестник ВООП. 2000. № 7. С. 20–27.

8. *Преображенская Е.С.* Предварительные итоги изучения растительности пойм малых рек в окрестностях Костромской биостанции ИПЭЭ РАН // Вестник ВООП. Вып. X. 2005. С. 30–46.

9. *Преображенская Е.С.* Экология воробьиных птиц Приветлужья. М.: КМК Scientific press Ltd., 1998. 200 с.

10. *Преображенская Е.С.* Южная тайга Волжско-Ветлужского полесья // Пространственно-временная динамика животного населения. Новосибирск: Наука, 1985. С. 20–34.

11. *Спиридонов А.И.* Геоморфология Европейской части СССР. М.: Высшая школа, 1978. 336 с.

12. *Формозов А.Н.* Звери, птицы и их взаимоотношения со средой обитания. М.: Наука, 1976. 310 с.

Глава 12. Разнообразие зоокомплексов в бассейнах Унжи и Ветлуги и их значение для рекреации, экологического туризма и образования

Восточное Заволжье Костромской области и прилегающие к нему районы Нижегородской области представляют собой территории, отличающиеся от западных и южных участков большими площадями сплошных лесных массивов. При показателе лесопокрытой площади в Костромской области 73,5% (к 2000–2004 гг.), в Унженско-Ветлужском междуречье и в Заветлужье лес произрастает почти на 90% территории. Вместе с площадями сельскохозяйственных земель и приречных лугов, протянувшихся широкими (до 7–10 км) лентами вдоль рек Унжи и Ветлуги, в северных районах Костромской области и в междуречьях, массивы леса разного возраста создают разнообразные условия жизни животных.

По направлению течения рек – притоков р. Волги – Неи, Унжи и Ветлуги, с севера на юг формируются основные пути пролета многих видов перелетных птиц: водоплавающих, околоводных, хищных и воробьинообразных. Субмеридианное распределение элементов ландшафтов (Солнцев, 2001): русел крупных водотоков, лесных массивов, способствует широкому проникновению северных и восточных видов животных к югу и южных, западных видов к северу. Данные территории находятся на стыке флоры и фауны подтаежных (смешанных) лесов и южнотаежных сообществ.

Разнообразный состав леса, включающий, наряду с характерными для европейской флоры южной тайги лесообразующими видами (ель, сосна, береза, осина, ивы), более южные породы (липа, дуб, вяз, клен) и виды с восточным ареалом (сибирская ель, пихта,

лиственница), разнообразный подлесок и наземный покров, создает условия для мозаичного сочетания на небольших территориях элементов фаун разного географического происхождения.

В настоящий период на данных территориях создан заповедник «Кологривский лес», представленный двумя кластерами (48 094,6 га и 10 842 га) и охранной зоной, Керженским заповедником в Нижегородской области, нескольким заказниками комплексного и зоологического порядков, среди которых – охраняемые миграционные стоянки гусей (у г. Кологрива).

Мониторинг видового состава и численности животных, предпосылки которого были заложены А.Н. Формозовым (1948, 1976 и др.) в 1920–1930 гг., систематически проводится на выделенных по программе Союза охраны птиц России ключевых орнитологических территориях – КОТР (Зайцев, 2002): «Мантуровское левобережье р. Унжи» («The left-bank of the Unzha River in Manthurovo area», 107900 га), «Кологривские разливы» («Flood-plain of Unzha-river by Kologriev Town», 3900 га), «Кологривский лес» («The Wood of Kologriev area», 130500 га), имеющих международное значение и на части своих территорий охраняемых режимом заповедника и заказника, а также и на территории вдоль р. Ветлуги («Flood-plain of River Vetluga»; Авданин, 2009). Регулярные (с 1975–1977 гг.; Баскин, 1984, 1991 и др.; Попов, 1998 и др.; Преображенская, 1985, 2003, 2007; Зайцев, 2006 и др.) исследования ведутся на Костромской биостанции ИПЭЭ РАН. Вместе с ключевыми участками в Нижегородской (Бакка, Киселева, 2001), Ивановской (Мельников, 2000) и Ярославской (Голубев, 2000) областях создается территориальная основа мониторинга обилия птиц и других животных.

Своеобразие природных условий, намечающаяся природоохранная организация и система мониторинга создают предпосылку для особого эколого-экономического развития Заволжья, предполагая как дальнейшее расширение системы охраняемых территорий, так и разные формы умеренного лесопользования, сельскохозяйственного производства, спортивной охоты и рыболовства. Перспективно развитие экологического туризма, совершенствование базы научных исследований и полевых практик студентов и школьников, которые уже реализуются на основе заповедника «Кологривский лес», Костромской биостанции ИПЭЭ РАН с участием кружковцев ВООП (Всероссийское общество охраны природы), студентов и преподавателей Ярославского, Костромского и Московского университетов, и развиваются в заповеднике и на туристических базах.

Цель данной главы – представление зоокомплексов и видов фауны позвоночных животных, отдельных природных объектов и

явлений, перспективных для развития экономики Заволжья и рекреации, в аспекте развития экологического туризма и полевых практик для учащихся, определение тем, наиболее подходящих для познавательных целей в условиях данного региона.

Для видов «охотничьей» и «рыболовной» фауны величина возможного изъятия части особей при спортивной охоте и рыболовстве не оговаривается. Данная проблема нуждается в особой разработке, и планируемая величина изъятия будет зависеть от эффективности мер пресечения нерегулируемой охоты, широко распространившейся в регионе с 1990 гг.

Определяя преимущественное значение видов фауны для тех или иных способов рекреации, следует учитывать особенности функционирования их в экосистемах и обилие. В этом случае большинство видов представляются перспективными и для экологического туризма, для других способов рекреации, а также, имеют значение в обеспечении экологической безопасности лесных территорий (например, при уничтожении вспышек численности насекомых-вредителей леса мелкими птицами), тем самым имея значение и для экономики.

Разнообразие фауны и специфика зоокомплексов наиболее наглядно выявляются в бесснежный период года, особенно весной и в начале лета, когда наблюдаются брачные ритуалы, полеты птиц.

Однако и наблюдения в другие сезоны года могут составить материал для характеристики разнообразия, распределения и использования животными местообитаний. Зимой результативны наблюдения за жизнью млекопитающих (лоси, кабаны, заяц беляк и др.) при использовании их следов, за тетеревиными и зимующими птицами.

Разнообразие фауны Заволжья

Исследования, проводимые в течение XX и в начале XXI в. (Формозов, 1948 и др.; Пузанов и др., 1942; Сапоженков, 1979 и др.; Кузнецов, 1992 и др.; Попов, 1998 и др.; Преображенская, 1984, 1998, 2003 и др.; Баскин, Зайцев, 2001; Колесова, 2004; Зайцев, 2006 и др.), позволяют определить в составе фауны позвоночных более 341 вида, среди которых присутствуют обычные, редкие оседлые, перелетные и периодически появляющиеся виды птиц и млекопитающих.

Таблица 12.1

Видовое разнообразие позвоночных животных восточного Заволжья и прилегающих западных районов Костромской и восточных районов Ярославской области

Классы животных	Восточные территории	Западные территории
Круглоротые	1	1
Рыбы	44–45 видов	43 + 6 (вероятных)
Земноводные	10 видов, 2 отр., 6 сем.	8
Пресмыкающиеся	6 видов, 2 отр., 4 сем.	5
Птицы	229–230 видов, 15 отр., 43–44 сем.	218
Млекопитающие	51–53 видов, 6 отр., 19 сем.	49

В сравнении с западными районами Костромской и с востоком Ярославской области восточное Заволжье обладает немного более обогащенным фаунистическим составом, исключая, вероятно, рыбообразных (табл. 12.1).

Небольшой диапазон в подсчете числа видов обусловлен недостаточным обследованием части территории региона, а также и различиями при выделении систематиками родов и видов. При сходстве основного ядра фауны данных территорий разнообразная фауна восточного Заволжья (более чем на 17–21 вид позвоночных) обусловлена присутствием на востоке Заволжья видов с восточными, северными и южными ареалами, расселяющихся и зимующих видов (*обыкновенная оляпка*, *таловка*, *глухая кукушка*, *бурундук*, *лесной лемминг*, *лесная соня*, *сибирский углозуб*, нескольких видов *полевок* и др.), отсутствием или очень небольшой численностью некоторых видов (*зеленая пеночка*, *бурый медведь*, *волк* и др.) на западных территориях, а также и отсутствием в настоящее время на востоке Заволжья ряда видов (*желтоголовая трясогузка*, *сизоворонка*, *серая куропатка*, *степной лунь* и др.). Некоторые виды (*подземная полевка*, *равнозубая бурозубка*, *черноголовый чекан*, *клуши*, *белый аист*) были зарегистрированы совсем недавно (Попов, 1998; Зайцев, 2006).

Для целей экологического туризма имеет значение разъяснение, касающееся динамики состава и обилия разных видов фауны. Еще в первой половине XX в., по некоторым сведениям – вплоть до 1950 гг., в Унженско-Ветлужском междуречье, где на больших площадях распространены лишайниковые сосняки, встречались север-

ные *олени*, с севера в Кологривский и другие районы (до широты г. Костромы) проникает *росомаха* (отмечена и в настоящее время), в Парфеньевском и других северных районах встречался *сибирский углозуб*, *лесной лемминг*. Имеются упоминания и о присутствии, вероятно, *соболя* (Сапоженков, 1979).

Значительные преобразования природы, произошедшие за 200–300 лет, сопровождались вырубанием больших площадей леса, возникновением площадей сельскохозяйственных угодий, водохранилищ. Вместе с активной охотой и рыболовством это способствовало изменению соотношения видов фауны, распространению одних (например, *славковых птиц*, *серой вороны*, *галки*, *воробьев* и других видов, связанных с человеком) и сокращению обилия некоторых животных (многих видов рыб, мелких птиц, крупных зверей и др.). В регион постепенно распространялись некоторые южные виды (*ястребиная славка*, *хомяк* и др.). С 1990 гг. происходит зарастание полей и лугов лесными молодняками, что является фактором сокращения численности животных открытых пространств (*жаворонка*, *дубровника*, *лугового чекана*, некоторых *куликов*) и увеличения обилия животных лесных молодняков (особенно *пеночки веснички*, *обыкновенной овсянки*, садовой и других *славок*) (Зайцев, 2006).

Большое значение для формирования экосистемных связей имела акклиматизация и реакклиматизация в 1950–1960 гг. *бобра*, ранее исчезнувшего в конце XIX и в начале XX вв., *ондатры*, *енотовидной собаки*, вселение с соседних территорий американской *норки*, с 1970 гг. – *кабана*. Для данных зверей акклиматизационный пик наблюдался через 20–30 лет после начала вселения, и такие виды, как бобр, норка и ондатра обладают в начале XXI в. высокой и устойчивой численностью. Обилие кабана медленно восстанавливается после интенсивного истребления с 1990 гг.

В настоящий период в наземной фауне к обычным, нередко встречаемым видам относятся почти 50% видов: земноводных и пресмыкающихся (67%), птиц (54%), млекопитающих (35%). Если птиц, лягушек и змей можно встретить визуально, то присутствие многих видов млекопитающих, в том числе крупных (медведей, лосей и др.) можно определить, встречая следы их деятельности на снегу или почве, поломанные и объеденные деревья, кустарник и др., что расширяет возможности демонстрации разнообразия фауны и особенностей жизни животных.

Фаунистические комплексы в качестве объекта для экологического туризма

В центральном и восточном Заволжье Костромской области становятся очевидны отличия фаунистических комплексов, характерных для западных территорий Восточно-Европейской равнины и ее восточных областей, что обусловлено расположением костромского Заволжья в широкой пограничной полосе между южной тайгой и смешанными лесами. Условная граница (линия) между данными зонами, определенная при изучении распространения *красной* и *красно-серой полевок*, проводится от р. Мезень Костромского района к г. Кадый и далее на восток (Крылов, 1983, 1988).

Своеобразие фаунистических комплексов севернее и восточнее границы заключается, прежде всего, в заметном увеличении численности ряда восточных и северных видов (*зеленой пеночки*, *глухой кукушки*, местами *пеночки таловки*, *азиатского бурундука*, красной и красно-серой *полевок* и др.). Вместе с более редкими видами (*сибирским углозубом*, *леммингом*, *росомахой*) и с видами типичной восточно-европейской и широко распространенной фауны они формируют фаунистическое ядро Заволжья.

Демонстрация зоогеографических особенностей распределения животных. Субмеридианное направление течения основных рек, широких полос лесных массивов междуречий и открытых местообитаний создает условия для распределения фаунистических комплексов: а) лесов, б) полей и лугов (среди которых выделяются комплексы видов материковых и приречных лугов), в) водных и околоводных местообитаний. Данное сочетание представляет собой основу для демонстрации особенностей распространения видов и их комплексов в пограничной полосе между фаунистическими зонами в пределах участков, пересекаемых однодневными маршрутами.

Большинство видов птиц и млекопитающих лесов обладает широкими толерантными зонами в использовании лесных местообитаний, отличие между которыми заключается, прежде всего, в соотношениях численностей основных видов (Зайцев, 2006). Различия между разными местообитаниями дополняются включением некоторых редких видов (например, *лесного жаворонка – юлы* в разреженных сухих сосняках; *глухой кукушки* в еловых лесах и их производных), а также и разным обилием многих видов.

Природные условия позволяют наглядно продемонстрировать своеобразие зоокомплексов. Особое значение имеет сопоставление

населения животных обширных еловых (и их производных) лесов правобережий крупных рек (Немды, Неи, Унжи, Ветлуги) и сосновых массивов с более разнообразной растительностью по депрессиям рельефа левобережий рек.

При схожем составе видов птиц и млекопитающих сосняки с лишайниковым покровом имеют обедненный состав видов, но повышенное соотношение некоторых из них (*зяблик*, *юрок*, *лесной конек*, *обыкновенная горихвостка*, обычная здесь и при падении численности с конца XX в., *дрозд деряба*, *козодой*, обилие которого особенно велико). На многих участках отмечается меньшая численность птиц (от 9–13 до 34 пар на 10 га к 1995–200 гг.) и мелких млекопитающих, в сравнении с ельниками правобережий (птиц от 23–39 до 50 пар на 10 га) с разнообразном травянистым и древесном покровом. В ельниках и их производных повышенное обилие имеют птицы семейства славковых (*садовая славка*, *черноголовка*, *пеночки* и *камышевки*), среди мухоловок – *малая мухоловка*. Увеличена доля овсянковых птиц, в то время как в сосняках правобережий – *зяблика* и *коньков*. По интразональным лентам сосняков распространяется ряд северных (*юрок*, особенно многочисленный в Заволжье на пролете, в прежнее время *северные олени*) и южных (*луговой конек*, *удод*, *садовая соня*) видов. Другие подобные виды (*бурундук*, *глухая кукушка*, *зеленая пеночка*) имеют повышенную численность на правобережье рек.

Благодаря обширным площадям ягодников (брусничников, особенно развитых на левобережных участках и по вырубкам правобережья, черничников, занимающих до 60–70% площади леса правобережья), повсеместно в лесу может поддерживаться высокая плотность тетеревиных птиц (от 27 до 50 и больше птиц на 10 км^2), медведя и некоторых других видов. Это имеет особое значение для развития охотничьего хозяйства. Урожайность брусничников в благоприятные годы достигает 0,6–1 кг (сырой вес) ягод на 1 м^2, черничников – до 0,2–0,3 кг.

Сравнение состава и обилия видов разных местообитаний и стадий сукцессии

Местообитания Заволжья представляют собой весь набор стадий сукцесии их фауны, начиная от комплекса недавно вырубленных участков до старовозрастного массива Кологривского леса, водоохранных лесов вдоль рек и озер, составляя основу для наблюдений и исследований смены комплексов фауны местообитаний.

Этапы восстановления фауны леса. На вырубленных участках в сухих местах можно наблюдать формирование комплекса видов,

включающих поселения с высокой плотностью *прыткой ящерицы*, в которых присутствуют ярко-зеленые взрослые самцы. Вырубки с кучами порубочных остатков и отдельными деревьями заселяют *обыкновенная овсянка*, *белая трясогузка*, но обычны и лесные виды (*дрозды белобровики*, *рябинники*, *зяблики* и *коньки*), использующие вырубку для сбора пищи, своих брачных песен и полетов (*лесной конек*, обыкновенная и глухая *кукушки*, *витютень*). Присутствует *обыкновенная полевка*. На вырубках с конца апреля по середину июня хорошо наблюдать токовой полет, «хорхание» и «цикание» *вальдшнепов*, пролетающих и вдоль русел лесных ручьев.

Начальная стадия формирования фауны вырубок. Через 3–4 года на зарастающей кустарником вырубке начинают гнездиться *садовые славки*, *камышевки*, формируется «славко-овсянковая» стадия восстановления фауны леса. В пограничной с лесом полосе наблюдается повышенная численность «светолюбивых» видов: *пеночки веснички*, *славок*, *коньков* и *дроздов*. Зарастающие вырубки, лесовозные дороги посещают тетеревиные птицы, которые поедают насекомых и ягоды, устраивают летом порхалища, «купаясь» в пыли поврежденной почвы и трухе пней. Над вырубками, особенно среди сухих сосняков, в темное время года ловят насекомых в воздухе *козодои*, гнездящиеся в лесу по соседству, днем *канюки*, *ястреб тетеревятник* и *перепелятник*.

Лоси и *зайцы беляки* в течение всего года находят обильную пищу в подросте ивы, осины и рябины, среди травостоя. Восстанавливающийся на вырубках лиственный лес, как и приречные кустарники, имеет наибольшее содержание веточного корма, используемого данными видами, особенно суровыми зимами: до 100–300 и больше кг на 1 га. Гниющие остатки деревьев с насекомыми, развившиеся брусничники привлекают *медведя*, усыхающие по краю леса ели, сосны и осины – *дятлов* (большого пестрого дятла, желну), а также гнездящихся в дуплах птиц: *серую мухоловку*, редкую *хохлатую синицу*, *горихвостку* и др. На вырубках, заболоченных лугах присутствует *пашенная полевка*. На некоторых вырубках с марта формируются новые тока *тетерева*.

Особенности фауны лесных молодняков. На вырубленных 10–15 лет назад участках плотность мелких птиц возрастает до 12–17 пар / 10 га, число гнездящихся видов – до 17. Восстанавливающийся лес на месте елового леса и на заброшенных полях в обилии заселяет *пеночка весничка*, встречается *сорокопут жулан*, увеличивается численность *садовой славки*, *чечевицы*; вырубки в сухих сосняках осваивают *лесные коньки*, *веснички* и *зяблики*. Однако постепенно исчезают *овсянки*, *луговые чеканы*, поселения *прыткой ящерицы*.

Через 15–20 лет зарастающие «частоколом» деревьев вырубки в еловом лесу менее пригодны для животных. Но их фауна постепенно приобретает типичный «лесной облик», формируется своеобразная «славково-зябликовая» стадия восстановления елового леса.

Постепенно исчезают остатки древесины, зарастают брусничники, в результате чего *медведи* менее используют эти места, задерживаясь в густом лесу, особенно вблизи ручьев, на безопасный дневной отдых. Густой верхний ярус угнетает лиственный подрост и подлесок, уменьшается количество корма *зайца беляка*. Однако лоси имеют возможность обломать высокие деревца и достать привлекательные побеги рябины, осины, ивы и сосны. На вырубках в сухом сосновом лесу, особенно разреженном преобладают лесные коньки и зяблики при небольшом обилии других видов, увеличивается численность *козодоя*, восстанавливаются некоторые прежние тока *глухаря* и *тетерева*.

Формирование комплекса фауны средневозрастного леса. К возрасту леса 30–40 лет число гнездящихся птиц возрастает до 21–35 пар на 10 га в ельниках и до 7–15 в сухих сосняках. Среди птиц появляются *зеленая пересмешка*, *серая мухоловка*, *мухоловка пеструшка*, а затем, в подрастающем хвойном лесу, *малая мухоловка* и *королек*. Среди разросшихся высоких кустарников (черемухи, ивы) увеличивается численность *славки-черноголовки*. В лесу еще обычны *веснички* и *садовые славки*, но одним из доминирующих видов становится *зеленая пеночка*. В заболоченном лесу с елью и сосной гнездится *овсянка-ремез*. На некоторых участках в Кологривском районе в ольховниках у ручьев наблюдаются рыхлые поселения *пеночки таловки*, в сосняках у болот – *юрка*. В лесу гнездятся *вальдшнепы*, *рябчики*, *глухари* и *тетерева*, *вяхири*.

Подрост деревьев и подлесок привлекают *зайца беляка* и *лося*, находящих обильную пищу по разреженным древостоям и окнам. Среди травостоя обитает *лесная мышь*, на отдельных участках с хвойными – *красная* и *красно-серая полевки*, в смешанном лесу *подземная полевка*.

Особенности комплекса фауны спелых и старовозрастных лесов. Дальнейшее развитие леса приводит к увеличению мозаичности распределения, усложнению структуры, ярусности растительности. Лес заселяют и кустарниковые виды (*славки*, *камышевки*), и птицы, гнездящиеся в травянистом покрове (*пеночки*, *коньки* и др.), и виды, заселяющие древесные ярусы (*белобровик*, *черный дрозд*, *деряба*, *мухоловки* трех видов, *зяблик*, *юрок*, *чиж*, *иволга* и др.). В спелом и старом лесу уменьшается доля видов, связанных в сво-

ей жизни с исчезающими лиственными деревьями верхнего яруса (*пересмешки*, *веснички*, *трещотки* и *теньковки*, *коньки*). Нередко снижается общая численность птиц (в 1,5–1,7 раза) по сравнению со средневозрастными древостоями, но возрастает разнообразие видов за счет включения специализированных в питании и способах добычи пищи видов среди насекомоядных и хищных птиц: *мухоловок*, *длиннохвостой неясыти*, *мохноногого сыча*, *филина*. Возрастает обилие *клеста*, *королька*, *белки*, красной (в сосняках с лишайником), красно-серой и рыжей *полевок*, в зеленомошных лесах крошечной *бурозубки* (Попов, 1998); среди *дятлов – желны* и *трехпалого дятла,* немногочисленного вида, характерного для таежных лесов.

Многие хищные птицы (*канюк*, ястребы, *змееяд*, *беркут*), голуби (*вяхирь*, *клинтух*), *ворон* гнездятся в спелом лесу, но охотятся в разреженном лесу и на вырубках. Толстые деревья представляют собой субстрат для дуплогнездников. Полости для гнезд образуются дятлами, в основном четырех видов, но синицы (*гаичка*, *лазоревка*, *хохлатая синица*) иногда сами выдалбливают полости в гниющих стволах и на месте упавших сучков. Кроме самих дятлов в дуплах гнездятся *мохноногий* и *воробьиный сычи*, *клинтухи*, в крупных полостях – *длиннохвостые неясыти*, в дуплах деревьев у берегов водоемов – *гоголи*. При невысокой плотности дятлов в центральном и восточном Заволжье (Зайцев, 2006) следы деятельности желны и большого пестрого дятла встречаются повсюду и в спелом лесу, и в молодняках вырубок, где дятлы занимаются поиском насекомых в валежнике и пнях.

В древней (до 600 лет) экосистеме Кологривского леса (980 га) выявлен 41 вид птиц, среди которых присутствуют и обычные лесные виды, и птицы, распространившиеся в массив по участкам вывала гигантских елей, зарастающих кустарником: *чечевица*, *садовая славка*, *черноголовка*, *камышевка* и *сверчок*. В лесу высока плотность *крапивника* (до 5–8 пар на 10 га), что связано с вывалом деревьев. Плотность населения *лося*, *зайца беляка* и *медведя* в старом лесу меньше, чем на окружающих вырубках. За долгие годы непрерывных рубок эти виды успешно приспособились к среде, совмещающей вырубленные в разное время площади и участки высокоствольного леса разного состава.

Значение для животных леса вдоль малых рек и ручьев. Особое значение для формирования населения животных имеют приречные места обитания вдоль малых лесных речек и ручьев, как правило, более увлажненные и с более разнообразной растительностью, чем на междуречьях. Плотность населения многих видов в та-

ком лесу нередко больше (до 2–6 раз), особенно вдоль речек среди ксерофильных сосновых боров. Вдоль ручьев и речек по депрессиям рельефа наблюдается почти все разнообразие видов, в том числе *прыткой ящерицы* по песчаным берегам и на участках вывала леса *бобрами*, *ужа* и *гадюки*, *веретеницы*, *ежа*, многочисленных *лягушек* (травяной и остромордой), *жаб*. Но в соседнем лесу заметно присутствие всего 5–15 видов.

Заросли кустарника и лиственных пород у речек – одни из основных мест обитания в регионе черного дрозда, здесь более обычны зайцы и лоси, продуктивность пастбищ которых возрастает после вывала по берегу деревьев бобрами. Депрессии рельефа на болотах и вдоль речек представляют характерные участки охоты змееяда, до 3 пар которых на 100 тыс. га гнездятся в Унженско-Ветлужском междуречье среди сухих сосняков.

Выходя весной из берлог, расположенных в труднодоступных местах в глубине лесного массива, многие медведи обследуют, прежде всего, берега речек, как и вырубки, где на открытых для солнца участках вегетация начинается раньше, чем в густом лесу. На вырубках медведи собирают бруснику прошлого урожая. В мае и начале июня участки гона медведей, на которых звери обдирают кустарник, кору ив и берез, пихт и елей, обламывают и валят осины, вытаптывая площадки, также обычно приурочены к берегам лесных речек и ручьев.

Специфика фауны болот

В лесах костромского Заволжья многочисленны болота разной площади, среди которых наиболее характерны низинные и переходные, вместе с характерными видами растений формирующие три основных типа: восточноевропейские сфагновые верховые, европейско-западносибирские сфагновые переходные и европейско-западносибирские травяные и травяно-гипновые болота (Карты..., 1974). Некоторые болота переходного типа, включающие участки низинных и верховых болот, образуют обширные (до 600 га и больше) болотные массивы (Суслова, 2001).

На многих болотах произрастает лес, ягодники брусники и клюквы, что создает условия для использования их видами лесной фауны животных, в том числе тетеревиными, среди которых в отдаленных от деревень местах еще сохранилась *белая куропатка*. Небольшие переходные болота, заросшие сосной, представляют

собой «островки» среди густого леса, на которых гнездятся лесной *конек*, *весничка*, иногда обыкновенная *овсянка* и другие птицы, характерные для разреженного леса и экотона между лесом и лугом. По окраинам болот и на небольших травянистых болотах среди леса наблюдается повышенное обилие *гадюки*, *ужа* и земноводных, в том числе редкого *углозуба*.

Фауна сфагновых болот с редкостойной сосной содержит меньшее количество гнездящихся птиц, среди которых преобладает *конек*, *серая мухоловка*, присутствует *горихвостка*. Здесь меньше и других животных. Однако площади с чередованием болот разных типов и сухих участков леса обычно используют разные животные, в том числе крупные звери (лоси, зайцы и медведи), хищные птицы (в том числе змееяд) и совы, охотящиеся в разреженном лесу. На обширных болотах с открытыми участками весной останавливаются на отдых гуси и журавли.

По составу видов несколько обособлены от других типов низинные болота с открытыми участками, водоемами. Здесь в число гнездящихся птиц входят *кулики* (*бекас*, *большой улит*), водоплавающие (*чирки трескунки*, *кряквы*), гнездятся *журавли*. В окрестностях обитает *полевка экономка*. При общем обедненном составе фауны болот среди леса эти местообитания способствуют увеличению мозаичности распределения животных, разнообразия фауны в пределах сравнительно небольших площадей.

Разнообразие фауны полей и лугов

Основные массивы полей и лугов расположены широкими лентами вдоль основных рек, к которым приурочено и основное число деревень. Состав фауны и обилие видов зависит от увлажненности местообитания (материковые и приречные), удаленности от реки.

Характерный комплекс видов. Комплекс видов полей и лугов включает немного основных гнездящихся видов, хорошо доступных для наблюдения (*лугового чекана*, *дубровника*, *желтую трясогузку*, заселяющих места с высоким сухим травостоем, обыкновенного *жаворонка*, характерного для полей с невысокой сухой растительностью, *перепела*, в прежние годы – *серой куропатки*).

В зарослях высокотравья и кустарника, как и у обширных вырубок, гнездятся *полевой* и *луговой луни*, среди камыша сырых мест – более редкий *болотный лунь*. Влажное высокотравье обычно

заселяют *камышевки*. На полях, в том числе и зарастающих лесом можно встретить редкого *лугового конька*.

В чередовании сухих и увлажненных участков, на пашнях общей большой площади (свыше 5 га), поселяется *чибис*, образующий на каждом крупном поле поселения до 2–5 пар. Для влажных лугов и окраин полей с высокими травами характерен *коростель*. Особенно высока плотность населения коростеля на влажных лугах недалеко от рек, где самцы токуют всего в десятке метров друг от друга. На поля в июне выводят из болотистого леса своих птенцов *большой улит*, *кулик-черныш*, гнездящийся на деревьях в старых гнездах дроздов. На заболоченных участках гнездится *бекас*. В мае на обширных полях начинается ток большого *кроншнепа*. Его голос, похожий на ржание, можно нередко слышать на полях в окрестностях г. Кологрива и вдоль р. Унжи, у заброшенных деревень, где отмечены небольшие поселения кроншнепа. Во многих других местах данный вид редок.

Вблизи ручьев в сочной траве, как и на заболоченных участках, можно встретить гнездящихся *веретенников*. На полях обитают мелкие млекопитающие, не характерные для леса: *полевая мышь*, в высокотравье – *мышь малютка*, хорошо лазающая по стеблям трав и устраивающая шарообразное гнездо из сухих трав. Но присутствуют и виды с широкими адаптивными зонами: *землеройки*, *кроты*, другие виды полевок, мышей и землероек. На сухих местах иногда можно заметить *хомяка*, проникшего в Заволжье с юга сравнительно недавно, у кустарника – *зайца русака*.

Значение мозаичного распределения полей, лугов и леса. Обилие птиц значительно возрастает в условиях чередования полей и лугов с зарослями кустарника, вдоль окраины леса. Некоторые птицы используют кустарник, деревья для поиска пищи, в качестве присады и песенных постов во время брачных демонстраций (*лесной конек*, *весничка*, *овсянка*, *северная бормотушка*, *садовая камышевка*), но место для гнезда выбирают в травостое у окраины леса или луга. Другие гнездятся в кустарнике у края леса, но пищу обычно добывают среди трав и кустарника (*обыкновенный сорокопут*, *садовая славка*, *серая славка*, которая особенно характерна для лугов, рудеральной растительности с кустарниками).

В пограничной зоне леса и поля, вырубок наблюдается повышенное обилие многих видов (всего до 60–130 особей на 10 га весной и летом), что обусловлено использованием животными открытых участков для сбора пищи, брачных демонстраций, и леса в качестве гнездовой стации. В пограничной зоне обычны большие *синицы*, небольшие колонии *рябинника*, который редок в глубине

лесного массива, замещаясь здесь белобровиком, дерябой и певчим дроздом. Недалеко от полей в средней части высоких деревьев нередко гнездятся *канюк*, *пустельга*, ставшая редкой с 1980-х гг. На полях они охотятся за более доступными грызунами. На высоких елях, на столбах высоковольтных линий устраивает гнезда *ворон*, также собирающий пищу на полях, скотомогильниках. Луга у леса используют и специализированные в добыче пищи лесные птицы. Например, при похолодании весной *серые мухоловки* ловят нелетающих насекомых с присад на высоких стеблях трав среди луга. С марта и в апреле-мае на некоторых полях у леса располагаются тока *тетерева*.

Мозаика местообитаний привлекательна и для пресмыкающихся (гадюка, уж), многих млекопитающих. Оптимальные места обитания зайца беляка, которые используются им в период падения численности с 1990 гг., расположены в кустарниках и по окраине леса. В период высокого обилия у окраин полей в апреле обычны «высыпки» зайцев, когда на небольшой площади концентрируются десятки особей, происходит гон. *Волки* обычно переходят по полям, а летом охотятся на птенцов (чибиса и др.), полевок.

В пограничной полосе между лесом и полем, вдоль широких дорог в лесу, у вырубок, в местах произрастания пихты в годы повышенной своей численности (до 1995 г.) был обычен *бурундук*. Однако при резком падении численности эти зверьки обитают в стациях переживания в лесу, у вырубок вдали от полей.

Места обитания *лисицы* в лесном Заволжье приурочены почти исключительно к открытым участкам и к экотону между полем и лесом, что предопределяет и общее ее ленточное распределение вдоль рек (Кинер, Зайцев, 2010). Устраивая норы в лесу на склонах оврагов и террасах ручьев, в темное время суток лисицы охотятся на полях, у окраин деревень. С августа, когда лисята начинают охотиться самостоятельно, они вечером часами проводят время у окраин полей, выслеживая и подкарауливая полевок. Нападая на полевку в глубоком снегу зимой, лисица моментально разгребает снег, выбрасывая столб снега высотой до 3 метров.

Своеобразие среды обитания, включающей чередование полей и лугов, зарослей кустарника и лесов, позволяет выделить их в особую группу лесополевых и лесолуговых местообитаний, имеющих характер экотонных сообществ в распределении растительности и животных. Подобными свойствами обладают также участки у вырубок, чередования леса с обширными верховыми и переходными болотами.

Своеобразие фауны приречных местообитаний

Как и предыдущий комплекс, приречные, околоводные местообитания имеют комплексный характер, совмещая в пределах небольшой площади участки лесной, полевой и луговой растительности на возвышенностях, террасах, заболоченные площади, зоны временного подтопления и водные поверхности рек и озер. Лес в пойме и на террасах содержит более обильные здесь южные виды деревьев и кустарников (дуба, вяза, лещины) и трав, что влияет и на повышенное обилие животных, в основном с южными ареалами: *дубровника*, *лазоревки*, *щегла*, *белоспинного дятла*.

Полный комплекс местообитаний развит в Заволжье, преимущественно вдоль крупных рек (Немды, Неи, Унжи и Ветлуги), включает озера старичного типа с распространенными по их берегам участками леса с дубом, вязом и другими южными растениями. На некоторых малых лесных речках (Кондоба, Княжая, Воймеж и др.) фауна приречья формируется при участии деятельности *бобров*.

Эти местообитания представляют собой особый интерес для туристов и охотников. Они содержат большинство представителей фауны, включая водоплавающих (*уток*, *гусей*, *крохалей*) и околоводных птиц (*куликов*, *чаек* и *крачек*, *погоныша*, *журавля*, *серую цаплю*, *выпей*), млекопитающих, связанных в своей жизни с водными пространствами.

На 10 километрах маршрута в мае, пересекающего долины рек и озер, можно зарегистрировать до 130–140 видов земноводных, пресмыкающихся и птиц, к которым следует добавить более 30 видов млекопитающих, менее доступных для наблюдения.

Разнообразие птиц значительно (более чем в 10 раз) возрастает в перелетный период (с конца апреля по конец мая), когда стаи водоплавающих и других птиц используют русло реки и озера в качестве ориентиров для перелета и как удобные для отдыха участки.

С таянием льда пролетают северные утки (морская *чернеть* и другие), которые сменяются стайками речных водоплавающих (*крякв*, *свиязей*, *чирков трескунка* и *свиступка*, *шилохвости*, *красноголового нырка* и *хохлатой чернети*, *гоголя*, *лебедя кликуна*, иногда и *лебедя шипуна*). Одними из первых появляются *чайки*: сизая и озерная. Многие чайки и крачки пролетают еще в середине мая. В их числе отмечены *восточная клуша* – вид, гнездящийся у побережья моря, а также большие стаи *малой чайки*, часть которых

гнездится у озер-стариц. Для северных водоплавающих и *куликов*, гнездящихся у водоемов тундры и северной тайги, характерны более поздние сроки пролета.

С конца апреля и в мае вдоль крупных рек (Немды, Унжи, Ветлуги), приречных лугов и полей пролетают гуси шести видов, в основном *белолобые гуси*, *гуменники* и *серые гуси*, останавливающиеся на отдых в расширениях поймы и на полях.

Птицы летят стаями, размер которых достигает сотни особей. Начинается пролет *журавлей*, а со спадом уровня весенних вод – многих видов *куликов*, останавливающихся на кормежку на сырых лугах, песчаных косах. Среди них обычны стаи *турухтанов*, начинающих свой своеобразный ток уже во время пролета, многочисленны *фифи* и *кулики черныши*. В стаях турухтанов отмечаются *ржанки* и *тулесы*. На лугах среди кустарника нередка *мородунка*, по берегам – *веретенник* и *большой улит*. Их брачные крики и токовой полет можно наблюдать и на реке, и на окружающих влажных лугах, где часть из них, как и *чибис*, гнездится. Над заболоченными лугами происходит токовой полет *бекаса*.

Луга вдоль Унжи и Ветлуги – одно из немногих в настоящее время мест, где еще можно наблюдать «высыпки» (до 5–12 птиц) и ток *дупеля*, который был гораздо обильнее в 1950–1960 гг. Низко над водной гладью пролетают небольшие стайки *большого* и *длинноносого крохалей*, на старицах останавливаются *чомги* и пары *лутков*. Своеобразный вид, обитающий на песчаных косах и берегах р. Унжи, – *кулик-сорока*, имеющий здесь повышенную численность (Сарычев, 1990) и образующий, вероятно, самостоятельную унженскую популяцию (Зайцев, 2006). Небольшие стайки этих куликов (до 5–7 птиц) перелетают в мае вверх и вниз по Унже, и с середины мая кулики гнездятся на песчаных берегах, активно защищая кладку от ворон, сорок и чаек.

Для рек 3 и 4 порядков Заволжья весьма характерен *перевозчик*, ставший редкостью на западных территориях. Реже встречается *малый зуек*, на пролете – *зуек галстучник*. Основная часть гнезд перевозчика расположена в нижней части крупных притоков Унжи и Ветлуги на песчаных берегах. В гнездовой период вид распространяется и по средней части их русел. У многочисленных стариц гнездятся *хохлатые чернети*, *свиязи*, *широконоски*, в дуплах деревьев у воды – *гоголи*. *Чирки свистунки*, *кряква*, реже *трескунки* заселяют в обычные годы все пригодные места, окружающие основное русло, в том числе мелиоративные каналы, небольшие лужи среди лугов, протоки (и гнездятся в них). Особенностью центральных и восточных районов Заволжья является малочисленность пастуш-

ковых птиц (*камышинцы*, *лысухи*), среди которых у стариц, в подтопленных кустарниках более обычен *погоныш*.

Рыбные богатства рек и стариц привлекательны для крупных хищных птиц-рыболовов и падальщиков. К первым относится *скопа*, охотящаяся за рыбой с полета. По рекам Унже и Ветлуге гнездится 6–10 пар скоп, устраивающих гнезда на соснах вдали от реки по окраинам верховых болот. Скопа – одна их немногих хищных птиц, позволяющих с расстояния несколько десятков метров наблюдать за своей гнездовой жизнью небольшим группам туристов. Известно гнездо, занимаемое птицами более 20 лет подряд.

Для Унжи и Ветлуги характерен *черный коршун*, имеющий здесь повышенную численность (до 4–8 пар на 10 км^2 приречных местообитаний). Этот вид собирает падаль по берегам рек, но охотится и на живую добычу, гнездится в укромных местах на высоких деревьях. Иногда вблизи водохранилища и вдоль рек появляются *орланы белохвосты*, гнезда которых известны в Нижегородской области (Бакка., Киселева, 2001), беркут и большие подорлики. В пойму залетают *змееяды*, привлеченные обилием гадюк и ужей.

В приречных местообитаниях обитают виды, связанные с водой, сырыми лугами и лесом, – *водяная полевка* и *кутора*. Два вида *норок* (американская и европейская, еще сохранившаяся в Заволжье) используют не только водную среду, но и лес, отдаляясь при сборе пищи, в том числе и зимой, на километры от рек. Малочисленна *выдра*, характерные места обитания которой представлены некоторыми притоками Унжи и Ветлуги. *Выхухоль*, использующая в основном водную среду, ранее была многочисленна (Пузанов и др., 1942; Сапоженков, 1979), но в настоящее время почти исчезла. К видам водной среды, строящим хатки из тростника и других трав, принадлежит *ондатра*, обитающая в старицах.

В пойме и на окружающих ее участках наблюдается повышенная плотность населения *ужа* (до 2–6 особей на 10 м), питающегося многочисленными травяными и остромордыми лягушками, жабами. В мае лягушки собираются в старицы на нерест, и через каждый метр береговой линии из леса в озеро за сутки перемещаются десятки и сотни особей разного размера.

Наряду с водными и околоводными видами приречная фауна содержит лесные, луговые и полевые виды животных, разнообразие и обилие которых в связи с экотонными свойствами местообитания значительно возрастают. Уже у берега Унжи, Ветлуги, озер, в зарослях черемухи, высоком лесу гнездятся *вяхири*, *канюки*, *коршуны*, многие мелкие птицы, в том числе *малая мухоловка* – характерный представитель темных хвойных и смешанных лесов, а на при-

речных лугах – *дубровник*, *луговой чекан*. По приречным участкам в регион распространяются *ястребиная славка* (Преображенская, 1998) и *белая лазоревка* (Зайцев, 2006). Среди лугов и кустарника особенно много *коростеля* и *соловья*, в лесу обычен *белоспинный дятел*, встречается *седой дятел*.

Весеннее половодье приводит нередко к гибели и выселению из поймы и подтопленного леса *землероек*, *крота* и *грызунов*, которые затем вновь заселяют эти участки. Однако с меньшей, чем на более сухих местах, плотностью. На склонах террас расположены норы *барсука* и *лисицы*. Осенью дубняки у озер-стариц посещают *медведи* и *кабаны*, собирающие опавший желудь. Обилие кустарника вдоль лесных речек, в том числе и на «бобровых» лугах, привлекают *лося* и *зайца беляка*. Некоторые участки у рек и болот традиционно используются лосихами во время родов. В эти места они переходят за многие километры вместе с сопровождающими их самцами. Вблизи небольших ручьев нередко строят выводковые логова кабаны.

Особенности фауны рыбообразных

Рыбы и миноги малодоступны для визуального наблюдения, удается отметить лишь некоторые особенности распределения и поведения рыб. В густой сети водотоков от р. Волги, представляющей в настоящее время расширение водохранилища, до верховий рек 3 и 4 порядков, в озерах-старицах и прудах рыбы распределены неравномерно. С продвижением по рекам к их верховьям значительно сокращается число обитающих в них видов. Если водохранилище, крупные реки и озера заселяют до 38% (37–38) видов рыб, то в средних и малых реках их число уменьшается до 23% (до 25) и менее. Снижается число рыб (*судак*, *берш*, *подуст*, *жерех*, *чехонь*, *густера* и др.) широких акваторий. В верховьях обитают *хариусы*, обыкновенные *гольяны*.

Комплекс видов лесных речек (Сеха, Понга, Кисть, Княжая, Кастово, Пумино и др.) представлен всего 5–9 видами, в том числе *щукой*, *окунем*, *хариусом*, *ельцом*, *пескарями* (обыкновенным и белоперым) и *щиповками* (обыкновенной и сибирской) и в некоторых местах с перекатами и галечным дном – *подкаменщиком*. Небольшое разнообразие видов верховий рек, ручьев компенсируется нередко повышенным обилием некоторых из них.

При продвижении от р. Волги к верховьям ее притоков и ручьев возрастает доля придонных рыб, составляющих здесь до 50–54% от

числа видов. Пелагические рыбы верховий представлены видами (*хариус*, *елец*, мелкий *окунь*), придерживающимися также, в основном, придонных слоев воды в углублениях (Зайцев, 2006).

Особые условия для жизни рыб складываются в озерах-старицах, в половодье соединяющихся с реками. В это время в озера заходят многие виды: *щуки*, *лещи*, *плотва*, *окунь*, *карп*, часть из которых после спада воды пополняет местные группировки. Зимой в некоторых озерах начинаются заморы, приводящие к массовой гибели рыбы.

Обычные виды Заволжья, имеющие значение для рыболовства, представлены *щукой*, *лещом*, *окунем*, *плотвой*, *карасями* (*серебряным*, встречающимся в реках, и *обыкновенным*, заселяющим нередко заросшие пруды и старицы), реже карпом, проникающим, вероятно, с рыборазводных прудов. К ним добавляются *судак* и *берш*, *красноперка* и некоторые другие. В незагрязненных водах обычны *ельцы*, *пескари*, *ерши* и другие мелкие рыбы. Ежегодно в прибрежном мелководье рек, в руслах ручьев происходит скопление миллионов мальков. Сосредоточение в этих местах спасает их от водных хищников.

Особенностью рек бассейна р. Унжи является значительное обилие хариуса, заселяющего притоки 3 и 4 порядков, но не характерного в настоящее время для основного ее русла, присутствие в них подкаменщика. В среднем и нижнем течении Унжи хариус более обычен в ее правобережных притоках. В речках ее левобережья, вода которых более окрашена гуминовыми кислотами, численность многих рыб (лещ, подкаменщик, хариус) снизилась после лесного пожара в 1970 г. Во многих притоках р. Ветлуги хариус не обнаружен.

Единственный в настоящее время представитель круглоротых – ручьевая *минога* – встречается в некоторых речках с быстрым течением, наносами песка и гальки (Вонюх, Чемжа и др.). После икромета на перекатах взрослые миноги погибают. Появившиеся из икринок личинки – пескоройки обитают в толще песка, превращаясь во взрослых непитающихся особей через 5–6 лет (Яковлев и др., 2001; Решетников и др., 2003).

Особые зоологические объекты и явления, которые могут быть использованы для экологического туризма

Среди объектов, представляющих особый интерес для экологического туризма, выделяются миграционные остановки гусей

и других водоплавающих, тока глухаря и тетерева, тяга вальдшнепа и бобровые зоокомплексы. Особый объект представляет собой лосиная ферма в с. Сумароково Костромского района с окружающими территориями – заказником. Демонстрация гнезд хищных птиц (*змееяда*, *беркута*, *скопы*, *коршуна*, *ястребов* и др.) ограничена в связи с фактором беспокойства, но возможна после вылета птенцов из гнезда. Небольшое число туристов и учащиеся могут принять участие в поиске гнезд вместе с орнитологами.

Миграционные стоянки гусей. Пролетая весной на северные гнездовья, гуси останавливаются на отдых в расширениях пойм рек среди лугов, на полях и обширных безлесных болотах. Известно несколько мест, где наблюдаются значительные их скопления в мае: на водохранилище, у г. Мантурово, г. Кологрива, в пойме р. Ветлуги, на Выгорском болоте, в Чухломском районе.

Наиболее перспективна для туризма Кологривская миграционная остановка гусей шести видов, возникшая с 1980 гг. после сооружения в пойме Унжи дамбы. Общая численность отдыхающих весной гусей достигает 5–6 тыс., иногда и больше. Одновременно на стоянке регистрировали свыше 3,5 тыс. гусей, в основном *белолобых*, составляющих 80–90% общей численности. Кроме них обычны *гуменники*, *серые гуси*, стайки *пискульки*. Встречается *краснозобая* и *белощекая казарки*. Окрестные поля формируют дополнительный фактор длительного их присутствия (до 20 чисел мая). Отдыхая большими стаями в пойме, на кормежку гуси перелетают на поля, особенно в период сева, когда их стаи собирают посевное зерно за трактором.

Кроме гусей в пойме обитает повышенное количество уток (*крякв*, *широконосок*, *чернетей*, *красноголового нырка*), среди куликов – *кулика сороки*, *веретенника*, на полях *кроншнепа*. На стоянке отдыхают также *журавли*, *лебеди кликуны*, *крохали*, *чайки* и *крачки*. Обычны *луни* и *коршуны*, гнездятся *ушастая* и *болотная совы*, *вяхири*.

Окрестные леса и поля заселяют характерные виды птиц и млекопитающих, среди которых в пограничной полосе леса и поля, в перелесках, кустарниках у воды особенно многочисленны лесные *коньки*, обыкновенные *овсянки*, *варакушки*, *полевые жаворонки*, *дрозды*, встречается *перепел*, в деревнях – *каменки* и *ласточки касатки*.

Тока тетерева и глухаря. Обилие тетеревиных птиц всегда было характерной особенностью заволжских лесов (Формозов, 1976; Пузанов и др., 1942). В 1980–1990 гг. на глухариных токах в марте и апреле отмечали десятки птиц, однако с 1990-х гг., с уси-

лением пресса нерегулируемой охоты, вырубания части сосняков и смешанного леса на токах, происходит исчезновение многих токовищ.

Крупные тока еще сохранились в Кологривском районе (сейчас на заповедной территории), в некоторых других местах. Однако с вырубанием леса они исчезают, замещаясь небольшими токами при дисперсном распределении токовиков (Зайцев, 2006). Тем не менее, наблюдения тока глухарей в остатках мшистых сосняков, у окраин верховых болот – обычны. В восстанавливающихся лесах, особенно сосняках брусничниковых, образуются тока (вероятно, на месте прежних), на которых токует до 5–7 петухов. Токовая песня глухаря наблюдаются и осенью с наступлением холодов, но интенсивность осеннего тока бывает меньше, чем весной.

Тетерева обычно с марта токуют в разреженном лиственном, смешанном лесу, на полянах, у окраин леса, на вырубках, а также и на полях у леса, где до 2000 г. встречалось до 6–9 токовиков. Стаи тетерева в 1980-х и в начале 1990-х гг. зимой достигали 40–60 птиц. В настоящее время крупные тока известны среди подрастающих сосняков и березняков левобережья р. Унжи, на севере области. Однако и в других местах ток самцов тетерева обычен и в настоящее время. При надлежащей охране и организации охоты перспективна охота на глухаря и тетерева на токах.

Тяга вальдшнепа. В обширном лесу Заволжья вальдшнеп достигает высокой численности. На 100 тыс. га здесь в начале 2000-х гг. гнездилось 1,3–5 тысяч птиц в разные годы (Зайцев, 2002). Ток вальдшнепа с характерным токовым полетом происходит со стаиванием в лесу снега в апреле и до середины июля. В предзакатные часы над лесом, особенно над молодняками и вдоль ручьев, пролетает до 15–26 куликов за час. Высокое обилие вальдшнепа (гнездящегося по 2–7 пар на 1 км^2) наблюдается и в лесополевых местообитаниях вдоль крупных рек. Здесь в апреле и мае регистрировали до 18 птиц за 1 час. Возвратные холода в мае (например, в 2000 г.) приводят иногда к массовой гибели кладок, что ведет к снижению численности в последующие несколько лет. Тем не менее, и в этот период тяга представляет собой одно из наиболее интересных природных явлений.

Бобровые зоокомплексы. После реакклиматизации в 1950–1960 гг. бобр широко распространился в областях Центральной России, в том числе и в Костромской области (Baskin, 1998), заселив и крупные реки, озера, и небольшие лесные ручьи, мелиоративные каналы. Непременным условием возникновения поселений бобра является лес, подступающий к берегу водоема. В Заволжье

при обилии бобра его поселения возникают и на ручьях шириной всего 0,5–0,6 м.

Бобры строят плотины, перекрывая разлившуюся реку или ручей. Наибольшие из них достигали в длину свыше 100 м на пойменном лугу и до 75 м – в лесу.

Только на мелких лесных ручьях, в подтопленной их пойме в Заволжье встречены хатки бобров. Основными убежищами являются норы в откосе берега и реже полухатки, представляющие собой нору, закрытую сверху отрезками стволов деревьев. Уровень воды перед плотиной повышается до 1,5 м и больше, а в половодье весной, как, например, на р. Родле (приток Понги), до 6–7 м, что выявляется по расположению нор высоко на террасе (Зайцев, 2006). Возникают водоемы – бобровые пруды, площадью в тысячи квадратных метров. Подтопленный лес или обгрызается бобрами, или вываливается, как и деревья (осины, ивы, березы, реже хвойные), вдоль берега на удалении до 13–14 м от кромки воды (Синицын, 1992; Баскин и др., 2004), в местах, где отсутствуют волки и медведи, бродячие собаки, охотящиеся за бобрами, – свыше 20 м.

Бобры перекрывают плотинами и более крупные лесные речки, в берегах которых устраивают многочисленные норы, каналы и желоба, по которым они транспортируют отрезки стволов и ветви. Летом бобры выходят на пойменные луга, поедая таволгу и другие травы.

Деятельность бобров формирует своеобразные ландшафтные структуры (Синицын, 1992; Болысов, Синицын, 2000), создает среду обитания для ряда видов животных. В бобровых прудах нередко меняется соотношение численности видов рыб, становятся более обычными *щиповки*, другие виды, предпочитающие медленное течение, но снижается численность *налима* и других видов, характерных для более быстрого течения. Мелкие рыбы появляются и на ручьях, где они ранее отсутствовали. Обилие земноводных на крупных прудах привлекает *щуку*. Однако плотины на лесных речках препятствуют перемещению рыб, создавая условия для этого в основном в половодье.

В подтопленном кустарнике и на бобровых лугах появляются птицы, характерные для тихих водоемов, болот, заросших камышом: *трясогузки*, *камышовая овсянка*. В таких местах более многочисленны *камышевки*, *славки*, *пеночки* и *пересмешка*.

Меняется и окружающая водоем растительность. Образуются лесосеки бобров с поваленными ими деревьями (осинами, ивами) на сотнях квадратных метров. На сухих берегах в таких местах воз-

никают поселения прыткой ящерицы, функционирующие после ухода бобров еще несколько лет до зарастания лесом.

Бобры последовательно используют лес вдоль водоема, через несколько (5–6) лет перемещая свои поселения (Синицын, 1992), плотины, что способствует динамике распределения пресмыкающихся и других животных (Зайцев, 2006). На оставленных бобрами участках возникают также бобровые луга, кочкарники, занимающие нередко значительную часть поймы. Древесная растительность на лугах восстанавливается медленно, окраины поймы, как и лесосеки на сухих берегах, зарастают кустарником, порослью осины, что увеличивает продуктивность приречных пастбищ лося и зайца беляка (до 950–4000 кг на 1 га). Меняется видовой состав птиц, появляются виды, характерные для ранних стадий сукцесии. Увеличенная плотность растительноядных животных привлекает хищников, в том числе птиц, охотящихся на открытых пространствах, а также летучих мышей, охотящихся за насекомыми в воздухе.

В настоящее время местообитания, образующиеся при участии бобров, представляют собой одно из наиболее характерных свойств структуры ландшафтов Заволжья и легко доступны для демонстрации средообразующей деятельности этого вида.

Виды животных, перспективные для развития охоты и рыболовства, и состояние численности основных из них

Среди рыб, обитающих в реках Заволжья и в Горьковском водохранилище, 26 видов, включая ряд мелких рыб (*уклейка*, *елец*, *пескари*) представляют интерес для спортивного рыболовства. После прекращения молевого сплава леса медленно возрастает численность *сома* (выловленные экземпляры достигают веса 40–70 кг), *налима*. Появляется *стерлядь*.

Однако обычное использование населением сетей, в 1990-х гг. электролова, иногда взрывчатых веществ, ограничивает рост обилия многих видов рыбы.

К видам охотничьей фауны птиц, за исключением редких охраняемых видов (*белая куропатка*, *серая куропатка*, *гаршнеп*, *пискулька*), принадлежат 67 видов, среди которых – до 10 могут быть причислены к основным объектам охоты. К ним относятся обычные и многочисленные в лесах региона *глухарь*, *тетерев*, *рябчик*, *вальдшнеп*, перелетные и пролетные утки (*кряква*, *чирки свистунок*

и *трескунок*, *свиязь*), *турухтан* и другие виды куликов, дикие голуби – *вяхири*.

Для охотников-спортсменов наиболее перспективна охота весной и осенью на тетеревиных птиц, вальдшнепа, водоплавающих.

К 2000 гг. обилие тетеревиных, вальдшнепа, вяхиря снизилось в 3–5 раз. В число причин этого входит и нерегулируемая охота, и разрушение крупных токов глухаря и тетерева. Численность рябчика в периоды ее увеличения достигала 2,3–3,4 тыс. на 100 тыс. га в Мантуровском районе, тетерева – 2–2,9 тыс. и глухаря – 2–4 тыс. (Зайцев, 2002). При надлежащей охране она может превысить 5–5,5 тыс. для рябчика, 3–3,5 тыс. для тетерева и до 4–4,5 тыс. для глухаря.

Число млекопитающих, перспективных для развития спортивной охоты, достигает 16 видов, включая крота. Особый интерес представляют *лось*, *кабан*, *заяц беляк*, *бурый медведь*, *американская норка*, *куница*, *барсук*, *лисица*, *бобр*, *ондатра*, более редкие *волк* и *рысь*, а среди перечисленных зверей особенно – лось, заяц, кабан и медведь.

Плотность населения лося в Заволжье к 1980–1990 гг. достигала 2–4 особей на 10 км^2 (Баскин, 1984; Baskin, 1994; Зайцев, 2000). Но с 1993–1994 гг. к 1999–2000 гг. в результате нерегулируемой охоты она упала более чем в 10 раз, не превышая 0,5 на 10 км^2 (Зайцев, 2003 а). Охота на лося проводилась в течение всей зимы, особенно в марте по насту, в мае, петлями во все сезоны года.

К 2006–2010 гг. обилие лося в лесу возросло до 0,8–1 особи на 10 км^2, что обусловлено снижением интенсивности охоты. Плотность в наиболее благоприятные годы, тем не менее, значительно меньше, чем возможные ее значения при прекращении охоты. Высокая продуктивность пастбищ (Зайцев, 2006) позволяет поддерживать плотность на уровне не менее 10–15 зверей на 10 км^2. Такую плотность лось может достичь не менее чем через 10 лет.

Благополучие кабана существенно зависит от обеспеченности пищей зимой, прежде всего зерновыми, картофелем на полях. Обилие кабана с 1990-х гг. при интенсивной охоте упало более значительно, чем у лося, – до 0,5–0,7 на 100 км^2, но возросла до 1–1,5 к 2003–2004 гг. (Зайцев, 2006) и продолжает медленно увеличиваться. Дальнейший рост численности возможен при увеличении площадей посевов и специальной подкормки. Плотность кабана может достичь 5–8 особей на 10 км^2 лесополевых местообитаний.

К 1989 г. в Мантуровском районе обитало 14–15 медведей на 25 тыс. га леса, но к 1994–1995 гг. – всего 9 (Баскин, 1996). Плотность населения медведей в лесу к 1989–1990 гг. еще достигала 0,8–1,3

на 10 км^2, но уже к 2000 г. упала почти в 2 раза (Зайцев, 2006). На овсяные поля среди леса выходило сразу до 2–3 медведей, которых встречали и днем. Усиленная охота на овсах, которая представляет основной способ добычи данного зверя, сокращение площадей посевов этой культуры привели к снижению численности.

В менее доступных для охотников местах, например, на севере Кологривского района, на левобережье р. Унжи, сохранялась плотность до 0,6 на 10 км^2, которая увеличивается в настоящее время после создания заповедника и охранной зоны.

В то же время в освоенных охотниками лесах правобережья Мантуровского района к 2009–2010 гг. на 10 км^2 обитало не более 0,2–0,3 зверя небольшого размера. Интенсивная охота на овсах, посевы которых в лесу специально поддерживаются охотниками, является причиной возникших различий в распределении медведей, ограничивая рост их численности. Дальнейший рост численности и развитие спортивной охоты на овсах, на берлоге, возможны только при усиленной охране.

В отличие от предыдущих видов, сокращение обилия зайца беляка до 18 раз началось с 1989–1991 гг. и с 1996 к 2010 г. вследствие естественных причин (Зайцев, 2003 б; 2006; Зайцев, Криницын, 2010). В лесу Мантуровского района плотность беляка достигала 40–80 особей на10 км^2, у опушек и кустарников – до 100 и больше. Но к 2009–2010 гг. она не превышала уже 8–15 особей. Плотность населения возрастает к югу от севера Кологривского района (Зайцев, 2006). Глубокое падение численности ограничивает использование данного вида в целях охоты. По данным математического прогнозирования, численность зайца может достичь своего предшествующего уровня через 10–15 лет.

Естественная составляющая динамики численности находится в основе снижения численности многих видов охотничьей фауны, а также и других животных.

Нерегулируемая охота, обусловленная социально-экономическими причинами с начала 1990 гг., является основной причиной падения численности крупных млекопитающих, затем и связанных с ними трофически хищников (волк, рысь).

Заключение

Разнообразие природных условий Заволжья, являющегося следствием сочетания элементов флоры и фауны в широкой по-

граничной полосе между зонами тайги и широколиственных лесов (подтаежных лесов и южной тайги), чередования обширных массивов леса с селитебными местообитаниями, формирует своеобразные комплексы животных, что представляет значительный интерес для организации экологического туризма и другой рекреации.

Перспективной тематикой для туризма представляется демонстрация специфики зоокомплексов пограничной зоны в системе разнообразных местообитаний, характеристик условий жизни разных видов и влияния деятельности человека на формирование сообществ, распределение и обилие видов, в том числе и в аспекте сезонной динамики. Этому соответствует развивающаяся система охраняемых территорий, базы для мониторинга и научных исследований.

Потенциально высокая численность охотничьих видов животных и рыб обусловливает одно из направлений экономического развития Заволжья. Однако развитие охотничьего туризма и рыболовства в настоящий период может испытать трудности, связанные с периодом падения численности многих видов животных вследствие нерегулируемого их использования, и требует усилий для организации охраны животных и их среды обитания.

Литература

1. *Авданин В.А.* 2009 Ключевая орнитологическая территория «Пойма реки Велуги» («Flood-plain of River Vetluga»). Web сайт Союза охраны птиц России.

2. *Бакка С.В., Киселева Н.Ю.* Ключевые орнитологические территории Нижегородской области // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России. Вып. 3. М.: Изд-во Союза охраны птиц России, 2001. С. 98–110.

3. *Баскин Л.М., Синицын М.Г., Барышева С.Л.* Питание и оборонительное поведение бобра (Castor fiber L.) в южной тайге / Биотехнология – охране окружающей среды. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 25–27.

4. *Баскин Л.М.* Лось // Животный мир южной тайги. М.: Наука, 1984. С. 45–72.

5. *Баскин Л.М.* Популяционная экология лося в русской южной тайге / Третий междун. симпоз. по лосю. Сыктывкар: АН СССР, 1991. С. 98.

6. *Баскин Л.М.* Бурый медведь в России: есть ли у него будущее? // Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы. Т. 101. Вып. 2. 1996. С. 18–29.

7. *Баскин Л.М., Зайцев В.А.* Животный мир // Костромское Заволжье: природа и человек. М.: Изд-во ИПЭЭ РАН, 2001. С. 103–118.

8. *Болысов С.И., Синицын М.Г.* Эколого-геоморфологические аспекты функционирования бобровых поселений в южной тайге европейской части России (бассейн р. Унжи) / Геоморфология на рубеже XXI в. IV Щукинские чтения. Труды (колл. авт.). М.: Изд-во географ. ф-та МГУ, 2000. С. 594.

9. *Голубев С.В.* Ярославская область // Ключевые орнитологические территории России. Т. 1. М.: Изд-во Союза охраны птиц России, 2000. С. 190–200.

10. *Зайцев В.А.* Использование участков обитания и пространственная структура популяций у лесных копытных Artiodactyla // Зоол. журнал. Т. 70. 2000. № 4. С. 397–411.

11. *Зайцев В.А.* б. Ключевые орнитологические территории Костромской области // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России. М.: Союз охраны птиц России. Вып. 4. 2002. С. 31–49.

12. *Зайцев В.А.* а. Изменение плотности населения и возникновение миграций и кочевок лосей *Alces alces* в связи с беспокоящими зверей факторами / Териофауна России и сопредельных территорий. М.: Изд-во ИПЭЭ РАН и териол. общ-ва, 2003. С. 133.

13. *Зайцев В.А.* б. Изменение численности и размещения в местах обитания зайца беляка Lepus timidus и рыси Lynx lynx на востоке Костромской области / Териофауна России и сопредельных территорий. М.: Изд-во ИПЭЭ РАН и териол. общ-ва, 2003. С. 133 – 134.

14. *Зайцев В.А.* Позвоночные животные северо-востока Центрального региона России (виды фауны, численность и ее изменения). М.: Т-во научных изданий КМК, 2006. 513 с. + 8 вкл.

15. *Зайцев В.А.* Динамика численности птиц и млекопитающих (Центральный регион России). Факты и гипотезы // XXIX Международный конгресс биологов-охотоведов (тез. докладов). М. ЦМТ, 2009 (+ компакт-диск расширенного сообщения).

16. *Зайцев В.А., Криницын И.Г.* Динамика численности зайца беляка (*Lepus timidus*) на северо-востоке Центрального региона России // Международная конференция «Регионы в условиях неустойчивого развития» (28–30.04 2010. Кострома) (в печати).

17. Карты растительности Европейской части СССР, 1974. М. 1 : 2500 000.

18. *Кинер Т.В., Зайцев В.А.* Структура ареала обыкновенной лисицы (*Vulpes vulpes L.*) в лесной зоне Восточной Европы // Сибирский экологический журнал. 2010. №1. С. 163–172.

19. *Колесова Т.М.* Видовое многообразие земноводных Костромской области / Биоразнообразие Верхневолжья. Современное состояние и проблемы сохранения. Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2004. С. 128.

20. *Крылов Д.Г.* Зоогеографическая граница в Костромской области / «Грызуны». Материалы VI Всес. совещания. Л.: Наука, 1983. С. 16–18.

21. *Крылов Д.Г.* Еще раз о зоогеографической границе в Костромской области / Сб. «Грызуны». Тезисы докл. VII Всес. Совещ. Т. 1. Свердловск, 1988. С. 99.

22. *Кузнецов А.В.* Хищные птицы Костромской низменности // Современная орнитология. М.: МГУ, 1992. С. 86–93.

23. *Мельников В.Н.* Ивановская область // Ключевые орнитологические территории России. Т. 1. М.: Изд-во Союза охраны птиц России, 2000. С. 201–208.

24. *Попов И.Ю.* Структура и динамика населения мелких млекопитающих в связи с сукцессиями растительности в Европейской южной тайге // Автореф. дисс. канд. биолог. наук. М.: ИПЭЭ РАН, 1998.

25. *Преображенская Е.С.* Численность и распределение массовых видов воробьиных птиц в гнездовой период / Животный мир южной тайги. М.: Наука, 1984. С. 74–83.

26. *Преображенская Е.С.* Южная тайга Волжско-Ветлужского полесья / Пространственно-временная динамика животного населения. Новосибирск: Наука. 1985. С. 20–34.

27. *Преображенская Е.С.* Экология воробьиных птиц Приветлужья. М.: KMK Scientific Press Ltd., 1998. С. 1–200.

28. *Преображенская Е.С.* Многолетняя изменчивость численности зимующих птиц Ветлужско-Унженской низменности // Вестник ВООП, вып. 9. 2003. С. 1–14.

29. *Преображенская Е.С.* Динамика численности лесных зимующих птиц Восточно-Европейской равнины и Урала (некоторые итоги работы программы «Parus») / Динамика численности птиц в наземных ландшафтах. М.: ИПЭЭ РАН, 2007.С.39–59.

30. *Пузанов И.И., Кипарисов Г.П., Козлов В.И.* Звери, птицы, гады и рыбы Горьковской области. Горький: Горьковское областное изд-во, 1942. С. 1–452.

31. *Решетников Ю.С., Попова О.А., Соколов Л.И., Цепкин Е.А., Сиделева В.Г., Дорофеева Е.А., Черешнев И.А., Москалькова К.И., Дгебуадзе Ю.Ю., Рубан Г.И., Королев В.В.* Атлас пресноводных рыб России. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 1–379.

32. *Сапоженков Ю.Ф.* Редкие и вымершие животные Костромской области // Природа Костромской области и ее охрана. Ярославль: Верхнее-Волжское кн. изд-во, 1979. С. 143–159.

33. *Сарычев В.С.* Материковый подвид кулика-сороки – кандидат в Красную книгу РСФСР / Итоги изучения редких животных. М., 1990. С. 12–46.

34. *Синицын М.Г.* Использование сверхкрупномасштабных аэрофотоснимков в изучении поселений бобров (*Castor fiber*) // Зоол. журнал. 1992. Т. 71. Вып. 7. С. 130–139.

35. *Солнцев В.Н.* Ландшафты / Костромское Заволжье. Природа и человек. М.: Изд-во ИПЭЭ РАН, 2001. С. 119–129.

36. *Суслова Е.Г.* Растительность / Костромское Заволжье. Природа и человек. М.: Изд-во ИПЭЭ РАН, 2001.С. 88–102.

37. *Формозов А.Н.* Мелкие грызуны и насекомоядные Шарьинского района Костромской области в период 1930–1940 гг. (К вопросу о факторах, определяющих движение численности *Micromammallia* в северных лесах) // Фауна и экология грызунов (Матер. по грызунам). Вып. 3. Материалы к познанию фауны и флоры СССР. М.: Изд-во моск. об-ва испыт. природы, отд. зоол., 1948. С. 3–100.

38. *Формозов А.Н.* Звери, птицы и их взаимосвязь со средой обитания. М.: Наука, 1976. С. 1–310.

39. *Яковлев В.Н., Слынько Ю.В., Кияшко В.И.* б. Аннотированный каталог круглоротых и рыб водоемов бассейна Верхней Волги / Экологические проблемы Верхней Волги. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2001. С. 53–69.

40. *Baskin L.M.* Population ecology of the moose in the Russian Southern taiga // Alces. Vol. 30. 1994. P. 51–55.

Часть III

БЛИЖНИЙ СЕВЕР КАК ЧАСТЬ БОЛЬШОЙ КАРТИНЫ МИРА

Глава 13. Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории)

Чаще всего острые проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития Ближнего Севера России воспринимают и, соответственно, обсуждают в контексте сугубо региональных тем и сюжетов. Депопуляция сельских районов, сокращение сельскохозяйственного производства, кризис жилищно-коммунального хозяйства, сокращение услуг медицины, закрытие («укрупнение») средних школ и многое другое объясняют исключительно недофинансированием этих сфер. При этом подразумевают, что если бы это финансирование каким-то чудодейственным образом пролилось сверху, то экономика и социальная сфера быстро восстановились в своих прежних оптимальных объемах и жизнь пришла бы в заброшенные села, а зарастающие поля вновь были бы распаханы до горизонта. Мечта о большом ретро-ренессансе широко присутствует в общественном мнении.

В этой картине и в этой мечте много мифологизма, т.е. опоры на систему самодостаточных символов, которые не коррелируют с реальностью. Для объективной оценки и прогнозирования реальных процессов, происходящих на Ближнем Севере, необходимо видеть широкие панорамы и дальние перспективы общемировых трендов, в которые Ближний Север по необходимости встраивается – с большим или меньшим успехом. Эти мировые тренды, несмотря на их видимую удаленность от локальных сельских сообществ и малых городов, проникают в местную жизнь, видоизменяя ее изнутри. Такова общая логика социальных изменений в мире. «Клеточные» структуры общества (малые сообщества, повседневные практики,

традиционные и новые ценностные ориентации, личные биографии людей) отнюдь не изолированы от высших уровней социальной системы. «Клетки» несут в себе отражения и логику больших процессов.

Переводя эти сравнения с языка теоретической социологии на язык практической деятельности, можно сказать, что, казалось бы, затерянные на просторах Ближнего Севера деревеньки, села и малые города отнюдь не живут своей отдельной жизнью. Десятками цепочек взаимозависимостей они подключены к большому миру, миру глобальному. Как справедливо пишут современные российские социологи, необходимо «отказаться от представлений о деревне как о неком специфическом, даже экзотическом объекте исследования, как о феномене “обочины”, того, что находится “вдали...”. Село не существует автономно от глобальных процессов... Оно включено в них, является полноценным субъектом глобальных социальных трансформаций» (Вдали от городов, 2013, с. 7).

Экономические связи, торговля (мировые бренды), миграция (циркуляция населения), инфокоммуникации (сотовая связь, Интернет, спутниковое телевидение) – все это в тех или иных формах проходит до каждой, сколь угодно малой «клетки» общества, видоизменяя ее. В этом смысле тренды мирового развития самым прямым образом преломляются в отражениях малых, локальных общностей. И потому анализ большой картины мира может предоставить важный научный код интерпретации и дешифровки клеточного уровня системы.

Большая макросоциологическая картина мира

Социология и другие социальные науки дают обществу систему ориентации в пространстве общественных отношений и историческом времени. По всей видимости, это их главная задача и raison d’etre в этом мире. Каждая новая стадия социального развития отражается в теоретических концептах, с определенным временным лагом создающих автопортрет эпохи, своего рода интеллектуальный selfi «на память».

Социальная теория, как правило, не всегда в состоянии предвосхитить ход событий большого масштаба. Нередко требуется значительная временная дистанция, чтобы новое социальное явление «проявило» себя, раскрыло себя в своих наиболее значимых параметрах.

Именно так произошло с глобализацией: самые смелые прогнозы футурологов середины 1970-х гг. не могли охватить всей сложности развернувшихся глобальных социальных изменений рубежа тысячелетий. Более того, каждый новый виток событий менял угол зрения, предлагал новую перспективу для интерпретации потока технико-экономических и социокультурных трансформаций. Только сейчас, в середине второго десятилетия нового века, ученые осознали в полной мере противоречивость того, что изначально представало как неизбежный, безальтернативный восходящий вектор мирового экономического развития.

Теория глобализации в течение последних тридцати лет почти безраздельно господствует в социологии и смежных социальных науках[1]. Понятие «глобализация» прочно вошло в современный не только научный, но и обыденный язык. Сегодня по своей значимости и теоретической нагруженности это понятие-концепт давно уже заняло место в одном ряду с такими понятиями, как – «цивилизация», «прогресс», «современность», «эпоха», «постсовременность», «модернизация». Однако при всей обманчивой доступности понятие «глобализация» нередко используется для обозначения совершенно различных, часто несхожих явлений, а его смысл оказывается в наши дни еще менее ясным, нежели в начале 1990-х гг.

Кажущаяся универсальность того или иного концепта, как это давно известно методологам науки, таит в себе известную проблематичность: чем шире распространяется в междисциплинарном поле новое понятие, тем сложнее вычленить эссенциальные характеристики явления, им обозначаемого.

Напрашиваются вопросы: а существует ли глобализация вообще, не есть ли она общее метафорическое имя для совершенно различных процессов? Или иначе: не «удваиваем ли мы сущности», не придумываем ли дубликаты для обозначения процессов и явлений, существовавших в мире с давних пор? Такие вопросы нередко задают себе как противники концепции глобализации, так и те, кто принимает ее как неизбежность.

Основу общепринятых представлений о глобализации составляют рассуждения об объединяющейся и интегрирующейся

[1] Современная литература по глобализации безбрежна. Между тем, основные представления о глобализации и многочисленные теории представлены в пятитомной «Энциклопедии глобализации», изданной под редакцией Джорджа Рицера. The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization. Vol. 1–5, Hoboken, New Jersey, 2012; большая работа по систематизации теоретических концепций глобализации обобщена и в таких изданиях, как Globalization: Basic Text. Ed. By George Ritzer. Hoboken, New Jersey, 2010, а также в Readings in Globalization: Key Concepts and Major Debates. By George Ritzer and Zeynep Atalay. Hoboken, New Jersey, 2010.

в единое целое человеческой цивилизации, преодолевающей различного рода ранее существовавшие границы культур, государств, технологических форм. Мир в результате глобализации становится компактным, доступным, прозрачно-просматриваемым, а части его – тесно взаимозависимыми, причем это касается экономики, технологий, политики, экологии, нравственности и всех иных сфер жизни современного человечества. Высказывание «The world is so small!» («Мир такой маленький!») точно выражает саму суть подобных умонастроений.

К концу 80-х гг. XX в. развитие технологий достигло стадии, когда дальнейший рост ведущих мировых экономик мог осуществляться эффективно только вне рамок прежних национальных рынков. Это в свою очередь повлекло за собой перенастройку всех уровней – больших и малых – социальных систем и подсистем, что и произошло в конечном итоге и утвердилось под именем «глобализация»[2]. Начался отсчет новой исторической эпохи.

Между тем с научной точки зрения вопрос о смысле глобализации, ее характере и значении далеко не столь однозначен. По сути дела, существует много (или по крайней мере несколько) «глобализаций», скрывающихся за одним термином.

Анализ определений, предложенных обильной современной социолого-экономической литературой на эту тему, показывает, что главной трудностью для большинства авторов, пишущих на тему глобализации, оказывается трудность именно методологическая: реальная сложность феномена не поддается теоретическому осмыслению старыми средствами. Глобализация – и в самом деле качественно новый процесс, который, правда, имеет аналоги в истории[3], но уникален и потому с трудом постижим в своей новизне.

[2] В литературе нет единого мнения о том, кто именно предложил термин «глобализация». Чаще всего в этой связи ссылаются на экономиста Т. Левитта, который в 1983 г. в достаточно специальной экономической статье анализировал слияние мировых рынков как результат деятельности транснациональных корпораций и в связи с этим чисто метафорически упомянул «глобализацию». Т. Левитт не мог и предполагать, сколь значимой и долгоживущей окажется его метафора (*Theodore Levitt*. The Globalization of Markets // Harvard Business Review, May 1983.) Нередко термин «глобализация» связывают с именем Маршалла Маклюэна, который еще в 60-е гг. XX в. предложил понятие «глобальной деревни» и высказал мысль о том, что средства массовой коммуникации превращают мир в своего рода глобальную деревню, где все коммуницируют со всеми (*Marshall McLuhan*. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man, 1962).

[3] Немало историков и социологов видят в мировых империях прошлого, например, в Персидской империи, империи Александра Македонского и др., – аналоги современной глобализации. См., например, известную работу американского историка Поля Кеннеди: *Paul Kennedy* «The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000» (1987).

Глобализация всюду, где бы ни происходила, вызывает к жизни новые процессы, не вписывающиеся в традиционные объяснительные схемы, наделяет дополнительными смыслами, казалось бы, простые факты повседневности.

Бросающаяся в глаза яркость новых социокультурных проявлений глобализации оттеснила на второй и третий планы целый ряд явлений, которые глобализацией были инициированы, однако не вписывались в картину «постиндустриального» бесконфликтного общества, своеобразного «рая» эпохи «конца истории» (в терминах Френсиса Фукуямы[4]).

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. были отмечены почти всеобщим оптимизмом в отношении будущего единого мирового сообщества, вставшего, как казалось тогда, на единственно возможный и магистральный путь экономического и социально-политического либерализма, снимавшего все дальнейшие противоречия мировой системы и таким образом в зародыше упразднявшего основные конфликты[5].

Однако дальнейший ход глобализации продемонстрировал гораздо более сложную картину социальных изменений в мире и в отдельных сообществах. Широкий модернизационный, линейно-восходящий тренд оказался отнюдь не единственным, как казалось ранним теоретикам «конца истории» и глобализации. Как выяснилось, беспрецедентные возможности роста материального производства в рамках глобальной рыночной экономики не привели к ожидаемым социальным эффектам.

Как было подчеркнуто в докладе «Справедливая глобализация: Создание возможностей для всех» (2004) учрежденной МОТ Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации, «Современные процессы глобализации ведут к весьма неоднородным результатам как внутри стран, так и между ними. Создается бо-

---

[4] *Fukuyama, Francis.* «The End of History?», The National Interest (Summer 1989). В статье американского политолога была представлена теоретическая модель мира победившего капитализма и либерализма, которые, после распада советской системы и опираясь на глобализационные тренды, охватывают весь мир. Несмотря на изначальный утопизм и немалую умозрительность, концепция «конца истории» прекрасно выразила умонастроения многих ведущих социальных теоретиков того времени, что вскоре и выразилось в необычайном росте популярности теории глобализации. Критика концепции «конца истории», в частности, см.: *Малахов В.С.* Еще раз о конце истории // Вопросы философии. 1994. № 7–8.

[5] Проходивший в Билефельде (Германия) в 1994 г. под общим девизом «Оспариваемые границы и меняющиеся солидарности» XIII Всемирный социологический конгресс (XIII ISA World Congress of Sociology: Contested Boundaries and Shifting Solidarities. Bielefeld, Germany, 1994) фактически превратился в своего рода съезд сторонников победившей теории глобализации.

гатство, но при этом слишком многие страны и народы не могут воспользоваться его преимуществами... Многие из них находятся в тисках неформальной экономики и лишены каких-либо формальных прав или же проживают в беднейших странах, прозябающих и практически исключенных из глобальной экономики» (Справедливая глобализация, 2004, С. XI.).

Не только прежняя экономическая периферия оказалась в проигрыше, но даже в экономически благополучных странах «некоторые работники и общины также испытывают на себе отрицательные последствия глобализации, и при этом осознание такого неравенства еще более усиливается благодаря революции в глобальных коммуникационных системах» (Справедливая глобализация, 2004, С. XI.). Не случайно в 2008 г. на 97 сессии МОТ была принята «Декларация о социальной справедливости в целях справедливой глобализации», призывающая экономически развитые страны и международное сообщество обратить особое внимание на негативные социальные эффекты глобализации.

Действительно, как показали социологические и экономические исследования, реальное бытие современной глобальной экономики и современного общества несет на себе следы не только прогрессивного развития и триумфа технологий, но и реанимации прежних – *архаических* – социальных и экономических отношений, структур, тех социально-экономических моделей, которые существовали в докапиталистическую (и даже первобытную) эпоху, но которые не заявляли о себе в полную силу долгое время (См. об этом: *Николаева У.Г.* Экономическая архаика, 2005; *Николаева У.Г.* Vita nuova, 2005).

В этом смысле новая система настройки мировой экономики и социальных систем подразумевает не только поступательное движение технологий, но весьма турбулентные последствия этого движения[6]. Происходит своего рода «перемешивание» уровней социальной структуры общества, динамичная «циркуляция» социальных страт и групп. Активный и наступательный модерн и постмодерн сочетаются с одновременным извлечением из багажа истории традиционалистских и даже архаических явлений, казалось бы, давно ушедших в область культурной археологии.

Понятие глобализации используется не строго, и даже в работах, специально посвященных анализу явления глобализации, это центральное понятие зачастую применяется не аналитически, а ме-

[6] Отрезвляющий анализ турбулентных глобализационных процессов дается в книге английского социолога Денниса Смита: *Dennis Smith*. Globalization: The Hidden Agenda. Polity Press, Cambridge, 2006.

тафорически, подчас сам термин «глобализация» тривиализируется, вульгаризируется и теряет строго ограниченные терминологические черты.

Характер и способ использования в современной научной литературе понятия «глобализация» может стать самостоятельным предметом исследования, причем такое исследование могло бы дать, как можно предположить a priori, большой материал не только для размышления, но и для выводов, затрагивающих как позитивное знание об обществе и механизмах его функционирования, так и методологию исследования общественных процессов. Однако в рамках данной главы ограничимся характерными примерами того, как понятие глобализации используется в междисциплинарных контекстах, выделив при этом самые общие подходы и исследовательские стратегии. Основные из этих подходов сложились еще в 1990-е – начале 2000-х гг., т.е. в то время, когда мировые экономические процессы продемонстрировали новое качество, получившее новое обозначение, – время, когда и возникший термин «глобализация» получил серьезный научный статус.

Прошедшие десятилетия внесли, однако, в первоначально оптимистические прогнозы развития формирующейся глобальной социально-экономической системы существенные коррективы: мировой экономический кризис, расцвет теневой и криминальной экономики в 1990-е гг. в России и многих других странах, неоднозначность политических результатов так называемой «Арабской весны» и т.д. – все это поставило перед мировым сообществом и одновременно перед учеными-обществоведами множество новых вопросов, требующих «ревизии» прежних концептуальных схем осмысления социальной реальности.

Концептуальное разнообразие подходов к глобализации

Прежде всего, необходимо отметить объективные проявления общемировых тенденций, получивших отражение в концепциях глобализации.

Глобализация как линейный процесс. «Линейные» представления о глобализации подразумевают расширение, углубление, увеличение интенсивности мировых интеграционных процессов без радикального изменения их внутреннего содержания и качества. Согласно этому подходу, мир экстенсивно («линейно») наращивает современные его особенности и тем самым преодолевает проти-

воречия, связанные с разобщенностью человечества. В этом смысле практически все глобальное априорно несет положительные черты – в экономике, политике, культуре, информатике/коммуникациях, защите окружающей среды.

Наиболее общий подход, на который опирается большинство социологов и экономистов, акцентирует внимание на экономико-технологической основе глобализации – появлении и развитии компьютерных информационных технологий, приведших к мощному развитию средств коммуникации.

В отечественной социолого-экономической мысли такой подход был сформулирован сравнительно давно. В качестве примера приведем определение, которое дали экономисты О.В. Братимов, Ю.М. Горский, М.Г. Делягин и А.А. Коваленко в коллективной монографии «Практика глобализации: игры и правила новой эпохи»: «Информационные технологии являются материальным воплощением и непосредственным двигателем процесса глобализации – разрушения административных барьеров между странами, планетарного объединения региональных финансовых рынков, приобретения финансовыми потоками, конкуренцией, информацией и технологиями всеобщего, мирового характера» (Указ. соч., С. 133–134).

Продолжая эту мысль, авторы пишут, что «важнейшей чертой глобализации является формирование единого в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но финансово-информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся деятельность человечества как таковая» (Братимов и др. Практика глобализации, 2000, С. 133–134).

Редактор коллективной монографии М.Г. Делягин в своей уже персональной монографии «Мировой кризис: Общая теория глобализации» дает определение глобализации в том же ключе: «“коммуникационный бум”, сблизивший человечество и превративший его... в единое целое, породил понятие “глобализации”» (Делягин, 2003. С. 47–49), глобализация же – «это процесс формирования и последующего развития единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий» (Делягин, 2003, С. 51)[7].

[7] Анализу противоречий и негативных эффектов глобализации для стран, существенно отстающих в своем экономическом развитии от лидеров мировой экономики, – посвящены более поздние работы М.Г. Делягина («Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России?» (2009, совместно с В. Шеяновым)) и др.

В терминах развития информационных технологий и «постиндустриализма» определение глобализации дает и В.А. Медведев в книге «Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее России», подчеркивая, что «глобализация является не чем иным, как проявлением современной постиндустриальной трансформации экономики и общества в отношениях между странами мира» (Медведев, 2003, С. 360), в которой важнейшими моментами являются информационные и коммуникационные технологии.

Принимает «информационную теорию» глобализации и академик Н.А. Симония, связывая глобализацию с интернационализацией и подчеркивая, что современная глобализация – это «новый этап интернационализации, главная черта которой есть скачкообразное развитие информационных технологий» (Симония, 2001, С. 25)[8].

Для многих авторов глобализация – синоним планетарной целостности современных экономических процессов. Так, Мануэль Кастельс предпочитает вместо термина глобализация использовать понятие «глобальная экономика», что, правда, не меняет сути дела: «В целом можно определить глобальную экономику как экономику, чьи основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать как общность (целостность) в реальном времени или в избранном времени в планетарном масштабе» (Кастельс, 2001, С. 64).

Одновременно с этим макросоциологическим уровнем глобализация характеризуется и микроуровнями. Они получили терминологическое оформление в концепте «*клеточной глобализации*» (Н.Е. Покровский)[9]. Подразумевается, что в «клетках» общества (структурах повседневности, простых практиках, локальностях различного рода) также идут глобализационные процессы, в общем и целом конгруэнтные большим орбитам макроизменений. Притом эти микропроцессы демонстрируют большую внутреннюю сложность, насыщенность новым ценностным контентом. В них заключен большой потенциал социальных изменений всех уровней.

Иными словами, глобализация изменяет общества и «сверху» и «снизу», и трудно сказать, какой из этих уровней доминирующий, более важный. Они взаимосвязаны, взаимообусловлены, ря-

---

[8] *Симония Н.А.* Глобализация и неравномерность мирового развития // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 25.

[9] Близкое по смыслу понятие предложил Ульрик Бек – globalization from within («глобализация изнутри»). См. электронный журнал European Alternatives, 2010. http://www.euroalter.com/2010/ulrich-beck-for-a-cosmopolitan-outlook/

доположены (Pokrovsky N., 2001; Покровский, 2003; Покровский, 2004; Покровский, 2005).

При рассмотрении семантического кластера и ореола понятия «глобализация» отметим наличие нескольких синонимических рядов при использовании этого понятия. В целом ряде работ по современной экономике наряду с понятием «глобализация» используются понятия «интернационализация», «интеграция», «локализация», причем в одних случаях они употребляются как синонимы, в других – как противопоставляющиеся друг другу сущности.

В частности, английский социолог Лесли Склэр, к идеям которого мы будем еще не раз обращаться в этом тексте, подчеркивает, что важно проводить четкое разграничение между *интернационализацией* и *глобальностью*, считая основой интернационального «существование даже изменяющейся системы наций-государств», в то время как основа глобального – появление процессов и систем социальных отношений, «не базирующихся на системе наций-государств» (Leslie Sklair, 1999, p. 142).

Социологи и экономисты Поль Херст и Грэм Томсон в концептуальном разделе, пытаясь определить явление глобализации, также противопоставляют «международную экономику» (international economy) – ту, в которой принципиальной целостностью являются национальные экономики, и «глобальную экономику» – «особый идеальный тип, отличающийся от международной экономики», который может развиваться по контрасту с ней. По мнению этих авторов, в такой глобальной системе «определенные национальные экономики включены и встроены в систему международного процесса», в международной экономике, наоборот, «процессы определяются на уровне национальных экономик, все еще доминирующих, и международный феномен является результатом (outcome), который возникает от четкого и дифференцированного проявления национальных экономик» (Paul Hirst and Grahame Thomson, 1996, pp. 8–10)[10].

Приведем пример того, как еще на относительно ранней стадии определяли глобализацию и локализацию аналитики Всемирного банка в Докладе о мировом развитии на 1999/2000 г. («Entering the 21st Century»): «Глобализация, которая отражает прогрессивную интеграцию мировой экономики, предполагает, что национальные правительства будут взаимодействовать с международными партнерами, чтобы наилучшим образом управлять изменения-

[10] Кстати, третье издание этой книги вышло в 2009 г., к коллективу соавторов присоединился Саймон Бромли (Simon Bromley).

ми, влияющими на торговлю, финансовые потоки и глобальную окружающую среду. Локализация же отражает растущее желание людей участвовать в делах правительства и проявляет себя в утверждении региональной самобытности. Локализация генерирует политический плюрализм и самоопределение в мире. Одним из ее проявлений является увеличение количества стран в мире, которое подпрыгнуло вверх после того, как только регионы добились своей независимости» (Entering the 21st Century, 1999, p. 2, 8). Авторы указанного Доклада помимо терминов «глобализация» и «локализация» используют также гибридный термин – «глокализация», который расшифровывают как взаимосвязанный процесс глобализации и локализации.

Политически заостренное понимание глобализации предлагает российско-канадский политолог О.А. Арин (псевдоним Р.Ш. Алиева). В своей книге «Мир без России» (2002) автор выдвигает свою систему логических сопряжений понятий «*глобализация*», «*интернационализация*», «*интеграция*».

По его мнению, «формирование мирового рынка со второй половины XIX в. породило явление экономической интернационализации, которая, проходя определенные циклы и фазы..., продолжает развиваться и в настоящее время. Как явление *экономическая интернационализация* является объективным процессом интенсивного взаимодействия субъектов и акторов мировой экономики в сфере торговли, капитала и финансов. По мере своего развития *интернационализация* породила два новых явления: поначалу *региональную интеграцию* (со второй половины XX в.), а затем – *глобализацию* (начиная с 90-х гг. XX в.)».

Последние два новых явления, по мнению О.А. Арина, «отрицают интернационализацию (хотя и вызваны ею), и в то же время они антагонистичны по отношению друг к другу», при этом «разрешением данного противоречия может стать новое явление – глобальная интеграция, или, иначе говоря, единое мировое хозяйство, которое явится отрицанием и глобализации, и региональной интеграции» (Арин, 2002, С. 293–294).

Стремясь применить марксистский диалектический метод, О. Арин поясняет, что «на предварительной стадии в пользу глобализации “работает» локализация, которая действует против интеграции», и что «все эти явления: интернационализация, интеграция, локализация и глобализация – некоторое историческое время будут сосуществовать одновременно во “взаимной борьбе” с разной степенью проявления. Причем глобализация вместе с локализацией – это всего лишь зародышевые формы новых явлений в мировой

экономике. Ныне ее главными проявлениями выступают именно интернационализация и региональная интеграция» (Арин, 2002, С. 293–294).

Сущностные различия интернационализации и глобальной интеграции О. Арин видит в том, что «глобальная интеграция, или единое мировое хозяйство, предполагает и единое мировое правительство, в то время как при интернационализации, интеграции и глобализации национальные правительства сохраняют свою силу, хотя роль их в каждом из трех явлений неодинакова. Наибольшее значение они имеют при интеграционных процессах, наименьшее – при процессах глобализации» (Арин, 2002, С. 345–346). Как левый марксист, О. Арин определяет экономическую глобализацию как «процесс контроля и управления всех видов экономической деятельности в мировом масштабе в интересах стран Запада» (Арин, 2002, С. 348). Близких взглядов, как мы покажем ниже, придерживаются многие сторонники миросистемного подхода и теории зависимого развития.

Одним из важнейших проявлений глобализации стало мощное развитие транснациональных корпораций (ТНК).

Транснациональные корпорации (ТНК). Наиболее часто используемым примером, скорее даже, общемировым феноменом, обозначающим возникновение глобальной реальности, стали транснациональные корпорации, получившие даже наименование «*stateless corporations*» (т.е. корпорации вне государственных рамок). Подобные корпорации, практически говоря, утратили национальную идентичность и, охватывая целые континенты, стали явлением глобального масштаба. Считается, что ни одна крупная экономическая инициатива в современных условиях не может реализоваться исключительно в рамках одного национального государства и даже государства как такового.

Подобный абсолютистский взгляд на ТНК нередко приводит к утверждению неизбежности возникновения глобальных социоэкономических сил, под которыми имеют в виду экономические, политические, военные, принадлежащие и управляемые ТНК – новой реальной силой мирового масштаба. В этой связи отмечаются три тенденции: а) рост обобществления национальных экономик посредством «глобализации капитала и производства», б) новое мировое разделение труда, приобретающее все более и более наднациональный характер, и в) радикальная глобализация средств массовой информации и форм потребления.

Во многих случаях отдельные ТНК владеют капиталом, превышающим совокупный национальный продукт стран, к которым эти ТНК формально «приписаны». Это получило наименование «экономического гигантизма», сочетающегося с концепцией «глобальной экспансии» (global reach), т.е. извлечение ТНК основного объема прибыли из источников, находящихся за пределами страны приписки. Стремительное распространение инфокоммуникаций служит еще одним примером рассматриваемых тенденций. Телевизионные каналы вещания покрывают огромные заселенные территории. При этом само вещание сосредоточено в руках немногих кампаний, также принадлежащих к числу ТНК.

Характеризуя значение ТНК в процессах интеграции и глобализации, О. Арин подчеркивает, что «основными экономическими акторами при интеграции являются национальные экономики и региональные ТНК, в то время как в экономических пространствах интернационализации значение ТНК выше, чем национальных компаний, а в глобализированных пространствах – на первое место выходят межнациональные компании, многонациональные предприятия и межнациональные банки (МНК, МНП, МНЕ)» (Арин, 2002, С. 294).

Можно сказать, что в *оценке результатов экономической глобализации* сталкиваются два полярных направления, две позиции, за которыми стоят различные теоретические школы экономистов.

Первая позиция (ее многие называют либеральной) покоится на идеях так называемой манчестерской школы, отцами-основателями которой считают Д. Рикардо, Дж. Бентама, Р. Кобдена.

Вторая позиция связана с мир-системным подходом и теориями зависимости и периферийного капитализма (И. Валлерстайн, Р. Пребиш, Дж. Эрриги, Л. Склэр, Р. Гиссингер, Н.П. Глэдич, У. Уагар и др.). Если либеральная школа утверждает, что усиление зависимости от глобальной экономики той или иной страны полуавтоматически ведет к экономическому росту, переходу к более высокому уровню благосостояния, стабилизации и развитию демократии, то сторонники теорий зависимости делают прямо противоположные выводы о том, что высокая степень экономической зависимости от внешних рынков усиливает неравенство, ведет к внутренним конфликтам (См. подробное изложение точек зрения этих и близких к ним по взглядам авторов в работе: Ranveig Gissinger, Nils Petter Gleditsch, 1999).

Неоднозначность последствий глобализации не только для стран третьего мира, но и непосредственно для стран первого все сильнее привлекает внимание специалистов. Анализируя эффек-

ты глобализации, многие исследователи, даже либерального толка, вынуждены признать тенденцию усиления деструктивных влияний в странах Центра и воссоздания анклавов «третьего мира» внутри самого капиталистического «ядра».

Так, либерально настроенные исследователи начинают все определеннее говорить о вторжении стандартов третьего мира в жизнь самих американцев, подчеркивая, что не менее 6% жителей США находятся в условиях, схожих с условиями беднейших стран мира. Герд Юнне (Амстердам) еще в середине 1990-х гг., т.е. еще до всякого мирового экономического кризиса, говоря о том, что в США в ближайшем будущем 30% населения будут жить за чертой бедности и в состоянии неграмотности, считал необходимым передвинуть границу между Севером и Югом, перенести границу между Мексикой и Латинской Америкой на территорию самих Соединенных Штатов (Gerd Junne, 1995, p. 17).

Глобальные риски. Явления экстенсивного роста глобальной экономики развиваются на фоне существования и даже обострения общемировых проблем, также приобретающих глобальный характер. К их числу относят прежде всего а) неконтролируемый рост населения, б) отсталость социально-экономического и культурного развития многих стран, в) проблемы образования (продолжающееся абсолютное увеличение численности неграмотных), г) неконтролируемый рост городов, д) отставание развития систем здравоохранения и выход из-под контроля ряда болезней, имеющих массовый характер, е) нерешенность продовольственной проблемы, ж) сокращение невозобновляемых природных ресурсов, з) сохранение военной угрозы, и) обострение постоянной угрозы мирового терроризма.

Все указанные проблемы уже давно переросли рамки отдельных стран и превратились в *общецивилизационные*. Притом процессы экстенсивного роста экономики, основанной на ТНК, самым непосредственным и часто причудливым образом переплетаются с перечисленными глобальными проблемами, в одних случаях способствуя их решению, а других – усугубляя их остроту.

Обсуждаемая модель «линейной глобализации» чаще всего используется в популярных средствах массовой информации и таким образом глубоко внедряется в массовое сознание, порождая своего рода мифы глобализации, идеологию глобализации и даже своеобразную мондиалистскую религию, основанную на культе планетарных начал современного мира и едином человечестве.

Альтернативы линейного подхода. Линейно-техно-оптимистический подход имеет ряд уязвимых мест. Можно ли предполагать, что при столь крупномасштабных изменениях, объективно происходящих в мире, сами общества останутся более или менее неизменными, а равно и устройство жизни этих обществ не претерпит столь же радикальных изменений, включая личностный уровень, уровень повседневности и другие подсистемы? Иными словами, глобализационные процессы, по всей видимости, должны вносить серьезные изменения во все социальные структуры и институты. Мировое сообщество входит (фактически полностью вошло) в принципиально новый мир, и в этом мире многое, если не все, обладает чертами явной или срытой до времени новизны. Это не что иное, как комплексные изменения основных и частных параметров социальной системы.

В связи с этим и схожими доводами современная социальная теория предлагает ряд концепций, которые отвергают линейную схему рассмотрения мировой реальности, отходят от экономического редукционизма и упрощения, одновременно акцентируя внимание на достаточно новых качественных характеристиках этой реальности и ее социологической интерпретации. Имеется в виду четыре таких концептуальных модели, а именно: «миросистемная» модель, модель глобальной культуры, концепция глобального сообщества («глокализм») и модель глобальной системы.

«Миросистемная» модель И. Валлерстайна. Известный американский социолог И. Валлерстайн на протяжении последних как минимум тридцати лет отстаивает теорию, которая по определению должна носить глобальный характер (хотя сам Валлерстайн уклоняется от использования этого термина).

В первую очередь имеется в виду экономическая мировая система (по И. Валлерстайну – «капиталистическая мир-экономика»). Американский социолог указывает на наличие в мировом разделении труда стран, принадлежащих к трем различным «кругам»: (а) экономическое «ядро» мировой системы, (б) «полупериферия» и (в) полная «периферия». Причем сочетание этих трех зон мировой экономики находится в движении и перемещается в геополитическом пространстве. В мировой политике теория И. Валлерстайна выделяет в качестве главного фактора борьбу сверхдержав за мировое господство, а в области культуры делает упор на взаимодавлении «культурных цивилизаций» и их стремлении занять господствующее положение (Wallerstein I., 1995; Валлерстайн И., 1995; Валлерстайн И., 2001; Валлерстайн И., 1999; Валлерстайн И.

Конец знакомого мира, 2003; Валлерстайн И. После либерализма, 2003; и др.).

Примечательно, что, несмотря на свой «миросистемный» радикализм, подход И. Валлерстайна не порывает с концепцией национальных государств, предлагая лишь соответствующим образом объединять их в три указанные выше зоны. Так или иначе, границы между государствами или «зонами» остаются.

Обозначая в качестве основополагающей в процессах глобализации дихотомию Центра и Периферии, следующий логический шаг делают сторонники теорий периферийного капитализма и зависимого развития – Р. Пребиш, Т. Дус-Сантус, Дж. Эрриги, Л. Склэр, Р. Гиссингер, Н.П. Глэдич, У. Уагар и др. Глобализация, по их мнению, только закрепляет неравенство между Центром и Периферией, вскрывая границы ранее закрытых экономик и распространяя модель зависимого развития на новые и новые территории.

Завершающий такой ход мысли шаг в понимании глобализации в русле теорий миросистемного подхода и теорий экономической зависимости делает известный отечественный историк Ю.И. Семенов: по его мнению, процесс интернационализации, по сути трансформирующийся в процесс формирования всемирного исторического пространства и завершившийся к началу XX в., во второй половине столетия сменился качественно новым процессом *глобализации* – процессом превращения всемирной системы социоисторических организмов, развивавшихся в последние два столетия хоть и под влиянием Запада, но в целом независимо, – в один мировой социально-исторический организм. И проявлением этого процесса, по мнению Ю.И. Семенова, выступает разрушение системы национальных капиталистических рынков, сращивание экономик всех стран под воздействием ТНК и транснациональных финансовых структур, ослабление влияния национальных государств зависимых стран на экономику и социальные процессы в своих странах (Семенов, 2003, С. 509–658)[11].

Вывод, который следует из концепции Ю.И. Семенова, таков: человечество вступает в новую эпоху – эпоху качественно иных форм организации производства, в которых классовое деление пролегает теперь не между группами людей в пределах одного общества, одного социального организма, – а между государствами, превращающимися в своеобразные мегаклассы. Но из этого также следует, что глобализация порождает новые линии протестного сознания

[11] *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М., 2003. Новое издание этой известной книги предприняло издательство «Академический проект» в 2013 г.

(в том числе и «ложного»), новые формы массовых движений (См. об эволюции понимания протестного сознания и движения: Кагарлицкий, 2007; Завалько, 2005; Кагарлицкий, 2010).

Концепция глобальной культуры на протяжении последних более чем десяти лет разрабатывается на страницах журнала-альманаха «Теория, культура и общество» (Theory, Culture and Society), редактируемого М. Феверстоуном (См.: Global Culture..., 1990).

Главные направления разработки предлагаемого подхода (модели) – это консьюмеризм как явление глобальной культуры, мировой туризм, мировые культуры и религии, культура постмодернизма. Центральный вопрос, рассматриваемый представителями этой школы социологической глобалистики, касается проблемы самоидентификации личности в условиях нарастания транснациональных тенденций в культуре. Что испытывает индивид в ситуации превращения его национальной культуры в часть глобального мирового целого?

Отсюда такие специфические темы, как американизация мировой популярной культуры, «макдоналдизация» и др.

В рамках этой социологической модели преобладающее значение в глобальных процессах отдается именно культуре. Причем представители этой школы, признавая развитие транснациональных культурных процессов, между тем отказываются безоговорочно стать на позиции «глобального оптимизма» (по принципу «чем больше глобального – тем лучше»). Напротив, они считают, что тотальное распространение телевещания и других средств коммуникаций не приводит к тому, что М. Маклюэн назвал «глобальной деревней» (McLuhan, 1968) – аналогом современного глобального сообщества, основанного на идентичных культурных образах (icons) и потерявшего свое местное, национальное начало. По мнению сторонников концепции «глобальной культуры», происходит перемешивание национальных культур при сохранении их собственных «слоев», словно в коллоидном химическом растворе. (Перемешивание без «химического» взаимодействия между субстанциями.) Причем в этом смешении культур устанавливаются определенные пропорции равновесия, препятствующие дальнейшему нивелированию или гомогенизации.

В этом смысле миру не грозит тотальная американизация культуры, ибо проникновение массовой культуры США будет на том или ином уровне остановлено потенциалом национальной культуры, а на пограничье двух культурных слоев начнется активный процесс диффузии. Кроме того, данная теория использует понятие

«гиперреальности» (постмодернистский термин, обозначающий новое качественное состояние культуры, испытавшей процесс диффузии). Это будет культура, лишенная внутренней системности и центров опоры. Возобладают фрагментированные сегменты, хаотично сочетающиеся (или не сочетающиеся) друг с другом (См. Don Heider, 2009; Виртуализация межуниверситетских научных коммуникаций..., 2010).

В рамках указанного подхода утвердилось понятие «*глокализм*». Это лексическое новообразование сформировалось и обрело сторонников на XII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде (1990 г.). Социологи, использующие данный термин (прежде всего Р. Робертсон, М. Арчер, Н. Смелзер и др.), при рассмотрении глобальных процессов подчеркивают важнейшие изменения, происходящие в локальных, т.е. местных сообществах, малых культурах и субкультурах, территориально локализированных и обладающих пусть относительной, но все же оседлостью. Это, в свою очередь, приводит к установлению важнейших «локально-глобальных связей» («*local-global nexus*»).

Идея состоит в том, что территориальные общности обретают в контексте глобальных тенденций совершенно новые качества. И потому известная формула «*To think globaly but act locally*» (Мыслить глобально, но действовать непосредственно на местном уровне) в теоретико-социологическом смысле становится вполне адекватной.

Концепции глобального общества. Несколько теоретико-методологических подходов (моделей), принадлежащих данной ориентации в глобалистике, в большей степени делают акцент на международных отношениях, чем на социологии как таковой. Тем не менее их значение для социологического миропонимания также весьма существенно.

Исходной точкой построения подобных моделей служит утверждение, что как бы мир ни глобализировался, он все же состоит из отдельных государств и, соответственно, самостоятельных культур. Однако эти национально-государственные образования в процессе взаимодействия вырабатывают некую транснациональную систему взаимосвязей и взаимоотношений. Таким образом, рассмотрение глобального мира с позиций (индивидуальных) перспектив отдельных государств не дает адекватной картины. Это всего лишь игра, напоминающая столкновение бильярдных шаров. Ставится задача разработки модели мирового сообщества как целого. Для этого требуется заменить, «снять» абсолютизацию наци-

ональных государств как «единицы» взаимодействия и встать на позицию системного анализа мирового сообщества. Данная теория редко оперирует экономическими и культурными факторами. Она целиком погружена в государственно-политические вопросы.

В том же ряду и позиция, сторонники которой стремятся заменить «государственническую» точку зрения на миросистемную, акцентируя внимание на переходе «к новой системе отношений», сфокусированных на международных организациях как прообразе будущего сообщества. В целом эта идея соответствует уже ставшей классической концепции «переходного общества», выдвинутой Р. Ароном (Aron, 1984; Арон, 1993) в его теории «переходных отношений», и соответствующая ей модель глобализации не обладает чертами завершенности и внутренней логической полноты. Она лишь указывает на необходимость уделять первенствующее внимание неправительственным организациям, международным общественным движениям, особенно в тех случаях, когда они берут на себя полномочия создавать новые надгосударственные объединения. Все это имеет прямое отношение к общесоциологической и политологической концепции гражданского общества, рассмотренного в качестве глобальной реальности.

Принципиально новую концепцию глобального общества предложили авторы нашумевшего сборника «Современность и ее будущее» (Modernity and its Futures, 1992), изданного в 1992 г. в Англии. Главная цель его авторов – внедрить понятие глобализации в контекст теории постмодернизма. Поскольку категория «Modernity» (иными словами, образ современного индустриального общества) канонически утвердилась, возникают вопросы: что происходит с «современным» обществом в процессе его глобализации? Разрушаются ли при этом такие феномены, как капитализм, национальные государства или они усиливаются?

Отвечая на эти вопросы, Э. Гидденс в книге «Ускользающий мир: Как глобализация переформатирует нашу жизнь» (Giddens, 1999; Гидденс, 2004) проводит теоретический анализ понятий социального времени и социального пространства, прошедших «обработку» глобализацией. Согласно его выводам, в ходе глобализации имеет место как компрессия пространственно-временных параметров социума, так и их «разнесение» (distantiation). В своем анализе modernity Э. Гидденс определяет глобализацию, используя четыре параметра: а) система национальных государств; б) мировой военный порядок; в) международное разделение труда и г) возникновение мировой капиталистической экономики. Все это, по мысли Э. Гидденса, стало следствиями трансформирующейся «со-

временности», переходящей в «постсовременность». Причем постсовременность (прежде всего глобальная) возникает в результате взаимодействия объективных (линейных) глобальных тенденций и локализированных феноменов повседневности. Именно на рубеже этого взаимодействия и возникает постмодерн с его характерными культурными гибридами.

Таким образом, в теории Э. Гидденса упор делается на объективно-субъективных феноменах, проблемы социального сознания, по сути, ставятся во главу угла.

Модель глобальной системы. Данный теоретический подход, предложенный Л. Склэром (Sklair, 1991; Sklair, 2007), выдвигает понятие «транснациональных практик» (transnational practices), которые охватывают области, существенно более широкие, чем сфера международных отношений на уровне национальных государств. С одной стороны, глобальная система Л. Склэра реалистически признает значимость национальных государств, но, с другой – предлагает перенести фокус внимания на «транснациональные практики», отличительной чертой которых признается наличие международных (не национальных) акторов и прозрачности границ.

Транснациональные практики последовательно пронизывают экономические, политические и культурные институты обществ, при этом, однако, доминирующим фактором оказываются глобальные свободные рынки и либеральные экономические отношения, т.е. то, что принято называть «капитализмом». В каждой из указанных сфер, пронизанных транснациональными практиками, доминируют конкретные социальные институты: ТНК формируют транснациональные практики в области экономики; в политической сфере преобладает «транснациональный капиталистический класс»; культурно-идеологические транснациональные практики определяются глобальным консьюмеризмом (идеологией потребительства) и т.д.

По мысли Л. Склэра, модель глобальной системы не противоречит другим глобалистским моделям, ибо показывает, как институты национальных государств, не теряя своей (внутренней) идентичности, превращаются в истинно глобальные. Происходит нечто сравнимое с подрывом национальных институтов изнутри – внешне они продолжают оставаться традиционно национальными, будучи по сути уже глобальными. Это можно проследить на таких примерах, как взаимоотношения руководства ТНК и их местных представителей в разных странах, «глобализации» национальных

бюрократов и бюрократических институтов, приверженных глобальному рынку, местных политиков и интеллектуалов и, наконец, возникновение глобализировавшихся консьюмеристских элит.

Согласно анализу Л. Склэра, существует один класс – транснациональный капиталистический класс, – который и принимает все решения, касающиеся общемировых проблем. В отдельно взятой стране этот класс представлен в «местной» ТНК. Что касается теории культуры и идеологии консьюмеризма, то она приходит на место прежней концепции «культурного и информационного империализма».

Особенностью современного *глобального консьюмеризма* следует считать, по Л. Склэру, экспансию «транснациональных практик», прогрессирующих образцов потребления, не подразумевающих наличия средств их достижения. Это своеобразная религия потребительства, в которой бог-производитель товаров и услуг в принципе недостижим для верующего в потребление.

Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в следующем: иррационализация рациональных матриц (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритет количественных характеристик (коммерциализация), готовность к употреблению («оперантность»), полностью гарантированное качество на определенном уровне, упакованность в яркие символические формы, виртуализация культурных образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен)[12].

Многие из рассмотренных подходов к пониманию и истолкованию процессов глобализации имеют сходные черты, что лишний раз подчеркивает общую тенденцию социального теоретизирования в данной области. Все эти концепции или модели осмысления феномена глобального пространства достаточно открыты для критики. Однако знаменательно, что их сторонники, признавая наличие противоречий в своих построениях, ни при каких обстоятельствах не отказываются от главных тезисов.

Подобная внерациональная убежденность и позволяет утверждать, что в области теории глобализации мы имеем дело с определенным конструированием социальной реальности.

[12] *Покровский Н.Е.* Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии, Т. III. №3. 2000; *Покровский Н.Е.* (ред.) Виртуализация межуниверситетских и научных коммуникаций: Методы, структура, сообщества. – М., 2010.

Концепция порождающих технологий

Смысл разнообразных конструкций можно хорошо представить себе на примере концепции «Обществ, основанных на знании» («Knowledge Societies»), разработанной немецко-канадским социологом Нико Стером (Stehr, 1994; Stehr, 2008; Stehr, Grundmann, 2012), из которой вытекает, что не только бизнес и политики, но и сообщества ученых оказывают существенное воздействие на трансформационные процессы в глобальном масштабе.

Теория Н. Стера имеет немалую историю, связанную с именами Р. Лейна, П. Дракера, Д. Белла, Р. Арона и др. Действительно, в современных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В этой связи сообщества ученых исполняют функции не только экспертов, но и «демиургов» самого действия (на что, как правило, претендуют лишь политики и представители корпоративного бизнеса). Это утверждение основывается на признании следующих положений:

• научное знание все больше проникает во все сферы жизни, оказывая на них существенное влияние;

• усиливается давление (в рамках гражданского общества) научно образованного населения на политические институты;

• возникают новые области экспертного знания и провоцируемые им последующие социально-институциональные изменения;

• сферы социального конфликта перемещаются с поля непосредственных социально-политическо-экономических интересов в область столкновения научных концепций развития, изменений, трансформаций, включая глобализацию;

• возрастает хрупкость современных организаций, основанных на применении научного знания.

Расширение зон применения научного знания в современном обществе вовсе не ведет к линейной траектории социальных изменений, показывает Н. Стер. Напротив, в обществе конкурируют различные научные концепции, каждая из которых обладает определенным созидательным потенциалом, оказывающим зримое воздействие на формирование социальной реальности. В этом смысле ни глобальное сообщество в целом, ни отдельные сообщества не имеют заданного и единого направления своей эволюции.

Достаточно обоснованная социальная теория, делает вывод Н. Стер, обладает потенциальной способностью изменить социальную реальность, стимулируя практики «порождающих технологий».

Принцип «ECPC»

Известный американский социолог-теоретик неовеберианского направления Джордж Ритцер предложил новое измерение в исследовании культурных процессов в эпоху глобализации. В рамках концепции Дж. Ритцера, получившей известность под названием «макдоналдизации» (Ritzer, 1998; Ритцер, 2011), приобрела немалую известность метафора крайнего рационализма в деловых отношениях и производстве: эффективность, просчитываемость, предсказуемость, контроль (в английской аббревиации – ECPC).

Джордж Ритцер формулирует рационалистическую модель американизации деловых взаимоотношений в лапидарной схеме:

• *Efficiency* – Эффективность, прежде всего экономическая, оптимизация выгоды,

• *Calculability* – Просчитываемость в рамках простых или сложных количественных моделей,

• *Predictability* – Предсказуемость, «ожидаемость»,

• *Control through Non-human Technologies* – Контроль поведения со стороны дегуманизированных технологий и технологических процессов.

Условно назовем это «принципом ECPC» подобно парсоновскому принципу AGIL. Данная модель разработана Дж. Ритцером с опорой на методические постулаты М. Вебера и К. Маннгейма. При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системы рациональности, связанной с традиционной культурой. Наверное, нет смысла уподоблять принципы «макдоналдизации», предложенные Ритцером, классической веберовской модели протестантской этики. И тем не менее, аналогии неизбежно возникают.

Вебер фактически «открыл» (наряду с Марксом) капитализм, т.е. показал смысл и логику всего происходившего в рыночном обществе. Нечто подобное осуществляет и современный американский социолог, расколдовывая загадочную сложность американизированной цивилизации, осуществляющей свою поступательную экспансию. Оказывается, вся эта сложность в большей или меньшей степени укладывается в четыре принципа. (Кстати сказать, у Вебера их было не больше.)

Можно спорить по поводу того, насколько принципы Дж. Ритцера универсальны и описывают ли они все современные общества[13], но несомненен значительный вклад американского социолога в по-

[13] Идеи макдоналдизации, выдвинутые Дж. Ритцером в начале 1990-х гг., получили продолжение и развитие в его более поздних работах «Глобализация пустоты», «Глобализация пустоты 2» (Ritzer, 2004; Ritzer, 2007).

нимание современных культурных практик, инициированных глобализацией.

Мир XXI в. рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век уходящий. По сути, новое столетие, эпоха «посткапитализма» предстает обыденной и даже вульгарной, но в*нутренне целостной*. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя всем современным сообществам под именем глобализации. Попытаться избежать ее так же бессмысленно, как в свое время было бессмысленно избежать капитализма (даже если его и называли социализмом). Однако понимать закономерности глобальных трендов – означает обрести определенную степень свободы в несвободном мире.

Основные черты глобализации

Каковы же общие свойства большинства представленных выше глобалистских моделей с точки зрения содержащихся в них социальных конструкций – матриц?

Всеохватность и комплексность изменений. Прежде всего, теория глобализации подчеркивает: акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных «траекторий» социальных изменений в тех или иных сферах, а на анализе взаимодействия этих изменений друг с другом, на их переплетении и взаимополагании.

Это подразумевает усиление внимания к пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальной всеохватности.

Противопоставление глобального и локального в области культуры, рассмотрение тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких «локальных» ценностей, как традиции, обычаи, привычки, практики местных сообществ и др. Короче, новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс отказа от «старого» идет быстро, решительно, зримо, а всякое

«новое» обладает, по мнению теоретиков глобализма, заведомым преимуществом, поскольку оно «глобальное».

Из этого в принципе следует, что именно *глобальное приобретает статус высшей нормативной ценности*. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости преодолевать все «ступени» вертикальной иерархии, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных процессах

Множественность культурных гибридов. Теории глобализации радикально изменяют наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась, по преимуществу, как нечто либо наследуемое, либо спускаемое «сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса «конфликтности». Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социокультурных гибридов» с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Примордиальные феномены и гражданское общество. В этом контексте своеобразный поворот получает и проблематика гражданского общества. Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся примордиальные (примитивные, свойственные первобытности) феномены, близкие по своему характеру к фрейдовскому *Id* и мидовскому *I*, проявляющие себя, например, в этничности (т.е. этнического происхождения, расы, как и пола), занимают все более важное положение в глобализируемых процессах и институтах.

Мозаичный набор социальных «типов» и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами – все это создает *глобалистско-постмодернистскую* картину социального мира.

Новая концепция рациональности. Глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках «современного общества» по контрасту с «постсовременным». Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, она предлагает образцы новой рациональности.

Рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое

частное проявление в теории мультикультурализма, т.е. в признании доминирования принципа полной мозаичности культурной «карты» той или иной региональной или профессиональной группы (Albrow, 1990; Global Modernities, 1995; Robertson, 1992; Stehr, 1994; Tiryakian, 1997; Wallerstein, 1995; Waters, 1995; и др.).

Противоречивая глобализация на российской почве

Что же происходит в России в XXI веке? В течение первых двух десятилетий внешне казалось, что новое состояние российского общества более или менее сбалансировано и по существу поддерживается структурами мировой глобализации. По умолчанию предполагалось, что Россия включилась в систему догоняющего развития, или модернизации, и будет наращивать свое движение по этому маршруту[14]. Казалось, весь мир развивается по схожим схемам, но со своими вариациями. Большинству исследователей представлялось, что Россия в этом смысле не исключение, а лишь *инвариант* общего состояния мирового сообщества.

Социальная реальность продемонстрировала большую сложность, нежели представлялось экономистам и социологам в 1990-е и начале 2000-х гг.

С одной стороны, активно реализуют себя большинство глобалистических тенденций в их яркой «гибридной» форме. Но, с другой стороны, активизируются процессы реанимации традиционалистских, досоветских и даже докапиталистических экономических и социальных отношений. Парадокс российской современности – в одновременном сосуществовании ультрасовременных и архаичных социальных моделей и практик.

Весьма примечательно, что культурные глобализационные гибриды, описанные выше, получили в России конца 1990-х гг. немалое распространение. Культурные гибриды реализуют себя и в социально-экономической жизни, соединяясь в симбиотические образования с архаическими моделями социального экономического взаимодействия.

В современной российской экономике – насыщенной новейшей техникой и инфокоммуникациями, – параллельно присутствуют многочисленные некапиталистические элементы, различные формы архаических экономических отношений, ведущих свое происхождение из первобытных и предклассовых стадий, что ставит

[14] См. ранний анализ pro et contra теории модернизации постсоветской России: *Федотова В.Г.* , 1997. Тж.: *Федотова В.Г.*, 2008.

под сомнение капиталистический характер российского общества и экономики (См.: Косалс, 2006; Тимофеев, 2000; Радыгин, 2004; Шляпентох, 2008).

Среди возрождающихся архаических форм экономического взаимодействия – дарообмен, блат и услугообмен, милитарное (силовое) присвоение, кабальничество и рабство, престижная экономика и многие другие, не просто присутствующие в современной России, но и образующие своеобразный общественный уклад. Некоторые из этих архаических структур присутствуют в экономике в качестве маргинальных, «пережиточных» явлений, но многие подобные модели стали активно влиять на экономическую жизнь не только России, но и самых, казалось бы, «прогрессивных» обществ.

Глобализация словно высвечивается изнутри парадоксами архаики. Именно на принципах архаической экономики, как выясняется, строятся модели теневой, коррупционной, нелегальной и неформальной экономической деятельности, о всплеске которой в последние десятилетия так активно говорят исследователи (Волков, 2002; Гилинский, 1996; Гуров, 1995; Клямкин, Тимофеев, 2000; Кошелев, 1999; Потемкин, 2000; Galeotti, 1996; Frisby, 1998; и др.).

Исследованиям архаических форм экономики «не повезло» в том смысле, что их не рассматривали в качестве «своих» ни экономисты, ни историки, ни культурные антропологи. Растворенность собственно экономических действий в море иной – культурной, ритуальной, религиозной, церемониальной, повседневной и бытовой практики – долгое время не позволяла этнологам вычленить экономическую этнологию в качестве особой субдисциплины.

Лишь в начале и середине XX в. начались систематические и целенаправленные полевые исследования социально-экономических отношений у народов, которые все еще продолжали оставаться на стадии доклассового общества (Д. Гудфеллоу, Р. Ферс, М. Херцковиц, Б. Малиновский, М. Мосс, Карл Поланьи (K. Polanyi)[15], Дж. Дальтон и М. Салинз, М. Годелье и др.).

В отечественной экономико-этнологической мысли наибольший вклад в исследование докапиталистических форм экономики

[15] Все большую известность труды и деятельность К. Поланьи (1886–1964) получают в России, хотя и гораздо медленнее, чем это предполагает значение фигуры исследователя. В 2004 г. общественность в России впервые широко отмечала сорок лет со дня смерти этого выдающегося антрополога и историка экономики, а также шестьдесят лет с момента выхода в свет его самой известной книги «Великая трансформация». В этом году – 50-летний юбилей этого издания (пер. на рус. яз.: Поланьи К., 2002).

внес Ю.И. Семенов, его теоретическое исследование экономической основы первобытного общества, а также азиатского способа производства (политаризма, в терминах ученого) открыло новую страницу в экономико-исторических исследованиях внеэкономического принуждения (Семенов, 2014; Семенов, 1993; Семенов, 2011).

Таким образом, лишь во второй половине XX в. в результате большой работы, проделанной в области экономической этнологии и экономической истории, стало очевидным и доказанным наличие особого рода экономических систем, которые, оставаясь экономическими, не выглядят и не являются системами рыночной экономики. Открытие же в науке универсального распространения в истории такой разновидности раннеклассовых систем, как *политарная*[16], привело к существенному изменению представлений и о советском обществе как об обществе социалистическом, а постсоветском обществе – как обществе, осуществляющем переход от социализма к капитализму.

Неклассические, некапиталистические формы экономики, проявляющие себя в современных социальных и экономических практиках, стали начиная с 1950–1960-х гг. предметом заинтересованного внимания зарубежных экономистов и социологов в силу широкого распространения в экономиках молодых развивающихся стран, а также в странах постсоветских, «транзитивных».

При этом выяснилось, что корни и природа неформальной экономики вырастают из архаических производственно-экономических отношений и чаще всего реализуются также в системе этих отношений (См.: Николаева, Vita nuova ..., 2005).

Не случайно таким популярным направлением в последние годы стала область изучения «экономики блата». «Блатообмен», как показали в свое время ряд исследователей (Клямкин, Тимофеев, 2000; Саттер, 2004; Леденева, 1997; Леденева, 1999; Леденева, 1998; Леденева, 2001; Леденева, 2006; и др.), строится особым образом: по каналам неформальных (персонально ориентированных) услугообменных связей движется поток ценностей, товаров, услуг, денег. Неформальная теневая «экономика блата» составила основу теневой экономики постсоветского времени: старые и новые услу-

[16] Политаризм, политарное общество – термин, введенный Ю.И. Семеновым для обозначения так называемого азиатского способа производства и азиатского типа общества, базирующегося на общеклассовой частной собственности государственного аппарата на средства производства (землю в архаических обществах) и личности непосредственных производителей («государственное рабство»).

гообменные связи стали каналами приватизации, персонализации корпоративной государственной собственности.

Специфической особенностью поздней советской, перестроечной и постперестроечной экономики стало резкое возрастание экономической роли родственно-семейных и дружественных связей, активное использование этих связей для решения частных экономических задач.

При этом удивительным образом обнаружилось сходство социально-экономических процессов, протекавших в постсоветских государствах и в странах, давно «строящих» развитой капитализм (странах Латинской Америки и др.).

«Десять лет назад, – констатирует экономист Эрнандо де Сото, – мало кто рискнул бы даже намекнуть на сходство между странами Варшавского блока и Латинской Америкой. Но сегодня они кажутся почти близнецами: мощная теневая экономика, вопиющее неравенство, вездесущие мафии, политическая нестабильность, бегство капитала и пренебрежение законом» (Сото, Эрнандо де, 2001, С. 211).

Многогранную картину социальных процессов в странах, которые вошли в этап глобализации, рисует М.Г. Делягин в главе 15.1 «Последствия сомализации России» уже упоминавшейся книги «Мировой кризис: Общая теория глобализации»: происходит «атомизация общества, брошенного государством, до уровня отдельной семьи..., а то и отдельной личности», расширяется социальный и нравственный вакуум, «распадаются межчеловеческие связи, которые, собственно, и образовывали это общество», «человек начинает жить в одиночку, в социальной системе, где, кроме него, устойчивы только властные структуры» (Делягин, 2003).

В результате этих процессов, пишет М.Г. Делягин, возникает эффект потери социальной и культурной идентичности, эффект кризиса самоидентификации, при которой человек перестает ощущать свою идентичность с обществом (там же). Общество в таких условиях скатывается к архаике, локализации, фрагментации, «феодализации» (Николаева, 2005; Шляпентох, 2008).

Парадоксальная глобализация

Ко второму десятилетию XXI в. глобализация вышла на новый уровень. Линейные схемы поступательного развития, «смерти истории», прежде доминировавшие в социальной теории, высвети-

лись внутренней парадоксальностью, сочетанием, казалось бы, несочетаемого, реанимацией феноменов давно ушедшего прошлого. Во весь голос заявила о себе девиантная гибридизированная культура, претендующая на роль базовой.

В этих условиях прежние ценности культуры российского общества (в мегаполисах и больших городах это особо заметно) явно оттесняются на обочину и превращаются в субкультурные анклавы, не связанные друг с другом. Там они, возможно, не исчезнут окончательно, а станут основой различных субкультур, своего рода постмодернистской экзотикой, зоопарком доглобализационного периода. Соответственно будут существовать и замкнутые сообщества (группы), их поддерживающие (по аналогии с «монастырской парадигмой» Т. Роззака). Экономические процессы глобализации будут своеобразно преломляться в культурных и повседневных практиках.

Теснейшая взаимосвязь и даже взаимопроникновение новейших капиталистических и докапиталистических экономических отношений в развивающихся и трансформирующихся обществах – важнейший признак периферийного капитализма, проявляющего свои черты в эпоху глобализации по-новому. Распространенный в свое время в экономической и социологической науке тезис, согласно которому глобализация, распространяясь вширь, «расчищает» от прежних напластований экономическое и социальное пространство, на котором автоматически бурно будут произрастать современные капиталистические отношения, – не подтвердился.

Как показывают исследования, в периферийных странах капиталистический способ производства и докапиталистические способы производства оказываются не в *антагонистических*, а в *симбиотических* отношениях: капиталистические отношения, проникая в эти страны, не вытесняют, а втягивают, вбирают в себя докапиталистические отношения, а докапиталистические отношения в этих странах трансформируются и интегрируются в капитализм. Поэтому совмещение, сочленение (articulation) капиталистических и докапиталистических отношений принадлежит к числу тех особенностей периферийного капитализма, которые отличают его от капитализма метрополии, от капитализма Центра (от ортокапитализма, в терминах Ю.И. Семенова).

Все это делает особенно ценным знание о механизмах и закономерностях функционирования докапиталистических экономических систем, элементы которых продолжают воспроизводиться в современных экономических системах, существующих уже в условиях единого мирового экономического пространства, в условиях

глобализации. Таким образом, выясняется, что современная экономика включает в качестве своих составных частей чуть ли не все исторически существовавшие экономические структуры прошлого, которые современные теоретики чаще всего не воспринимают как экономические.

Возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия, но не только в виде создания разного рода депозитариев памятников и документов культуры (хотя и их тоже), а прежде всего в качестве «хранилищ» живых ценностей, в том числе и в их деятельностных вариантах. Этому могут служить различные микрообщественные организации, группы, движения и т.д., которые создают свои сети взаимного общения, хотя и не находящиеся на авансцене трансформирующегося социума.

В отечественной литературе не обсуждалась идея особого «испытательного» и экспериментального характера современной российской культуры под углом зрения глобалистских подходов. Мы же полагаем правомерность такого подхода, хотя бы как гипотезы, что позволило бы по-иному оценить, происходящие в России в области культуры и, в частности, в контексте общемировых трендов. Под таким углом зрения Россия предстает не как отсталая и почти «варварская» периферия высококультурного Запада, но как социум, в котором имеет место предвосхищающее развитие глобальных тенденций, сколь бы настораживающими они ни были.

В этой большой картине мира проблемы Ближнего Севера могут показаться малозначительными. Это, однако, не так. Малые общности, локальности не только отражают глобальные процессы, но и генерируют их в своих «клетках». Взаимодействие больших уровней и микрообщностей носит характер обмена, обратной связи, циркуляции ресурсов и потоков миграции.

Согласно крылатой фразе писателя Ричарда Баха, сегодня в мире there's no such a place as far away («нет такого места – «далеко») (Richard Bach, 1998). Продолжая эту мысль, можно сказать, что в современном мире, по большому счету, there is no such a person who's far away.

Российская северная деревня и ее жители – полноправные субъекты мировых процессов. Правда, эта глобальная полноправность далеко не всегда реализуется в конкретике их повседневной жизни, в их экономических и гражданских правах. И тем не менее, решение насущных задач экономического и социального развития Ближнего Севера в значительной мере возможно с учетом тенден-

ций видоизменения мировой системы в целом, а не на пути отдельных решений отдельных вопросов.

Литература

1. *Арин О.А.* (Алиев Р.Ш.) Мир без России. – М.: Изд-во Эксмо, 2002.

2. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.

3. *Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А.* Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / под ред. М.Г. Делягина. – М.: ИНФРА-М, 2000.

4. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: пер. с англ. – СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001.

5. *Валлерстайн И.* Глобализация или переходная эпоха: Глобальный взгляд на долгосрочное развитие мировой системы // Красные холмы. М., 1999.

6. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI в.: пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.

7. *Валлерстайн И.* После либерализма: пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

8. Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетея, 2013. – 232 с.

9. Виртуализация межуниверситетских научных коммуникаций: методы, структура, сообщества / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Издательство Сообщества профессиональных социологов, 2010.

10. *Волков В.* Силовое предпринимательство. – СПб., М., 2002.

11. *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004.

12. *Гилинский Я.* Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб., 1996.

13. *Гуров А.* Красная мафия. М., 1995.

14. *Делягин М.Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003.

15. *Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. Серия «Размышляя о марксизме». 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005.

16. *Кагарлицкий Б.Ю.* От империй – к империализму. – М.: Издательский дом ГУ – Высшей школы экономики, 2010.

17. *Кагарлицкий Б.Ю.* Политология революции. – М.: Алгоритм, 2007.

18. *Кастельс М.* Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 64–83.

19. *Клямкин И.* Теневой образ жизни: социологический автопортрет постсоветсткого общества. – М., 2000.

20. *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. – М., 2000.

21. *Косалс Л.* Клановый капитализм в России / Неприкосновенный запас, № 6(50), 2006.

22. *Кошелев М.И.* Беспредел: Философско-трансдисциплинарный очерк. М., 1999.

23. *Леденева А.* Неписаные правила («Unwritten Rules»). Centre for European Reform, 2001.

24. *Леденева А.* Как все устроено в России («How Russia Really Works»). Cornell University Press, 2006.

25. *Леденева А.* Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. С. 111–124.

26. *Леденева А.* Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность // Pro et Contra, 1997, Т. 2, № 4. – С. 113–124.

27. *Леденева А.* Российская экономика одолжений: блат, связи и неформальные обмены («Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange»), Cambridge University Press, 1998.

28. *Медведев В.А.* Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее России. – М.: Альпина Паблишер, 2003.

29. *Николаева У.Г.* Vita nuova архаических экономических отношений: Загадки современной российской неформальной экономики. – М.: «Дашков и Ко», 2005.

30. *Николаева У.Г.* За кулисами. Современная неформальная экономика и архаические экономические отношения: вопросы теории // Российское предпринимательство. – М., 2005. – № 9.

31. *Николаева У.Г.* Неформальная экономика и актуализация архаических отношений: теоретико-методологический анализ // Предпринимательство. – М., 2005. – № 4.

32. *Николаева У.Г.* Экономическая архаика и современность. М., 2005.

33. *Покровский Н.Е.* В зеркале глобализации // Отечественные записки. 2003. №1.

34. *Покровский Н.Е.* Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Город и село: перспектива структурного воссоединения. М., СоПСо, 2004.

35. *Покровский Н.Е.* Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты // Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2005.

36. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.

37. *Потемкин А.* Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие: Россия. Порог XXI в. Экономика. – М., 2000.

38. *Радыгин А.* Россия в 2000–2004 гг.: на пути к государственному капитализму? / Вопросы экономики. 2004. №4.

39. *Ритцер, Дж.* Макдоналдизация общества 5 / пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Т.А. Дмитриева. – М., 2011.

40. *Саттер Д.* Тьма на рассвете: Возникновение криминального государства в России. М., 2004.

41. *Семенов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: Философско-исторические очерки. – М.: Эдиториал УРСС, 2011.

42. *Семенов Ю.И.* Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – М.: КРАСАНД, 2014.

43. *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. – М.: «Академический проект», 2014.

44. *Семенов Ю.И.* Экономическая этнология: Первобытное и раннее предклассовое общество // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX (Экономическая этнология). Кн. 1. Ч. I–III. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993.

45. *Симония Н.А.* Глобализация и неравномерность мирового развития // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 25–36.

46. *Сото, Эрнандо де.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. С. 211.

47. Справедливая глобализация: Создание возможностей для всех. Доклад Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации. – Женева, 2004.

48. *Тимофеев Л.М.* Институциональная коррупция: Очерки теории. – М., 2000.

49. *Уоллерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1995. № 5.

50. *Федотова В.Г.* Глобальный капитализм: три великие трансформации: (социально-филос. анализ взаимоотношений экономики и общества) (в соавт. с В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой). М.: Культурная Революция, 2008.

51. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М., 1997.

52. *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. – М.: Столица-Принт, 2008.

53. *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. – М., 2008.

54. *Albrow M.* The Global Age. Stanford, 1997.

55. *Aron R.* La paix et la guerre entre les Nations. P.: CalmannLevy, 1984.

56. *Dennis Smith.* Globalization: The Hidden Agenda. Polity Press, Cambridge, 2006.

57. *Don Heider.* Living Virtually: Researching New Worlds. New York, Peter Lang Publishing, Inc., 2009,

58. Entering the 21th Century. World Development Report 1999/2000. NY: Oxford University Press, 1999, p. 2, 8.

59. *Featherstone M.* (ed.). Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. London, Sage, 1990.

60. *Francis Fukuyama.* The End of History? / The National Interest (Summer 1989).

61. *Frisby T.* The Rise of Organized Crime in Russia: Its Roots and Social Signification // Europe-Asia Studies, 1998. Vol. 50. No. 1.

62. *Galeotti M.* Mafiya: Organized Crime in Russia // Jane's Intelligence Review / Special Report. June 1996. No. 10.

63. *Gerd J.* Global Cooperation or Rival Trade Blocs? – J. Of World-Systems Research, 1995. V. 1. No. 9.

64. *Giddens A.* Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. London, 1999.

65. Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture and Society. Special Issue. Ed. Mike Featherstone. 1990.

66. Global Modernities. Ed. By M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, Sage, 1995.
67. Globalization: Basic Text. Ed. By George Ritzer. Hoboken, New Jersey, 2010.
68. Readings in Globalization: Key Concepts and Major Debates. By George Ritzer and Zeynep Atalay. Hoboken, New Jersey, 2010.
69. *Leslie Sklair*. Competing Conceptions of Globalization. – Journal of World-System Research. Vol. 5. № 2 (Spring 1999), p. 142.
70. *Marshall McLuhan*. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man, 1962.
71. *McLuhan M., Fiore Q.* War and Peace in the Global Village. – N.Y.: Bantam, 1968.
72. Modernity and its Futures: Understanding Modern Societies, Book IV. Tony McGrew, Stuart Hall, David Held (eds.). Cambridge, Polity Press, 1992.
73. *Paul Hirst and Grahame Thomson*. Globalization in Question. The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press, 1996.
74. *Paul Kennedy*. «The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000» (1987).
75. *Pokrovsky N.E.* Globalization and Conflict: Pitirim Sorokin and Post-Modernity // Return of Pitirim Sorokin. Ed. by S. Kravchenko and N. Pokrovsky / Moscow, International Kondratieff Foundation, 2001.
76. *Ranveig Gissinger, Nils Petter Gleditsch*. Globalization and conflict: Welfare, Distribution, and Political Unrest. – Journal of World-systems Research. Vol. 5, No 2 (Spring 1999).
77. *Richard Bach*. There's No Such Place as Far Away. Random House Publishing Group, 1998.
78. *Ritzer G*. The McDonaldization Theses. Lnd, 1998.
79. *Ritzer G*. The Globalization of Nothing. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2004.
80. *Ritzer G*. The Globalization of Nothing 2. London, Sage, 2007.
81. *Robertson R.* Glocalization. Social theory and global culture. London, Sage, 1992.
82. *Sklair L.S.* A Sociology of the Global System. London: John Hopkins University Press, 1991.
83. *Sklair L.S.* The Sociology of Progress. Routledge Chapman & Hall, 2007.
84. *Stehr N.* Knowledge Societies. London, Sage, 1994.
85. *Stehr N.* Moral Markets. How Knowledge and Affluence Change Consumers and Producers (Paradigm Publishers, 2008.
86. *Stehr N., Grundmann R.* The Power of Scientific Knowledge. From Rsearch to Public Policy. – Cambridge University Press, 2012.
87. The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization. Vol. 1–5, Hoboken, New Jersey, 2012.
88. *Thedore Levitt*. The Globalization of Markets // Harvard Business Review, May 1983.
89. *Tiryakian E.* The Wild Cards of Modernity // Daedalus, Spring, 1997.
90. *Wallerstein I.* Unthinking Social Sciences. London, 1995.
91. *Waters M.* Globalization. Lnd-NY, 1995.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К 15-летию Угорского проекта

Исследование и моделирование социально-экономических процессов в регионе Ближнего Севера России, дающих перспективу устойчивого развития этих территорий в условиях постиндустриальной экономики с опорой на рациональное использование природного капитала и развитие сельских сообществ, предпринято коллективом ученых, представляющих различные направления социальной науки – социологию, социальную географию, экономику, экологию, демографию, социальную психологию. Изучение базируется на использовании современных социологических, экономических и социально-географических методов, позволяющих определить на ранней стадии тенденции возможного возрождения этого региона с особым акцентом на использование экологического капитала и экосистемных услуг.

Моделирование возможных сценариев выхода Ближнего Севера России на поступательное и устойчивое развитие предпринято в контексте изучения современной постиндустриальной экономики, мониторинга актуальных тенденций миграционных процессов, связанных с расширением использования населением новейших технологий и инфокоммуникаций.

В Угорском проекте делается особый акцент на изучении развития инфокоммуниаций в качестве носителя новых форм профессионального труда и новой культуры, способствующих новым тенденциям взаимосвязи городов и сельской местности и миграции населения из крупных городов.

В проекте разрабатывается фундаментальная научная задача изучения перспектив возможного устойчивого развития сельских районов и сельских сообществ Ближнего Севера России в условиях современной постиндустриальной экономики. Рассматриваются модели адаптации советских крупноплощадных форм освоения территории к новым очаговым формам с использованием конструктивных элементов традиционных видов деятельности и новых технологий. Особый акцент делается на рассмотрении новых форм поселений в сельской местности, состоящих из сельских жителей и представителей городского среднего класса, профессионально работающих в удаленном доступе и образующих новые сообщества. Показываются возможные перспективы возрождения Ближнего Севера при условии использования природного капитала и предоставления экосистемных услуг, что в свою очередь стимулирует развитие местной экономики, особенно сельского хозяйства, а также других отраслей экономики.

Исследуются новые явления дезурбанизации и дауншифтинга, заявляющие о себе в условиях кризиса мегаполисов и способствующие (в перспективе) возрождению поселенческих образований на Ближнем Севере России. Социально-экономические проблемы сельских сообществ российского Ближнего Севера могут получить свое решение только в контексте инновационной экономики и модернизированных форм ведения хозяйственной деятельности. Возврат к прежним видам экономической деятельности (экстенсивные капиталовложения и обезличенное финансирование убыточных проектов) приведут к дальнейшей депопуляции населения. Процесс умирания деревень и малых городов может быть остановлен исключительно на основе применения наисовременнейших методов оценки и моделирования реальных экономических и людских ресурсов исследуемого региона. К их числу относится научно обоснованное перепрофилирование хозяйственной деятельности и выявление ресурсов (прежде всего природных), способствующих более эффективному использованию имеющегося трудового потенциала в сельской местности (с учетом отходников) и привлечению новых кадров, обладающих современной профессиональной подготовкой. Приход в сельские поселения новой категории жителей – представителей городского среднего класса, постепенно осваивающих сельскую местность в качестве постоянного/маятникового места жительства с использованием удаленной работы, фактически указывает на возможную миграцию высокообразованного городского населения в экологически чистые природные зоны, обладающие современной инфраструктурой.

Один из стереотипов восприятия поступательного развития экономики и социальной структуры в сельской России состоит в том, что различные формы экономической деятельности и формирующаяся социальная структура должны захватывать все большие пространства, насыщая их хозяйственной деятельностью и разрастающимися поселениями. Говоря проще, экономика и социальная структура призваны расти экстенсивно: всего должно быть больше, по известному принципу «big is beautiful». В этом нередко видится чуть ли не универсальный признак здоровья общества. Но будет ли это верным в применении к современному Ближнему Северу России?

Развитие экономики и поселений привело к освоению территорий и насыщению их экономической деятельностью, прежде всего сельским хозяйством. Колхозы и совхозы-гиганты распахивали большие территории, получая низкие урожаи, и увеличивали, невзирая на высокие затраты, производство мясомолочной продукции. Леспромхозы разрабатывали лесные ресурсы, наполняя пространство лесовывозными дорогами и пилорамами. К этому подтягивалась и остальная инфраструктура в виде разрастающейся сети поселений, учреждений культуры, здравоохранения, торговли и пр. В настоящее время возникают новые форматы экономики и социальной структуры; в рамках Угорского проекта они получили наименование «очаговых».

В нашем понимании «очаговая» экономика и социальная структура исходят не из тотального покрытия территорий и поддержания поселений любой ценой, а из возникающих центров (очагов) экономически выгодной деятельности, которая «точечно» (фокально) воссоздает социальную структуру, обновляет и поддерживает убывающее население и порождает новые или обновленные поселения. Территориальное освоение и восстановление происходит ровно настолько, насколько это экономически рационально. В этом смысле «очаговый» означает реально растущий, рациональный, ограниченный потребностями экономической деятельности, мобилизующий трудовые ресурсы соответствующей квалификации.

В связи с этим важной целью проекта стало исследование специфики социально-экономических процессов в Костромской области, прежде всего в сельской местности, с позиций устойчивости развития региона. Эти процессы могут и должны включить регион в новую российскую экономику в зависимости от накопленного в нем потенциала устойчивости, который позволит выжить и трансформироваться в современных условиях.

Для поступательного развития многим северным районам России необходим переход от монофункционального сельского или лесного хозяйства к многофункциональной деятельности, учитывая социальные и экологические аспекты. Многофункциональность предусматривает диверсификацию деятельности, широкое развитие ее несельскохозяйственных видов, различных видов несельскохозяйственного бизнеса. Такое развитие несельскохозяйственной деятельности является важным источником поддержания устойчивости развития сельской местности, занятости и доходов сельского населения.

Значение многофункциональности было существенным всегда – в силу сезонности аграрного труда и невозможности обеспечить интенсивную круглогодичную занятость работников в сельском производстве. В будущем роль несельскохозяйственной деятельности еще более возрастет по мере сокращения удельного веса сельхозпроизводства в местной экономике.

Для Костромской области к основным направлениям развития несельскохозяйственной деятельности, многие виды которой уже существуют, можно отнести:

- сельский и экологический туризм;
- заготовку и переработку дикорастущих плодов и ягод, лекарственных растений и другого природного сырья;
- ресурсосберегающие (с учетом сохранения биоразнообразия) охоту и рыболовство и обеспечение связанных с ними услуг;
- бытовое и социально-культурное обслуживание местного и сезонного («маятникового») городского населения;
- заготовку древесины и деревообработку, производство строительных материалов и строительство;
- хранение, переработку и сбыт экологически чистой сельскохозяйственной продукции (прежде всего для обеспечения регионального спроса);
- сельскую торговлю и пр.

Важной целью Угорского проекта стала оценка потенциала устойчивости Костромской области в условиях современной трансформации российского Севера в целом. Здесь важно оценить три вида факторов развития (или, говоря экономическим языком, – три вида капитала): человеческий, физический, природный. Если первые два вида капитала и их вклад в общую устойчивость достаточно хорошо изучены в теории и на практике, то системный анализ природного капитала в стране практически не проводится. Эта проблема, впрочем, характерна и для большинства зарубежных исследований. Во многом это связано с недооценкой эконо-

мической теорией природного капитала как в мире, так и в нашей стране. Обычно рассматривается только одна функция природного капитала – ресурсообеспечивающая (земля, вода, лес и т.д.). Такой подход существенно занижает оценку природного потенциала региона. Как показывают последние исследования в этой области в мире, важно оценивать по крайней мере еще три функции: 1) экологические (экосистемные) услуги по поддержанию экологической устойчивости, 2) «духовные» услуги природы (эстетические, культурные, исторические, этические и другие аспекты), 3) обеспечение здоровья человека.

Костромская область – лидер в Центральном федеральном округе по всем показателям, связанным с лесной компонентой природного капитала. Территория, покрытая лесом, сопоставима только с Тверской областью и в два раза больше Московской области. Вне конкуренции находится область по показателю лесистости (74%); по Центральному округу этот показатель составляет всего 35%, по стране – 46%. Также Костромская область делит лидерство с Тверской по общему запасу древесины на корню, что важно для ее экономического развития.

Очевидно, что потенциал Костромской области по обеспечению всех четырех функций природного капитала огромен. Для экономической оценки этих функций можно использовать разный экономический инструментарий. В частности, перспективен подход «готовность платить», тесно связанный с социологическими исследованиями. Здесь конструктивно использование методик, связанных с различного рода затратными подходами, методов «транспортно-путевых затрат», «гедонистического ценообразования» и др.

По экспертным оценкам, в Мантуровском районе Костромской области сезонная миграция составляет 30–50% от численности населения района. Приезжие ежегодно тратят сотни тысяч рублей (покупка, строительство и поддержание домов, покупка продовольствия и товаров, транспортные расходы и пр.) для удовлетворения своих потребностей в рекреационных и «духовных» услугах природы, поддержания здоровья и пр. То есть сохранение природы и ее «несельскохозяйственные» функции имеют реальную и очень высокую экономическую оценку.

В наши дни Ближний Север России живет в судьбоносную эпоху. Социальное пространство Ближнего Севера сжимается и словно стягивается концентрическими кругами вокруг областных центров, увеличивая при этом объемы социального вакуума, незаполненного пространства, постепенно занимаемого мутирующими природными формами.

Наряду с этим обозначила себя и совершенно иная, противоположная тенденция. Она связана с расширением миграции жителей крупных городов, прежде всего мегаполисов, в сельскую местность. В рамках Угорского проекта показано, что рассмотрение перспектив развития современной сельской местности, даже удаленной, без учета сезонного («дачного») населения уже неправомерно. Сезонное городское население на селе не позиционируется в местной жизни как чужеродный элемент, горожане активно в ней участвуют.

Экстенсивное развитие российских мегаполисов, в нашем случае прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга, выявило серьезные социальные вопросы, которые прежде не в полной мере принимались во внимание. Речь идет о росте социальных проблем, определяющих конечный уровень качества жизни в городах. В одном ракурсе Москва и Санкт-Петербург предстают в виде процветающих мегаполисов, имеющих весь набор таких социальных аттракторов, как богатая и комфортная («элитная») жилая застройка, торговые сети мировых брендов, лучшие рестораны, медицинские учреждения и прочие реквизиты жизненного стиля высших классов.

В другом ракурсе качество жизни в мегаполисах определяется и такими параметрами, как ухудшающаяся экологическая обстановка, рост уличной и иной преступности, неразрешимость транспортной ситуации, замедляющей и снижающей до минимума внутригородскую мобильность, повышение конфликтогенности социальных и межэтнических отношений. Характерно при этом, что в социальном плане преимущества проживания в мегаполисе сполна относятся в основном к высшим классам. В то время как проблемность жизни в мегаполисе относится ко всем его социальным слоям без исключения. Иными словами, факторы повышения качества жизни реализуют себя для существенно меньшей части городских жителей, а факторы понижения качества жизни воздействуют на всех без разбора жителей мегаполиса.

Негативное восприятие города превращается в перспективе в солидаризирующую силу, объединяющую большинство жителей. Еще более кратко: в принципе, в идеале покинуть город (но, естественно, сохранить работу) хочет все большее и большее число горожан. Это со всей остротой ставит вопрос о позитивной программе возможных действий.

На Ближнем Севере России, в том числе в Костромской области, обозначает себя пока еще точечный переход от сезонной дачной миграции к миграции оседлой, связанной не только с летней рекреацией, но и с производственной всесезонной деятельностью

в рамках современных технологий. Городские жители ищут в экологически благоприятных локализациях на Ближнем Севере то, в чем им отказывает мегаполис.

Современные формы труда в сфере информационных и интеллектуальных технологий изначально носили и носят экстерриториальный характер. «Информационщикам» безразлично, в какой точке находится их рабочее место, им важно иметь точку подключения к сети, портал входа в гиперпространство и необходимое социально-инфраструктурное обустройство. В этом смысле «негативный мегаполис» естественным образом выталкивает из своей среды достаточно большие массы представителей новых растущих профессиональных групп.

Для представителей этих групп качество жизни уже не определяется целиком и исключительно аттракторами негативного мегаполиса. Напротив, задача состоит в том, чтобы нейтрализовать этот негатив путем пространственной миграции в другую, природно-физически и социально дружественную среду. В перспективе развития этого тренда перед Ближним Севером России открываются новые возможности. Во многом они могут иметь историческое значение. Экологически чистые, ландшафтно привлекательные и вместе с тем транспортно доступные районы Тверской, Новгородской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Архангельской областей уже обозначили свою новую социально-экономическую роль, а именно – превращение в зоны вторичного заселения выходцами из мегаполисов, ставящими во главу угла высокое экологическое качество жизни в соответствии со стандартами постиндустриального общества.

Этот миграционный тренд, фиксируемый пока еще в основном специалистами-социологами, между тем, требует к себе пристального внимания. Новые формы миграции и формирующаяся на их основе экономика, естественно, не могут и не должны замещать другие формы традиционной экономической деятельности. Но и недооценивать новый тренд тоже было бы неверно.

Ближний Север разнообразен, перспективен, многообещающ. Он требует вдумчивого и рачительного отношения к себе на основе научно обоснованных решений и моделей. Таков генеральный тезис Угорского проекта.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышева Светлана Леонидовна – младший научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Басанец Лариса Павловна – кандидат географических наук, консультант ООО Центр экологических путешествий «Зеленая сеть»

Баскин Леонид Миронович – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Бобылев Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры природопользования экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академик РАЕН и Российской экологической академии

Бобылева Алла Зиновьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового менеджмента факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Давыдов Сергей Геннадьевич – кандидат философских наук, заместитель декана по учебной работе факультета медиакоммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Денисенко Михаил Борисович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор, заместитель директора Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Дроздов Александр Владимирович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Зайцев Виталий Анатольевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Кашницкий Илья Савельевич – магистрант направления «демография» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кирия Илья Вадимович – кандидат филологических наук, PhD, заведующий лабораторией медиаисследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мкртчян Никита Владимирович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Николаева Ульяна Геннадьевна – доктор экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения проблем народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Новикова Анна Алексеевна – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник лаборатории медиаисследований факультета медиакоммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Плюснин Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор факультета государственного и муниципального

управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, ординарный профессор, заведующий кафедрой общей социологии факультета социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Попова Ирина Викторовна – доктор социологических наук, доцент кафедры психологии и социологии, профессор кафедры менеджмента и права Костромской государственной сельскохозяйственной академии

Преображенская Екатерина Сергеевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Ситкина Кира Сергеевна – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Слободской-Плюснин Ярослав Юрьевич – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН

Соловьева Софья Валентиновна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН.

Чумакова Варвара Павловна – аспирант, стажер-исследователь Лаборатории медиаисследований Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Научное издание

ПОТЕНЦИАЛ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА:
ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

К 15-летию Угорского проекта

Коллективная монография

Редактор *.*. *****
Корректор *.*. *****
Компьютерная верстка *Ю.В. Халфиной*
Оформление *А.В. Ероховой*

Подписано в печать 28.05.2014. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 30,75.
Тираж 1000 экз. Заказ №

По вопросам приобретения и издания литературы обращайтесь:

111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31
Тел.: (495) 981-51-12, 955-78-30
Электронная почта: universitas@mail.ru
Дополнительная информация на сайте: www.logosbook.ru